

Дафна Дю Морье
Дух любви

Annotation

Первый роман Дафны Дю Морье (1907—1989), посвященный истории четырех поколений семьи моряков и корабелов Кумбе, окутан возвышенно-романтическим ореолом, характерным для творчества этой известной английской писательницы.

- [Дафна Дю Морье](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)

- [Глава четырнадцатая](#)
- [КНИГА ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
- [КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
- [От переводчика](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
-

Дафна Дю Морье
Дух любви

КНИГА ПЕРВАЯ

Джанет Кумбе

1830-1863

*Боязни в сердце нет,
Хоть грозный ураган весь мир крушит с размаха:
Как некий дивный свет,
Сияет вера мне – оружие против страха.
Все прочее – слова.
В ней истина и суть, и жизнь, а все иное —
Пожухлая трава,
Тщета и пенный след за грозною волною.
Видна граница мглы
И света бесконечность
С незыблемой скалы,
Которой имя – вечность.*

Эмили Бронте

Глава первая

Джанет Кумбе стояла на холме над Плином и смотрела вниз на гавань. Солнце давно взошло, но утренний туман еще окутывал маленький город, придавая ему сказочное очарование, словно некий призрак благословил его своим прикосновением. Влекомая отливом вода покидала гавань и сливалась с невозмутимо гладкой поверхностью моря. Ни единое заплутавшее облако, ни единый порыв случайно налетевшего ветра не нарушали безмятежной красы молочно-белого неба. Одинокая чайка, распластав широкие крылья, на мгновение застыла в воздухе, затем с неожиданным криком нырнула вниз и утонула в клубящемся над морем тумане. Джанет Кумбе казалось, что этот холм и есть ее истинный мир, маленькая планета, где для нее нет никаких тайн, место, где рассеиваются тревожные мысли и томления сердца, а душа обретает покой и исцеление. Белесый туман скрыл под собой все повседневные заботы и сомнения, а с ними и мелкие обязанности и однообразные дела простого люда. Здесь, на вершине холма, не было ни тумана, ни призрачных теней и лучи утреннего солнца струили ласковое тепло.

Здесь была свобода, которой так не хватало в Плине, свободой дышали само небо и море, как дышат ею веселое кружение осенних листьев и робкое трепетанье птичьих крыл. В Плине приходилось все время выполнять чьи-нибудь поручения, с утра до вечера заниматься работой по дому, помогать здесь, помогать там, ободрять близких приветливым словом, и боже упаси ждать его в ответ. Вскоре ей предстоит стать женщиной – так сказал священник. Возможно, это ее изменит. Ее ждут горести и новые радости, но если в ней живет вера в Бога, Отца нашего небесного, то в иной жизни она познает мир и узрит небеса. Надо следовать этим праведным словам, пусть дорога к небесам и кажется такой трудной и длинной и многие из ступивших на нее пали в пути и погибли за свои грехи.

Конечно, священник говорил правду, хоть и словом не обмолвился о многих прекрасных вещах, дорогих ее сердцу. Один лишь Бог достоин великой любви. Здесь, на холме, важные овцы холодными ночами, чтобы согреться, спали, прижавшись друг к другу, и мать оберегала малышей от вороватой лисы, которая таится в тени кустов, – даже высокие деревья тянутся друг к другу ветвями, ища утешения.

Но ни одно из этих существ не знает любви к Богу – так сказал

священник.

Возможно, ему неведома истина о каждой птице, звере или цветке, неведомо, что они так же бессмертны, как люди.

Джанет опустилась на колени около ручья и коснулась пальцами бледно-желтой примулы, одиноко растущей у самой воды. С ветки над головой Джанет с криком взлетел дрозд, осыпав ее голову белыми лепестками. Пламенеющие в лучах солнца кусты утесника наполняли воздух сладким запахом меда и свежей росы.

Сегодня Джанет Кумбе идет под венец. Ее матушка уже готовит стол к приему гостей, а сестры с благоговейным трепетом раскладывают на кровати подвенечное платье. Скоро зазвонят колокола Лэнокской церкви и они с кузеном Томасом, ее дорогим нареченным, встанут у алтаря и соединят свои жизни пред взором Всевышнего. Томас, с подобающей почтительностью опустив глаза, будет слушать слова священника, но она сама, Джанет это хорошо знала, взглядом последует за солнечным лучом, льющимся в окно церкви, а сердцем умчится к безмолвным холмам.

Обряд венчания покажется ей таким же смутным и нереальным, как окутанный утренним туманом Плин, и она при всем желании не сможет заставить себя слушать священника, поскольку будет совсем в другом месте. Это не отзывается на призыв священника ее душа, грешная и заблудшая, какой она была всегда, с самого детства, с тех пор, когда малютка Джанет сидела на материнских коленях.

Ее благонравные сестры исправно ходили в школу, прилежно учились шить и читать, она же прогуливала занятия, убегая на берег за гаванью. Подолгу стояла на высоких осыпающихся скалах или в развалинах старого Замка и следила за бурными парусами Пенливинских люггеров,^[1] скользящими на далеком горизонте.

«Господи, пожалуйста, сделай меня мальчиком, пока я еще не выросла», – молила крохотная девочка с кудрявыми волосами до плеч. Мать бранила ее и даже наказывала за буйные мальчишеские повадки, но все было напрасно. Ей бы следовало поберечь розги для других целей.

Она выросла высокой и стройной, как юноша, у нее были крепкие руки, бесстрашный взгляд и любовь к морю в крови. Но при всем том душой она была девушка, с нежностью относилась к животным и всем слабым, беззащитным существам, придирчиво следила за своей одеждой, никогда не забывала приколоть к корсажу цветов и расчесать черные волосы так, чтобы они не закрывали лоб. По воскресным дням мужчины поджидали ее у ворот отцовского дома с предложениями прогуляться к скалам, они стояли, неуклюже перебирая пальцами, потупив свои глупые

бараньи глаза и едва ворочая языком. Но Джанет лишь смеялась в ответ и озорно вскидывала голову.

Разумеется, она была не прочь погулять с парнями, когда могла бегать вместе с ними, перепрыгивать через живые изгороди – ей нравилось, когда те восхищались ее сноровкой; но на виду у всей округи чинно ходить, держась за руки, как парочка влюбленных... Скоро она обвенчается, у нее будет муж, дом, за которым надо присматривать, неудобная длинная юбка вокруг ног и опрятный, респектабельный капор на голове.

Ей нужен мужчина, а не увалень-подросток, от которого слова дельного не дождешься и который не способен ни на что лучшее, как вертеться вокруг тебя в надежде на нежный взгляд и ласковое слово. Так рассуждала Джанет, когда ей минуло восемнадцать лет и когда ее сестры только и думали что о лентах в волосах да поверх псалтири засматривались в церкви на мужчин.

Джанет с презрением относилась к их уловкам, хоть и сама не с большим вниманием слушала слова священника – ведь мысли ее уносились за море, туда, где корабли плыли под парусами в чужие земли и дальние страны.

Она часто забредала на корабельную верфь у подножия Плинского холма за гаванью. Хозяином верфи был ее дядюшка; она была еще невелика, но быстро развивалась и росла с каждым годом. К тому же дядюшке помогал его трудолюбивый племянник, молодой Томас Кумбе, троюродный брат Джанет.

Кузен Томас был серьезным, основательным молодым человеком, ездил учиться в Плимут, и его спокойные, сдержанные манеры произвели должное впечатление как на дядю, так и на ленивых бездельников, работавших на верфи.

Возможно, недалеко то время, когда фирма займется более сложными и серьезными работами, чем строительство рыбацких люгтеров. Молодой Томас станет партнером владельца, и после смерти дядюшки дело перейдет к нему.

Он был статный мужчина, этот кузен Томас, умел поговорить и, уж если на то пошло, довольно хорош собой. На ухаживания и прогулки к скалам по воскресеньям у него не было времени, но, несмотря на это, Джанет ему приглянулась, и он нередко подумывал про себя, что из нее выйдет прекрасная жена, достойная спутница жизни для любого мужчины.

И молодой Томас стал по вечерам наведываться в их дом поговорить с отцом и матерью Джанет, но мысли его тем временем были заняты ею.

Ему виделась дом на склоне Плинского холма, увитый плющом, с

окнами на гавань, и Джанет, которая с малышами на коленях ждет его возвращения с работы.

Он ждал целый год, прежде чем открыться Джанет, ждал, пока она не признает его за члена своей семьи, не почувствует к нему доверия, а также и уважения.

Вскоре после того, как ей исполнилось восемнадцать лет, он сказал ее отцу и матери о своем желании видеть Джанет своей женой. Они были очень довольны, ведь Томас быстро завоевывал положение в Плине, а о таком честном и умеренном в привычках зяте любые родители могли только мечтать.

Однажды вечером он пришел к ним и спросил, нельзя ли поговорить с Джанет наедине.

По лестнице она спустилась бегом, в опрятном платье, сколотом на груди брошкой; ее темные волосы были расчесаны на прямой пробор.

– Ах, кузен Томас, – воскликнула она, – вы сегодня так рано, и ужин еще не готов, да и компанию вам кроме меня некому составить.

– Да, Джанет, – спокойно ответил Томас, – и пришел я по одному делу, с вопросом, который хочу задать именно вам.

Джанет вспыхнула и бросила взгляд на окно. Не об этом ли деле несколько дней назад украдкой шепнули ей сестры, а она рассмеялась и велела им замолчать.

– Говорите, кузен Томас, – сказала она, – может быть, мне будет не слишком трудно вам ответить.

Тогда он взял Джанет за руку и подвел ее к стулу перед очагом.

– Целый год я регулярно приходил в ваш дом и наблюдал за вами, прислушивался к вашим словам. То, что я собираюсь вам сказать, родилось не в спешке, не в результате буйного порыва. За тот год, что я вас знаю, я полюбил вас за ваше правдивое сердце, за простоту и сейчас чувствую, что должен высказать все начистоту. Должен сказать, что хочу, чтобы вы стали моей женой, Джанет, хочу, чтобы вы разделили со мной мой дом и мое сердце. Я всю жизнь буду работать ради того, чтобы вы жили в мире и довольстве, Джанет.

Она задумалась, позволив своей руке задержаться в его ладони.

Совсем недавно превратилась она из ребенка в девушку, но ей уже надо стать женщиной, стать навсегда. И уже никогда больше не бегать, подоткнув юбки, по скалам, не бродить среди овец по холмам. Теперь ее ждут заботы о доме, о близком ей мужчине и, возможно, со временем, если на то будет воля Божия, о детях, которые появляются после замужества.

В этой мысли было нечто такое, что тронуло ее душу подобно

воспоминанию о давнем сне или о чем-то забытом: проблеск знания, скрытого от людей в часы бодрствования, но вдруг неожиданно пробуждающегося, словно едва внятный зов, с трудом различимый шепот.

Джанет с улыбкой на губах обернулась к Томасу.

– Я очень горжусь честью, которую вы мне оказали, Томас, ведь я понимаю, что не слишком умна, да и вообще не достойна такого человека, как вы. Но все равно любой девушке страшно приятно собственными ушами слышать, что есть тот, кто будет ее любить и баловать. И если вы хотите взять меня в жены, Томас, если готовы терпеть мои повадки – временами я бываю ужасно буйной, – то я буду счастлива разделить с вами ваш дом и заботиться о вас.

– Джанет, дорогая, сегодня в Плине нет мужчины, у которого было бы больше причин для гордости, чем у меня, и наверняка не будет до того самого дня, когда я в первый раз усажу вас перед нашим общим очагом.

Он встал со стула и прижал ее к себе.

– Раз все решено и мы поженимся, да и с родителями вашими я разговаривал вчера вечером, и они согласны, то, думаю, не будет беды, если я вас поцелую.

Джанет на мгновение задумалась – она еще ни разу не целовалась ни с одним мужчиной, кроме собственного отца.

Она положила обе руки на плечи Томаса и подставила ему свое лицо.

– Даже если это и неприлично, ну и пусть, – сказала она ему некоторое время спустя, – ведь это очень приятно.

Так Джанет обручилась со своим кузеном Томасом Кумбе из Плина, что в графстве Корнуолл^[2], в году 1830 от Рождества Христова, и было ему двадцать пять лет, ей же только что исполнилось девятнадцать.

Туман рассеялся, и Плин больше не был обиталищем теней. Из гавани доносились голоса, чайки ныряли в воду, люди стояли в дверях домов.

Все еще стоя на вершине холма, Джанет смотрела на море, и ей казалось, что душа ее разрывается надвое: одна ее часть хотела быть женой, хотела заботиться о муже и нежно его любить, другая жаждала слиться с кораблем, слиться с морем и высоким небом, быть радостной и свободной, как чайка.

Джанет обернулась и увидела, что по склону холма к ней поднимается Томас. Она улыбнулась и побежала ему навстречу.

– Наверное, грешно встречаться с мужем утром перед свадьбой, – сказала она. – Мне следовало бы быть дома и собираться в церковь, а не стоять здесь, на холме, и держать тебя за руку.

Томас заключил ее в объятия.

– Нас могут увидеть, но я не в силах удержаться, – прошептал он. – Джени, я так тебя люблю.

В поле бродили овцы, в воздухе витал сладкий аромат утесника.

Когда же зазвонят колокола Лэнокской церкви?

– Как непривычно думать, что мы больше никогда не расстанемся, Томас, – сказала она. – Ни ночью, ни днем. Когда ты будешь работать, а я заниматься домом, мыслями мы все время будем вместе.

Она положила руку ему на плечо.

– Томас, быть мужем и женой – это очень серьезно?

– Да, любимая, но святые узы брака благословил сам Господь, и не нам Ему перечить. Так сказал мне священник. Он много чего объяснил мне, ведь я боялся, что кое-что покажется мне слишком хлопотным и трудным. Но я всегда буду относиться к тебе по-доброму, Джени.

– Наверное, иногда нам будет не хватать терпения, мы станем ворчать друг на друга, и ты пожалеешь, что женился, тебе захочется снова стать холостяком.

– Нет, никогда, никогда!

– Забавно, Томас, что вся наша жизнь пройдет здесь, в Плине. Ни ты, ни я никогда не увидим дальних стран, как некоторые. Наши дети вырастут подле нас, потом женятся, а за ними и их дети. Мы состаримся, и потом обоих нас похоронят на Лэнокском кладбище. Это похоже на то, как цветы летом раскрывают лепестки, и птицы с первыми опавшими листьями улетают на юг. А сейчас, Томас, мы стоим здесь, ничего об этом не зная и даже не задумываясь.

– Грешно говорить о смерти и будущей жизни, Джени. Все в руке Божией, и нам не пристало задаваться такими вопросами. Я хочу думать не о детях наших детей, а о нас самих и о том, что сегодня мы поженимся. Я очень люблю тебя, Джени.

Она прижалась к Томасу, и ее взгляд устремился вдаль.

– Через сто лет, Томас, здесь будут стоять двое других, как сейчас стоим мы, и будут они кровь от нашей крови и плоть от нашей плоти.

Джанет дрожала в объятиях Томаса.

– Ты говоришь странные и сумасбродные вещи, Джени. Перестань думать о том времени, когда нас не будет, и подумай о нас самих.

– Я боюсь вовсе не за себя, – прошептала она, – а за тех, кто придет после нас. Может быть, там, далеко-далеко впереди, есть много живых существ, которые будут зависеть от нас. Те, кто будет стоять на вершине Плинского холма под утренним солнцем.

– Если тебе страшно, Джени, отыщи священника и попроси его

успокоить твою душу. Он лучше знает, оттого что по ночам читает Библию.

– Томас, нас спасет ни Библия, ни слова священника, ни мои постоянные молитвы Богу; ни знание повадок птиц и зверей, ни часы, что мы проведем, стоя на залитом солнцем холме и слушая тихий плеск воды, ни дивный вид окутанного туманом Плина, хотя все это мне очень дорого.

– Тогда что же нас спасет, Джени?

– Люди знают много слов и произносят их, но я сердцем чувствую, что только одно имеет значение – это наша любовь друг к другу и к тем, кто придет после нас.

Они стали молча спускаться с холма.

В дверях дома, поджидая их, стояла мать Джанет.

– Где вы были? – спросила она. – Так не принято, Томас, неприлично разговаривать с той, кто идет с тобой под венец, до того, как ты встретишь ее в церкви. А ты, Джанет? Мне стыдно, что в утро перед свадьбой ты бегаешь по холму в старом платье. В твоей комнате сестры давно дожидаются, чтобы одеть тебя; скоро придут люди, а ты еще не готова. Уходи, Томас, и ты, Джанет, тоже.

Джанет поднялась в маленькую комнату, в которой жила вместе с двумя сестрами.

– Поторопись, Джанет, – воскликнули они в один голос. – Где это видано, чтобы в такой день девушка попусту теряла время.

Дрожащими от волнения пальцами они разглаживали белое платье, которое лежало на кровати.

– Подумать только, что через два часа тебя обвиняют, и ты станешь женщиной, Джени. На твоём месте я бы просто лишилась голоса. Сегодня ночью ты будешь рядом с кузеном Томасом, а не здесь с нами. Тебе не страшно?

Джанет подумала и отрицательно покачала головой.

– Если любишь, то бояться нечего. Сестры надели на нее подвенечное платье и прикололи к волосам вуаль.

– Ах, Джени, ты настоящая королева. – И они поднесли к ее лицу маленькое треснутое зеркальце.

Из зеркала на нее смотрело совершенно незнакомое лицо. Не прежняя сумасбродная Джанет, готовая целыми днями бродить по морскому берегу, но бледная, спокойная девушка с серьезными темными глазами.

С лестницы послышался голос матери.

– Ты упадешь в обморок, если не поешь. Скорее спускайся.

– Я не хочу есть, – сказала Джанет. – А вы обе ступайте и дайте мне немного побыть одной.

Она подошла к окну, опустилась перед ним на колени и стала смотреть на далекий горизонт за гаванью. Станные чувства переполняли ее сердце, но она не могла ни назвать их, ни определить. Она горячо любила Томаса, но знала, что в глубине ее души живет ожидание чего-то большего, чем любовь к нему. Нечто могучее и первозданное, осяянное непреходящей красотой.

Настанет день, и оно придет, но не сегодня, не завтра.

Над холмом поплыл тихий звон колоколов Лэнокской церкви, пронизывая морской воздух, он становился все громче.

– Джени, где ты запропастилась?

Она поднялась на ноги, отошла от окна и стала спускаться к ожидающим внизу свадебным гостям.

Глава вторая

Могло показаться, что с замужеством Джанет Кумбе очень изменилась. Она стала спокойнее, задумчивей, отказалась от былой своевольной привычки бегать по холмам. Мать и соседки сразу это заметили и, обсуждая перемены в ее характере, улыбались и пересыпали свои речи поучительными замечаниями.

– Что значит быть мужней женой! Конечно, она изменилась, разве это не естественно? Теперь она женщина и хочет лишь того, о чем просит муж. Только так и можно совладать с девушкой вроде Джанет, чтобы она и думать забыла обо всяких там морях, холмах и прочем вздоре. Это молодой Томас нашел способ остудить ей голову.

В чем-то эти слова были не лишены смысла, поскольку замужество и Томас принесли Джанет блаженный мир и довольство, прежде ей неведомые и непонятные. Словно Томас обладал властью смягчить своей любовью и заботой все тревожные мысли и беспокойные чувства.

Но то было всего лишь следствие их близости, которая изменила Джанет только внешне, но никак не повлияла на ее мятущийся дух.

Он заснул и успокоился на время, пока она всем своим существом переживала впервые познанные ею гордость и радость. Она забыла про холмы и гавань, перестала любоваться кораблями в далеком море и целыми днями занималась своим домом. Для их жилища Томас выбрал славное место – тот увитый плющом дом, что стоял особняком вдали от любопытных глаз соседей. Был там и сад, где Томас по вечерам любил отдыхать вместе с Джанет, сидевшей рядом с рукодельем в руках. Ушло в прошлое то время, когда она вечно рвала и пачкала платья о просмоленные, грубо оструганные лодки, теперь она заботилась об одежде Томаса, чинила ее, а порой и занавески для их уютной гостиной.

Про себя она не переставала удивляться тому, что так любит их дом и так им гордится. А ведь сколько раз она дразнила и поднимала на смех сестер: «Ах нет, я не из тех, кто выходит замуж и тратит все свое время на дом Мне надо было родиться парнем и водить корабли»

Но теперь в Плине вряд ли нашелся бы дом такой же чистенький и ухоженный, как у Джанет, и на недоуменные вопросы сестер она вскидывала голову и язвительно отвечала:

– Да, смейтесь, смейтесь, но у меня есть и собственный дом, и муж, который работает ради меня, тогда как у вас нет ничего, кроме льстивых

парней, которые по воскресеньям выгуливают вас по тропинке между скалами.

– Так и вижу, – говорила она, – как вы зеваете от их глупых слов, я же тем временем сижу у своего камина рядом с Томасом.

Послушать ее, так и впрямь никогда не было дома, равного их Дому под Плющом с его чисто выметенными комнатами, просторной спальней над крыльцом, комнатой «про запас» и аккуратной кухней. Гордилась она и своей стряпней, поскольку обнаружила, что заниматься ею не менее увлекательно, чем гулять по заросшим вереском холмам. Ее шафрановый кекс не хуже, чем у матери, так заявил Томас, и сердце его билось сильнее от гордости за жену.

– Я даже думаю, Джени, что он гораздо лучше. Таких воздушных кексов, как твои, я точно никогда не пробовал! В них чувствуется легкая рука.

Джанет спрятала улыбку и отвела глаза.

– Ты все время мне льстишь, чтобы подлизаться. – Она сделала вид, будто не верит ему. – И любишь ты мои кексы, а вовсе не меня.

Томас встал из-за стола, взял в руки ее лицо и целовал его до тех пор, пока у Джанет не перехватило дыхание.

– Прекрати, Томас, сейчас же прекрати. – Он вздохнул и убрал руки.

– Я ужасно люблю тебя, Джени.

В темноте, когда Томас спал, она прижималась головой к его щеке. Она любила мужа за его силу, за нежность, за особенную серьезность, когда он бывал не в духе, за те мгновения, когда он, боясь самого себя, прижимался к ней, как неуклюжий ребенок.

– Ведь мы навсегда вместе, Джени, ты всегда будешь моей? Шепни, что это правда, мне так сладко слышать эти слова.

И она нашептывала их ему на ухо, прекрасно зная, что до самой смерти будет ему любящей, верной женой, но зная и то, что ее ждет любовь еще большая, чем эта. Ей было неизвестно, откуда она появится, но она была здесь, за холмами, и таилась до той поры, когда Джанет будет готова к ней.

Тем временем прошли первые недели, они притерлись друг к другу, Джанет привыкла, что Томас всегда рядом, свыклась с его постоянным желанием их близости.

По утрам она целиком отдавалась заботам по дому и, если у Джона было много работы, относила обед к нему на верфь и, пока он ел, сидела рядом.

Она любила огромные стволы старых, хорошо высушенных деревьев,

ждущих, когда их распилят на доски, любила рассыпанные по земле стружки, запах новых канатов, смолы и грубо сколоченных, еще не обретших формы судов. И она невольно задумывалась о том, что придет время и эти доски превратятся в живых существ; вместе со своим спутником ветром они будут бороздить моря и, возможно, доберутся до самых далеких уголков мира, а она так и останется обычной женщиной из Плина, у которой только и есть что дом да муж. Она старалась прогнать эти мысли, которые могли волновать былую необузданную Джанет, но не пристали жене Томаса Кумбе. Она не должна забывать, что теперь на ней ситцевое платье и опрятный передник, а вовсе не драная юбка для ползанья по скалам под развалинами старого Замка. Иногда днем она надевала капор и поднималась по Плинскому холму навестить дом своей матери, где ее ждал чай, сервированный в парадной гостиной, и соседки, заглянувшие поболтать и отведать кекса.

Джанет было непривычно, что к ней относятся как к женщине, как к своей, ведь еще совсем недавно ее осуждали и корили за неподобающие девушке манеры. Сколько раз, зажимая рот платком, чтобы не рассмеяться, подглядывала она сквозь замочную скважину в двери гостиной и прислушивалась к болтовне соседок! И вот она одна из них. Сидит точно аршин проглотила, с блюдцем и чашкой в руках, осведомляется о ревматизме миссис Коллинз и в унисон со всеми качает головой, слушая рассказ о возмутительном поступке Олби Треваса, который навлек на девушку неприятности на сеновале Полмирской фермы.

– Похоже, нынче молодые люди не уважают ни себя, ни других, – сказала миссис Роджерс. – Целыми днями бегают невесть куда, смеются, занимаются тем, что и назвать-то стыдно. У парней и в мыслях нет, как положено, дожидаться свадьбы, да и у девушек тоже. Вам бы на коленях молить Бога, миссис Кумбе, да благодарить Его за то, что у вашей дочери все обошлось благополучно. – И, обернувшись к Джанет: – Ведь твоя языческая беготня, когда ты была девушкой, страх как пугала твою матушку, разве не так?

– Благодарю вас, миссис Роджерс, – сказала мать Джанет, – но моя Джени, слава богу, никогда не позволяла парням лишних вольностей.

– Нет, никогда, – заявила Джанет с подобающим молодой жене негодованием.

– Может, и нет, может, и нет, я же не говорю, что ты позволяла себе что-то такое, дорогая. Теперь ты замужем и можешь выполнять любые желания мужа, не боясь Божьего гнева. Говорю тебе, удержать мужа можно только потакая ему, а забыв об этом, ты вскоре услышишь, что твой Томас

ухлестывает за какой-нибудь фермерской девчонкой, совсем как молодой Олби Тревас. И вам это может очень не понравиться, миссис Кумбе.

Джанет презрительно покачала головой.

Что бы они ни говорили про Томаса, можно не сомневаться: во всем Корнуолле не найти мужчины более спокойного и рассудительного.

Она держала рот на замке и не отвечала на излишне откровенные вопросы, которые они ей задавали. Так уж повелось, что жители Плина должны были знать абсолютно все о делах соседей, и часами не прекращавшиеся расспросы доводили до изнеможения очередную жертву.

– Дорогая, если утром ты почувствуешь тошноту и головокружение, немедленно сообщи своей матушке, – посоветовала одна соседка, осматривая Джанет с ног до головы – ни дать ни взять как свиноматку в базарный день.

– А коли ты сразу почувствуешь, что под сердцем у тебя что-то есть, то это наверняка мальчик, – сказала другая.

– Благодарю вас, но я сама могу о себе позаботиться без чьих-либо советов, – возразила Джанет, которой были отвратительны их навязчивые уловки. Казалось, даже Томаса беспокоило здоровье жены.

– Сегодня ты что-то слишком бледна, Джени, – как-то раз сказал он, – может быть, ты устала и тебе не по себе. Ведь ты скажешь мне, дорогая, если что не так?

Казалось, ему очень хочется, чтобы она это признала, и вместе с тем он боялся услышать ответ.

– Да, милый, когда придет время, я ничего от тебя не скрою, – устало ответила Джанет.

Последнее время она действительно чувствовала усталость, порой ее тошнило, но она думала, что это пустяки и все скоро пройдет. Однако Томас разбирался в таких делах лучше ее. Он прижимал Джанет к себе и зарывался лицом в ее длинные, темные волосы.

– Я был очень горд и доволен, Джени, когда женился на тебе, но у меня и в мыслях не было, что впереди нас ждет еще большее счастье. Я так и вижу, как мы сидим у камина с нашим мальчиком на коленях.

Джанет улыбнулась и взяла его лицо в ладони.

– Я рада, что ты доволен, очень рада.

Вскоре весь Плин облетела весть о том, что Джанет Кумбе «в интересном положении».

Мать Джанет говорила об этом таким тоном, будто все это дело ее рук, а сестры уже выбрали белую шерстяную ткань с мелким рисунком, чтобы сшить из нее одежду для малыша.

Томас напевал за работой на верфи, улыбался, но при этом со свойственной ему серьезностью думал о будущем. Скоро у него будет сын, со временем мальчик станет работать рядом с ним, научится держать в руках пилу и отличать хороший строевой лес от плохого. В том, что у него родится сын, Томас не сомневался.

Джанет не совсем понимала, отчего вокруг такого маленького существа подняли столько шума и суеты, ведь, слушая ее мать и Томаса, можно было решить, что раньше детей и вовсе не существовало.

Сама она не знала, как к этому отнестись. Ведь вполне естественно, что, когда люди женятся, появляются дети, и одевать ребенка, заботиться о нем – такое непривычное и приятное занятие. Радовало ее и то, что Томас очень доволен. Вечерами она часто полулежала перед камином в кресле-качалке – приближалась зима, и ночами становилось холодно, – а Томас сидел рядом и не сводил с нее ласкового взгляда.

В доме царили мир и покой, и оставшиеся за окнами холодный дождь, покрытые мокрым туманом холмы, рев морских волн в гавани не тревожили ее мыслей. На душе у Джанет было легко и безмятежно; несмотря на жуткие рассказы, которыми соседки терзали ей уши, родовых болей она не боялась. И не было в Плине дома более счастливого, чем дом ее и Томаса.

Иногда по вечерам он читал ей Библию низким, серьезным голосом, предварительно прочитывая про себя по буквам наиболее трудные слова.

– Забавно думать обо всех этих людях, которые породили друг друга, а затем выстроились в цепочку через целые века, – задумчиво говорила она, раскачиваясь в кресле-качалке. – Огромная ответственность лежит на тех, кто имеет детей. Ведь сказано же в Библии: «Навеки умножу семя твое». Томас, как из нашей любви родятся люди, которым не будет числа?

– Дорогая, перестань тревожиться понапрасну. Ты все время думаешь о том, что будет через сто лет, все это суший вздор. Подумай лучше о младенце, который у нас скоро появится. По-моему, этого вполне хватит для твоей головки.

– Не знаю, Томас. Пути любви и смерти неисповедимы. Люди умирают, ну и тому подобное.

– Но, Джени, пастор говорит, что истинно верующие идут прямо к Богу и Его ангелам.

– А что если они оставляют тех, кого любят, оставляют слабых и беззащитных, тех, у кого нет сил самим справляться с тяготами этого мира?

– Бог о них позаботится, Джени.

– Но, Томас, нельзя жить в блаженном покое на небесах, если горюешь

по своим любимым, которые остались внизу. Подумай о тех, кто будет звать нас и молить о помощи.

– Тебе не следует думать о таких ужасных вещах, дорогая. Библия говорит правду. Счастье на небесах недоступно нашему пониманию. Люди вкушают там неземной покой и не задумываются о грешном мире.

Вокруг дома бушевал ветер, он вздыхал и стучался в оконные рамы, мрачно выл, как не находящее покоя привидение. Затем ветер смешался с дождем, и ночной воздух наполнился горестными рыданиями. Внизу под скалой морские волны с грохотом разбивались об огромные камни. Деревья гнулись под ветром, и с их ветвей осыпались последние, мокрые листья.

Томас плотнее задернул портьеры и подвинул кресло-качалку поближе к камину.

– Согрейся, любовь моя, и не обращай внимания ни на ветер, ни на дождь.

Джанет закутала плечи шалью и стала следить за танцующим в камине огнем.

– Я не останусь на небесах и не упокоюсь здесь, в могиле. Мой дух будет витать рядом с теми, кого я люблю, и когда им будет трудно, когда они вдруг устрашатся самих себя, я приду к ним; и Сам Господь меня не остановит.

Томас, вздохнув, закрыл Библию и поставил ее на полку в углу комнаты.

Не стоит корить Джанет за ее слова, ведь женщинам часто приходят в голову странные мысли вроде этой.

Он поднял маленький носочек, упавший на пол.

– Да он совсем крошечный, Дженни, – сказал он с беспокойством в голосе. – Неужели у нашего малыша будет такая маленькая ножка?

Глава третья

Медленно тянулись эти долгие зимние месяцы. Рождество пришло и миновало, и вот в воздухе уже чувствуется первое дыхание весны. Белые утренние морозы теряют силу, деревья поднимают к небу ветви и распускают набухшие круглые почки.

На полях резвятся белые ягнята, а в укрытых от ветра низинах ранние первоцветы тянут к солнцу свои головки.

В Доме под Плющом царит радостная, таинственная атмосфера, ведь сроки Джанет Кумбе подходят.

Ее мать суетилась по дому, помогала готовить и прибираться, чтобы избавить дочь от лишней работы. Томас стал резок, нетерпелив с работниками верфи, порой доставалось от него даже его миролюбивому добродушному дядюшке.

Но его все прощали, понимая, что молодой человек переживает трудное время.

Сама Джанет наблюдала за суетой и суматохой в доме с улыбкой, и в ее глазах часто играли веселые смешинки.

Больной она себя вовсе не чувствовала и считала вполне естественным, что ее ребенок должен появиться на свет с приходом весны.

Сколько раз приносила она новорожденных ягнят с полей на Полмирскую ферму; сколько раз видела терпеливые глаза коров, которые вылизывали своих немного испуганных, дрожащих на неокрепших ногах отпрысков.

Ей казалось, что нет ничего более простого и обыденного, чем рождение молодого существа, будь то младенец в крестьянском доме или ягненок в холмах. Ягнята блеют, прося еды и ласки, и тянутся к овце, которая дает им то и другое, женщина прижимает своего младенца к груди. Все эти кивки, перешептыванья, перевязывания лентами колыбели в спальне и многозначительные улыбки матери в ответ на вопросы не в меру любопытных соседок были непонятны ей, равно как и бесконечные просьбы Томаса почаще лежать и не слишком утомляться.

— Господи, как бы мне хотелось, чтобы вы ушли, занялись своими делами и оставили меня в покое. Я не боюсь болей, не боюсь родовых схваток, и будь на то моя воля, я с радостью оставила бы вас заниматься всеми этими лентами, колыбелями, бульонами, а сама убежала бы на свои холмы и родила бы там моего малыша среди овец и коров, которые меня

понимают.

– Боже милостивый, если так, то твое место явно в кровати. А ну-ка ложись, да немедленно! – воскликнула мать и без лишних разговоров потащила Джанет наверх.

Через два дня, пятого марта, родился сын Джанет Сэмюэль.

– Это были красивые роды, – объявила соседкам старая миссис Кумбе. – Проще и лучше, чем мы с доктором могли ожидать. Храбрая девочка отлично с ними справилась и сейчас чувствует себя превосходно. А что до мальчика, то он просто картинка и вылитый отец.

В честь радостного события на верфи были вывешены флаги, а работникам поставили хорошую выпивку.

Джанет лежала с рассыпавшимися по подушке черными волосами, не сводя глаз с малыша.

Он был совершенный кроха, с лысым черепом и водянистыми глазами. При всем старании Джанет никак не удавалось найти в нем ни капли сходства с Томасом. Она очень надеялась запомнить наконец, что ребенка надо называть «он», а не «оно».

Однако ей было приятно чувствовать рядом с собой это маленькое теплое тельце и сознавать, что именно она дала ему жизнь.

Смотреть на Томаса было одно удовольствие. Стараясь не шуметь в своих тяжелых скрипучих сапогах, он на цыпочках вошел в комнату; лицо его покраснело, а голубые глаза едва не вылезали из орбит.

– Джени, ты не очень плохо себя чувствуешь? – спросил он хриплым шепотом.

Ей пришлось покачать головой и, дабы не обидеть его, спрятать улыбку. Затем она слегка отогнула край одеяла и показала мужу малыша, спавшего у нее на руке. Рот Томаса широко раскрылся, и он застыл, не сводя взгляда с сына. При виде онемевшего от удивления, равномерно раскачивающегося на своих длинных ногах из стороны в сторону Томаса Джанет не смогла удержаться от смеха.

– Похоже, ты никогда раньше не видел младенцев, – сказала она. – Потрогай его, он ведь живой.

Томас осторожно потрогал пальцем щечку сына. Младенец открыл глаза и моргнул.

– Видели?! – радостно воскликнул Томас. – Он меня уже узнает.

– Вздор, – объявила старая миссис Кумбе. – Где это слыхано? Бедная кроха еще даже не видит.

И она вытолкала Томаса из комнаты, опасаясь, что его глупые выходки могут утомить дочь.

Вскоре Джанет окончательно оправилась после родов, встала с постели и вернулась к домашним делам.

Сэмюэль был славным ребенком и почти не доставлял хлопот родителям: не капризничал, не плакал без повода, а вел себя как и пристало нормальному, здоровому малышу. Томас не мог на него наглядеться, с нетерпением ждал конца рабочего дня и испытывал ни с чем не сравнимые гордость и радость, когда во время воскресных походов к бабушке на вершину холма ему разрешалось нести сына на руках.

Джанет устало брела рядом с ним, довольная тем, что хоть ненадолго может избавиться от этой ноши. Томас шел спокойной, чинной походкой, высоко подняв голову, и то и дело останавливался, чтобы показать сына соседям.

– Он и впрямь выдался в вас, мистер Томас, – говорили они. – Те же глаза и того же чудного цвета.

– Вы действительно так думаете? – улыбался Томас. – Слышишь, Джени? Вот и миссис Роджерс говорит, что малыш весь в меня.

– Конечно в тебя, – вздыхала Джанет; она ежедневно со всех сторон слышала одно то же и не находила ничего удивительного в том, что ребенок похож на отца.

В доме ее матери малыш переходил с рук на руки, соседки не могли на него наглядеться, тетки наперебой целовали, бабушка качала на коленях, а Томас тем временем следил за ним беспокойным, ревнивым взором и то и дело повторял:

– Осторожно, осторожно! Вы его уроните.

Джанет сидела у очага в стороне от остальной компании и рассеянно слушала нелепый тарабарский язык, который, по мнению взрослых, дети только и понимают.

Ей была непонятна вся эта умиленная возня и сюсюканье, ведь она прекрасно знала, что мальчику лучше всего лежать одному в колыбели или нагишом на простыне после купания вволю сучить ножками. Странно, что людям не хватает здравого смысла, чтобы это понять. Не понимает этого и Томас.

Когда Джанет вечером раздевала малыша и он размахивал кулачками, исполненный гордости отец видел в этом проявление силы.

– Посмотри, Джени, посмотри, какие у него мускулы на руках. Этому парню скоро любая пила будет нипочем.

Так прошел первый год, и прожили они его втроем в своем доме счастливо и в полном довольстве друг другом.

Осенью тысяча восемьсот тридцать первого года старый дядюшка

Кумбе слег с ревматизмом, и все заботы по верфи перешли к Томасу. Он решил провести некоторые изменения. Расширили стапель, углубили дно, чтобы получить возможность безопасно спускать в этом месте суда больших размеров.

Один за другим стали поступать заказы на крепкие рыболовные суда, способные справиться с зимними штормами, и у Томаса уже почти не оставалось свободного времени на игры с сыном. Знающие люди уважительно покачивали головой и с гордостью указывали на него, не упуская случая заметить, что молодой Кумбе затеял для себя знатное дело.

– Хороший он человек, этот ваш Томас, милая Джанет, – говорили они его жене. – Повезло вам с мужем, да и с крепышом-сыном в придачу.

Джанет было приятно слышать похвалы в адрес мужа, ведь жителей Плина хлебом не корми, дай лишь заметить соломинку в глазу соседа. Сэмюэль ползал по полу у нее под ногами, валялся на спине, тянулся маленькими ручонками к небу и обращал к матери серьезное личико с задумчивыми, как у отца, глазами. Вечерами Джанет всегда дожидалась возвращения Томаса и, лишь когда он приходил, закладывала сына в колыбель рядом с кухонным очагом и садилась с мужем за ужин, и они, довольные и счастливые, принимались обсуждать события дня.

– Наш большой корабль почти готов, Джени. Завтра поутру начнем обшивать корпус досками. Я очень доволен материалом, что мы десять месяцев назад привезли из Труанского леса. С ним мы сейчас и работаем. Мне сдается, что ни одно судно из тех, что я строю, Джени, никогда не развалится на части, если, конечно, его не посадят на рифы.

– А знаешь, Томас, говорят, что ты строишь быстрее и лучше, чем дядюшка Кумбе.

– Значит, все-таки говорят?

– Да, насколько мне известно, так говорит весь Плин. Я очень горжусь тобой, Томас.

– Все это ради тебя и нашего малыша, Джени. Ты только посмотри на него. Господи, что за невинное личико! Кто знает, может быть, пройдет не так много времени, и он будет работать рука об руку с отцом. А, что скажешь, сынок?

Сэмюэль брыкнулся в колыбели и закричал во все горло.

Томас встал из-за стола и опустил на колени около колыбели.

– Ну-ну, Сэмми, разве хорошие мальчики так кричат?

Он взял сжатый кулачок сына и поцеловал его.

– Тише, малыш, тише. Ты разобьешь отцу сердце, если будешь так себя вести.

Сэмюэль продолжал кричать, его личико покраснело.

Джанет улыбнулась и покачала головой. Затем подошла к колыбели, перевернула малыша на живот и погладила по маленькой попке.

– Сколько шума по пустякам, – пожурела она мужа.

Томас вздохнул и понурил голову. Обращаться с детьми жена умела лучше него.

Глава четвертая

Летом следующего года дядюшка Кумбе, который, несмотря на ревматизм, научился кое-как ковылять на двух костылях, в один из ненастных дней простудился и меньше чем через сутки умер.

Фирма целиком перешла к Томасу, и ему пришлось трудиться не покладая рук, чтобы дело по-настоящему пошло в гору. На плечи молодого двадцатисемилетнего человека легла огромная ответственность, но Томас, упорный и настойчивый по природе, не признавал поражений.

Казалось, новые заботы заставили его навсегда забыть юношескую беспечность, с которой, правда, он и раньше умел справляться благодаря природной серьезности и здравому смыслу. Теперь его мысли были в основном заняты фунтами, шиллингами и пенсами; хоть он и заявлял, что работает единственно ради жены и сына, следует признать, что он не вспоминал про них, с гордостью глядя на вывеску «Томас Кумбе, корабельных дел мастер». Имя нового владельца верфи уже пользовалось в Плине гораздо большим уважением, чем имя его предшественника.

Джанет не прогадала, выйдя за него замуж, рассуждал Томас, да и о чем еще может мечтать любая женщина, как не о доме, который он ей дал, заботе, которой он ее окружил; к тому же у нее есть сын, а коли будет на то Божья воля, то появятся и другие дети.

Именно такие мысли занимали Томаса, когда он стоял, выпрямившись во весь рост, и резким, повелительным тоном отдавал короткие приказания рабочим.

Джанет видела перемены в характере и поведении мужа, но не винила его за это. В путях, которые выбирает мужчина, для нее не было тайны, она принимала их как нечто вполне естественное. Работа – вот что теперь для него самое главное; она перестала бы его уважать, если бы он пустил дело на самотек, как это было во времена дядюшки Кумбе, а сам бы слонялся по дому, не отходя от ее юбки.

Она здраво смотрела на жизнь, умела различать добро и зло, знала, почему люди порой меняются, и, замечая эти перемены, благоразумно закрывала на них глаза. Она знала, что любовь Томаса к ней глубока и надежна, что за поддержкой и утешением он обратится только к ней; но знала она и то, что беззаветное обожание – первая упоительная, всепоглощающая страсть, которая захватывает юношу и овладевает женщиной, – прошло и никогда не вернется.

Сэмюэль скрепил связывавшие их узы, но не более того. Они будут лелеять друг друга в болезни и в здравии, пройдут по жизни, деля печали и радости, будут бок о бок спать ночью в маленькой комнате над крыльцом, состарятся, ослабеют и наконец, все такие же неразлучные, упокоятся на Лэнокском кладбище, – но за все это время так и не узнают друг друга.

Чувства, которые Джанет питала к Сэмюэлю, были неотделимы от ее чувств к Томасу. Один был ее мужем, другой – сыном. Сэмюэль зависел от нее, нуждался в ее заботе и ласке, так будет до тех пор, пока он не вырастет и не сможет сам о себе позаботиться. Она мыла и одевала его, сажала на высокий стул рядом с собой за столом и кормила, помогала ему делать первые шаги и произносить первые слова, отдавала ему всю свою материнскую любовь и нежность.

И Томасу, и Сэмюэлю отдавала она всю стихийную полноту своих чувств, всю безграничную нежность безыскусного сердца; но дух Джанет, ничем не скованный и свободный, ждал того момента, когда он воспарит над своей добровольной темницей и сольется с неуловимым – с ветром, с морем, с небесами, сольется с тем, кого она ждет. Тогда и она сама навсегда станет их частью, неопределенной, бессмертной.

Зная, что этот момент придет, Джанет старалась не поддаваться унынию. Она всячески скрывала свое одиночество и на людях всегда выглядела покладистой и веселой.

В ней словно уживались два «я»: одно – счастливая жена и мать, которая с неизменным интересом выслушивает бесконечные рассказы мужа о его делах и планах, смеется над проделками сынишки, навещает родственников и соседей в Плине, радуется мелким событиям каждодневной жизни; второе – чуждое всему этому, не связанное никакими условностями восторженное существо, которое, скрытое от всего мира клубами тумана, стоит на цыпочках на вершине холма, подставив солнечным лучам свое прекрасное истинное лицо.

Все сказанное не обретало в голове Джанет форму осознанных определений – в начале девятнадцатого века обитатели Плина не занимались самоанализом, не занималась им и жена корнуолльского корабеля, которой едва минул двадцать один год. Но она понимала, что мир нисходит на нее не рядом с ее близкими в Плине, а среди диких обитателей лесов и полей, на скалах, омываемых морем.

Лишь краткие проблески душевного покоя, мимолетные вспышки прозрения в мгновения между сном и бодрствованием убеждали ее в том, что все это существует и что придет день, когда она разрешит эту загадку.

Итак, Джанет ждала своего часа и проводила дни, как и прочие

замужние женщины Плина: пекла пироги, убирала в доме, чинила одежду мужа и сына. По воскресеньям – посещение церкви, обсуждение с соседками последних новостей за чашкой крепкого чая с кусочком шафранного или макового кекса, вечером семейный ужин, и вот наконец ребенок уложен в кроватку и она спокойно засыпает рядом с мужем до следующего утра.

Весной тысяча восемьсот тридцать третьего года, через две недели после того, как Сэмюэлю исполнилось два года, у него появилась сестра.

Она была светловолосой, голубоглазой, очень походила на Сэмюэля и доставляла родителям так же мало хлопот, как и он в ее возрасте. При крещении девочке дали имя Мэри, и Томас стал почти так же гордиться дочерью, как два года назад гордился сыном.

Хоть Томас и тешил себя надеждой, что глава семьи именно он, последнее слово всегда оставалось за Джанет. Достаточно было ей бросить мужу одно-единственное слово, и тот отправлялся на работу с досадой в душе, чувствуя себя побежденным. Он называл это «уступкой Джени», но здесь было нечто иное – бессознательное подчинение характеру более уравновешенному, но и более сильному, чем его собственный.

Он никогда бы в этом не признался, но, пользуясь его же словами, которых он, правда, ни разу не произнес вслух, Томасу «никак не удавалось раскусить Джанет». Она была его женой, он любил и уважал ее, их связывали общий дом и двое детей, но мысли ее были для него тайной. Иногда она внезапно замолкала и подолгу смотрела через окно на море странным, отсутствующим взглядом.

Он не раз замечал это, когда, улучив свободную минуту после дневных трудов, по вечерам играл с детьми, а она тем временем сидела, уйдя в свои мысли и словно забыв о вязанье, которое держала на коленях.

– Джени, о чем ты думаешь? – спрашивал он, и она либо с улыбкой, молча встряхивала головой, либо произносила в ответ суший вздор вроде:

– Если бы это зависело от меня, Томас, то я была бы мужчиной.

Такой ответ его еще больше обескураживал. Отчего бы ей хотеть быть мужчиной, когда нет в Плине дома лучше, детей прелестней, а мужа более любящего и преданного, чем у нее?

– И впрямь, Джени, порой ты для меня все одно что загадка, – говорил он, вздыхая.

И правда, ее настроение менялось с быстротой летней молнии, она подходила к нему, садилась рядом на пол, где он играл с детьми, и принималась играть вместе с ними или задавала ему разумные вопросы, на которые мужчина может ответить, например, как идут дела на верфи.

Затем, иногда даже не дав ему опомниться, принималась городить какой-нибудь дикий вздор, вроде того, что ей жалко старика Дана Крабба, которого наконец-то поймали на контрабанде и отправили для суда в Садмин.

– Вот те на, да он же преступник, и двуличный негодяй в придачу; обманывает таможенников его величества, нарушает законы и поднимает руку на мирных людей.

– Да, Томас, но при всем том это истинно мужское занятие.

– Ты что же, истинно мужским занятием называешь такую мерзость, как контрабанда? Что до меня, так я ни одному из них руки не подам, чтобы не запачкаться.

– Ну а я наоборот, и сама подам, и их пожму, если предложат. Я часто представляла себя на их месте. В Ланниветской пещере крошечная тьма и ни единого звука, кроме плеска волн о берег. Но вот сквозь тьму пробивается слабый свет, слышится глухой скрип уключин. Приглушенный свист, сапоги хрустят по гальке, когда пробираешься навстречу лодке. Пока товар разгружают, голосов почти не слышно, все переговариваются шепотом, потом громкий крик с вершины холма, на берегу начинается невесть что, и ты бежишь со всех ног, волосы развеваются на ветру, а за спиной у тебя пыhtят шесть таможенников. Жизнь и смерть, Томас, сливаются воедино, и некогда думать о времени. Она смеялась, глядя на его растерянное лицо.

– Ты считаешь меня женщиной без стыда и совести?

Он ответил ей торжественным, как у судьи, голосом:

– Ах, Джени, смотря по тому, куда ты побежишь.

Малыши во все глаза смотрели на мать; Мэри уютно устроилась на руках у отца, Сэмюэль держал его за рукав куртки – они были почти на одно лицо и оба – точная копия Томаса. Джанет с улыбкой смотрела на них, все трое принадлежали ей, возможно, были частью ее существа; но другая его часть незаметно ускользала из теплой, приветливой комнаты, от этих дорогих, любимых лиц и улетала за тихие холмы и оживленную гавань Плина, через моря и небо – туда, к неведомым просторам, к безымянным звездам.

Глава пятая

На следующее Рождество в Плине выпал снег. Легким пухом лежал он на холмах и полях, защищая землю от зимней стужи. Даже ручей в Полмирской долине покрылся льдом, а неподвижные деревья мрачными скелетами темнели на фоне неба. Потом тучи рассеялись, с голубых небес засияло солнце, и жестокий мороз сменила оттепель, покрыв землю серыми лужами.

Томас поднялся в Труанскую рощу и вернулся с огромной охапкой остролиста, усеянного огненно-красными ягодами. Вместе с Джанет они перевили ветки остролиста срезанным у дома плющом и украсили гирляндами все комнаты, а Томас в придачу сплел из ветвей остролиста крест и повесил его над крыльцом.

Джанет хлопотала на кухне, готовясь к встрече радостного дня; в доме ждали гостей, и она знала, что те быстро расправятся с бисквитами, пудингами и пирогами, а может быть, захотят еще и по чашке бульона, перед тем как выйти на холодный вечерний воздух.

Томас сидел у очага с Библией на коленях, а двое малышей теребили Джанет за юбку, выпрашивая у нее хоть кусочек того, чем так вкусно пахло с противня над очагом.

– Ну-ну, будьте хорошими детьми и оставьте маму в покое, а то не пробовать вам пудинга до самого конца Рождества, – ворчала мать, что же до отца, то и он не удержался от искушения проявить родительскую власть и сурово обратился к Сэмюэлю:

– Отойти от мамы, Сэмми, и оба перестаньте кланчить. Подойдите к папе и послушайте, какую хорошую книгу он вам почитает.

Дети молча повиновались, и мальчик потащил по полу свою маленькую сестренку, которая еще почти не умела ходить. Тщательно выговаривая каждое слово, Томас читал первые главы из «Евангелия от Матфея», но дети были слишком малы и не понимали, о чем рассказывает им отец, поэтому они тихо сидели у его ног и спокойно играли с куклой в рваном платье, мирно деля ее между собой.

Джанет распрямила спину и, подболевшись, с минуту смотрела на них. Прибраться на кухне, поужинать, уложить детей спать, а там, глядишь, уже пора надевать капор и шаль и отправляться под руку с Томасом ко всеобщей в Лэнокскую церковь, оставив услужливую соседку последить за домом.

Но в ту ночь идти в церковь Джанет почему-то не хотелось. У нее не было желания слушать слова священника, петь вместе со всеми рождественские гимны и, опустившись на колени перед алтарной преградой, принимать Святое причастие. Ее вдруг неодолимо потянуло выскользнуть во тьму и побежать к тропинке, выходящей по скале, с которой открывается безбрежная панорама моря, где луна прокладывает по воде серебряную тропу, ведущую с темного моря на небо; где она будет ближе к миру и покою, чем стоя на коленях в Лэнокской церкви, ближе к тому, чему нет имени; где можно забыть о бременном бытии и слиться с тем, что не ведает времени, где нет ни сегодня, ни завтра.

«Не благочестие, подобающее для рождественской мессы испытываю я сегодня, — думала она, — но желание побыть одной, подставив лицо лунному свету».

Словно очнувшись от сна, она стала накрывать ужин, лихорадочно придумывая предлог, чтобы не идти к мессе. Но Томас сам подсказал ей его.

— У тебя под глазами тени, Джени, да и лицо что-то слишком бледное и усталое. Ты неважно себя чувствуешь?

— Наверное, дело в готовке, я слишком долго стояла у плиты. Оттого и голова болит, и спину ломит. Может быть, мне лучше остаться дома, Томас, ты можешь и без меня сходить в Лэнок.

— Мне бы не хотелось оставлять тебя одну в Сочельник, дорогая, это будет в первый раз, с тех пор как мы поженились.

— И все же так лучше. Завтра придут гости, и я должна быть здорова.

На том и порешили, и когда из-за полей донесся тихий звон колоколов Лэнокской церкви, Томас взял фонарь и один отправился к мессе. Стоя на крыльце под крестом из остролиста, который поскрипывал и вздыхал над ее головой, Джанет смотрела, как муж поднимается вверх по холму. Соседка, в чьей помощи нужды больше не было, тоже ушла, пожелав ей доброй ночи и счастливого Рождества. Джанет осталась в доме с детьми, крепко спавшими в комнате на втором этаже. Она приготовила горячий бульон для мужа, который вернется из церкви голодным и продрогшим, затем накинула на плечи шаль и высунулась из окна. Земля была все еще покрыта тонким слоем снега.

Луна стояла высоко в небе, и тишину ночи нарушали лишь рокот волн, бьющихся о скалы за гаванью. Джанет неожиданно поняла, что должна последовать голосу сердца и идти к скалам.

Она спрятала ключ от двери за корсаж, накинула на плечи шаль и вышла на улицу. Ей казалось, что внезапно выросшие крылья быстро

уносят ее от дома, от спящих детей, вверх по крутой, узкой улочке Плина к побелевшим от мороза холмам, к безмолвному небу.

Джанет прислонилась к стене разрушенного Замка; у ее ног лежало море, в лицо ярко светила луна. Она закрыла глаза и сразу почувствовала, что все бередившие ее ум мысли отлетели, что усталое тело покинуло ее, и она обрела странную силу и ясность сродни силе и ясности самой луны. Открыв через мгновение глаза, она обнаружила, что окутана туманом, а когда он рассеялся, увидела фигуру человека, который стоял на коленях перед скалой, опустив голову на руки. Она знала, что он исполнен мучительного отчаянья и горечи, что его несчастная заблудшая душа взыскует ее утешения.

Она подошла, опустилась рядом с ним на колени и, прижав его голову к своей груди, стала гладить рукой его седые волосы.

Он поднял на нее дикие карие глаза, горящие безумным страхом.

И она поняла, что он принадлежит будущему, тому времени, когда она будет мертвой лежать в могиле, но узнала в нем того, кто принадлежит ей и только ей.

– Успокойся, любимый мой, успокойся, отбрось свои страхи. Я всегда рядом с тобой, всех да, никто тебя не обидит.

– Почему ты не приходила раньше? – прошептал он, крепче прижимая ее к себе. – Они пытались отнять меня у тебя, весь мир черен и полон демонов. Дорогая, любимая, нет правды, нет для меня дороги, которую я мог бы выбрать. Ты поможешь мне, ведь, правда, поможешь?

– Мы будем страдать и любить вместе, – ответила она. – Каждая радость, каждая боль твоей души и твоего тела будут и моими. Дорога сама скоро тебе откроется, и тогда мрак покинет твою душу.

– Я часто слышал твой шепот и внимал твоим благословенным словам утешения. Ведь мы разговаривали друг с другом, одни в тиши моря, на палубе корабля, который есть часть тебя. Почему ты раньше никогда не приходила, чтобы вот так же меня обнять и прижать мою голову к своему сердцу?

– Я не понимаю, – сказала она, – не знаю, откуда мы явились, не знаю, как спала с моих глаз пелена и я пришла к тебе. Но я слышала, как ты зовешь меня, и ничто не смогло меня удержать.

– С тех пор как ты меня покинула, потянулись долгие трудные дни, я не следовал твоим советам и не оправдал твоей веры в меня, – сказал он. – Посмотри, какой я старый, мои волосы и борода поседели, ты же молода, моложе, чем я тебя помню, у тебя чистое девичье лицо и нежные, мягкие руки.

– Я не имею представления ни о том, что было, ни о том, что будет, но твердо знаю, что время непрерывно и здесь, в нашем мире, и в любом другом. Для нас нет разлуки, для нас нет ни начала, ни конца: мы неразлучны, ты и я, как звезды неразлучны с небом.

Тогда он произнес:

– Любимая моя, все шепчутся, будто я безумен, будто рассудок покинул меня и в глазах моих горит опасный огонь. Я чувствую, как ко мне подкрадывается тьма, и когда она окончательно наступит, я не смогу ни видеть, ни чувствовать тебя, тогда здесь останутся только пустота и отчаяние.

В эту минуту туча закрыла луну; он задрожал, и Джанет показалось, что на ее руках лежит ребенок, ищущий утешения.

– Когда мрак начнет подступать к тебе, не бойся его, в эти часы я буду держать тебя так же, как держу сейчас, – утешила она его. – Когда, борясь с самим собой, ты утратишь способность видеть, слышать, я буду рядом, я буду бороться за тебя.

Он откинул голову и смотрел, как, вся белая, с улыбкой на устах, она стоит на фоне неба.

– Этой ночью ты ангел, – сказал он, – ангел, который стоит у Небесных врат, ожидая рождения Христа. Сегодня Рождество, и в Лэнокской церкви поют гимны.

– Пятьдесят лет или тысяча, какая разница, – сказала Джанет. – И то, что мы оба пришли сюда, тому доказательство.

– Значит, ты больше никогда меня не покинешь? – спросил он.

– Никогда, никогда не покину.

Он опустил на колени и поцеловал ее запорошенные снегом ноги.

– Скажи мне, Бог есть?

Он заглянул ей в глаза и прочел в них истину.

С минуту они стояли рядом и, глядя друг на друга, видели себя такими, какими уже никогда не увидят на земле. Она видела перед собой мужчину, согбенного, измотанного жизнью, с буйными растрепанными волосами и страдальческими глазами; он же видел девушку, молодую и бесстрашную, с лицом, залитым лунным светом.

– Доброй ночи, матушка, красавица моя, любовь моя.

– Доброй ночи, любимый, дитя мое, сын мой.

И вновь разлился туман и скрыл их друг от друга.

Джанет стояла рядом с руинами Замка, под ее ногами море, шурша, набегало на скалы, и серебряная тропа тянулась по воде. Все было как прежде, ничего не изменилось. Она простояла здесь секунду, не более.

И все же она проделала путь в полвека, путь из окружающего ее мира в иное время, в иное пространство. Но не было в душе ее ни удивления, ни страха, а лишь великая любовь и благодарность.

Повернувшись спиной к морю, Джанет отошла от скал и стала спускаться по крутому склону холма в Плин. Уже миновала полночь, и наступил день Рождества. Она немного постояла, прислушиваясь к звукам последнего гимна, доносимым ветром из Лэнокской церкви. То была тихая, сладостная песнь, в которой голоса простых людей несли миру радостную весть.

Слышишь полный торжества

Гимн во славу Рождества,
Вознесенный райским хором
Над ликующим простором?
Иисус на свет рожден —
Мир спасен и грех прощен.
Пой же с ангелами всеми:
Царь родился в Вифлееме!
Лейся, полный торжества
Гимн во славу Рождества!^[3]

И Джанет улыбнулась и обратила взгляд на восток, где высоко в небе сияла звезда, очень похожая на Вифлеемскую.

Глава шестая

Вскоре после Нового года Томас повез Джанет в Плимут. Ему хорошо заплатили за отличный тендер^[4], построенный на его верфи в ноябре; он был очень доволен своей работой и деньгами в кармане, отчего и решил, что часть их без особого ущерба может быть истрачена на короткий отдых для него и жены. В те времена это было настоящее путешествие, особенно зимой; до Карна им пришлось ехать в повозке, там переночевать и на следующее утро продолжить путь в дилижансе, который прибывал в Плимут во второй половине дня.

Детей оставили на попечение матери Джанет.

Раньше Джанет никогда не покидала Плина, и большой город совершенно ошеломил ее. Томас был в восторге от ее удивления и с удовольствием, не лишенным гордости, показывал жене все заслуживающие внимания места, рекомендуя себя при этом лучшим на свете гидом. Ему нравилось демонстрировать свое знакомство с названиями улиц и магазинов, хотя прошло уже довольно много лет с тех пор, как он здесь бывал.

– Ах, Томас, скажи на милость, – удивлялась она, – как это тебе удастся помнить столько названий и ни разу не заблудиться, ведь здесь все улицы похожи одна на другую.

– Это очень просто, Джени, – хвастливым тоном отвечал он. – Такому человеку, как я, не надо много времени, чтобы запомнить, как добраться до какого-нибудь места. Тебе это, понятное дело, трудно, ведь ты в первый раз выбралась из Плина и не знаешь ни одного города хоть немного больше него.

– Чего не знаю, того не знаю, – говорила Джанет, задрав подбородок. – А вот ты, скажу я тебе, слишком много о себе думаешь. Зато я гораздо лучше тебя знаю леса и скалы вокруг Плина. При самом небольшом тумане ты часами будешь кружить вокруг собственного дома, тогда как я уже давным-давно приготовлю ужин.

Томас не возражал, поскольку уже привык к тому, что последнее слово всегда останется за Джанет.

Тем не менее, магазины совершенно заворожили Джанет, и она одобрила выбор Томаса, когда тот купил жене теплую серую пелерину и красивый аккуратный капор, который очень с ней гармонировал.

– Подумать только, что за цены, – шепнула она на ухо мужу, – да это

же грабеж средь бела дня.

– Дорогая я хочу, чтобы у тебя было только самое лучшее, – ответил он таким гордым и величественным тоном, каким мог бы ответить сам сквайр Трелоии. Когда она шла по улицам под руку с Томасом, немало мужчин оборачивалось и смотрело ей вслед.

Она действительно была хороша, эта Джанет: густые темные волосы, большие, зоркие глаза, решительный рот и подбородок. Она несла себя, как королева. От внимания Томаса не ускользали взгляды, которые бросали на нее плимутские моряки, и он внимательно следил за тем, как она их принимает. Обычно, идя рядом с ним, она оставляла их без внимания, но один, видимо, изрядно пьяный молодчик наткнулся на Джанет и провел грязными пальцами по ее новой пелерине.

Томас хотел вмешаться, но Джанет взяла дело в свои руки, и матрос, ожидавший, что она отскочит от него с испуганным криком, вместо этого ощутил на себе солидную порцию ее темперамента.

– Что за манеры, приятель? – выпалила она. – В Корнуолле, если вы толкнули даму, принято снимать шляпу. – И, не дав ему ответить, сорвала с его головы фуражку и швырнула ее в грязную воду гавани. – Это смое с нее паутину, – сказала она матросу и, подобрав рукой юбки, пошла дальше по улице, Томас шел следом красный как рак, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

– Мне самому следовало бы это сделать, – с упреком в голосе сказал он. – Я восхищен твоей смелостью, но это как-то не по-женски.

– Ты бы предпочел, чтобы я оставила его грязную лапу на моей новой пелерине? – спросила она, горя негодованием, хоть и не смогла скрыть улыбки при виде его покрасневшего лица. – Если ты не успокоишься, я отправлю твою шляпу туда же, куда и его!

Томас знал, что она сдержит слово, и вовсе не хотел лишних неприятностей.

Проведя в Плимуте дней пять, они стали собираться в обратный путь.

Томас уже уложил вещи, когда Джанет, до того молча смотревшая в окно, неожиданно заговорила.

– Для этого времени года погода действительно просто замечательная, – беззаботно сказала она.

Томас согласился, не понимая еще, что попал в ловушку.

– Я уверена, что и море спокойно, как летом, – продолжала Джанет. – При хорошем ветре мы уже к ночи были бы в Плине, а так придется до вечера задержаться в Карне, пока за нами не приедет повозка.

– И впрямь пустая трата времени. Летом здесь суда часто ходят в

обоих направлениях, но в это время года едва ли сыщется хоть одно, – сказал Томас.

– А вот тут ты не прав, – возразила Джанет. – Как раз сегодня отходит один корабль. Пока ты слонялся здесь без дела, я сходила в гавань и поговорила с капитаном. Корабль отплывает днем, и к вечеру мы уже наверняка будем в Плине.

Томас в сомнении потер лоб. Подбородок Джанет был вздернут, да и блеск в ее глазах был ему хорошо знаком.

– А что, если ветер слишком разгуляется? – вяло спросил он.

– Так что из того? Я ветра не боюсь. Может, ты боишься?

Он сделал последнюю попытку воспротивиться.

– Для нас не окажется места, Джени, мы будем мешать.

– Вот этого, Томас, можешь не бояться. С капитаном я все уладила, и он готов взять нас.

И, подхватив узлы, она с улыбкой распрощалась с хозяйкой, вышла из дома и с противоположной стороны улицы через плечо окликнула Томаса.

Они направились в ту часть гавани, где у причала стояло на якоре их судно. Томас ожидал, что Джанет попросит еще хоть разок взглянуть на магазины, но он ошибся. Его жена не собиралась тратить время на ленты и прочие мелочи, когда впереди ее ждали корабли.

На причале она задержалась, любуясь лесом высоких мачт, устремленных в небо, и поразила мужа своим знанием названия каждой мачты и разных частей такелажа.^[5]

– Ты думал, что я все время проводила учась шить да готовить, так ведь? – презрительно спросила она. – Нет, этой ерундой я никогда не интересовалась, а частенько убегала на берег с единственной целью: как можно больше узнать о кораблях.

– Ума не приложу, Джени, как тебе удалось стать женщиной, такой, какая ты есть, – недоумевал муж.

Она рассмеялась и взяла его под руку.

– При всем том я не сильно изменилась, – ласково сказала она.

Наконец, они подошли к «Водяному» – так называлось их судно – и поднялись на борт.

Капитан попытался было помочь Джанет, но она негодуя тряхнула головой и, одной рукой подобрав юбки, а другой взявшись за веревку, поднялась по грубо сколоченному трапу. Оказавшись на палубе, она, вместо того чтобы сразу спуститься в каюту, где, как шепнул ей Томас, женщине и следует находиться на корабле, остановилась у фальшборта^[6] и

стала с интересом оглядываться по сторонам.

Сам Томас весьма критически отнесся к линиям и корпусу этого небо тупого судна, но остерегся высказывать свои мысли вслух.

Несмотря на заверения капитана, корабль отчалил от пристани только через два часа, почти в пять пополудни.

– До дому мы доберемся не раньше полуночи, если нам вообще суждено до него добраться, – сказал Томас, с тревогой глядя на небо, которое с северо-востока быстро затягивалось тучами.

– Погода, похоже, меняется, – сказал он капитану.

Джанет была в восторге от мысли, что их ждет трудное путешествие, но Томас думал об оставшихся дома детях и проклинал себя за слабость, что уступил жене.

Возвращаться было слишком поздно, они уже вышли из пролива и направлялись в открытое море, Рейм Хед остался далеко за кормой.

– Коли ветер усилится, нам предстоит нелегкая работенка, а, капитан? – спросил Томас.

– О нет! Думаю, обойдется парочкой шквалов, – рассмеялся капитан. – Ничего страшного. По-моему, никакой опасности. На худой конец попробуем войти в Сент-Брайдс.^[7]

Но Томасу вовсе не хотелось проводить ночь в Сент-Брайдсе, к тому же он не слишком верил в способность капитана отыскать вход в маленькую гавань, скрытую в тени большого острова, расположенного в полумиле от нее.

Вскоре совсем стемнело и полил дождь. Джанет уговорили спуститься вниз и погреться около маленькой печки.

Томас остался с ней, но время от времени поднимался на палубу проводить, как идут дела.

Судно сильно качало, однако никого из них не тошнило. Сидя в полном молчании, они прислушивались к скрипу мачты, вою ветра и шуму дождя.

По лицу Томаса Джанет видела, что он очень обеспокоен, и корила себя, но сердце ее ликовало оттого, что она на корабле, в открытом море, и что каждый порыв ветра несет в себе опасность.

Как бы ей хотелось быть сейчас на палубе вместе с мужчинами, до крови на руках натягивать канаты или изо всех сил налегать на штурвал.

«Почему я не родилась мужчиной? – думала она. – Тогда я была бы там, наверху». Ее пол казался ей цепями, которые сковывали ее так же, как болтающиеся вокруг колен длинные юбки мешали ей двигаться.

Она страстно желала, чтобы этой ночью с ней был тот, другой, кто был

частью ее существа, с такими же, как у нее, темными волосами и темными глазами. Тот, кто еще не пришел, но вглядывался в нее из будущего, неотступно сопровождал ее в снах. Они бы не сидели в каюте, как двое заключенных, а смеясь, стояли бы рядом на палубе, и ветер развеивал бы их буйные, пропитанные морской водой волосы. Его рука лежала бы на штурвале, глаза то и дело обращались бы наверх, чтобы проверить состояние парусов, а затем опускались вниз, чтобы бросить на нее быстрый горячий взгляд.

У него длинные ноги и квадратные плечи, как у Томаса, но он более плотно сбит и гораздо сильнее. Одно движение свободной руки в ее сторону – и вот он уже обнимает ее и смеется, как умеет смеяться только он.

Она знала его низкий, какой-то беспечный голос, знала запах, тепло его плоти.

Джанет закрыла глаза и стала молиться.

– О любовь моя, приходи скорее, я изнываю и томлюсь от ожидания.

Открыв глаза, она увидела, что перед ней стоит Томас, ее муж, стоит как тень и отражение того, кого она любит.

Томас подошел ближе и опустился рядом с ней на колени.

– Джени, я еще никогда не видел тебя такой прекрасной, – прошептал он. – Ты так любишь море и корабли?

Она положила руки на плечи мужа и привлекала его к себе.

– Иногда это бывает сильнее меня, – сказала она ему. – Как в те давние дни, когда женщина душой чувствовала обращенный к ней призыв Господа все бросить: дом, обычную жизнь, может быть, даже возлюбленного, чтобы вдали от суетного мира, в монастырских стенах, вверить себя Его попечению; нечто подобное порой находит и на меня: покинуть Плин, тебя, детей и уплыть в самом сердце корабля туда, где только ветер да море были бы моими спутниками.

Он крепко прижал ее к себе, осторожно лаская робкими, нервными руками.

– Разве ты не счастлива, Джени, разве жалеешь, что мы поженились и вместе провели эти несколько благословенных лет?

– Нет, дорогой, не жалею и никогда не буду жалеть.

– Может быть, эти последние месяцы я бывал с тобой не так часто, как следовало бы. Может быть, слишком много занимался работой, слишком много о ней думал. Но, Джени, дорогая моя жена, свет очей моих, отрада моего сердца – я люблю тебя за все твои милые странности, хоть и не могу их понять. Ты не бросишь меня навсегда ради своих снов, обещаю мне, что

не бросишь и не уйдешь туда, где я не смогу к тебе прикоснуться.

– Тебе будет одиноко без меня?

– Ах, Джени, неужели ты не понимаешь, с какой неутолимой жадностью тянет меня по ночам прикоснуться к тебе, к твоему нежному благословенному телу, которое принадлежит мне, ощутить на моем сердце твою руку, ведь мы живем в одном доме, ты заботишься обо мне и о детях – ты живое, дышащее существо, которое и есть для меня дом.

– Нет, телом я тебя никогда не покину, Томас. Я знаю, что Джанет Кумбе принадлежит своему мужу, своим детям, самому Плину. Там мои корни, я приросла ими к родным местам, как деревья в тени Труанского леса, и ничто не может оторвать меня от тебя.

Довольный ее ответом, Томас склонил к ней голову, и Джанет увидела, как он, упокоенный смертью, совсем как сейчас, лежит рядом с ней словно уснувший ребенок – меж тем как ее неугомонный дух, вырвавшись из глубины, летает с чайками, и песнь моря рвется из его уст.

В каюту заглянул спустившийся с палубы капитан.

– Располагайтесь и чувствуйте себя как дома. С таким ветром до Плина мы доберемся не раньше часа или двух дня, но опасности нет, и вы можете спокойно спать, пока я вас не разбужу.

Джанет поднялась с колен.

– Томас, взглянем разок на море; я хочу опять почувствовать воздух на своем лице.

Они вместе поднялись на палубу, и оглядели окружающую их картину. Ветер переменился и теперь дул на запад, дождь перестал. Ночь была темна, и только звезды светили на небе. Корабль, целый и невредимый, продолжал пенить морские воды. Ни малейшего признака земли – ничего, кроме моря, неба да воя ветра в парусах. Джанет стояла на носу корабля, пелерина развевалась у нее за плечами, темные волосы походили на буйную гриву дикого зверя.

Она очень напоминала собой резную фигуру на носу корабля.

Томас смотрел на нее затаив дыхание. Судно качнуло, и она шелохнулась вместе с ним, словно была его частью. Стоя рядом с ней, Томас испытывал невольный трепет перед ее красотой.

– Джени, – прошептал он, – Джени.

Из-за его спины, из-за кормы корабля, из-за самого моря она услышала чей-то зов, громкий, торжествующий зов из тьмы, подобный голосу ветра.

– Я иду к тебе, сейчас, сейчас!

Она вытянула вперед руку и коснулась стоявшего рядом Томаса.

– Джени, – говорил он, – Джени.

Она отвернулась от моря и поднесла его руку к своим губам.

Люби меня сегодня.

Они ушли с палубы, а корабль продолжал плыть сквозь тьму, один на один с ветром и морем.

Глава седьмая

В конце весны над побережьем Корнуолла пронеслось несколько сильных штормов, и многие прекрасные суда затонули. Томас Кумбе, в равной мере и корабельный плотник, и корабел, был занят как никогда в жизни. Он нанял еще нескольких работников, и не было дня, чтобы на берегу возле верфи не лежало какое-нибудь судно.

Маленький Сэмюэль, которому уже исполнилось пять лет, проводил большую часть времени наблюдая за работой отца и его служащих. В качестве игрушки ему дали тупой старый тесак, и, несмотря на ранний возраст, пальцы у него были достаточно проворны.

Его сестре Мэри шел третий год, и она ковыляла за матерью на своих пухлых нетвердых ножках.

Джанет не переставала благословлять детей за то, что они не доставляют ей никаких хлопот. Теперь она порой чувствовала тошноту и головокружение, поскольку ожидала третьего ребенка. В тот год обе ее сестры вышли замуж, а через три месяца после свадьбы младшей умерла старая миссис Кумбе.

Джанет редко говорила с Томасом о своем здоровье. Он гордился близким прибавлением в своем семействе, но работа на верфи не позволяла ему уделять много времени жене, дома он бывал редко, приходил только к ужину, после которого сразу отправлялся в кровать и спал как убитый.

Ни с Сэмюэлем, ни с Мэри в первые месяцы беременности Джанет не чувствовала такой слабости и усталости. Она больше беспокоилась о ребенке, чем о себе, и боялась, что он либо родится недоношенным, либо умрет. Спокойствие и уверенность, с какими она ждала рождения двух первенцев, на сей раз изменили ей.

В ней проснулись былые буйные порывы, и часто хотелось лишь одного: бросить дом, бросить семью и бежать куда-нибудь далеко-далеко, в тихое уединенное место.

Она больше не сидела в кресле-качалке с работой на коленях, наслаждаясь теплом и покоем, царившими в доме, но, несмотря на слабость и угнетенное состояние духа, беспокойно бродила по комнатам.

Когда наступило лето и дни стали длиннее и теплее, Джанет, забирая с собой детей, часто уходила из дома, с трудом поднималась на вершины скал, высившихся над Плином, и часами сидела там, глядя на море.

Как никогда прежде жаждала она свободы, ее пронизывала острая

боль, когда она видела, как какой-то корабль под раздуваемыми ветром парусами выходит из гавани и, словно безмолвный призрак, плывет по глади моря. Нечто неведомое в сердце звало ее вдаль.

По мере того как месяц медленно протекал за месяцем, это чувство становилось сильнее, ярче, и не проходило дня, чтобы Джанет, улучив момент, не поднялась на скалы и там, подставив голову ветру, слушала говор моря. Сильнее, чем когда бы то ни было, чувствовала она порыв и желание собрать все силы и идти быстро, но, взглянув на свое уродливое, бесформенное тело, закрывала лицо руками, стыдясь того, что родилась женщиной.

Ее нервы, обычно спокойные, были напряжены до предела.

Дом казался ей пустым, в его стенах она не находила покоя – он ничего не давал ей. С Томасом она была резка, с детьми немногословна – они составляли часть цепи, которая приковывала ее к Плину. Возвращаясь к скалам, она безутешно металась из стороны в сторону, ища то, чего не было; она страшилась одиночества и вместе с тем призывала его ее душа была так же больна, как и тело, больна и одинока.

Так летние месяцы перешли в осень, ранние утра стали прохладны и пропитаны туманом, ночами выдавались заморозки, предвестники зимы. Труапский лес и деревья вокруг Плина пленили многоцветьем, затем начали опадать первые листья, и вскоре земля покрылась блеклым, шуршащим ковром. Морские водоросли осыпались с прибрежных скал и, бесцветные, тяжелые, плавали на поверхности воды. Пышные осенние цветы набухли от мягкого до ладя и поникли головками.

С полей свезли урожай, яблоки в садах сняли и уложили на темных чердаках.

Птицы, казалось, исчезли вместе с летним солнцем, остались только длинношейей баклан-одиночка, деловитые маленькие тупики да неизменные чайки, которые, кружа над гаванью, с высоты ныряли за рыбой. Река затихла, и тишину нарушали только шорох падающих на землю листьев да потусторонний, скорбный крик кроншнепа, стоящего во время отлива на илистой банке в поисках пищи.

Сумерки опускались рано, сразу после шести, и жители Плина закрывали двери и окна от сырого тумана, позволяя ночи накидывать погребальный покров на их защищенные от стужи дома и нимало не заботясь о плачущем небе и мрачных совах.

Так подошла к концу последняя неделя октября.

Однажды днем сырая, тихая погода переменилась: с юго-востока начали собираться огромные багровые тучи, и вскоре уродливая полоса

затянула горизонт над морем. С приливом сильный ветер перешел в шторм, который со всей силой разразился над Плином.

Громадные волны обрушились на скалы у входа в гавань и ринулись внутрь. Брызги достигали развалин Замка, вода поднялась выше уровня городского причала и залила первые этажи зданий, сгрудившихся вокруг мощенной булыжником площади.

Мужчины заперли женщин в домах, а сами стали пробираться к доку за гаванью, чтобы проверить сохранность судов. Это был последний день октября, День поминовения усопших, когда по традиции целую ночь горел на маяке огонь, который поддерживали плавником, а после полуночи проходили процессией через город. Однако в ту ночь традиция была забыта – в такой шторм люди отважились бы выйти из дома разве что по большой необходимости.

Томас Кумбе был на верфи, с тревогой наблюдал он за прибывающей водой и с нетерпением ждал начала отлива, когда можно будет не опасаться увеличения и без того уже значительных разрушений. В Доме под Плющом детей уже уложили в кровати, и они крепко спали, несмотря на завывания ветра. Джанет накрыла ужин и ждала возвращения Томаса.

Дождь прекратился, только ветер и море ревели в унисон. Все листья с деревьев были сорваны, и лишь обломанные ветви раскачивались с треском, напоминая хлопанье корабельного паруса. Снаружи что-то стукнулось об окно и упало, этот звук напугал Джанет, и она невольно прижала руку к груди. Открыв окно, она увидела мертвую чайку, оба крыла птицы были сломаны.

Ворвавшийся в комнату ветер откинул занавеску и задул свечи. Огонь в камине зашипел и почти погас. И тут Джанет ощутила движение живого существа, которое шелохнулось в ней, почувствовала борьбу того, кто вот-вот разорвет связывающие его путы и вырвется на свободу.

Она раскинула руки, громко вскрикнула, и ветер-пересмешник эхом отозвался на ее крик.

«Пойдем со мной, – звал голос из тьмы, – пойдем и на вечных холмах отыщем нашу судьбу».

Джанет набросила на голову шаль и, не чувствуя ничего, кроме пронзительной боли и борения духа и тела, спотыкаясь, вышла навстречу пронизывающему мокрому ветру; в ушах ее непрерывно звучал призыв рокочущего моря.

На верфи Томас и его работники ждали, когда закончится прилив, и, увидев, что вода медленно, дюйм за дюймом, отступает, негодуя на противостоящие ей силы, поняли, что до утра за верфь можно не

беспокоиться.

– Ну, ребята, ночка для нас выдалась не из легких. Что скажете о чашке чего-нибудь горячего в моем доме? У жены уже все готово, и она ждет.

Мужчины от души поблагодарили его и, сгибаясь от дующего в спину ветра, зашагали рядом с хозяином вверх по холму к Дому под Плющом.

– Вот те на! Темно, – сказал Томас. – Не могла же она улечься спать.

Он вошел в дом, работники последовали за ним.

Комната была именно такой, какой Джанет ее оставила: на столе стоял ужин, но огонь в камине едва теплился, и свечи были задуты.

– Странно, – пробормотал Томас, – Джени не могла оставить комнату в таком виде.

Один из работников оглянулся.

– Похоже, миссис Кумбе все оставила второпях, – сказал он. – Что если ей стало нехорошо, ведь она уже, прошу прощения, на сносях, не так ли, мистер Кумбе?

Страх сковал сердце Томаса.

– Пойдите, – сказал он, – я посмотрю, может, она где-то рядом.

Он подошел к спальне над крыльцом и открыл дверь.

– Джени! – позвал он, – Джени, ты где? Сэмюэль и его сестренка крепко спали, в доме было все спокойно, и Томас, тяжело дыша, бегом спустился вниз.

– Ее там нет, – запинаясь, проговорил он. – Ее нигде нет, ее нет в доме.

Прочтя страх в его глазах, мужчины посуровели. Неожиданно он почувствовал слабость в ногах и, чтобы не упасть, ухватился за стол.

– Она пошла к скалам, – крикнул он, – пошла через шторм, обезумев от боли.

Томас схватил фонарь и выбежал из дома, крича, чтобы остальные следовали за ним. В дверях домов стали появляться люди.

– Что за шум и суматоха?

У Джанет Кумбе начались роды, и она ушла на скалы, чтобы утопиться, – раздался чей-то крик.

Мужчины натягивали куртки и искали фонари, чтобы присоединиться к поискам, за ними последовали две-три женщины, искренне огорченные тем, что одна из них может пострадать. Вся группа, шатаясь от ветра, стала подниматься на холм вслед за Томасом, который уже намного всех опередил.

– Сегодня – День поминовения усопших, – перешептывались меж собой люди. – Вот мертвые и восстают из могил, чтобы ходить по земле, и злые духи всех времен летают в воздухе.

И, стараясь держаться ближе друг к другу, они взывали к защите и милосердию Господнему: положение, в котором оказалась Джанет, вселяло ужас в их сердца.

Они собрались вокруг Томаса на вершине скалы, где шквалистый ветер едва не сбивал с ног, и черное море разбивалось о прибрежные утесы.

Со всех сторон фонари высвечивали на земле белесые пятна.

– Джени! – кричал Томас. – Джени, Джени, ответь мне!

Ни следа ноги на голой траве, ни обрывка ткани в колючем терновнике.

Снова пошел дождь, он слепил людям глаза, кипящие волны, разбиваясь об утесы, поднимали к вершине скалы облака колючих, как иглы, брызг.

Ветер неистовствовал на земле и в деревьях, он завывал, стenal, рыдал, как тысячи обезумевших дьяволов, летающих в воздухе.

Но вот Томас издал слабый крик. Он держал фонарь высоко над головой, и его луч косо упал на фигуру Джанет около руин Замка.

Полупреклонив колени, она сидела на траве, ее руки были широко раскинуты, пальцы сжаты в кулак и голова запрокинута. Ее одежда промокла от дождя и брызг, длинные, темные волосы в беспорядке свисали на лицо.

Ее щеки покрывали следы собственных слез и небесного дождя. Зубы впились в израненные губы, и кровь стекала из уголка рта. Глаза горели диким, первобытным огнем, огнем первых животных, бродивших по земле, и первой женщины, познавшей боль.

Томас опустился на колени рядом с Джанет, взял ее на руки и понес по мрачному склону холма вниз, в город, в ее собственный дом, где и уложил ее в кровать.

Шторм бушевал всю ночь, но вот ветер наконец утих, море устало от скорбных рыданий, и на Джанет снизошел мир.

И когда она поднесла к груди плачущего младенца с темными дикими глазами и черными волосами, то поняла, что кроме него ничто на свете уже не имеет значения, что тот, кого она ждала, наконец, пришел.

Глава восьмая

– Джозеф, оставь брата в покое, ты мучаешь его, как дьяволенок.

– Нет, не оставлю. Он взял мою лодку и не хочет отдавать обратно, – твердо сказал мальчик.

– Я только хотел посмотреть на ее форму, – плакал Сэмюэль, вытирая слезы с лица. – Я ничего ей не сделал. Отстань от меня, Джо, мне больно. – Мальчики сражались на полу, младший подмял старшего, Сэмюэля, под себя.

Джо с рассыпавшимися по лицу черными волосами поднял голову и улыбнулся, в его карих глазах горел опасный огонек.

– Отдай, или я раскрою тебе лицо, – вкрадчиво сказал он.

– Ну уж нет, приятель, этого ты не сделаешь, – вмешался Томас и, вскочив с кресла, в котором сидел у камина, растащил дерущихся мальчиков. Сэмюэль был бледен и весь дрожал, Джо смеялся как ни в чем не бывало.

– Так-то вы ведете себя в светлое воскресенье? Разве в школе вас ничему лучшему не научили? Стыдитесь. Сэмюэль, ты отправишься в свою комнату и ляжешь спать без ужина, а ты, Джозеф, получишь хорошую взбучку.

Плача про себя и стыдясь своего поведения, Сэмюэль спокойно отправился в кровать, и Томас остался наедине со вторым сыном.

Хотя Джо было только семь лет, он был слишком высок для своего возраста, ростом он уже почти догнал Сэмюэля, которому исполнилось одиннадцать. Он стоял перед отцом гордо приподняв подбородок, закинув голову и не сводя с его лица прямого, открытого взгляда; он был так похож на мать, что Томас на мгновение отвернулся, затем, собрал всю свою твердость и спросил:

– Тебе известно, что ты дурной, злой мальчик? Ребенок не ответил.

– Ты что, не желаешь отвечать, когда тебя спрашивает отец? Сейчас же попроси прощения, слышишь?

– Я попрошу прощения, когда ты отдашь мне лодку, и никак не раньше, – холодно ответил мальчик, после чего засунул руки в карманы и попробовал засвистеть.

Томаса поразило вызывающее поведение сына. Ни Сэмюэль, ни два младшие сына, Герберт и Филлип, так себя никогда не вели. Только Джозеф всегда стремился настоять на своем, словно было в нем что-то такое, что

отличало его от остальных братьев. Он и внешне не походил на них; в глазах, в лице что-то буйное, непокорное, одежда вечно порвана, башмаки в дырах.

Два-три раза в неделю он прогуливал школу, или его наказывали, как правило, за драки. Казалось, Томас не имел над ним никакой власти. Одна Джанет могла совладать с ним. С самого своего рождения холодной октябрьской ночью семь лет назад он был главной фигурой в доме. Он больше нуждался в уходе, чем Сэмюэль и Мэри, и первые месяцы его существования все вокруг звенело от его воплей. Более шумного ребенка просто невозможно было себе представить. И лишь когда мать крепко прижимала его к груди и что-то шептала ему на ухо, он успокаивался. Но через некоторое время он окреп и превратился в сильного, здорового мальчика. Тишина и покой покинули Дом под Плющом, теперь в нем постоянно звучали смех или яростные крики. Джозеф не был избалованным ребенком, никто не пытался излишне ему потакать или идти у него на поводу, просто сама личность мальчика выделяла его среди остальных, и было трудно в чем-либо ему отказать.

С годами его характер все более и более становился похожим на характер матери. С момента его появления на свет Джанет очень изменилась. Куда девалась покладистость, с какой она отвечала на все желания Томаса в первые годы замужества, а с ней и меланхолическое настроение, которое часто посещало ее впоследствии. Она стала сильнее, отважнее, обрела полную независимость ума и тела; она уже не довольствовалась желанием угождать мужу, заботиться о его домашнем очаге, ее душу уже не тревожили неосознанные томления и смутные порывы. Теперь это была не неуверенная в себе девушка, с удивлением смотрящая на открывающийся перед ней мир; это была женщина, перешагнувшая за тридцать и давшая этому миру пятерых детей.

Томаса, который до того правил и домом, и делом, нисколько не сомневаясь в своей власти, мягко, но твердо отодвинули на второй план. В Доме под Плющом первое и последнее слово было за Джанет, теперь так стало и на верфи. Именно Джанет предлагала кое-что изменить здесь, кое-что исправить там; именно Джанет приказывала одно и отказывалась от другого. Главой фирмы был, конечно, Томас, приказания отдавал он, но и его работники, и жители Плина знали, что за ним стоит его жена. Любой работник, позволивший себе на минуту расслабиться, мгновенно с замиранием сердца хватался за инструмент, когда на верфи появлялась Джанет в сопровождении маленького Джозефа.

– Так-так, Сайлас Типпет, – говорила она, – не слишком ли много

времени уходит у тебя на обшивку этой части? В чем дело?

– Не знаю, что и сказать, миссис Кумбе, – бормотал красный как рак рабочий. – Мы здесь здорово заняты, если спросите мистера Кумбе, то он...

– Вздор, приятель, – резким тоном обрывала Джанет, – эту лодку обещали к первому июня, и готова она должна быть ни днем позже. Этой доске нужны гвозди, а не капли пива с твоей бороды, так что смотри мне.

И с видом правящей королевы она стремительно уходила, держа Джозефа за руку.

Не приходилось сомневаться, что к первому июня лодка будет готова.

В Доме под Плющом и на верфи только два человека имели вес – Джанет и Джозеф. Всегда и неизменно эти двое вели дом и руководили делом: Джанет и Джозеф.

Но в тысяча восемьсот сорок втором году Джозеф был всего лишь семилетним мальчиком с «буйным нравом», а Джанет славилась в Плине двумя вещами: красотой и характером.

Итак, Томас стоял в гостиной Дома под Плющом с тростью в руке, его сын стоял перед ним.

– Подойди и получи, что заслужил, – строго сказал он.

– Не подойду, – ответил мальчик и скрестил руки на груди.

Томас сделал шаг в сторону сына и схватил его за воротник, затем заставил ребенка нагнуться и три раза сильно ударил его тростью.

Вырываясь, как чертенок, Джозеф вцепился зубами в запястье отца и до крови укусил его.

Томас выронил трость и вскрикнул, но не от боли, а в ужасе от поступка сына.

Томас был потрясен, он страшно побледнел: никто из его детей никогда не позволял себе ничего подобного.

Бог найдет способ наказать тебя за это, – спокойным голосом проговорил он.

Джозеф схватил со стола заветную лодку и с торжествующим воплем выбрался через окно, предпочтя его двери.

Наверху несчастный Сэмюэль стоял на коленях у кровати, спрятав лицо в ладони. «Господи, сделай так, чтобы я стал хорошим мальчиком».

Расстроенный Томас сидел у камина. Когда же вернется Джанет, и что она скажет?

Она ушла на чай к Саре Коллинз, захватив с собой Мэри, Герберта и маленького Филиппа.

Томас протянул руку за Библией, в которой всегда находил утешение; книга, к несчастью, открылась на Заповедях, и его взгляд упал на строки

«ибо грехи отцов падут на детей до третьего и четвертого колена...»

Он вздохнул и закрыл книгу. Он всегда любил Бога и верил в Него, за всю свою жизнь он не мог вспомнить ни одного поступка, который заслуживал бы боли, причиненной ему Джозефом. К тому же он всегда гордился своей семьей. Добрый, трудолюбивый Сэмюэль, нежная, кроткая Мэри, славный, надежный Герберт, даже тихий малыш Филипп с мелкими точеными чертами лица – никто из них никогда не перечил ему, никто, кроме Джозефа.

Джанет и Джозеф – Джозеф и Джанет... всем заправляют эти двое.

Тут Томас услышал в саду шаги и голоса.

Семья возвращалась домой. Джанет вихрем влетела в комнату, дети следом за ней. Они болтали и смеялись, довольные проведенным днем.

Джанет улыбалась, ее глаза сияли, лицо разрумянилось.

– Ты, наверное, думал, что мы никогда не вернемся? – весело спросила она. – Дети так разыгрались, что мне было жаль останавливать их.

Но вот она заметила беспорядок в комнате, валяющуюся в углу трость, мрачное лицо Томаса и его перевязанную руку.

Она закусил губу, вскинула подбородок, совсем как ее сын в приступе злобы, и в глазах ее появилась жесткость.

– Где Джозеф? – быстро спросила она. Томас поднялся с кресла и весь собрался.

– У нас был не слишком удачный день, – медленно проговорил он. – Сэмюэль и Джозеф подрались из-за лодки Джозефа, и мне пришлось их разнимать. Я очень рассердился оттого, что они так плохо ведут себя в светлый день воскресенья. Сэмюэля я отправил в кровать, сказав, что он останется без ужина, а Джозефа, который отказался просить прощения, наказал тростью. Посмотри, что он сделал с моей рукой – он меня укусил.

Томас снял повязку и показал руку жене, словно то была ее вина. Мэри выскользнула из комнаты и побежала наверх, Герберт опустил нижнюю губу, и на глазах у него появились слезы, один маленький Филипп оставался невозмутим. Он пересек комнату, открыл шкаф, где держал свои игрушки, и уселся играть в углу.

– Где Джозеф сейчас? – осведомилась Джанет.

– Не знаю, – угрюмо ответил Томас. Он был обижен тем, что на его руку не обратили внимания. – Выпрыгнул в окно и, наверное, побежал на берег.

Джанет вышла из гостиной и поднялась в комнату, в которой жили все три мальчика. Сэмюэль сидел на кровати, Мэри рядом с ним.

Мама, он очень жалеет, что так плохо себя вел, – поспешно сказала

она.

Сэмюэль и Мэри были очень привязаны друг к другу.

– Сэмюэль, скажи мне, что случилось, – спокойно попросила Джанет. Она знала, что он скажет правду.

– Я взял лодку Джо, посмотреть, как она сделана, – шмыгая носом, ответил бедный Сэмюэль. – Я тоже хочу сделать такую. Я не причинил ей никакого вреда. А тут подскочил Джо, ударил меня по голове и закричал: «Не трогай ее!» Я даже не успел как следует попросить, чтобы он мне ее показал, как он повалил меня на пол. Мы стали драться, и папа нас растащил.

– Джозеф ничего тебе не повредил? – спросила Джанет, ощупывая сына.

– Нет, кажется.

– Нет, повредил, противный мальчишка! – крикнула Мэри. – У Сэмми шишка на голове, пощупай, мама.

И действительно, на голове у Сэмюэля была небольшая припухлость, так, ничего особенного.

– Вставай, Сэмюэль, и пойдем вниз, ты растешь, тебе вредно отправляться спать на голодный желудок. Я вижу, что драку затеял не ты. А ты, Мэри, будь хорошей девочкой и, если можешь, присмотри за ужином. Ну а я пойду поищу Джозефа.

Она знала, где его искать. Внизу, на скалах под развалинами Замка, где он пускал в широкой заводи лодку, которую она ему подарила. Был отлив, и, чтобы добраться до заводи за скалами, ей не пришлось подниматься, а затем спускаться по крутой тропе.

Конечно, Джозеф был там и, стоя по пояс в воде, подталкивал лодочку длинной палкой.

Увидев Джанет, он вскрикнул от радости и помахал ей рукой.

– Иди, посмотри, – крикнул он, – как красиво она плывет.

Джанет смотрела на сына и улыбалась.

Всю его одежду придется сушить и снова, уже в который раз, чинить, да и башмаки надо будет залатать. Она с закрытыми глазами, на ощупь отличила бы его вещи от любых других. Он подбежал к ней с раскрасневшимся лицом и обнял мокрыми, покрытыми песком руками. Он нетерпеливо прыгал вокруг нее, и темный локон то и дело падал ему на лицо.

– Она называется «Джени», как и ты, – смеясь, сказал мальчик. – Я выцарапал название на корме пером Мэри. Правда, здорово? Смотри, такой лодки еще никогда не было, так ведь?

Испачканной в иле ногой он подтолкнул лодку к воде.

Но в этот момент порыв ветра подхватил великолепную «Джени», и она отплыла на более глубокое место, докуда ему было не дотянуться.

– Эй, вернись! – закричал Джозеф во всю силу своих легких. – Вернись, слышишь! – Он стал плескать на лодку водой, но она только отплывала все дальше и дальше.

Джозеф, сейчас же иди сюда, – сказала Джанет. Она знала, что там глубоко, а Джозеф еще не умел плавать.

Едва услышав голос матери, мальчик тут же подбежал к ней.

Мама, я потеряю лодку, – прошептал он. Джанет подняла палку, которую он отбросил в сторону, подобрала юбки и вскарабкалась на выступ скалы.

– Слушай, Джозеф, ты стой там, где мелко, а я подтолкну ее к тебе.

Мальчик повиновался.

– Опустит палку где поглубже, – крикнул он, дрожа от нетерпения. – Смотри, начинается зыбь. Мы еще можем ее достать.

Одной рукой цепляясь за выступ скалы, другой Джанет пыталась дотянуться палкой до лодки.

– Подожди, – взволнованно крикнула она, – у меня рассыпались волосы.

Мальчик весело рассмеялся.

– Не беда, мамочка, потом поправишь. Плыви, «Джени», плыви, моя лодочка. Не бойся, мы все равно тебя достанем.

– Не шуми так, – сказала Джанет, трясаясь от смеха, – ты накличешь на нас береговую стражу. Ну, плыви же, «Джени», сколько нам тебя ждать. – Она еще раз подтолкнула лодку палкой. – Готово, хватай ее, Джо, она подходит.

Лодка вплыла прямо в поджидающие ее руки Джозефа.

– Ура! – закричал он. – Я знал, что твоя тетка тебя спасет.

Джанет уселась на скале и стала приводить в порядок волосы.

Но едва она скрутила их на затылке, как Джо снова их распустил.

– Вот так, теперь ты лошадь с гривой, – сказал он и потянул за распущенные пряди. – Пойдем-ка, сегодня базарный день.

Джанет попробовала ухватиться руками за его ноги, но он приплясывал вокруг нее и все время увертывался.

– Осторожно, стража! – крикнул он.

– Господи помилуй, где? – спросила Джанет, поднимая глаза к скале.

Там никого не было. Корчась от смеха, Джозеф катался по земле, Джанет бросилась на него и принялась в шутку тузить и щекотать его, пока

он не запросил пощады. Затем он обнял ее и слегка укусил за шею.

– Я буду дикий конь и растерзаю тебя на части, – сказал он.

– Ничего такого ты не сделаешь, сын мой, – сказала Джанет, ставя его на ноги. – Помоги маме привести себя в порядок.

Стоя рядом с ней, он наблюдал, как она отряхивает платье и поправляет волосы. Вдруг она вспомнила, с какой целью пришла сюда. Она взяла сына за руки и привлекла его к себе.

– Ты подрался со своим братом Сэмюэлем и укусил отца, – строго сказала она, глядя ему в глаза.

Он кивнул и тяжело сглотнул.

– Твоя жестокость их очень огорчила. Сэмюэль не имел в виду ничего дурного, и твой отец поступил справедливо. Я накажу тебя, Джо.

Он тяжело задышал, но не проронил ни слова.

– Я отберу у тебя твою лодку. Видишь вон тот высокий выступ? Там и будет лежать твоя лодка, чтобы ты не смог ее достать. Обрати ты ее получишь лишь тогда, когда на руке твоего отца не останется шрама. Я рассудила справедливо, верно, Джозеф?

Джозеф заморгал. Его лицо сильно покраснело, губы дрожали.

– Да, – сказал он.

У отца ты попросишь прощения, а Сэмюэлю пожмешь руку. Обещаешь?

– Да.

Джанет аккуратно положила лодку на выступ, так, чтобы ее не мочил дождь. Когда Джо уже не мог ее видеть, он посмотрел на мать мокрыми от слез глазами, уткнулся лицом в ее плечо и нащупал ее руку.

Она дала ему носовой платок, и он долго и громко сморкался. Джанет отвернулась, сделав вид, будто не видит его слез.

– Ну что, пойдём? – сказала она.

– Я испачкал твое платье, – сказал он и попробовал очистить его платком.

Из носа у него текло, а на щеке застыли смешавшиеся с грязью слезы.

Она неожиданно привлекла его к себе и крепко прижала к груди.

Глава девятая

Дети играли на верфи. Сэмюэлю дали сломанную пилу и пару старых досок. Он приложил доски к стапелю и крепко сжал пилу в правой руке.

– А теперь смотрите на меня, – сказал он серьезным тоном.

Мэри с куклой в руках опустилась на колени рядом с ним и уставилась на брата горящими от гордости глазами. Герберт стоял рядом с Сэмюэлем, держа в раскрытой ладони с полдюжины ржавых гвоздей.

– Скажи, когда они будут тебе нужны, и я сразу подам, – сказал он, довольный тем, что может оказаться хоть чем-то полезным. Вверх-вниз ходила пила, и вскоре аккуратно распиленные пополам доски упали на землю.

– Посмотрите, где я пометил доску мелом, – крикнул Сэмюэль, гордясь верностью своей руки. – Я и на четверть дюйма не сдвинулся ни в одну сторону. Герби, подай мне гвозди, так, хороший мальчик.

Три белокурые головки склонились над досками. Вдруг раздался громкий вопль, и выскочивший из-за сарая Джозеф вклинился между ними.

Дети вскрикнули от испуга.

– Осторожно, Джо, ты все испортишь. Мальчик небрежно подбросил доски носком башмака.

– Бросьте вы эту ерунду. Слушайте меня. Вы знаете лодку старика Тима Уэста?

Дети кивнули.

– Я перерезал канат и перевел ее за верфь. Не говорите ни слова, никто ничего не заметил. Пойдемте.

– Я думаю, мы не должны... – начала Мэри. – А что скажешь ты, Сэмми?

Сэмюэль был в нерешительности. Он был старший и понимал, что хорошо, что плохо.

– Ты просто боишься, – презрительно рассмеялся Джо.

Это решило дело.

– Хорошо, идем, – поспешно сказал Сэмюэль, и лицо его залилось краской.

Они осторожно сошли по лестнице в конце верфи и плюхнулись на дно старой, дырявой лодки.

Опередив Сэмюэля, Джо схватил весла и, хотя они были слишком длинны и тяжелы для него, неуклюже оттолкнул лодку от стенки дока и

направил ее ко входу в гавань. На верфи никто не заметил их отплытия. Никто, кроме одного. Маленькая фигурка, выскользнув из-за пустой бочки, наблюдала за тем, как лодка исчезает за скалой.

Это был Филипп. Ростом он был гораздо меньше Герберта, хотя всего двумя годами младше. У него были мелкие, точеные черты лица, русые волосы и, в отличие от остальных детей Кумбе, маленькие, глубоко и близко посаженные глазки.

Он быстро убежал с верфи и помчался вверх по холму к Дому под Плющом. На полпути его словно осенило, и он резко остановился. В сточной канаве играл мальчик примерно одного с ним возраста.

– Помнишь, я видел, чем ты занимался в церкви в прошлое воскресенье? – шепотом спросил Филипп, говоря почти в самое ухо мальчику.

Тот покраснел и весь съежился.

– Да, – пробормотал он.

– Так вот, тебе надо пойти в Дом под Плющом и сказать, что ты видел, как мои братья и сестра увели с верфи лодку Тима Уэста. А если не пойдешь, я на тебя пожалуюсь.

– Я пойду, – сказал перепутанный мальчик, вскакивая на ноги.

– И запомни, надо сказать, что ты сам все видел. Не говори, что это я тебе рассказал.

Мальчик побежал на холм, а Филипп исчез в другом направлении.

А тем временем Джо и его команда были уже перед самым входом в бухту. Порывистый южный ветер покрывал воду крупной зыбью.

Испуганная Мэри начала громко плакать, бледный как полотно Герберт почувствовал первые признаки морской болезни, Сэмюэль растерянно оглядывался по сторонам.

Только Джозеф был совершенно счастлив. Он сделал неловкое движение веслом, и вода залила ему лицо. Он запрокинул голову и рассмеялся.

– Жаль, что на ней нет мачты и паруса, – сказал он, – тогда мы направились бы прямо во Францию.

– По-моему, нам лучше вернуться, Джо, – сказал Сэмюэль. Впереди он заметил открытое море и уже догадался о том, что их судно малопригодно для плавания.

– Чушь! – усмехнулся Джо. – Все в порядке. Он попробовал сделать более широкий гребок, но гнилое весло сломалось пополам, опрокинув его на дно лодки, выскользнуло из уключины и поплыло по воде.

– Ну что, добился своего! – закричал Сэмюэль.

Мэри вскрикнула и обхватила его руками. Лодку стало раскачивать еще сильнее, и Герберт, который до того мужественно сражался со своим желудком, не в силах более сдерживаться, перегнулся через борт. Его тут же стошнило. Джо посмотрел в сторону берега и понял, что прилив несет их прямо на скалы, о которые разбивались вскипающие белой пеной волны.

– Послушайте, – спокойно сказал он, – перейдите в середину лодки. Я попробую подгрести к берегу.

Он переставил оставшееся весло в затвор на транце^[8], но оно было слишком большим для него, и ему не удержать его. Сэмюэль поспешил на помощь брату, но получилось только хуже, через несколько мгновений и это единственное весло сломалось и волна унесла его.

Мэри горько плакала, Герберт в перерывах между приступами рвоты тоже.

Сэмюэль побледнел и крепко сжал руку сестры. Джо присвистнул и выставил вперед подбородок. «Я все затеял, мне и вызволять их из беды», – подумал он.

Прилив неотвратимо влек лодку к скалам.

Джо ясно видел, что выхода нет. Ему пришло на ум, что если он обвяжет носовой фалинь^[9] вокруг пояса и попробует доплыть до пещеры у входа в бухту, то, возможно, ему и удастся вывести лодку на безопасное место. Отчаянная, безнадежная мысль, но ничего другого не оставалось. Воды он не боялся; прошлым летом он научился плавать. Он скинул с себя одежду и обмотал фалинь вокруг пояса.

– Джо, не делай этого, – сказал Сэмюэль, догадавшийся о намерении брата, – ты утонешь.

Джо подмигнул ему и уже был готов прыгнуть, когда что-то заставило его поднять голову.

Он бросил взгляд на скалу и увидел, что по острым, осыпающимся камням спускается его мать. Должно быть, она сидела на вершине холма с малышкой Лиззи и все видела.

Джо не мог отвести взгляд от маленькой черной фигуры. Что, если она поскользнется...

Он ждал, готовый броситься в море. Он сорвал фалинь с пояса. Какое ему теперь дело до лодки?

До того, что Сэмюэль, Мэри и Герберт могут утонуть и разбиться о скалы?

Теперь лишь одно имело для него значение: чтобы мать благополучно спустилась со скалы.

Он не попытался окликнуть ее, зная, что она спускается к узкой пещере в скале со стороны гавани, где на глубокой воде ярдах в двадцати от берега стоит на якоре лодка одного ловца крабов. Она подплывет к ней, снимет с буя и придет им на выручку.

Джо инстинктивно знал это. Спускаясь по скале, Джанет подняла глаза и увидела, что он смотрит на нее с носа утлой лодчонки. Она улыбнулась.

Упасть она не боялась, еще девочкой она облазила каждый выступ этой скалы. Единственное, что ей мешало, так это длинные юбки.

– Я иду, Джозеф, – сказала она, зная, что он ждет ее.

Под ней грозно шумело море, ветер развеивал ее волосы, камни и земля осыпались из-под ног и рук. Рядом с ней закричала чайка, созывая своих подруг, и те принялись летать над ее головой, издавая пронзительные вопли и шумно хлопая крыльями.

Джанет громко послала им несколько проклятий, нисколько не заботясь о том, что кощунствует. Ее сердце пело. То была опасность. Она любила опасность. Джанет была счастлива.

Она была абсолютно уверена в себе, она знала, что вовремя доберется до Джозефа.

Наконец ее ноги коснулись песка пещеры. Она сбросила платье и скинула туфли. Джозеф по-прежнему неподвижно стоял на носу лодки.

Не бойтесь, дети, я иду к вам.

Она подплыла к рыбацкой лодке и с некоторым трудом забралась в нее; мокрое белье прилипало к телу, волосы струились по спине.

Джанет отцепила якорное кольцо, бросила канат и пробковый буй в воду. Затем взялась за весла и стала грести к беспомощно дрейфующей лодке, которая теперь находилась в каких-нибудь тридцати ярдах от омываемых морем скал.

– Держи фалинь наготове, – крикнула она Джозефу, и тот замер с веревкой в руках, в то время как остальные дети дрожали от страха, сгрудившись на корме.

Когда она подплыла достаточно близко, он бросил ей веревку, крикнув «Лови!» высоким, срывающимся голосом. Она поймала ее и быстрыми движениями привязала к своей лодке. Затем снова взялась за весла и, таща за собой лодку с детьми, вывела ее в спокойные воды бухты. Именно тогда Джозеф Кумбе в первый и последний раз в жизни потерял сознание.

Когда они входили в гавань, она увидела, что навстречу им с верфи плывет в лодке Томас и человек шесть работников. У мужа даже губы были белыми.

– Что с вами случилось? – крикнул он, дрожа от страха при одной

мысли, что с ней или с кем-нибудь из детей могло произойти несчастье.

– Все хорошо, – спокойно ответила Джанет. – Никто не пострадал.

– Я шел из дома, – крикнул Томас, – и на меня наткнулся малыш Гарри Таббса, который бежал сказать, что Джозеф перерезал фалинь лодки Тима Уэста и вместе с остальными уплыл из гавани. Я бросился со всех ног и вскочил в эту лодку. Как раз когда мы в нее садились, подходит миссис Коллинз с Лиззи на руках. «Я нашла вашу крошку всю в слезах там, наверху, за развалинами Замка, – говорит она, – боюсь, с ее матерью приключилась беда». Но у меня не было времени ждать.

Вскоре они уже были около верфи, и там все объяснилось.

– Тебе не стыдно, Джозеф, – сердитым голосом спросил отец, – да и вам тоже, скверные дети, за то, что его послушались?

– Оставь их в покое, – тут же вмешалась Джанет, – думаю, они уже и так достаточно наказаны.

Небольшая компания с трудом побрела вверх по холму.

Филипп ждал в гостиной, держа на коленях раскрытый том «Рассказов о Христе». Рядом, с Лиззи на руках, стояла добродушная Сара Коллинз.

– Бедняжка Джанет, – воскликнула она, – скорее иди-ка сюда и как следует обсохни, дорогая.

– А ты где был, Филипп? – устало спросил Томас.

Дети были для него нелегкой ношей.

– Спокойно читал здесь, дорогой папочка, – кротко ответил маленький Филипп.

– Единственный нормальный из всего выводка, – вздохнул Томас и, посадив Филиппа себе на колени, дал ему кусок кекса.

Остальные дети, жалкие и совершенно несчастные, сбились в кучку перед камином, недоумевая, как это мальчишка мистера Таббса мог заметить их побег.

Во всяком случае, они все равно не утонули бы, мама спасла бы их.

Мама всегда приходила вовремя.

А маленький Филипп спокойно наблюдал за ними с отцовских колен, слизывая с губ крошки кекса.

– Папочка, дорогой, можно мне еще кусочек кекса? – спросил он.

Наверху добрая миссис Коллинз укладывала Лиззи спать. В комнате мальчиков Джанет, стоя на коленях перед кроватью сына, обнимала рыдавшего от горя Джозефа.

– Я боялся, что ты упадешь, – уткнувшись лицом в ее шею и задыхаясь от слез, говорил он. – У меня просто сердце разрывалось, когда я смотрел, как ты спускаешься по этой скале. Я этого никогда не забуду, никогда-

никогда, до самой смерти: ты лезешь вниз по голому склону, а чайки кричат и бьют тебя по лицу крыльями.

Она поцеловала его мокрые глаза и откинула волосы с лица.

– Успокойся, мой любимый, с твоей мамой никогда не случится ничего дурного. Я здесь, чтобы заботиться о тебе. Ты знаешь, что нехорошо было брать старую лодку, и твои страдания, когда ты видел, как я спускаюсь по скале, научат тебя умирять свои буйные и необдуманные порывы.

– Мама, я больше никогда не буду плохим. Но временами на меня нападает какая-то лихорадка, меня так и тянет взять лодку и уплыть – неважно куда – лишь бы в море, где ветер будет дуть мне в лицо.

Он обвил руками ее шею.

– Ты понимаешь. Я знаю, только ты можешь понять этот злой, вечно куда-то зовущий дух, который живет во мне.

Тесно прижавшись друг к другу, сидели они в темной комнате.

– Когда я вырасту, ты уйдешь, правда? – прошептал он. – У нас будет собственный корабль, и мы уплывем туда, куда понесет нас ветер. Ты знаешь, что ни о чем другом я не думаю, ведь знаешь?

– Да, Джозеф, – прошептала она в ответ.

– Я не собираюсь оставаться на верфи вместе с отцом, Сэмюэлем и Герби, – сказал он. – Я буду моряком, как много раз уже говорил тебе. И когда я стану капитаном моего корабля – он будет называться «Джанет Кумбе», – ты будешь со мной, вместе со мной встречать опасности и великие чудеса. Обещай, что ты уплывешь со мной – обещаешь?

Он взял в руки ее подбородок. Она закрыла глаза.

– Обещаю.

– Знаешь, мой корабль будет самым быстроходным в Плине, и его нос будет украшать твоя фигура, и весь мир будет восхищаться твоими глазами и улыбкой.

Джанет стояла на коленях, крепко прижимая к себе сына.

Внутреннему взору обоих предстало видение корабля с наполненными ветром белыми парусами. Джозеф смеется, ветер дует ему в лицо, а на носу судна – руки прижаты к груди, голова гордо закинута – вырезанная из дерева фигура Джанет.

Ты будешь гордиться мной? – шепотом спросил мальчик.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

Глава десятая

Казалось, что происшествие с лодкой и спасение, подоспевшее в последнюю минуту, еще больше связали Джанет и Джозефа, если только такое было возможно. Но не узы плоти и крови делали их частью друг друга, и даже не сознание того, что их души и тела отлиты по единой модели; нет, то был духовный союз, бросающий вызов времени и вечности, нечто, существовавшее между ними еще до рождения, до физического зачатия каждого из них. Джанет оставалась верной и преданной женой Томасу, любящей, заботливой матерью остальным детям, но с Джозефом ее связывали понимание и любовь, в которых было что-то от бессмертия. Она часто читала его мысли и желания, прежде чем он успевал их высказать; стоило малейшей тени лечь на его лицо, она уже знала ее причину. Его радости были ее радостями, его детские горести ее горестями. Он был ее вторым воплощением, и ему предстояло заняться тем, что не позволял ей пол. Он любит море и корабли с той же страстью, что и она, и, став мужчиной, сделается моряком, и она его глазами увидит все то, о чем ей приходилось только мечтать.

Теперь она знала, что больше никогда не будет одинокой; расставание с Джозефом не отнимет его у нее. Знал это и он; они никогда не говорили о таких вещах, но ее мимолетная улыбка, прикосновение руки, взгляд, брошенный на него через стол, переполняли его идущим от нее теплом, и душа его ликовала, принимая этот дар.

Когда отец, братья и сестры собирались вокруг стола, Джозеф с волнением и сладкой радостью чувствовал себя заговорщиком. Его мать сидит перед расставленными рядом с ней чашками, рука поднята и согнута в локте, отчего ткань на рукаве платья собирается тысячью мелких складок, пальцы постукивают о ручку чайника. Слева от нее сидит Лиззи, младший ребенок в семье, бледная, хрупкая девочка, лицом отдаленно похожая на Джанет. Сэмюэль, старший из братьев, сидит справа. Джозеф всегда усаживался за столом так, чтобы видеть, как свет лампы окружает темные волосы Джанет золотым ореолом.

Он обводил взглядом всех собравшихся за столом: отец что-то рассказывает, медленно и сосредоточенно пережевывая пищу, Сэмюэль и Мэри обсуждают то, о чем рассказывал в школе учитель, Филипп что-то украдкой хватает с тарелки Герберта, пока тот, раскрыв рот, слушает Сэмюэля.

Джозеф улыбался про себя. «А они-то ни о чем даже не догадываются». Затем смотрел, как мать на мгновение склоняет голову к Лиззи. У него возникало инстинктивное желание, чтобы она посмотрела на него, и Джанет через секунду поднимала глаза, встречалась с ним взглядом, исполненным такого света, что он всем существом покорялся его власти, мягкой, неодолимой, более сильной, чем сама жизнь.

– Джозеф, хочешь еще чаю?

И он протягивал чашку, стараясь пальцами коснуться ее руки.

– Да, мама, спасибо.

И они улыбались друг другу, безрассудно, слепо, будто им одним была ведома некая тайна, и презирали все человечество. Он не без гордости заметил, что, когда она произносит его имя, ее голос меняется.

При обращении к отцу тон ее голоса был мягким, нежным, к братьям и Мэри – теплым, веселым, к Лиззи, возможно, более заботливым, но для него в нем находились нотки, которые по праву принадлежали только ему – что-то между шепотом и лаской, словно она прижимала его к себе, стоя рядом с ним в темноте на коленях. «Джозеф, – говорила она, – Джозеф».

Во второй половине дня, когда работа по дому бывала закончена, а Томас еще не вернулся с верфи, Джанет часто разрешала Мэри и Сэму погулять с младшими детьми, наказав им особенно внимательно следить за Лиззи, которой не следовало слишком уставать. И вот, когда в доме наступали тишина и покой, а Джанет перед небольшим зеркалом в спальне приводила в порядок волосы и оглядывалась, ища капор и шаль, за дверью раздавались осторожные шаги на цыпочках. Она знала, что это значит, и сердце ее начинало радостно биться, однако она делала вид, что ничего не слышит, и принималась напевать какую-нибудь песенку.

Вдруг она чувствовала, что кто-то сзади берет ее за локти и прижимается головой к ее спине; затем локти ее освобождались, две руки проскальзывали под ее ладони и осторожно ползли вверх. Она, смеясь, оборачивалась, проводила руками по его волосам и прижималась лицом к его щеке.

– Почему ты не пошел с остальными? – шепотом спрашивала она.

– Почему ты надеваешь уличную одежду? – так же шепотом отвечал он вопросом на вопрос.

– Ах да, ты ведь не знаешь, – говорила она. – Вышло так, что мне надо сходить к миссис Хокен, говорят, ей нездоровится, и она, бедняжка, ждет, чтобы я ее развеселила.

– Мне очень жаль, но миссис Хокен будет разочарована, – беззаботно говорил Джозеф, – потому что выйдет так, что ты к ней не сходишь.

– Нет? А почему же, сынок?

– А потому, что ты пойдешь со мной, и ты это сама знаешь.

– Нет, не знаю, – притворялась она.

– Нет, знаешь, – говорил Джозеф.

И из опасения, что остальные могут вернуться, они крадучись выходили из дома и, минуя главную улицу Плина, взбирались по узкой тропе, которая бежала за домами к скалам и развалинам Замка. Там они проводили время, глядя на море: она – сидя спиной к стене с поджатыми ногами, он – растянувшись во весь рост на траве, подперев подбородок руками, жуя соломинку и то и дело отводя взгляд от горизонта, чтобы взглянуть на ее лицо.

Она рассказывала ему о своем детстве, о том, как мечтала быть мужчиной, о своих буйных фантазиях, о том, как ей хотелось по примеру овец и коров убегать на холмы и вести там жизнь, полную приключений и встреч с неизвестным. Он держал ее за руку; он понимал – ведь то были и его желания, и он нисколько не сомневался, что придет день и они вместе их осуществят.

Говори, говори, – умолял он, – никогда не переставай рассказывать мне о своих желаниях и мыслях, о том, что ты чувствовала, когда была девочкой. Мне кажется, будто я всегда знал о них и помнил.

Он попросил описать ему ее фигуру и лицо.

– Ты с тех пор очень изменилась, была такой же тонкой и легкой, как маленькая Лиз?

– Да, может быть, что-то вроде Лиз. Но я никогда не была слаба здоровьем. Скорее, Джозеф, я была похожа на тебя.

Он сильнее закусил соломинку и от гордости щелкнул зубами.

– Я знаю, что сейчас, в эту минуту, ты красивее всех в Плине, но мне все равно очень хотелось бы увидеть, какой ты была тогда, легкой и хрупкой, не больше, чем Мэри.

Она посмотрела на его голову и постаралась вспомнить, каким он привиделся ей тогда на холме – усталым, пожилым, с измученными ввалившимися глазами; сейчас же у ее ног лежал мальчик с темными волосами и буйным беззаботным духом.

Его путь предначертан, возможно, он будет тернист и мучителен, но она будет рядом.

Они вдруг задумались и некоторое время сидели молча. Он развязал ее капор и, сняв, положил ей на колени.

– Я хочу смотреть, как ветер играет твоими волосами, – лукаво проговорил он.

Зная, что у него на уме, она отодвинулась, поскольку иначе через пару секунд он выдернул бы шпильки и рассыпал ей волосы по плечам.

– Зачем ты это делаешь? – спросила она со счастливым вздохом. Она не сердилась, нет, но порой его причуды ее тревожили.

– Не знаю. – Он лежал на боку и поглаживал пальцами ее руку – Когда я уйду в море, то в заморских странах накуплю тебе драгоценностей, разной одежды, а еще кружев и духов. Как контрабандист, спрячу их от таможенников и темной ночью принесу в твою комнату. Мы закутаем тебя в одежды, и я надену драгоценные украшения тебе на шею и запястья. Духами помажем тебе брови, уши и немного капнем в ямку на локте.

– А что еще, Джозеф, ты мне привезешь?

– А разве этого мало, жадный ты ангел? Мы, конечно, никому ничего не скажем. Это будет наша страшная тайна.

– И куда же ты намерен отправиться, сынок?

– Пожалуй, я пересеку весь мир от Китая до Перу, как пишут в нашей школьной книжке стихов. Я увижу огромные города, где ходят толпы богато одетых людей с темной, ярко раскрашенной кожей. Там будут дворцы и короли, горы до самого неба и леса, которые тянутся от страны до страны и где тишину нарушают только пение птиц и мрачный шелест листьев. Но лучше всего само море, когда по несколько дней подряд не видно земли и только волны разбиваются о нос корабля. Ветер, как удар по щеке, и колючий дождь.

– И ты будешь любить это больше всего остального?

– Больше всего, кроме того, что ты ждешь меня на вершине Плинского холма. Мы еще не обогнули мыс Лизард, а я знаю, что ты уже там. Все города и океаны ничто в сравнении с тем моментом, когда я увижу, как ты стоишь у развалин Замка. Ты придешь одна, без отца, без Сэма и всех остальных – ты одна, ради меня.

– Тебе будет жаль возвращаться? – спросила Джанет, заранее зная ответ.

– А как ты думаешь?

Он немного помолчал, затем снова заговорил соломинку.

– Я так и вижу свой корабль. Вижу его оснастку, длинные, изящные линии корпуса. Раздуваемые ветром паруса. Когда я ему позволяю, он мчится, как дьявол, смеясь от радости, что вырвался на свободу, но достаточно одного прикосновения моей руки, и он понимает, покоряется моей воле, зная, что я его капитан, и любя меня за это.

Джозеф нагнулся и смотрел на Джанет, словно обнимая всю ее взглядом своих прищуренных глаз.

– Джозеф, что с тобой? – спросила она, чувствуя на себе его странный взгляд.

Он засмеялся, выплюнул соломинку на землю и протянул руку.

– Женщины – как корабли, – сказал он.

Глава одиннадцатая

Дети росли, а маленький город Плин ширился и становился краше.

Плин был уже не тем, каким Джанет знала его девочкой и каким видела с вершины холма в утро своей свадьбы. Былая атмосфера тишины и покоя, казалось, исчезла, как исчезла и приютившаяся у подножия холма деревушка, где во время прилива воды гавани подбирались чуть не к дверям домов. В былые дни гавань часто пустовала, если не считать нескольких рыбацких люггеров, принадлежавших местным жителям, и когда мужчины возвращались с рыбной ловли или спускались по окончании работы с полей, то частенько задерживались у ограды двора Кумбе, чтобы поболтать, дымя трубками; на камнях сушились сети, и ничто не привлекало взгляда, кроме чаек, ныряющих за рыбой в воду, дыма, выходящего из труб соседних домов, да женщин, поджидающих па пороге.

Порой грачи тучей взмывают с деревьев над домом сквайра Трелони и закружат в воздухе, клича друг друга.

Первое время после свадьбы Джанет с Томасом нередко бродили летними вечерами в полях над Плином, любясь оранжевыми узорами, которые солнце рисовало на воде. Тогда ни единого звука не долетало из гавани, разве что время от времени легкий всплеск весла, когда кто-то вызволял свою лодку из водорослей, плывя вдоль высокого берега в Полмир.

Они смотрели, как темный силуэт лодки медленно сливается с тенью опускающихся сумерек. На какое-то мгновение солнце освещало дальний холм вспышкой пламени – она отражалась в окнах домов Плина и весело играла на шиферных крышах – и тут же садилось за высоким маяком, стоящим на высокой голой скале над Пеннитинскими песками. На воде догорали последние краски дня, колосющаяся рожь золотилась в гаснущих лучах солнца. Плин погружался в тишину, лишь изредка доносился из темноты чей-то далекий крик или собачий лай с фермы в Полмирской долине. По воскресеньям колокола Лэнокской церкви созывали жителей Плина к вечерней молитве, и те по ведущей через поля тропинке шли в церковь за Полмиром. Перед ужином молодые люди – влюбленные или такие же, как Джанет и Томас, молодожены – поднимались по крутому холму к развалинам Замка и ждали восхода луны; наконец она появлялась, белая, призрачная, и высвечивала на воде магическую дорожку, которая тянулась к самому горизонту и походила на указующий перст.

Таковы были мир и покой, царившие в Плине, затерянном в глуши, вдали от городского шума. Затем мало-помалу все стало меняться. Было открыто значение фарфоровой глины, и началось строительство шахт. У самого устья реки возвели грубые пирсы, на которые свозили глину.

За глиной приходило множество судов, и гавань теперь часто представляла собой лес мачт, ожидающих своей очереди, чтобы подойти к пирсу.

Жители Плина бурно радовались росту их города: ведь торговля принесет им процветание и богатство. Ворчали только недовольные переменаами старики.

– К чему нам эти корабли и глина? – брюзжали они. – От них с утра до ночи в гавани только и слышно, что лязг да скрежет. Почему бы им не оставить Плин в покое?

Склон холма застроился новыми домами, более солидными и основательными, чем старые коттеджи у воды, с высокими, занавешенными портьерами окнами. Затейливые решетчатые окна коттеджей сочли старомодными и грубыми; крыши стали крыть не мягким серым шифером, а черным блестящим железом. На троне теперь была королева Виктория, и в гостиных Плина висели ее портреты, на которых она была изображена рядом с принцем-консортом..[\[10\]](#)

Из сонной, ленивой гавани Плин превратился в деловой порт, и воздух над ним наполнился скрипом кораблей и шумом погрузочных работ. Корабельная верфь Томаса Кумбе была очень важна для Плина. Из ее дока теперь выходили крупные суда: корабли водоизмещением больше ста тонн, шхуны, баркентины...

Томасу было уже сорок восемь лет, характер его мало изменился, но работа давала о себе знать: плечи его ссутулились, под глазами появились усталые морщинки. Думал он только о своем деле и о положении, которое оно принесло ему в Плине. Он был предан жене и семье, но дело стояло для него на первом месте. Они по-прежнему жили в Доме под Плющом. Здесь ничего не изменилось, не изменилась и большая, теплая кухня, где вся семья собиралась за столом во время еды.

Мэри помогла матери сшить новые портьеры для гостиной, а в углу этой комнаты появилась фисгармония, на которой она научилась играть.

Сэмюэль стал работать вместе с отцом на верфи и проявил себя таким же добросовестным и сметливым работником, каким в его возрасте был Томас. Он действительно стал правой рукой отца, и Герберт, стараясь во всем походить на брата, учился у него мастерству. Возможно, вскоре на вывеске над верфью появится новая надпись – «Томас Кумбе и сыновья».

Эта мечта никогда не покидала Сэмюэля и Герберта.

Мэри продолжала жить в Доме под Плющом; она была все такой же веселой, услужливой и не желала для себя ничего лучшего, чем остаться там навсегда и заботиться об отце и братьях.

Филипп, похоже, не испытывал желания со временем присоединиться к братьям на верфи. Это был до странности скрытный мальчик, водивший компанию со своими собственными друзьями и занятый собственными мыслями, говорил он мало и большую часть времени проводил читая в углу.

Лиззи уже исполнилось десять лет, и эта славная, добрая девочка, которая, казалось, радуется всем окружающим, была в семье общей любимицей.

А Джозеф? В свои восемнадцать лет он был выше отца и братьев, у него были мощные квадратные плечи и широкая грудь. За исключением Лиззи, он единственный из всех Кумбе был темноволос. Волосы у него были густые и курчавые, на щеках уже пробивались бачки, и выглядел он старше своего брата Сэмюэля, которому шел двадцать второй год. Осторожности он еще не научился. В Плине не было ни одного мужчины, с которым он не готов был бы подраться ради одного удовольствия, и не случалось ни одной дикой выходки, где он не был бы зачинщиком. При упоминании имени Джо Кумбе старики только головами качали.

Девушки Плина, когда он смотрел на них в церкви, заливались краской, чего он явно и добивался, и, собираясь в стайку, хихикали и взволнованно шептались, когда он проходил мимо них по улице. «Как бесчестно он обошелся с Эмми Типпит», – шептала одна. «Ах, а теперь, говорят, он занялся Полли Роджерс», – шептала другая. И они принимались гадать, кто окажется следующей жертвой. Что если одна из них? Тайный огонь желания загорался в их сердцах, и погасить его было выше их сил.

Джозефу было самое время уходить в море. Именно это он и собирался сделать.

Совсем скоро он поступит юнгой на «Фрэнсис Хоуп» к капитану Коллинзу, мужу Сары Коллинз.

Джозеф чувствовал, что мечта всей его жизни близка к осуществлению. Уйти в море, бросить Плин и его скучных, сварливых людишек, которые вечно мешали ему делать то, что хочется. Он не боялся, что на баркентине придется вести трудную жизнь, терпеть грубое, хуже, чем с собакой, обращение, долгие часы проводить в промокшей насквозь одежде, довольствоваться скудной пищей и несколькими часами сна в сутки; это жизнь настоящего мужчины и, несмотря на необходимость с

утра до вечера подчиняться чужим приказам, вольная жизнь. Он смеялся над Сэмюэлем и Гербертом, которые, проведя целый день на верфи, возвращались домой такими довольными и гордыми собой. Что знают они о настоящей работе? Ледяной вихрь и пропитанные морской водой паруса, скользкие палубы во тьме, жесткие, режущие пальцы канаты, волны и ветер, восставшие против твоей жизни, крики и проклятия грубой команды... Никто из близких не завидовал ему – никто, кроме Джанет, его матери. В свои сорок два года она не изменилась; время не сказалось на ней. Не было у Джанет ни морщин под глазами, ни седых прядей в волосах.

Родив шестерых детей, она по-прежнему оставалась стройной, как молодая женщина. Глаза были дерзкими и бесстрашными, подбородок еще более решительным, чем прежде. Только она завидовала Джозефу. Ничего не желала она так страстно, как быть с ним рядом на его первом корабле, делить с ним все лишения и опасности.

Еще прежде, чем он пришел к ней, прежде, чем родился, она знала, что море призовет его к себе, как призвало бы и ее, будь она мужчиной.

Она гордилась тем, что Джозеф станет моряком, но сердце ее холодело от боли при мысли о расставании. Она презирала себя за эту слабость, она, никогда не боявшаяся ни смерти, ни опасности. Рассудок говорил ей, что дух ее последует за Джозефом; но тело ее требовало его тела, ей было невыносимо сознавать, что его глаза уже не засветятся при встрече с ее глазами, что голос его уже не коснется ее слуха, что руки его уже не обнимут ее плеч. Она должна бороться с этой слабостью, бороться всеми силами, которых ей не занимать, бороться и победить самое себя.

Она не пыталась скрыть свою боль от Джозефа; они никогда ничего не скрывали друг от друга.

В эти последние дни они мало разговаривали. Делали вид, будто слишком заняты новой одеждой для Джозефа. Джозеф ни секунды не сидел на месте. Чтобы не думать, он носился по окрестностям, на Полмирской ферме подрался с сыном фермера и едва унес ноги от работников, за один день переспал с тремя девушками Плина и тут же о них забыл. На верфи он отвлек от работы отца и брата, которые были заняты на строительстве нового судна. Испортил кексы, которые Мэри испекла на ужин, спрятал куклу Лиззи за фисгармонию, откуда она не могла ее достать, сгреб в охапку книги Филиппа и бросил их на дно высохшего и давно заброшенного пруда в дальнем конце сада.

В таком буйном настроении его еще никогда не видели: он пел и кричал во весь голос, сломал стул в гостиной, дом сотрясся от наводимого им шума и топота.

– Пока ты не уедешь, здесь не будет покоя, – в негодовании крикнула Мэри.

– Ура! Ура! Еще только один день! – бушевал Джо. Его глаза сияли, волосы рассыпались по лицу.

Одна Джанет понимала: то был последний слепой вызов, демонстрация мнимой силы, и всякий раз, когда он через комнату бросал на нее дикий, горестный взгляд, в нем горело: «Я люблю тебя, люблю, люблю».

Он увидел, как она опустила голову, кровь отхлынула от ее лица, и на нем появилось выражение неизбывной муки. Она стиснула руки и, отвернувшись, посмотрела на огонь.

– Осторожнее с горячими тарелками, Мэри, – сказала она твердым голосом.

Джозеф больше не мог выносить этого. Он выбежал из комнаты, бросился вон из дома и, громко богохульствуя, стал, как безумный, взбираться по крутому холму к скале. Слезы бессильной злобы текли по его щекам. Ветер клонил деревья, раскачивал кусты, в дальних полях жалобно блеяли овцы. Но он не замечал ничего вокруг и видел только лицо Джанет, ее темные глаза, глядящие в его глаза. У себя на лбу он чувствовал ее холодные руки, слышал ее тихий голос, произносящий его имя. Ему чудился звук ее шагов, шуршание ее юбки.

Он вспоминал силу ее рук, на которых она качала его маленьким мальчиком, ее чистый, сладкий запах, который он вдыхал, прижимаясь головой к ее груди. Вспоминал, как смотрел на нее снизу вверх, держал ее за руку, как бежал со всех ног, чтобы забраться к ней на колени и прошептать ей на ухо какой-нибудь вздор. Как она опускалась перед его кроватью, чтобы его успокоить, а Сэмюэль и Герберт тем временем спали в углу как убитые.

Как они смеялись и шептались в темноте, словно заговорщики, а потом он смотрел, как она, подобно бледному призраку, выскальзывает из комнаты, прикрывая рукой свечу; ее глаза сияют, а к губам прижат палец.

Джозеф добрался до вершины скалы, упал ничком и стал рвать землю руками. Он стонал и бился, словно от физической боли. «Проклятие, проклятие, проклятие!»

А тем временем в Доме под Плющом Джанет сидела во главе стола, и семья собиралась к ужину.

Томас, нахмурясь, огляделся по сторонам.

– А где Джозеф? Из-за завтрашнего отъезда парень так обезумел, что теперь с ним и вовсе не сладишь.

– Оставь его в покое, – мягко заметила Джанет. – Наверное, он у себя в комнате и кончает собираться.

Она отлично знала, что он убежал из дома и сейчас клянет все на свете у развалин Замка.

– О нет, вовсе нет, – вставил Филипп, ухмыляясь. – Он как угорелый помчался на холм. И сейчас целуется на прощанье с какой-нибудь из своих девчонок.

– Самое время уходить в море, – задумчиво пробормотал Томас.

Джанет через стол посмотрела на младшего сына. Что за странный врожденный изъян заставляет его временами быть таким подлым и хитрым? Он единственный из ее детей, кому она не доверяет. Способнее и умнее остальных, но в характере у него есть что-то такое, что заставляет ее содрогаться. Сейчас он вполне безобиден, но когда станет мужчиной, что тогда?

Не в том ли причина его отличия от остальных, размышляла Джанет, что после его рождения она была очень слаба и не могла кормить ребенка грудью. Поэтому она никогда не чувствовала его совсем своим.

Она отвела взгляд от Филиппа и взглянула на часы на стене. Джозеф, конечно, придет голодный. Она знала, что в этот последний вечер ему будет неприятно сидеть за столом со всей семьей, и он захочет остаться с ней наедине. В этот момент в комнату вошел Джозеф. Его одежда была в грязи, а на щеке проступала уродливая красная метка.

Джанет знала: это означает, что он плакал.

Все посмотрели на него. Они подумали, что он, наверное, поранился об изгородь.

Только Филипп тихо, словно про себя, рассмеялся.

– Неужели она так здорово тебя расцарапала? – спросил он.

– Филипп, замолчи, – резко оборвала его мать и протянула Джозефу его тарелку.

Джозеф молча сел и за весь ужин не проронил ни слова. Остальные не обращали на него внимания: они привыкли к странным переменам в настроении Джо.

Когда убрали со стола, все, как обычно по вечерам, расселись вокруг камина. Джанет и Мэри взялись за рукоделие, маленькая Лиззи училась у сестры новому узору. Казалось, она единственная из всех замечала страдание в глазах матери и Джозефа. Один раз она даже прошла через комнату и сжала руку брата. Джозеф с удивлением посмотрел на нее и первый раз в жизни заметил, что выражением лица она очень похожа на Джанет. Он слегка потянул сестру за кудряшки и улыбнулся.

– Я обязательно привезу тебе новую куколку, – сказал он ей.

Томас сидел в своем кресле напротив жены с книгой в руках. Он прищурил глаза на мелкий шрифт и, пошарив в кармане, достал очки. Как стар он был в сравнении с тем Томасом, который двадцать лет назад поцеловал Джанет на вершине Плинского холма. Однако сам он не замечал этой разницы.

Герберт и Сэмюэль в углу комнаты чистили ружье Сэмюэля, Филипп считал деньги в своей копилке. Серебра у него всегда было больше, чем у остальных. Джозеф, засунув руки в карманы, стоял у окна, так что видна была только его спина.

На стене тикали и покашливали старые часы, в камине лениво горел огонь.

Томас закрыл книгу, откинул голову на спинку кресла и снял очки. Глаза у него слипались, он вздохнул, широко открыл рот и смачно зевнул.

– Пойду-ка я наверх, дорогая, – сказал он, обращаясь к Джанет.

– Конечно, Томас, – ответила она. – Да и тебе, Лиззи, уже пора спать.

В комнате девочек слышался легкий топот ножек Лиззи, в спальне над крыльцом – тяжелые шаги Томаса.

Время от времени громко поскрипывал дощатый пол. Один за другим остальные потянулись к своим кроватям, и вскоре Джанет и Джозеф остались вдвоем.

Она отложила рукоделие и разворошила кочергой догорающие угли. В комнате было зябко и мрачно. Джозеф погасил лампу и задул свечи. Он раздвинул портьеры, и лунный свет вывел на ковре белый узор. Затем он пересек комнату и во тьме опустил на колени перед Джанет.

– Ты знаешь, как сильно я тебя люблю? – прошептал он.

– Да, Джозеф.

Он взял ее руку и поцеловал в ладонь.

– Кажется, я никогда не понимал, что значит для меня потерять тебя.

Когда он произнес эти слова, она опустила голову ему на плечо.

– Но ты не теряешь меня, Джозеф. Это вовсе не расставание, для тебя это возможность найти себя и жить той жизнью, которая тебе подходит.

– Вдали от тебя не жизнь, а горе и страдание, которые превратят меня в камень, пока я снова не окажусь рядом с тобой.

– Замолчи, Джозеф, я не позволяю тебе говорить такие вещи. Трусость недостойна мужчины, недостойна таких, как ты и я.

Он впился ногтями в ее руку.

– Ты называешь меня трусом, да?

– Да, мы оба трусы, и мне стыдно за себя. Он протянул руку и взял

Джанет за подбородок.

– Я знал, что он будет высоко поднят, – улыбнулся Джозеф. – Но это ни к чему, давай не будем храбриться в эти последние несколько часов, что нам осталось быть вместе. Сейчас для меня мало толку в храбрости. Я хочу пролежать здесь всю ночь, плакать у твоих ног и молиться на тебя, молиться тихо и молча.

Он склонил голову, и Джанет, засмеявшись во тьме, поцеловала его в затылок.

И долго ты намерен оставаться таким ребенком?

– Всегда. Никогда. Не знаю.

– Почему я не мужчина и не могу идти с тобой рядом? – вздохнула она. – Я проводила бы с тобой дни напролет и училась бы жизни моряка. Так и вижу, как судно кренится под ветром, как в штормовую погоду волны заливают палубу. А я босиком, с непокрытой головой, и вкус соли на потрескавшихся губах. Ночью поцелуи ветра и дождя, крики команды в темноте, а потом вдруг тучи расходятся, на небе ярко сияет белая звезда.

– Пойдем со мной, – сказал он. – Я найду для тебя одежду, скажу, что ты Сэм; пойдем, чтобы я не был один.

– Ты никогда не будешь один, Джозеф. Обещай мне, что ты никогда не будешь один.

– Так точно! Обещаю.

– А твои носки, ведь их надо штопать? И кормить тебя не будут как следует. Ах! страшно даже подумать, как ты будешь там без меня.

– Мама, дорогая, любимая, все будет в порядке. Посмотри, теперь я настоящий храбрец, а ты вся побледнела и дрожишь, как ягненок в поле. – Он поднял ее на руки и стал легонько покачивать.

– Ну и где же твой гордый подбородок?

– Все это притворство, и так было всегда, всю жизнь, – прошептала она. – И ты это знаешь, верно?

Она рассмеялась сквозь слезы.

– Перестань, перестань же, – сказал он. – Ведь мы так здорово говорили о храбрости. Послушай, что бы я ни делал и где бы ни находился, каждую ночь в этот час я буду искать на небе звезду; и если решу, что хоть одна звезда указывает пальцем на Плин, я буду закрывать глаза и желать тебе доброй ночи.

– Джозеф, что навело тебя на эту мысль?

– Сегодня вечером у развалин Замка она сама пришла ко мне и принесла утешение. Когда я буду в море, ты в это же самое время будешь высовываться из окна своей комнаты над крыльцом; и звезда, которая будет

стоять прямо над тобой, будет той самой звездой, на которую смотрю я.

– Я запомню, Джозеф. Каждую ночь. А ты сам не забудешь?

– Никогда, никогда.

Она взяла его лицо в руки и улыбнулась; лунный свет тенью пробежал в его глазах.

– Мой малыш, мой дорогой.

В камине опадал пепел, на стене медленно, торжественно тикали часы.

На следующий день дул северный ветер, и, хотя было воскресенье, капитан Коллинз твердо решил отчалить с вечерним отливом. Вещи Джозефа были доставлены на борт и поставлены рядом с его койкой в носовом кубрике. Вся семья спустилась в порт, чтобы проводить его и пожелать ему счастливого плавания. Томас тепло пожал сыну руку и, пожалуй, слишком старательно высморкался, когда увидел, как он вместе с другими матросами спускается в шлюпку и отплывает к кораблю.

Томас любил своего красавца сына и, несмотря на все его буйные выходки, гордился им. Сэмюэль, Герберт и Филипп хлопали брата по плечу, в шутку называя заправским моряком, а сам он до конца остался верен своему смеху и шуткам. Мэри украдкой положила ему в карман пару шафрановых булочек, а Лиззи подарила букетик белого вереска, который нарвала на холмах. Джанет стояла немного поодаль и спокойно разговаривала с кем-то из знакомых. Джозеф тоже не решался подойти к ней, отпуская в разговоре с отцом какие-то веселые замечания по поводу погоды.

Проходили последние минуты, нет, уже летели – все быстрее, быстрее улетали они в безнадежном клубке времени. Джозеф сделал шаг в сторону Джанет. Шлюпка была готова отчалить к кораблю, ждали только его.

Джозеф схватил руки матери и торопливо, порывисто поцеловал ее в шею под ухом.

– Я не могу справиться со словами, – пробормотал он, – было что-то... много чего, что я собирался тебе сказать. Все вылетело... в моей голове нет ни одной мысли.

Он тяжело сглотнул. Джанет смотрела поверх его головы. Казалось, в ее сердце не было ни единого чувства. Ее члены окаменели, язык отказывался двигаться. Она заметила, что у Мэри капор съехал набок, отчего у нее был глупый вид, словно у пьяной. Не забыть бы сказать ей об этом.

– Да, – только и сказала она.

– Не... не простудись... не заболей, не забудь, что вечерами уже прохладно, – сказал он ей с отчаяньем в голосе.

– Нет... ах! Нет! – Джанет с удивлением слышала собственный голос, глухой и холодный.

– До свидания. – Она с ужасом посмотрела на него, ее глаза пожирали его лицо, руки нелепо впились в шаль. – Ты уезжаешь?

Он отвернулся от нее и с воплем соскочил в шлюпку.

«Наляжем на весла, помчимся, как черти».

Шлюпка заскользила по воде, и он исчез.

Неожиданно, призывая на вечернюю молитву, зазвонили колокола Лэнокской церкви.

Обычно они звучали светло и мягко, навевая покой и умиротворение, но сейчас гремели громко и яростно. Страшные, монотонные, неумолимые в своем нескончаемом призыве, звучали они в ушах Джанет, сливаясь в дикое смешение звуков.

Томас подошел к ней и взял за руку.

– Тебе дурно, дорогая? – ласково спросил он. – Не тревожься за парня, уверен, он скоро встанет на ноги.

Не в состоянии вымолвить ни слова, она молча покачала головой и закрыла уши руками.

– Это всё колокола! – неожиданно воскликнула она. – Неужели они никогда не умолкнут, никогда?

Дети с любопытством смотрели на мать.

– Мама, дорогая, идем в церковь, – сказала Мэри, – и все вместе помолимся, чтобы Джо вернулся к нам целым и невредимым.

Томас достал часы.

– Пора отправляться, – неуклюже начал он. – Насколько я помню, мы за всю нашу жизнь ни разу не опаздывали.

Они стояли у причала, кучка добрых, нерешительных людей, которые далеко не одинаково воспринимали случившееся.

Джанет запахнула накидку и застегнула ее под подбородком.

Нет. Мы не должны опаздывать.

Покинув порт, они свернули к холму. Колокола ненадолго смолкли, но их сменил другой звук, на сей раз поднимавшийся из гавани: лязг и скрежет цепей. «Фрэнсис Хоуп» поднимала якорь.

Кумбе поспешили к ведущей через поля гати. Они старались говорить легко и естественно, но все видели молчаливое горе матери. Бедняга Томас, желая взбодрить и утешить ее, сделал только хуже.

– Хм. Что ж, нам, конечно, будет не хватать парня в доме, его голоса. Без него дом покажется совсем другим.

Колокола снова зазвонили, резко, настойчиво.

Джанет старалась не допускать этот звук в свои мысли, старалась вообще ни о чем не думать. Стояла осень, ее и Джозефа любимая пора. Хлеба созрели и были убраны, осталось лишь короткое, колючее жнивье, которое цеплялось за ноги. Кусты шиповника и боярышника были усеяны красными плодами, в садах Плина клонили долу свои гроздья пунцовые фуксии. Внизу, в Полмирской долине, под Лэнокской церковью, золотистый папоротник доходил до пояса и мягкий лишайник лънул к стволам деревьев. С ферм пахло навозом и горьким дымом, поднимавшимся над кострами, на которых сжигали опавшие листья. Набухший ручей с громким журчанием бежал по плоским, серым камням. Вечер был пасмурный и холодный, с реки начинал подниматься туман, и его первая взвесь висела в воздухе. В ветвях вяза подле церкви пел дрозд, и в его осенней песне звучали ноты более сладкие и щемящие душу, чем весной.

У церковных ворот все члены семьи Кумбе обернулись и посмотрели на гавань. Корабль был уже далеко от земли, и все паруса подняты. Его нос был обращен к горизонту, и Плин остался позади. Еще немного, и в наступающих сумерках земля за его кормой станет похожей на размытое пятно, и все огни поглотит тьма.

– Вот Джозефа уже почти и не видно, – вздохнул Томас.

Корабль птицей скользил по гладкой, спокойной воде. Колокола замолчали. Джанет Кумбе первая вошла в церковь, муж и дети последовали за ней. Всю службу она была молчалива и безучастна.

Луч заходящего солнца осветил западные окна. Она знала, что этот же луч пересекает путь уплывающего корабля. В маленькой церкви царили мир и покой. Простояв века, она все еще хранила следы присутствия людей, которые преклоняли в ней колени в давно ушедшие времена. Ее камни были истерты коленями смиренных, ныне покоящихся в могилах прихожан, чьи имена погребены и забыты. Придет день, и те, кто молится здесь рядом с Джанет, в свой черед обретут такой же ничем не нарушаемый покой.

Сейчас вслед за священником их голоса шепчут молитвы. Джозеф на своем корабле думает о преклонивших колени в Лэнокской церкви и о бледном лице матери, обращенном к стрельчатому окну.

«Фрэнсис Хоуп» плыла вперед, подняв высоко над морем свою корму, и свежий ветер свистел в ее надутых парусах.

В Лэнокской церкви громкие голоса поющих уносились под старые своды, и приглушенное эхо вторило и им, и печальным звукам органа.

Иисус, любовь моя!

Охрани своей рукою,
Ибо волны бытия
Подступают, грозно воя.
Огради и защити,
Мой единственный Спаситель,
И прими в конце пути
Душу в мирную обитель.

Джанет пела вместе со всеми, но сердцем была далеко и от звуков гимна, и от людских голосов, и от склоненных голов, и от мерцающих свечей. Видела она только звезды небесные да корабельные огни на глади пустынного моря.

Глава двенадцатая

Месяц за месяцем Джанет старалась приучить себя к отсутствию Джозефа. Первое время после его отъезда все человеческие чувства, казалось, покинули ее. У нее было такое ощущение, будто она умерла, и некое механическое существо завладело ее членами, ее головой и продолжало жить ее жизнью в тех же узких пределах, что и прежде. Ее тело было теперь лишь пустой оболочкой, чувства покинули его. Внешне эта перемена была почти незаметна, разве что голову она держала еще выше, пытаясь скрыть свое горе под покровом гордости.

При всех ее заявлениях и уверенности в том, что физическое расставание для них с Джозефом ничего не значит, терзалась и мучилась она именно от жажды его близости, его присутствия. В каком бы месте Плина она ни бродила, ей казалось, что она ступает по оставленным им следам.

Холмы и скалы хранили отзвуки его голоса, его приметы были в сыром песке у кромки воды и в набегающих на берег волнах. Куда бы она ни пошла, везде искала она какой-нибудь оставленный им знак, словно в местах, где он бывал, заключалась для нее двойная пытка, приносившая ей горькое утешение.

Ночи были длинны и томительны. Час за часом, не смыкая глаз, Джанет проводила рядом со спавшим тяжелым сном Томасом, она поворачивала голову на дуновение воздуха, проникавшего через занавешенное окно, и высматривала белую звезду на темном покрове затянутого тучами неба. Она старалась перенестись через пространство на корабль в далеких водах и встать рядом со своим ненаглядным, который держит ночную вахту на безмолвной палубе. Она знала, что душой и мыслями он с ней, но этого было для нее мало. Она проклинала слабость своей плоти, изголодавшейся по его близости и его прикосновению, сражалась с потребностью глаз постоянно видеть его. Прикоснуться к его рукам, к его телу, которое было частью ее самой, вдохнуть знакомый запах моря, земли и солнца, которыми пропитана его одежда, ощутить вкус соленой воды на его коже... Вот к чему она стремилась, но все это у нее отняли, оставив ее жить в полусне, превратив ее в призрак женщины.

Дом, который она для него создала, был пуст и лишен тепла, лишен самой причины своего существования.

В Доме под Плющом жизнь шла своим чередом, и новые события

вписывались в ее повседневный ход.

По воскресеньям Сэмюэль задерживался у садовой калитки таможенника Сайласа Трехурста, и в половине четвертого дня дочь таможенника Поузи появлялась на тропинке; после неловкого обмена несколькими фразами калитка захлопывалась, и мисс Поузи отправлялась вверх по холму, опираясь на руку Сэмюэля.

Верный Герберт помогал брату в трудном деле составления любовных записок, и вечерами эта парочка часто сидела в углу гостиной с перьями, бумагой и чернилами. Сэмюэль, нахмуясь, сражался с правилами правописания, а Герберт тем временем всячески ободрял брата и рылся в словаре в поисках нужного слова.

Мэри не проявляла ни малейшего интереса к молодым людям Плина и предпочитала заниматься домом, всегда готовая выполнить любое желание отца и матери.

В один прекрасный день Филипп за обедом объявил о своем намерении поступить рассыльным в судовую контору Хогга и Вильямса в Плине.

Отец в недоумении посмотрел на него.

– Ты не хочешь вместе с братьями работать на верфи? – спросил он, озадаченный решением сына.

– Нет уж, благодарю, – невозмутимо ответил Филипп. – Я уже переговорил с мистером Хоггом, и он готов меня взять. Первое время плата будет невелика, но, если я ему подойду, он ее повысит.

– Господи помилуй, – сказал отец, откидываясь на спинку стула. – Вот так пойти и самому все устроить. – Он втайне гордился независимостью сына.

– А ты что скажешь, Джанет? – Томас посмотрел на жену.

– Я думаю, Филипп знает, что ему нужно, – ответила Джанет. – По-моему, он всегда будет идти по жизни своей собственной дорогой и получать то, что ему нужно. Не знаю только, принесет ли это ему счастье.

Она взглянула на младшего сына с русыми волосами и узкими, глубоко сидящими глазами. Филипп поднял на нее взгляд и снова потупился. Джанет уже давно чувствовала в нем скрытую антипатию и к себе самой, и ко всему, что она любит. Собственное дитя заронило зерно сомнения и страха в ее сердце. С неуверенностью и чем-то похожим на ужас смотрела она в отдаленное будущее. Но, вернувшись мыслями в настоящее, она стала думать о Джозефе, которого отделяло от нее бескрайнее море. Успеет ли он вернуться ко дню ее рождения в апреле? Ему всегда доставляло ни с чем не сравнимую радость проводить этот день наедине с ней. Они

использовали его как предлог для первого в году пикника.

Конечно, весной Джозеф вернется в Плин. Время от времени она получала от него весточки из огромных портов, разбросанных по всей Америке, и тогда ходила крепко прижав к себе письмо – ведь оно было частью его самого. То были необыкновенные, страстные письма, дышавшие любовью к морю, восхищением жизнью, которую он ведет. В них говорилось о выпадающих на его долю трудностях, о суровой погоде, о не прекращающейся с утра до ночи работе, которая не оставляет времени на размышления, о схватке со штормом, налетевшим на них в центре Атлантики, когда его товарищи боялись неминуемого конца, а сам он, промокший, уставший, измученный болью во всех членах, испытывал восторг и молитвенное преклонение перед тяжелым и опасным призванием, которое ему посчастливилось избрать. Но, несмотря на все это, он чувствовал, что ему недостает ее, недостает ежечасно, ежеминутно. Он писал, что упорно работает, с пылом вникая в каждую мелочь, чтобы как можно скорее стать настоящим моряком. Капитан Коллинз обучал его навигационной науке, и Джозеф был уверен, что в недалеком будущем это поможет ему получить удостоверение второго помощника, но прежде, согласно правилам Министерства торговли, ему надлежит провести четыре года юнгой. Надо набраться терпения и ждать. Какой бы новый вид ни открывался перед его глазами, он всегда думал о ней и страстно желал, чтобы она была рядом и поделила с ним его чувства. По ночам он искал звезду, которая, по его расчетам, может светить в Плине над ее головой, и молил эту звезду хранить ее до его возвращения.

Так все первые месяцы года Джанет жила в ожидании письма с известием о том, что в апреле он вернется. Наконец пришло письмо, в котором не говорилось о точной дате его возвращения, зато была приписка: «В кубрике висит календарь, и 10 апреля я отметил на нем красным крестом. Когда мои товарищи спросили, что это значит, я ответил, что к этому дню я должен быть в Плине, потому что дал слово женщине моего сердца, и никакие шторма Атлантики не помешают мне его сдержать».

Это было последнее письмо, которое получила Джанет, и март уже подходил к концу. В Плине со дня на день ожидали возвращения «Фрэнсис Хоуп» Теперь Джанет каждый вечер поднималась к развалинам Замка и, заслонив рукой глаза от солнца, ждала, не появится ли на горизонте белый парус.

Иногда с ней приходила Лиззи или, если выдавалось свободное время, один из мальчиков, а однажды рядом с женой стоял Томас, горделиво разглядывая море в подзорную трубу, купленную специально для этого

случая.

Девятого апреля Джанет, чувствуя тяжесть на сердце, поднялась на вершину холма и два часа простояла у развалин стены; восточный ветер развеивал ее волосы и юбки, далеко внизу разбивались о скалы зеленые волны с белыми барашками.

Это означало, что из-за встречного ветра кораблю будет нелегко подойти к Плину. Она все ждала и ждала, но вот солнце, подобно гонимому ветром огненному шару, скрылось за слоистыми облаками, над трубами закурился дым, в домах зажглись лампы, и сумерки сгустились над Плином, скрыв море от ее глаз.

«Фрэнсис Хоуп» так и не пришла. Тогда Джанет повернулась спиной к морю и стала спускаться по крутому холму туда, где вдоль сточных канав, вынюхивая пищу, бегали собаки, шумно играли дети, а в дверях домов стояли мирные, довольные своим уделом люди без лишнего бремени на плечах и морщинок под глазами.

В Доме под Плющом через занавеси пробивался свет, над трубой вился дым. Муж и дети ждали ее, стол был накрыт к ужину.

На стене тикали часы, все было как всегда. Она смотрела на их славные, счастливые лица, слушала беззаботные разговоры, в которых не было и тени беспокойства.

«Они мои, – думала она, – а я их. Но сердце мое заключено в недрах раскачиваемого волнами корабля, а мысли целиком принадлежат моему любимому».

Вечер кончился, огонь в камине почти угас, свечи догорели. Дети разошлись по своим комнатам, и Джанет снова легла рядом с Томасом на кровать, которую они делили уже почти двадцать пять лет. Она вновь видела себя молодой женой, прижавшейся к его сердцу и обвинявшей руками его шею, а ведь ему было уже около пятидесяти, и лицо его, покоившееся рядом с ней на подушке, покрывали морщины – следы прожитых лет.

Возможно, момент жизни бесконечен, и даже сейчас ее молодость продолжает безмятежно спать в объятиях Томаса где-то там, на другом временном уровне, как неумирающая зыбь на поверхности спокойной воды.

Почувствовав прилив тихой нежности к мужу, она взяла его руку и приложила к своему сердцу. Но он что-то глухо пробормотал, беспокойно шевельнулся во сне и, тяжело вздохнув, повернулся к ней спиной. Тогда Джанет осторожно отвела его руку и, посмотрев на свет, пробивающийся сквозь занавеси, увидела ту самую звезду; у нее отлегло от сердца, и она

спокойно заснула.

Перед самым рассветом ее разбудил какой-то слабый звук: что-то ударилось об оконную раму. Она села на кровати, увидела крадущийся в комнату серый рассвет и плоский серый камушек, лежащий у ее ног.

Через мгновение, не обращая внимания на холод, она уже высунулась из окна. Две темные, как у молодой девушки, косы обрамляли ее лицо.

Он стоял в тени дома, держась рукой за толстый стебель плюща и подняв лицо к окну.

– Джозеф, – прошептала она. – Джозеф.

Он стоял не говоря ни слова и глядя на пламя, озарившее ее глаза.

– Думала, я забыл о твоём дне рождения? – тихо произнес он. – Разве я не поклялся, что мы бросим якорь в Плинской гавани, прежде чем солнце встанет над Полмирским холмом и золотые лучи зажгутся на колокольне Лэнокской церкви? «Фрэнсис Хоуп» цела и невредима и уже целый час как здесь. Мы с рассветом входим в спящую гавань, а ты, забыв обо всем, лежишь себе в кровати.

Он смеялся, подшучивая над ней, а когда она покачала головой и в уголках ее глаз заблестели слезы, ухватился за толстые ветки плюща, вьющегося по стене дома, и поднялся по ним к окну, где она ждала его, не в силах сдвинуться с места.

Так Джозеф вернулся к Джанет, как и обещал ей, весной.

Глава тринадцатая

После первого расставания их было много... и много возвращений.

Для Джозефа пора отрочества миновала, и было слишком поздно сворачивать с пути, который он для себя избрал. К тому же эта мысль никогда и не приходила ему в голову, ведь он был уверен, что создан для моря, что любая другая жизнь не для него. Но всякий раз, покидая Джанет, он видел в ее глазах страдание, а по возвращении ввалившиеся щеки матери и тени под ее глазами говорили ему слишком о многом.

Вот бы забрать ее с собой! Если он будет овладевать мастерством со всей энергией и упорством, на какие способен, то постепенно займет самое высокое положение, и тогда ему ничто не помешает вручить Джанет свой капитанский диплом и пригласить ее на борт своего собственного корабля.

Во время одной из кратких побывок в Плине он шепотом поведал ей об этом желании; она верила ему и смотрела в его глаза, зная, что никакая сила не способна заставить его отказаться от своей мечты.

Они говорили о корабле, который надо для нее построить, о прочности его шпангоутов^[11], на которые пойдут деревья из самого Труанского леса. Но еще не время, возможно, лет через шесть или десять этот корабль построят его отец и братья, и тогда Джанет станет его душой, а Джозеф капитаном. А тем временем они видели его в своем воображении, рисовали огрызком старого карандаша, подсчитывали размеры и грузоподъемность, прикидывали рангоут^[12] и такелаж, покрой парусов. Об этом плане сообщили Томасу и сыновьям, и те пришли в восторг при мысли о корабле Кумбе под командованием Кумбе, который принесет им из дальних стран богатство и славу. У себя в мастерской Томас сделал модель корабля и с гордостью представил ее восхищенным взорам всего семейства. На строительство должна была пойти часть денег, которые Томас скопил с тем, чтобы после его смерти они были разделены между сыновьями. Об этом решении он торжественно объявил однажды в воскресенье в присутствии Джанет и всех детей, после чего перед Богом поклялся, что, как только выдастся свободное от срочной работы время, он и его сыновья построят корабль, который назовут в честь дорогой матери и возлюбленной жены.

Сказав это, он поставил перед ними модель и, взяв в руки нож, вырезал на ее корме слова «Джанет Кумбе – Плин».

Затем он от души высморкался, поцеловал жену и обеих дочерей в щеки и пожал руки сыновьям.

– Мы вложим в его строительство все наше умение, – с чувством сказал Томас, – Сэмюэль, Герберт и я будем надеяться, что он станет первым кораблем, на который Джозеф поднимется в качестве капитана, и да поможет ему Бог всегда приводить его в порт целым и невредимым. А Филипп тем временем, глядишь, порадеет за наши интересы в фирме Хогга и Вильямса.

Таким образом, в будущем судне у каждого была своя доля, и все теперь жили в ожидании того дня, когда их корабль выйдет из дока в Плинскую гавань не призрачной мечтой, а живой реальностью.

Счастливые и довольные собрались они в гостиной вокруг фисгармонии Мэри, чтобы слить свои голоса в благодарственной молитве.

Мэри сидела за инструментом, устремив торжественный взгляд на лежащую перед нею псалтирь; Томас стоял у нее за спиной, высоко подняв голову и положив руки на плечи младшей дочери. Рядом с ним стояли его рослые сыновья, и возвышавшийся над всеми Джозеф поверх их голов улыбался Джанет, тезке корабля, а та отвечала ему взглядом. Так началось существование корабля «Джанет Кумбе», хотя в Труанском лесу еще не повалили ни одного дерева, и показать его можно было только в виде модели, которая стояла на столе в гостиной.

Время текло в Плине медленно, однообразно, год проходил за годом, лишь изредка принося сколько-нибудь значительные события и перемены. Сэмюэль женился на хорошенькой Поузи Трехурст и переехал с женой в небольшой коттедж, стоявший в нескольких шагах от Дома под Плющом, оставшись жить рядом со своей семьей и неподалеку от верфи. Венчались они, как некогда Томас и Джанет, в Лэнокской церкви, и, глядя на светловолосого сына, стоящего перед алтарем рядом с невестой, Джанет вздохнула о безвозвратно ушедших днях.

Это был словно сам Томас, каким тот был двадцать пять лет назад, с длинными, заплетающимися ногами, вечно ступавшими не туда, куда надо, с серьезными, круглыми синими глазами. «Джени, – говорил он ей тогда, едва сдерживая дрожь, – Джени». Но сейчас рядом с ней стоял на коленях сторбленный, болезненный пожилой человек и поверх очков вглядывался в молитвенник, а на том месте, где он стоял тогда, – их взрослый сын, которого она когда-то качала на руках.

Сквозь пелену глупых слез она смотрела на Сэмюэля и видела не сильного, гордого жениха, а широкую дорогу за Плинскими полями и бегущего к ней маленького плачущего мальчика в разорванной курточке.

Почему Поузи выбрала для венчания именно этот псалом? Джанет пела вместе со всеми и за окном видела кладбище с неухоженными

надгробьями, поросшее высокой травой...

Уносит нас река времен —
Его, тебя, меня.
Мы все уйдем, как должен сон
Уйти с приходом дня.

Не сознавая иронии этих слов, Сэмюэль и Поузи пели перед алтарем, они держались за руки, и мысли их были полны надежд и ожиданий. Спокойная любящая пара, которой не познать ни божественной страсти, ни глубин великого горя, и Джанет всем сердцем благословляла их.

Тем временем и остальные дети становились взрослыми.

Мэри продолжала жить с родителями и даже не помышляла о замужестве, тогда как Герберт, вдохновленный примером старшего брата, стал ухаживать за кузиной Поузи, Элси Хоскет. Однако обвенчаться они могли не раньше 1858 года, когда Герберту исполнится двадцать один.

Филипп из рассыльного в фирме Хогга и Вильямса уже поднялся до клерка. Он был по-прежнему тих и незаметен, все так же много работал, и собратья-клерки если и не любили, то уважали его.

Джозеф подолгу отсутствовал, и Джанет была рада, что рядом с ней есть существо, которое по складу мыслей хоть немного похоже на него. Лиззи была веселой, жизнерадостной девушкой, далеко не глупой, но для ее возраста в ней сохранилось еще много детского.

Со временем у Сэмюэля и Поузи, к их великой гордости, родились дочери-близнецы; их называли Мэри и Мартой. Держа своих первых внуков на руках и размышляя о том, что ждет их в будущем, Джанет переживала странные, непривычные чувства. Как изменится Плин к тому времени, когда эти малютки станут старухами? Много ли любви, много ли страданий выпадет на их долю? Что-то подсказывало ей, что их жизнь будет спокойной и безоблачной и что все у них будет хорошо.

На темной голове Джанет по-прежнему не было ни одного седого волоса, ни одна морщинка не легла на ее лицо, но постоянные отъезды Джозефа давали о себе знать, и, хоть ей не было и пятидесяти, постоянное нервное напряжение сказалось на ее здоровье, пульс мало-помалу слабел, сердце изнашивалось и устало, хотя сама она этого еще не знала. Поднимаясь по холму к скалам, она часто чувствовала головокружение, и ей приходилось останавливаться на полпути; она недоумевала, отчего у нее стучит в висках и почему ей так трудно дышать. Врач, внимательно

выслушав ее сердце, покачал бы головой, озабоченно нахмурился и прописал бы какое-нибудь успокоительное лекарство, хоть оно и не могло ее вылечить. Но Джанет Кумбе не любила врачей и не верила им, а потому не имела ни малейшего представления о том, что месяц за месяцем становится все слабее, что ее сердце слишком утомилось от жизни и любое сильное потрясение – будь то радость или горе – будет для нее концом.

Единственное, ради чего она жила, – это момент, когда спустят на воду корабль, названный ее именем, и день, когда Джозеф получит диплом капитана. Когда он бывал в Плине, он проводил рядом с ней каждый свободный час, каждую минуту, но им все равно не хватало времени. Он уже служил вторым помощником на «Фрэнсис Хоуп», затем, выдержав соответствующие экзамены, к своей великой радости, был рекомендован капитаном Коллинзом первым помощником на борт «Эмили Стивене». Заветный день маячил на горизонте, Джозеф писал Джанет письма, полные любви и энтузиазма, в них он уверял отца и братьев, что настало время закладывать новый корабль. Но у Томаса и его сыновей на руках был целый список заказов, и они ждали того момента, когда, освободившись, смогут все свое время посвятить обещанному кораблю, пустив на его строительство лучшие материалы и вложив в работу все свое умение и сноровку.

Герберт женился вторым – серьезный, старательный Герберт, хотя и не повторил пример брата до такой степени, чтобы подарить жене двойню, однако не падал духом, поскольку скончался он в возрасте восьмидесяти трех лет отцом пятнадцати детей. Если бы Джанет дожила до этого времени, то непременно напомнила бы Томасу слова, сказанные ею в утро их свадьбы: «Может быть, там, далеко-далеко впереди, есть много живых существ, которые будут зависеть от нас». Но все это случится очень не скоро. А сейчас Герберт был прекрасно сложенным высоким молодым человеком, и шел ему, как и его жене, двадцать второй год.

Теперь, когда дети обзавелись собственными семьями и могли самостоятельно прокормить себя, время стало особенно тяжело сказываться на Джанет. Мэри только того и желала, чтобы принять на себя заботы по дому и присмотр за отцом, и Джанет постепенно передала эти обязанности дочери.

Сильнее, чем прежде, томила ее по Джозефу, жаждала постоянно быть с ним, никогда с ним не расставаться. Ей было около пятидесяти, и она совсем не видела мира. Ее прежний буйный дух, отважный и непокорный, заявлял о своем законном праве быть рядом с Джозефом. Они рождены, чтобы вместе делить горе и радости, море, имевшее над ним

такую власть, на нее тоже наложило свое заклятие, и эта женщина средних лет мечтала не об уютном кресле у камина, а об уходящей из-под ног палубе, устремленной ввысь, мачте, о серых морских волнах под гонимыми ветром мрачными тучами. Она чувствовала, что там, где море смешивается с небом, где нет огней маяков, к ней вернутся юность и сила, тогда как жизнь в Плине без Джозефа опустошала ее душу и тело, и временами, когда слабое сердце предательски напоминало о том, что силы ее тают, мужество покидало ее.

Уезжая, Джозеф всякий раз забирал с собой частицу ее жизненной силы. У него не было иного желания, как получить капитанский диплом; тогда никакие правила в мире не помешают ему забрать ее с собой.

– Ты мне веришь, ведь веришь? – сказал он ей. – Ты же знаешь – скоро я достигну самого верха, меня ничто не остановит! Кажется, я могу себе представить, что чувствовал отец, когда вел тебя в дом, который он построил для тебя, но и его гордость ничто в сравнении с тем, что буду чувствовать я, когда ты ступишь на борт моего корабля и назовешь его своим домом.

– Джозеф, любимый мой, – сказала она, – когда этот момент придет, с тобой полетит чайка, а не человек.

– Корабль будет твоим, и его пути – твоими путями, – сказал он ей. – Командовать будешь ты, а я лишь исполнять твои желания. Тогда мне не понадобится никакая звезда, чтобы желать ей доброй ночи, никакая луна, чтобы коротать с ней ночные вахты. Я уверен, что, увидев тебя рядом со мной на палубе, твои развевающиеся, как вуаль, волосы, ветер и море будут смеяться от радости, а звездам на небе станет стыдно от яркости твоих глаз.

– Но, Джозеф, я уже старая, мне почти пятьдесят, зачем ты говоришь мне такие вещи?

– Ты – старая? – Он рассмеялся и крепко прижал ее к себе. – Сейчас я не стану рассказывать тебе о том, какие картины мелькают в моей голове. Но потом, когда мы будем на нашем корабле, а прошлое останется позади, как забытый сон, я заставлю тебя вспомнить твои-же слова про старость, вот увидишь.

Почему они так привязаны друг к другу, она и ее второй сын? Узнает ли она когда-нибудь об том, поймет ли причину вещей во всей ее полноте? Как непонятна жизнь: перемешает людей без всякого разбора и бросит их, чтобы они сами выкарабкивались, кто как умеет.

Джозефу было уже двадцать пять. Едва ли в Плине нашлась бы хоть одна девушка, которая не была бы в него влюблена и не призналась бы ему в этом открыто. Он смеялся, он любил их и тут же забывал; его любовные

связи были столь же многочисленны, как некогда мальчишеские проделки. Джанет не пыталась остановить его; она знала, что это ему так же необходимо, как пища, которую он ел, как воздух, которым он дышал. Когда он рассказывал ей о своих приключениях в заморских портах, она лишь смеялась и советовала обучить плинских девушек всему, чему он там научился. Его братья были солидными женатыми людьми, рассказы о диких выходках Джо их шокировали, но их мнение его мало заботило. Что же касается добропорядочных обитателей Плина, то при одном упоминании о моряке Джо они поджимали губы и после девяти вечера запирали дочерей на замок. Однако подобные предосторожности не были помехой для сына Джанет, и, если только ему приглянулось хорошенькое личико, никакие запертые двери не могли его удержать. Когда он снова уплывал, родительским тревогам наступал конец, и они вздыхали с облегчением. Было совершенно бесполезно приступать к его матери с разговорами на этот предмет. Бесстыдная женщина, она всегда горой стояла за сына и не видела в его поступках особой беды. Миссис Солт однажды остановила ее на улице, но то был первый и последний раз.

– Послушайте-ка, миссис Кумбе, – сказала разгневанная женщина, – я не потерплю, чтобы у моей Лилли были неприятности из-за вашего Джо, слышите?

– О да, миссис Солт, я вас слышу, – ответила Джанет, высоко вздернув подбородок и подбоченясь.

– Так вот, миссис Кумбе, если ваш парень флиртует с моей девочкой и не отпускает ее до одиннадцати вечера, то уж верно они не на луну любят.

– Надеюсь, вы правы, миссис Солт. Если ваша девица выходит с моим Джо лишь затем, чтобы любоваться луной, то, на мой взгляд, она просто дура и ей явно недостает соли, прошу прощения за игру слов^[13]

– Что ж... я никогда не... – начала разъяренная мать. – Вы дурная, бесстыдная женщина. Подбивать своего парня совратить мою невинную девочку!

– Если вы называете совращением именно то, что имеете в виду, миссис Солт, – рассмеялась Джанет, – то советую вам побереечь нервы. Если ваша Лилли и отправилась в лес с моим Джо, то, сдается мне, не с ним первым. Да будет вам известно, что ваш кувшинчик уже не раз ходил по воду и побывал не в одном колодце. Всего вам доброго, миссис Солт.

И Джанет пошла дальше, гордо подняв голову, совсем как ее сын.

Как бы ни старались ее противники, последнее слово всегда оставалось за ней. К тому же она знала, что не было в Плине девушки,

которая не ждала бы возможности броситься Джозефу на шею. «Совращение... надо же, – подумала она, – в эту игру играют двое, и пока что не было девушки, которая попала бы в беду не зная, на что идет. Когда молодые люди остаются вдвоем в темной роще, их забавам также невозможно помешать, как чайкам, когда они по весне спариваются в Ланниветской пещере». Так размышляла Джанет Кумбе из Плина, что в Корнуолле, в лето тысяча восемьсот шестидесятое от Рождества Христова. Она знала, что человеческая природа сильнее условностей и что никакие плотно сжатые губы и проповеди не остановят мужчину, когда он гуляет с девушкой. Для нее это было так же просто и естественно, как для овец в полях. Это – как прилив, который сметал и сметает все на своем пути, сила, которой невозможно противостоять.

Если, глядя на Джозефа, своего сына, Джанет видела его пылающие щеки, влажный локон на лбу и беспокойный блеск в глазах, ей вспоминался вечер на плывущем из Плимута корабле, когда земли почти не было видно, вокруг бушевали море и небо, а она стояла на носу судна рядом с Томасом, своим мужем, который глухим хриплым голосом шептал ее имя: «Джанет». Она вспоминала прикосновение его руки, вспоминала, как повернулась к нему на раскачивающейся палубе, почти оглохнув от песни ветра и моря, и попросила любить ее.

Поэтому и стоял рядом с ней Джозеф, и кровь, что текла в ту ночь в ее венах, течет теперь в нем и перейдет его детям и детям его детей.

«Я умру, – думала Джанет, – и Джозеф умрет. Но красота той штормовой ночи не дает нашей крови и плоти исчезнуть навсегда – частичка нас обоих будет дышать тем же воздухом, каким дышали мы, и ступать там, где мы ступали».

Глава четырнадцатая

Наконец должно было начаться строительство корабля. Мечта становилась явью. Маленькой модели, стоявшей на каминной полке в Доме под Плющом, предстояло на верфи обрести величественные очертания и форму и превратиться из игрушки в полное жизни судно, созданное для бурных морей и грозных штормов, в недрах которого будут перевозить грузы и людей. Когда из Труанской рощи по реке сплавляли первую партию строевого леса, Джозеф находился в Плине рядом с Джанет. То были гигантские деревья, стволы которых выдержали штормы столетий, а ветви раскачивались на ветру еще до того, как отец Джанет впервые открыл глаза на этот мир.

Братья Кумбе взяли на верфи большую лодку, сами отобрали лучшую древесину и отбуксировали ее вниз по реке в гавань.

На постройку корабля ушло два года, и Томас и два его сына, Сэмюэль и Герберт, вложили в него все свое умение. Каждый день стук их молотков поднимался вверх к Дому под Плющом и долетал до слуха Джанет.

Ее дети выросли, кое-кто уже женился, младшей дочери Лиззи исполнился двадцать один год, и недалек был день, когда она начнет подумывать о замужестве.

И Сэмюэль, и Герберт обзавелись собственными семьями. Филипп, хотя ему едва минуло двадцать три, поднялся до должности второго клерка судовой маклерской фирмы, но еще не женился. Мэри тоже оставалась в родительском доме. Но все они были взрослыми, со своими собственными интересами, и Джанет прекрасно отдавала себе отчет в том, что ей за пятьдесят.

Теперь она жила лишь для того, чтобы увидеть, как спустят на воду ее корабль и как Джозеф станет его капитаном. И тогда годы полетят прочь, будто их и не было вовсе, и она будет стоять на палубе, и Джозеф будет рядом.

За эти два года не было дня, чтобы она не спускалась на верфь посмотреть, как продвигается работа. Корабль медленно обретал форму, сперва это был не более чем скелет, который часть за частью надлежало обить деревянной обшивкой. На нем предстояло надстроить квадратную корму. Длина его равнялась девяноста семи футам, высота грот-мачты ^[14] двадцати двум футам, а глубина была немного более двенадцати. Томас и его сыновья рассчитывали, что, когда судно достроят, в нем будет около ста

шестидесяти тонн. И оснастка его будет как у двухмачтовой топсельной шхуны. То был поистине великий момент, когда каркас судна был готов, и оставалось только обшить его могучие ребра. Тогда на работу созвали всех мужчин с верфи, и Плин загудел от непрерывного стука молотков и звона гвоздей, вбиваемых в крепкие доски.

Джанет, подбоченясь, с улыбкой на губах, стояла над ними, высокая, гибкая для своих пятидесяти лет. Стоило какому-нибудь мужчине опустить молоток, как до него доносилось: «Плохо же твоя мать кормила тебя в детстве, парень, если ты так быстро сдаешься». Пристыженный, он поднимал глаза и встречал ее острый, жесткий взгляд. Возражать ей не имело смысла, да никто и не пытался, ведь в ее обращении было нечто такое, противиться чему было невозможно.

Однако ни жители Плина, ни она сама не знали, что сила ее сердца день ото дня убывает. По мере того, как корабль, ее тезка, обретал форму и силу, тело Джанет слабело, пульс затухал.

Теперь она едва могла добрести до вершины холма, не чувствуя при этом дурноты и не видя странных черных теней перед глазами. Она не придавала этому значения, приписывая свое состояние естественным причинам – ведь ей уже за пятьдесят.

До выхода корабля из дока оставалось совсем немного, и Джозеф был его капитаном.

Вернувшись поздней весной тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, он был поражен тем, как она изменилась, и постичь всю глубину этой перемены дано было только ему. Нет, в ее волосах не сквозили серебряные нити, морщины не легли на лицо, но это впечатление общей хрупкости... словно силы ее иссякли; скулы, обтянутые белой кожей, виски, прочерченные четкими голубыми жилками. Он испугался и не знал, что с ней делать. Как страшный сон, отбросил он мысль о возможности ее потерять и, чтобы наверстать упущенное время, ни на миг не отходя от нее, невольно утомлял ее своей любовью: счастье отнимало у нее последние силы, все глубже и глубже увлекало ее в разверстую перед ней бездну. Вместо того чтобы утешить и поддержать ее, его присутствие действовало как лекарство, которое ненадолго укрепляет, создавая иллюзию возвратившейся силы и энергии, но в действительности делает пациента еще слабее, чем прежде.

Каждой каплей оставшейся у нее силы предавалась она радости видеть Джозефа рядом с собой. Он окружал ее такой любовью и преданностью, что она почувствовала себя окончательно изможденной: это лекарство было слишком сильным для нее, но она уже не могла без него обходиться.

Джозеф оставался в Плине, ожидая экзамена в Плимуте, после чего надеялся принять командование новым кораблем, который должны были спустить на воду летом. Напряжение этих недель было больше, чем Джанет могла вынести, и, когда он отбыл в Плимут, чтобы предстать перед экзаменаторами, она в лихорадочном возбуждении ждала его возвращения. Дни до получения результата экзамена они провели в молчаливой агонии.

Наконец однажды утром прибыл документ внушительного вида, и Джозеф сразу бросился к Джанет, ведь они должны увидеть его вместе.

«Ввиду того что нами получено уведомление о том, что Вас сочли должным образом подготовленным для исполнения обязанностей капитана Торгового Флота, мы во исполнение Акта, регламентирующего торговое судоходство от 1854 года, сим жалуем Вам Сертификат Соответствия. Каковой скреплен печатью Министерства торговли августа 9 дня, 1863 года».

Джанет вскрикнула и протянула руки к Джозефу – он выдержал!

Джозеф, ее сын, которому нет еще и двадцати девяти лет, капитан Торгового Флота, ровня заслуженным людям вроде капитана Коллинза. В тот день в Доме под Плющом царил ликование. Джанет с Джозефом по правую руку сидела во главе стола, за которым собрались ее взрослые сыновья и дочери, а также внуки: две дочери Сэмюэля, его младший сын и малыш Герберта. Следующим событием будет спуск корабля на воду. Томас и его сыновья, включая Джозефа, держали тайный совет – Джанет на нем не присутствовала, – решая дело чрезвычайной важности, а именно вопрос о носовом украшении корабля.

Они сошлись на том, что это должна быть фигура самой Джанет, но в Плине не нашлось достаточно умелого мастера, который взялся бы за такую задачу. Поэтому для работы над носовым украшением обратились к одному знаменитому резчику по дереву в Бристоле и послали ему портрет Джанет в молодости.

Отец и сыновья в душе радовались своей тайне, поскольку Джанет должна была узнать о ней не раньше дня спуска корабля на воду, а носовое украшение решено было установить накануне вечером.

Наступили последние недели августа, в обшивку судна вбивались последние гвозди. Настилали палубы, красили корпус. Мачты и такелаж установят, когда судно сойдет со стапеля и будет готово к выходу в море.

«Джанет Кумбе» была готова к спуску. Позади остались два года ожидания, огромный черный корабль стоял в доке, дожидаясь высокого осеннего прилива, и казалось, что сам строевой лес, из которого он сделан, торопит первые объятия морских волн с тем, чтобы уже никогда с ними не

расставаться.

Спуск был назначен на вечер первого сентября перед самым закатом солнца, когда прилив наиболее высок. Весь Плин жил в лихорадочном ожидании, ведь при спуске нового корабля работники автоматически получали короткий отпуск, да к тому же этот корабль будет носить имя Кумбе.

Накануне вечером, в воскресенье, вся семья собралась в гостиной. Вечер был теплый, и Джанет (она слишком устала и с трудом отдавала себе отчет в том, что великий день наступит завтра) сидела в своем кресле у ярко пылающего камина. Прохладный ветерок овеивал ее лицо. Если бы у нее достало сил, она поднялась бы на холм к развалинам Замка, но она была слишком слаба. Откинувшись на спинку кресла, она смотрела на гавань, и мысли ее блуждали помимо ее воли.

Ей казалось, что всю жизнь она ждала этого момента. Сравниться с ним могли, пожалуй, только два других. Ночь на корабле, плывущем из Плимута, и утро, когда она впервые взяла на руки Джозефа. Но завтра ее корабль, корабль, построенный ради нее, сойдет на воду, она ступит на его палубу и даст ему свое благословение. Жизнь не сулит ей ничего большего, чем красота этого мгновения. Над Плином, над маленьким городом и спящей гаванью сгущались сумерки. За Домом под Плющом густая тень окутывала холмы и долины, которые она так любила. Несказанный покой и довольство снизошли на нее, душа ее наполнилась любовью ко всем вещам, людям и местам, к Томасу, ее мужу, к ее детям и, прежде всего, к Джозефу.

Из гостиной донеслись звуки фисгармонии. Вся семья, как годы и годы до этого, собралась вокруг Мэри, чтобы спеть воскресный псалом. Опускалась ночь, звездный свет заливал обращенное вверх лицо Джанет, а ее дети возносили свои голоса к Богу: «Пребудь со мной! Близка вечерняя пора; тьма покрывает землю; Господь, со мной пребудь! Когда другие доброты отступают и утешение бежит, Помощь беспомощных, О пребудь со мной. Дни краткой жизни стремятся к концу; Земные радости тускнеют, и слава проходит; вокруг меня одни перемены и запустение; О Ты Единственно Неизменный, пребудь со мной!»

Джанет слушала, и над остальными голосами светло и чисто звучал голос Джозефа: «Пребудь со мной!»

Приближался закат, прилив достиг предела. На домах играли яркие отсветы багряного неба, прощальная улыбка солнца медлила на гладкой воде. Весь Плин собрался у дока посмотреть на спуск корабля. Толпы народа запрудили украшенную флагами верфь. Джанет сидела на принесенном для нее кресле, держась за руку Джозефа. Ее взгляд был

устремлен на носовое украшение. То была сама Джанет – ее темные волосы, ее глаза и решительный подбородок. Вся в белом, с прижатой к груди рукой.

Как только она взглянула на деревянную фигуру, сердце гулко забилося у нее в груди, руки и ноги охватила дрожь. То была она, ее сбывшаяся мечта, помещенная на носу судна, носившего ее имя. Она забыла обо всем, кроме того, что ее миг настал, миг, когда она станет частью корабля, частью моря – станет навсегда. Туман застилал ей глаза. Она не видела ни Плина, ни людей вокруг себя – ничего, кроме корабля, парящего над краем стапеля и ждущего спуска на воду.

Она не слышала радостных возгласов; в ее ушах стоял зов ветра, призыв волн. За холмом на какое-то мгновение огненным шаром блеснуло солнце. Толпа издала оглушительный крик. «Идет, идет!» Гавань зазвенела от радостных возгласов и мощного всплеска, когда днище судна ударилось о воду. При этом звуке тело Джанет содрогнулось, и она распростерла руки. Ее глаза загорелись дивной красотой, подобной свету звезды, и душа, отлетев от тела, слилась с дышащим жизнью кораблем. Джанет Кумбе была мертва.

КНИГА ВТОРАЯ

Джозеф Кумбе

1863-1900

*Угасло небо. Тщетно жду рассвета.
В полночной тьме не вспыхнет свет дневной.
В тебе была вся радость жизни этой;
Вся радость жизни умерла с тобой.*

Эмили Бронте

Глава первая

После смерти Джанет Кумбе Томас в поисках заботы и утешения обратился к своей старшей дочери Мэри. Она, как могла, помогала ему нежным взглядом и ласковым словом, и мало-помалу он вновь обрел веру, а его любовь к дочери возросла еще больше. Сэмюэль и Герберт приняли на себя основные заботы о верфи, их собственные семьи увеличивались, да и жили они отдельными домами, так что у них не оставалось времени на то, чтобы слишком горевать о потере любящей матери.

Филипп покинул родительский дом и поселился в меблированных комнатах поблизости от фирмы Хогга и Вильямса. Здесь он мог пользоваться полной независимостью и не обременять себя общением с многочисленными докучливыми родственниками. Лиззи остро переживала утрату матери, на какое-то время здоровье ее пошатнулось, но с началом выздоровления совпало появление в узком кругу ее знакомых некоего Николаса Стивенса; этот славный человек, фермер из Труана, лет на пятнадцать старше ее, помог ей окончательно оправиться: ей суждено было, потеряв мать, найти преданного и верного мужа.

Не таков был Джозеф. Его братья и сестры остались жить без матери, отец без жены; но душа. Джозефа будто омертвела с уходом Джанет.

Отныне он должен идти по жизни ясно сознавая, что его существование лишено смысла и что, куда бы он ни направил свои стопы, в какой бы сомнительной компании ни оказался, он всегда и неизбежно будет один. Святая любовь, его единственное спасение, угасла.

В те первые недели он изнурял себя работой, не позволяя себе ни минуты передышки.

А дел было много. Корабль только что спустили на воду, и Джозефу, как его будущему капитану, требовалось пройти через массу формальностей. К тому же судно было еще не совсем готово к плаванию, и на доделки требовалось не менее четырех месяцев. Томас Кумбе был слишком подавлен горем, чтобы принимать участие в работе, и вся ее тяжесть легла на плечи Сэмюэля и Герберта. Джозеф с готовностью им помогал, предлагал те или иные усовершенствования, на что приобретенный в море опыт давал ему полное право.

В тот мягкий сентябрьский день, когда хоронили Джанет, солнце светило в окна церкви и высокая трава слегка колыхалась под свежим западным ветром. В воздухе не было грусти. На вершине вяза радостно пел

дрозд, с прилегавших к кладбищу полей долетали веселые крики играющих школьников. На дамбе, как всегда, работали грузчики; из гавани, направляясь в дальние страны, выходило судно, груженое глиной. По городскому причалу сновали похожие на черные точки люди; из труб поднимался дым, а перед входом в гавань рыбаки в разбросанных одна от другой маленьких лодках ловили скумбрию.

Отныне Джанет Кумбе будет коротким именем, высеченным на сером надгробном камне, пока ветры и дожди бесчисленной череды лет не сотрут его, пока мох и переплетенные стебли плюща не скроют буквы. Тогда и о ней забудут, как о сухих опавших листьях ушедшего лета, как о растаявшем снеге минувшей зимы.

Семья стояла над открытой могилой, Мэри и Сэмюэль поддерживали Томаса, остальные плакали рядом.

Джозеф, спокойный, с сухими глазами, смотрел на них; он видел развевающийся на ветру белый стихарь пастора, смотрел на плывущие по небу редкие облака, слышал взволнованные голоса играющих в соседнем поле ребяташек.

Из праха и во прах^[15]. Так к чему же жить – жизнь не более чем миг между рождением и смертью, движение на поверхности воды и затем ровная гладь, покой. Джанет любила и страдала, познала красоту и боль, и вот ее нет – засыпана равнодушной землей, остались лишь унылые буквы на камне.

Джозеф смотрел, как каменистая земля падает на гроб, постепенно скрывая его из глаз, и вот маленький холмик уже покрыт венками из ярких осенних цветов.

Когда небольшая группа людей отошла от могилы, Джозеф высоко закинул голову и громко рассмеялся. Кое-кто оглянулся, чтобы посмотреть на его одинокую фигуру, на сына, предающегося буйному веселью над трупом матери.

Лишь когда «Джанет Кумбе» отправилась в свое первое плавание, дано было ему испытать хоть малую толику утешения.

Опустевший Плин – ибо там не было больше Джанет – лежал за кормой, как отброшенная мечта, впереди же раскинулось пустынное море, любовь к которому горела в его крови еще до того, как он родился. В море была опасность, великая красота и бесконечная неуловимая тайна неведомого; возможно, здесь, когда завоют ветры и высокие волны помчат его вдаль, хоть на краткий миг придет к нему забвение, а с ним вернется и желание жить. Этот корабль – ее тезка, мечта ее жизни; они вместе задумали его как способ побега к вечной свободе. И вот Джанет мертва.

Корабль жив, беззаботной чайкой мчится он по поверхности воды, и Плин остался далеко за его кормой темной линией у самого горизонта. Но Джанет мертва. Сейчас она была бы рядом с ним, ступала бы по покато́й палубе, смотрела бы на могучий размах парусов, ловила бы поцелуи водных брызг, когда корабль зарывается носом в волны.

Но Джанет покоилась на Лэнокском кладбище. Она не могла видеть, не могла чувствовать; все ее обещания растаяли в воздухе.

«Я никогда тебя не покину». Не она ли произнесла эти слова? Если бы в красоте была хоть крупница истины, а в любви хоть немного силы, разве не стояла бы она сейчас рядом с ним, шепча ему на ухо, держа его руки призрачными пальцами?

Но он один, если не считать вахтенных матросов да рулевого.

Итак, Джанет ошибалась; нет силы сильнее смерти, и спасение не более чем очередная ложь в общей системе явлений, сказка для пугливых детей, которые так и не научились ходить в темноте. Значит, он одинок, у него есть только этот корабль, доставшийся ему в наследство от нее. Ради ее священной памяти он всегда будет ее достоин.

Джозеф огляделся, поднял глаза на широкое небо, усеянное печальными, спокойными звездами, посмотрел на темную, быструю воду и, сказав несколько слов рулевому, спустился в свою каюту, где на узком столике его ждал ужин и раскачивалась зажженная лампа. К нему присоединился первый помощник, они поужинали, и Джозеф лег спать. Каютa погрузилась в тишину. На палубе, занятые своими собственными мыслями, переговаривались вахтенные. Рулевой сверялся с компасом, рядом с ним прохаживался помощник капитана, и искры от его трубки разлетались по воздуху.

И не видимая никому, кроме ветра да моря, овеваемая свежим ветром улыбалась про себя во тьме Джанет Кумбе – носовое украшение названного в ее честь корабля.

Глава вторая

Первое плавание «Джанет Кумбе» продолжалось несколько месяцев. Сперва, груженная плинской фарфоровой глиной, она отплыла в Сент-Джонс на Ньюфаундленде, оттуда с грузом рыбы проследовала в Средиземное море – фрахт очень важный в то время года, когда у католического населения южных портов наступает Великий пост. Затем с трюмами, полными фруктов, судно направилось в Лондон, приняв участие в своеобразном соревновании шхун, баркентин и бригантин, каждая из которых стремилась первая доставить свой скоропортящийся груз. Первой пришла «Джанет Кумбе», она в двух милях от Грейвсенда затребовала лоцмана, тогда как остальным соперникам до Ла-Манша оставалось еще с полдня пути.

Из Лондона она порожняком поднялась до Ньюкасла, там загрузилась углем и отправилась на Мадейру, затем в Сен-Мишель за фруктами и снова в Лондон и далее через Северное море в Гамбург. Прошел почти год, как судно покинуло Плинскую гавань, но время теперь мало что значило для Джозефа.

Мир его душа обретала только на палубе его корабля, качествами и скоростью коего он справедливо гордился, и он плавал от одного порта к другому, одержимый единственной мыслью, единственным желанием: так или иначе избавиться от призрака одиночества, который преследовал его в свободные минуты.

Во время стоянки в Гулле он получил от Сэмюэля нижеследующее письмо:

Плин, 13 ноября 1864 г.

«Дорогой брат!

Исполняя просьбу всех наших близких, я с удовольствием пишу тебе эти несколько строчек, чтобы сказать, что вчера мы собирались всей семьей, было много народа, и все мы, как мужчины, так и женщины, очень довольны твоими успехами, кораблем и первым годом твоей работы. Я уверен, что все от души желают, чтобы удача и в будущем улыбалась тебе. Мне остается только добавить, что и о тебе, и о корабле все говорят с большим одобрением, и я верю, что ты постарайся, чтобы так было и дальше. „Фрэнсис Хоуп“ ждет в Фалмутедальнейших распоряжений, очень может быть, что ее пошлют в Гамбург, и вы

окажетесь там вместе. Все мы здоровы и надеемся вскоре получить от тебя письмо. Желаем тебе удачного плавания и скорого возвращения, верь мне.

Твой любящий брат Сэмюэль».

Джозеф улыбался, складывая и пряча письмо брата. Он ясно представил себе оставшихся в Плине родственников, ни на йоту не изменившихся, все таких же важных, изо дня в день занимающихся своей работой, не знающих особых тревог и волнений; они понятия не имеют о его постоянных страданиях, о том, что временами его обуревают желание пуститься во все тяжкие.

Воскресными вечерами они собираются в Доме под Плющом и под аккомпанемент сидящей за фисгармонией Мэри возносят хвалу Богу, которого не существует. В глубине души он не знал, жалеть их или завидовать им.

В их жизни была надежность, неизменность цели, чего он никогда не узнает. Зато им были неведомы поднимающая дух мощь корабля, вой штормового ветра в разорванных парусах, сила разбушевавшегося моря, устоять перед которой дано не каждому смертному.

Итак, Джозеф положил письмо брата в карман и поплыл в Гамбург, куда прибывают люди со всех концов света, где богатейшие купцы не гнушаются встреч с нищими обитателями трущоб, где жажда приключений реет над высокими мачтами переполненных людьми кораблей и находит удовлетворение в зловещих домах, окружающих порт.

Он не знал возбуждения более острого, чем то, которое испытываешь, входя в незнакомую гавань. Далекие очертания непривычной береговой линии, оклик лоцмана, который прибыл, чтобы взять на себя управление судном, устье широкой реки, ведущей к расположенному там, в глубине, порту. Если время темное, тебя встречают смутные очертания стоящих на якоре кораблей, грубые голоса людей, окликающих друг друга на иностранных языках; затем внезапно возникают сверкающие огни и силуэты высоких зданий на фоне неба. Топот ног, резкий крик лоцмана и лязг тяжелой цепи. И вот «Джанет Кумбе» на якоре в незнакомых водах.

Убедившись, что все в порядке, Джозеф оглядывался, и взгляд его устремлялся в сторону манящих огней, которые торопили его покинуть палубу судна. Среди этих огней бродили опасность и романтика, под крышами этих темных зданий обитали нищета и страдание, любовь и смерть.

Джозеф закинул голову и полной грудью вдохнул воздух, в котором

запах кораблей, смолы и воды смешивался с запахом пищи, спиртного, табака, трущихся друг о друга людей и, прежде всего, с волнующим запахом женщин. Так Джозеф впервые в жизни смотрел на Гамбург, и вместе с ним на город, лежащий за водной гладью, гордо смотрело носовое украшение «Джанет Кумбе».

В Гамбурге Джозеф провел месяц. В промежутках между визитами к своему брокеру и улаживанием обычных дел, связанных с грузом, он обследовал в городе все, что мог, а интересовал его, прежде всего, порт. Джозеф любил затеряться в толпе, ловить отдельные слова языка, на котором говорили эти люди, пить вместе с ними в душных, жарких пивных.

Ему не было нужды произносить целые предложения или подыскивать фразы. Одно всем понятное чувство объединяло собравшихся здесь мужчин, одна тема для разговоров, одна цель свела их вместе. Женщины, и только женщины.

Улыбка, кивок головы, жест руки, звон денег – вот что устанавливало между ними связь, пока их беспокойные глаза рыскали по переполненному залу, а беспокойные ноги двигались в такт мелодии, которую подвыпивший музыкант исполнял на визгливой скрипке. В свой последний вечер в Гамбурге (на следующее утро они отплывали в Дублин) Джозеф вышел из маклерской конторы и направился в ту часть порта, где стояла «Джанет Кумбе». Лоцман должен был подняться на борт в шесть утра, и впереди его ждали долгие часы в море. Самым разумным было бы сразу пойти на корабль, лечь в койку и проспать последние, драгоценные часы перед отплытием.

Но Джозеф так же не находил отдыха в сне, как и утешения в доводах рассудка. Здесь, в Гамбурге, в открытых дверях пивных горели огни, на темных углах улиц, словно поджидая кого-то, стояли мужские фигуры. Вот проходившая мимо женщина что-то шепнула ему, нарочито задев его подолом юбки. Внизу был порт и стоявшие на якоре корабли. Возможно, этим вечером он уловит в воздухе что-то особенное... возможно, ответ на нераскрытую тайну. Джозеф улыбнулся и, отбросив всяческое благоразумие, затерялся на ярко освещенных улицах в поисках приключения, неизбежного приключения, которое заключается в упоительном, опьяняющем миге запретного наслаждения, но наслаждения такого неменяющегося и всегда одинакового.

Джозеф стоял в толпе перед открытыми дверями кабачка и разглядывал собравшихся внутри людей. В углу комнаты помещалась небольшая сцена, на которой танцевала девушка-негритянка; вдоль стен теснились столики, вокруг которых сидели мужчины. Середина комнаты

предназначалась для танцев, но сейчас она была заполнена женщинами, которые прохаживались из стороны в сторону, как выставочные животные. Джозеф протолкался в конец комнаты, сел к столику, и к нему тут же подошел услужливый официант. Задумчиво потягивая пиво, Джозеф разглядывал толпу женщин в середине комнаты. За соседним столиком сидели два португальца. У одного было белое одутловатое лицо, глаза навывкате и грязная бородка клинышком. Сжимая стакан опухшими, дрожащими руками, он что-то взволнованно шептал своему спутнику. Джозеф с явной неприязнью смотрел, как он пьет пиво; португалец ему сразу не понравился.

Девушка-негритянка закончила выступление. Раздались крики, несколько равнодушных хлопков, и мужчины, толкаясь, поспешили к женщинам в центре комнаты. В углу грянул оркестр, и начались танцы. Танцующие плотно прижимались друг к другу, не ведая о своем уродстве, своих блестящих от жира лицах, застывших, бессмысленных улыбках. Мужчины знали лишь одно: под ворохом развевающихся юбок скрывается женщина. Остальное для них не имело значения.

Джозеф отодвинул стакан. Из-за плеча одного из танцующих мужчин на него пристально смотрели глаза девушки. Девушки с темными волосами и глазами и соблазнительным вздернутым носом. Она хорошо двигалась, и Джозефу не составило труда представить себе линии ее тела. Неожиданно она передернула плечами и, рассмеявшись, что-то крикнула по-немецки проходившей мимо женщине. На долю секунды эта девушка вдруг напомнила ему кого-то или что-то, показалась ключом к некоей неразгаданной загадке... но это чувство сразу исчезло. На ее полной груди он заметил тесный корсаж.

И тут Джозеф понял, что хочет эту девушку. Когда она и ее партнер приблизились к соседнему столику, он узнал в мужчине португальца.

Джозеф встал и положил руку на плечо девушки. Если огни слегка и закружились над его головой, а пол под ногами качнулся, словно палуба, это не имело значения. Португалец выкрикнул проклятье и схватился за нож. Джозеф рассмеялся и ударил его кулаком в лицо. Португалец рухнул ему под ноги, его лицо заливала кровь.

– Ну что, тебе еще мало? – проревел Джозеф.

Ему хотелось драться, расшвырять по комнате столы и стулья, переломать руки и ноги всем собравшимся здесь мужчинам, проломить им головы каблуками. Девушка взяла его за руку и рассмеялась, глядя ему в лицо. Люди угрожающе обступили их плотным кольцом. Джозеф пробился сквозь него и выбрался на улицу, девушка, как собака, следовала за ним.

Слегка покачиваясь, он остановился на тротуаре и посмотрел ей в лицо.

Было пять часов утра. Девушка зажгла газовый рожок, он слабо потрескивал, освещая комнату болезненным желтым светом. Свет падал на ковер, на грязный подоконник, на лицо девушки, которая, тяжело ступая, ходила по полу. Она налила в таз немного воды. Джозеф сидел на краешке стула, уронив голову на руки. Он протянул руку к куртке и, пошарив в кармане, достал трубку, кисет и пригоршню мелких монет. Деньги он положил кучкой на каминной доске рядом с фотографией ребенка. Девушка стояла к нему спиной и натягивала черные чулки; он видел только ее согнутую фигуру в уродливом тугом корсете. Джозеф раскурил трубку и направился к двери.

Он охоту спустился по полутемной лестнице, отворил дверь и вышел на улицу.

Джозеф почувствовал, что в сердце его начинает расти тоска по Плину. Ему захотелось взглянуть на тихие воды гавани, на лепящиеся к склону холма маленькие домики, на вьющийся из труб дым. Захотелось ощутить под ногами камни старого порта, где на солнце сушатся рыболовные сети и стоят, прислонившись к ограде, рыбаки в синих робах. Захотелось услышать шум волн, разбивающихся о скалы под развалинами Замка, шум деревьев Труанского леса, топот овец и коров в притихших полях, шуршание кроличьих лапок в высоких живых изгородях, окаймляющих извилистые дорожки. В нем проснулась тоска по лицам простых людей, по белокрылым, горластым чайкам, по призывному звону колоколов Лэнокской церкви. Джозеф остановился у края причала и увидел четкий силуэт своего корабля с двумя устремленными к небу мачтами. Он поднял фонарь и осветил им носовое украшение судна. Свет упал на лицо. Белое одеяние фигуры оставалось в тени, как и маленькие руки, скрещенные на груди.

Джозеф смотрел, и ему казалось, что она улыбается ему и в безмолвном воздухе звучит ее шепот: «Неужели ты думал, что я тебя покинула? Неужели ты думал, что я рассыпаюсь в прах на кладбище? Мой сын, мой любимый, я всегда была здесь, рядом с тобой, ведь я – часть корабля и часть тебя самого, а ты этого не понимал. Открой свое сердце, Джозеф, и приди ко мне. Нет ни страха, ни уродства, ни смерти – есть только свет мужества, красоты и истины. Я жива, свободна и, как прежде, люблю тебя, Джозеф... Джозеф...»

Он чувствовал, как теплеет его холодное сердце, как дух его вновь обретает силу. Мрачный призрак одиночества отлетел прочь.

В один краткий миг Джозеф вырвался к свету, что сияет за гранью

добра и зла, презрев плоть, вознесся в высшие сферы – он открыл свои ослепленные глаза и увидел полную жизни Джанет.

Проходивший мимо моряк увидел, как какой-то мужчина, высоко подняв фонарь, внимательно всматривается в пустое лицо побитого непогодой носового украшения корабля.

Глава третья

– Ну, Джо, после всех твоих странствий ты не слишком изменился, и мы действительно рады снова видеть тебя дома.

Сэмюэль улыбался брату, а Мэри тем временем разжигала в гостинной камин. Томас Кумбе, как обычно, сидел в своем кресле с неизменной Библией на коленях. Остальные братья и их жены тоже собрались в гостинной и с гордостью смотрели на родственника-моряка.

Портьеры были задернуты, остатки ужина убраны, псалмы спеты, и на стене, как всегда, медленно тикали часы.

Джозеф вытянул ноги и вздохнул. Как хорошо вернуться домой. Он посмотрел на дорогие, знакомые лица и попросил рассказать ему последние городские сплетни.

– Близняшки Сэмми так и пышут здоровьем, – не без тайной зависти сказала Мэри, по-прежнему преданная Поузи. – Ты ведь знаешь, им уже почти десять, и в школе на них не нахвалятся. Пошли в отца, это просто поразительно.

Сэмюэль залился краской гордости.

– А вот малыш Том немного слабоват, но при этом чудный ребенок, а его брат Дик уже перерос старшего.

Странно, что у славного, серьезного Сэмюэля четверо детей, а вот трудяга Герберт – сейчас он вместе с женой сидел возле фисгармонии и лучезарно улыбался Джозефу, – хоть и женился всего каких-то семь лет назад, уже обзавелся тремя мальчиками и двумя девочками, и к тому же темноволосая Элси, его жена, похоже, опять на сносях.

Филипп заглянул в Дом под Плющом посмотреть на Джозефа и обсудить счета, связанные с «Джанет Кумбе». Теперь он занимал должность второго клерка у Хогга и Вильямса и был склонен взять дела, связанные с семейным кораблем, в свои руки. Братья и сестры несколько побаивались его, он «совсем джентльмен», говорили они между собой.

За Лиззи ухаживал Николас Стивене, и Джозеф с первого взгляда проникся симпатией к этому добродушному фермеру с голубыми глазами и крепким рукопожатием.

Почему он когда-то недолго любил этих людей, считая их ограниченными и глупыми? В конце концов, они такая же часть Джанет, как и он. Всем им она была матерью. Правда, ни один из них на нее не похож, разве что Лиззи, у которой такие же темные волосы и большие

глаза. Он любил Лиззи и радовался, что она выходит за своего красивого фермера, несмотря на разницу в возрасте.

– После твоего возвращения все девушки Плина словно обезумели, – Мэри рассмеялась. – Если ты не остережешься, они будут преследовать тебя по всему городу, куда бы ты ни пошел.

– Полагаю, Джо следует воспользоваться возвращением, чтобы отдохнуть от женщин, – сухо заметил Филипп. – К тому же по сравнению с женщинами континента они, должно быть, не слишком соблазнительны.

Джозеф бросил взгляд на своего русоволосого, узкоглазого брата. Станный он малый, и сколько в нем яда. Хоть бы что-нибудь взял от Джанет.

– Почему бы тебе не уgomониться, Джо? – предложил Сэмюэль. – Тебе уже не так мало лет, чтобы думать только о развлечениях. На твоём месте я нашёл бы в Плине какую-нибудь славную девушку и обзавёлся семьёй, как мы с Герби. Тебе пошло бы на пользу иметь жену и детей.

Томас поднял глаза над Библией и поверх очков уставился на Джозефа.

– Что посеешь, то и пожнешь, – твердо сказал он. Никто не понял, что он имеет в виду, но они уже успели привыкнуть к странностям отца.

– Тебе вовсе не надо бросать море, Джо, – вставила Мэри, в которой всегда были задатки прирожденной свахи. – Ты можешь по-прежнему оставаться капитаном «Джанет Кумбе», но Сэмюэль прав, тебе надо жениться. Чтобы окончательно остепениться, тебе нужна жена и чистый уютный дом, который ты мог бы назвать своим.

Джозеф улыбнулся и покачал головой.

– По-моему, женитьба не для меня, – сказал он. Однако эта мысль запала ему в голову и, делая вид, что предложение брата может вызвать у него только смех, оставаясь один, он часто над ним задумывался. Что, собственно, мешает этому? Он знал, что никогда не сможет полюбить женщину. Его сердце и душа принадлежат Джанет – Джанет и кораблю. Но он способен на нежность и привязанность, способен испытать эти теплые чувства, если будет знать, что кто-то ждет его в светлом доме, что он кому-то нужен, что кто-то, возможно, готов дать ему уют и домашний очаг – кто-то добрый и преданный. А как прекрасно было бы видеть, что вокруг него подрастают мальчики, его мальчики. Мальчики Джанет. Смешно... странно. Да, об этом стоит подумать.

Эти первые дни в Плине Джозеф провел довольно спокойно. Он совершал долгие прогулки по окрестностям, отыскивая любимые места, где он гулял ребенком, когда рядом с ним была Джанет. Стояла тихая зима, и в воздухе еще не чувствовалось приближения весны. Он любил бродить по

мокрым полям и опустевшим холмам; ласковый дождь омывал его лицо, густая жижа хлюпала под ногами. Часто стоял он в углу Лэнокского кладбища, где между колючей изгородью и развесистым вязом в высокой траве скрывалась могила Джанет. В чем истина? В том, что она лежит под этой пропитанной влагой землей, не ведая, что он рядом, что он нуждается в ней? Или в том видении красоты и истины, что явилось ему, когда он стоял в гамбургском порту и всматривался в ее лицо? Он оставался верным поразительному величию этой мысли. Между тем впереди у него была жизнь, его жизнь, дни и ночи, а их надо встречать с мужеством, которое, и он это хорошо знал, не раз изменит ему. Джозеф отходил от безмолвной могилы и спускался в занятый делами мир Плина, наполненный шумом воды и кораблей, голосами людей, которые окликали его из дверей своих домов. Мэри встречала его улыбкой и придвигала для него к камину кресло напротив кресла отца. И все же Джозеф все чаще задумывался о жене и собственном доме, где, возвращаясь из плавания, он мог бы чувствовать себя совершенно спокойно.

Дом под Плющом был слишком полон воспоминаний. Джозеф не мог заставить себя поднять глаза на плющ над крыльцом: ведь там была ее комната. Эхо ее голоса звучало на площадке лестницы и на кухне. Лежа на кровати, он то и дело поворачивался лицом к двери, в которую должна была войти она, осторожно, на цыпочках, со свечой в руке. Воспоминания надрывали ему сердце. Бессознательно он тосковал по тем маленьким знакам внимания с ее стороны, которые были так ему дороги. Она заботилась о его одежде и пище, всегда предлагала ему самое лучшее, давая тем самым почувствовать всю глубину своей любви.

Мэри была преданной и любящей сестрой, но ничего этого она ему дать не могла. Для нее он был одним из членов семьи, и должен был сам о себе заботиться.

Джозеф был стократ одинок. Та часть его существа, которая так и не стала взрослой, взывала к сочувствию, пониманию, заботе.

Возможно, он найдет все это в браке. Но он не возьмет в жены ни одну из тех смешливых, хорошеньких девушек, которые, покрасневшись, из-под опущенных ресниц засматриваются на него на улицах Плина; нет, он женится на женщине с мужественным и любящим сердцем, которая сумеет умирить его неугомонность, которая создаст для него дом, а не временное жилище. Он будет ценить и уважать ее, она станет матерью его детей. Так рассуждал Джозеф, глядя из сада Дома под Плющом на гавань. Он наблюдал за движением воды, когда увидел, что у городского причала бросила якорь «Фрэнсис Хоуп». В Гамбурге капитана Коллинза он не

застал, и теперь ему представлялась возможность восполнить упущенное и потолковать с ним о былых временах.

Джозеф схватил шляпу и, быстро пройдя по улице, подошел к дому, в котором жили Коллинзы. Сара, жена капитана и бывшая подруга Джанет, как оказалось, была больна и лежала в постели. Об этом Джозефу сообщил мальчик, открывший дверь.

– Дедушка наверху у бабушки, капитан Джо, – сказал мальчик, – но тетя Сьюзен в гостиной и предложит вам чашку чая. Дедушка скоро спустится и, конечно, будет очень рад вас видеть.

Джозеф вошел в дом и вытер ноги о коврик. Он помнил, как его приводили сюда мальчиком и как он играл с маленькими Коллинзами. Мальчики уже выросли и, как и он, стали моряками, а ребенок, который его впустил в дом, был, должно быть, сыном одного из них. Сьюзен он помнил очень смутно. Она была старшей дочерью, на три года старше его брата Сэмюэля, и в былые дни редко принимала участие в их играх. Сейчас ей, должно быть, лет тридцать пять. Странно, как незаметно летят годы.

– Входите, входите, капитан Джо, – раздался голос из гостиной, – чайник уже кипит, и, смею сказать, в такую погоду вы наверное не прочь согреться. У нас был ужасный месяц, отец вернулся и застал дома бедную больную. Садитесь и почувствуйте себя как дома.

Итак, это была Сьюзен. Славная, по-матерински приветливая женщина с терпеливыми газельими глазами, проворными руками, которые мелькали над чайным столом, расставляя чашки и блюдца.

– Да вы насквозь промокли, – сказала она, показывая рукой на его дымящиеся сапоги. – Давайте их сейчас же снимем и поставим сушиться на кухню. Давайте и вашу куртку. Так лучше, не правда ли? Ну, где еще найдешь таких глупых, беспечных существ, как мужчины?

Он рассмеялся, и его взгляд не отрывался от нее, пока она ходила по комнате, от ее элегантно, немного полноватой фигуры, ироничного изгиба рта, каштановых волос, вьющихся под белым капором. Он вытянул ноги к огню и сделал первый глоток. Ему было хорошо и уютно, ему нравилась эта женщина, которая нисколько не смущалась грубого моряка без куртки, протянувшего ноги в чулках к каминной решетке.

Она не была ни красива, ни молода, но при этом в ней было нечто привлекательное, и голос у нее был мягкий и низкий. Ему было приятно находиться в этом доме, видеть, как она склоняется к камину, отвечает смехом на его замечания и нетерпеливым жестом откидывает волосы со лба.

Все это кого-то ему напоминало – кого-то или что-то. Нет, не

вспомнить. Должно быть, пустая фантазия.

Через некоторое время в гостиную спустился капитан Коллинз, потом вернулись с работы два его сына. Когда Джозеф наконец поднялся, чтобы уйти, Сьюзен Коллинз дошла с ним до двери и помогла надеть высохшую куртку.

– Берегите себя и постарайтесь не простудиться, – смеясь, сказала она ему на прощанье.

– Если я и простужусь, то теперь знаю, куда мне идти, – ответил он ей и не без удовольствия увидел, что краска залила ей щеки, а в уголке рта появилась маленькая ямочка. – До свидания, – сказал он, впервые в жизни испытывая смущение.

Вернувшись в Дом под Плющом, Джозеф обнаружил, что огонь в обеих комнатах погашен, а отец и сестры отправились провести вечер у Сэмюэля. На кухне его ждал холодный, неаппетитного вида ужин. Ему захотелось снова оказаться в гостиной у Коллинзов. Быстро проглотив оставленную ему еду, он поднялся в свою унылую комнату, немного почитал и рано лег спать.

С этого дня Джозеф стал часто захаживать поговорить с капитаном Коллинзом. Это был только предлог: старик чаще всего оказывался в спальне жены, и Джозеф заставлял в доме одну Сьюзен.

Так получилось, что теперь Джозеф часто сидел на кухне у огня, а Сьюзен тем временем пекла хлеб, бисквиты и занималась прочими домашними делами.

Через месяц Джозеф снова уходил в плавание и поэтому старался не терять времени даром.

Как-то днем он по обыкновению подошел к задней двери дома Коллинзов и осторожно постучался в окно.

– Сьюзен, вы где?

– Придется вам самому войти, Джо, – отозвалась она. – Сегодня я пеку хлеб, и у меня руки в муке и желтках.

Когда он вошел на кухню, она оторвалась от плиты. Лицо у нее было красное и разгоряченное, волосы беспорядочными прядями спадали на лоб. Под закатанными рукавами платья белели полные руки с ямочками на локтях.

– Для своего визита вы выбрали не самый подходящий момент, – упрекнула она его. – Посмотрите, в каком я виде. Вместо того чтобы посмеиваться надо мной и без дела сидеть у огня, отвлекая меня от работы, не лучше ли вам было прогуляться на холм с какой-нибудь веселой девушкой?

И она вновь принялась месить тесто.

– Дня через два мама встанет, – продолжала она, – и я со всем этим покончу, разве что ей опять понадобится моя помощь.

– Если понадобится, то, по-моему, ей может помочь и Кэти, – сказал Джозеф, пристально глядя на Сьюзен.

– Но мне это нравится, – воскликнула Сьюзен, вытирая муку с подбородка. – Я уже не так молода, чтобы прогуливаться по Плину, а здесь мне хорошо и приятно.

– Можете продолжать заниматься этим до конца своих дней, – сказал Джозеф, не отводя глаз от ее рук, – но только не здесь.

– А почему, позвольте узнать? – насмешливо спросила Сьюзен, счищая с пальцев тесто.

– Потому, что вы выходите за меня замуж и будете делать это на собственной кухне. – Джозеф поднялся со стула, обнял ее и поцелуем снял с ее губ белые следы муки.

– О господи, – слабым голосом начала Сьюзен и попыталась освободиться. – Какое отношение имеет замужество к таким, как я. Вы ужасно смешной парень.

– Еще как имеет, моя дорогая, – рассмеялся Джо, – и я не выпущу вас, пока вы не пообещаете мне стать моей женой, да поскорее: перед тем как отплыть, я хочу провести неделю женатым человеком.

Так в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году Джозеф Кумбе сделал предложение Сьюзен Коллинз.

Все было улажено, и еще до наступления вечера по Плину разнеслась весть о том, что Джо Кумбе женится на Сьюзен Коллинз, которой с ее обыкновенным лицом и тридцатью пятью годами за плечами, по всеобщему убеждению, и вовсе не суждено было найти возлюбленного.

– Это ненадолго, – заявили хорошенькие девушки Плина. – Подумать только, чтобы Джо Кумбе связал себя с таким унылым, неподвижным телом, как у Сьюзен Коллинз. Господи, да она же старше его лет на пять, а то и больше.

Тем не менее Сьюзен, возбужденная и покоренная своим нетерпеливым женихом, чтобы успеть ко времени, поспешила заняться подготовкой всего необходимого. Джозеф нанял дом рядом с методистской часовней. Помимо прочего, он занимался своим кораблем «Джанет Кумбе», которому через неделю после свадьбы предстояло отплыть на Сен-Мишель.

Дни летели, как молния, и семнадцатого марта Джозеф и Сьюзен обвенчались в методистской часовне, поскольку капитан Коллинз, стойкий последователь Уэсли, ни за что не позволил бы своей дочери венчаться в

церкви.

Целую неделю Джозеф посвятил тому, чтобы сделать свою жену счастливой и довольной, что было легко и достаточно приятно; в последний вечер в Пнине перед отплытием, обдумывая положение дел, он счел себя вправе гордиться и ею, и своим домом. Даже подумать странно, что теперь ему следовало считать себя «остепенившимся» женатым человеком, на котором лежит немало обязанностей. Он склонился над спящей на его руке Сьюзен. Им предстояло всю жизнь заботиться друг о друге, впредь она должна делить с ним все удачи и горести. Действительно ли он дорог ей, спрашивал Джозеф сам себя? Поймет ли она его в минуты его падения и одиночества? Ему так хотелось, чтобы она проснулась, прижала его голову к своей груди, погрузила пальцы в его волосы и шепотом снова и снова сказала ему, что с ней он будет в безопасности. Завтра он снова ступит на свою одинокую тропу, на свой корабль, который его понимает, где он целиком может предаться той странной смеси мечты и реальности, которая и составляет сущность его внутренней жизни.

Но как хорошо сознавать, что здесь, в Плине, ждала женщина, для которой он, безнадежно, беспомощно, жаждал быть столь же ребенком, сколь и любовником.

– Сьюзен, – тихонько позвал он, – Сьюзен. Она шевельнулась и открыла глаза.

– Еще не спишь, Джо? – сонно пробормотала она. – Дорогой, постарайся заснуть, утром тебя ждет долгое путешествие.

Она потянулась и снова уютно устроилась в его руках.

– Мне приснилось, что я дотла сожгла воскресный кекс, а к чаю придет пастор...

До самого утра Джозеф лежал без сна. Внизу, в гавани, ждала Джанет – носовое украшение корабля, глаза которой обращены к горизонту, и сам корабль, которому прочные цепи не дают выйти в море.

Глава четвертая

Когда Джозеф вновь ступил на палубу «Джанет Кумбе», интересы его маленького мирка показались ему такими же смутными и нереальными, как расплывчатые очертания Плина за кормой судна.

Его жена и дом были не более чем выдумкой, фантазией неуверенного в себе человека, который сотворил их в качестве защиты и способа бегства от себя самого. Какое-то время их можно было любить и лелеять, но настоящая жизнь была здесь, вдали от людских тревог и суеты. Здесь Джозеф жил со странным, трудно определимым сознанием свободы, бок о бок с простыми, грубыми людьми, которые повиновались его воле и делили с ним его опасности.

Рутинная жизнь на «Джанет Кумбе» ничем не отличалась от прошлогодней. Они совершили быстрый переход до Сен-Мишеля, оттуда с грузом фруктов вернулись в Лондон; корабль Джозефа вновь победил в гонке, чему в немалой степени способствовал попутный ветер во время всего плавания и удача с быстрой загрузкой трюмов. Из Лондона с грузом угля на Мадейру, далее порожняком в Сен-Мишель, оттуда с грузом в Дублин. В Плин корабль вернулся всего на несколько дней, чтобы сразу загрузиться глиной и отправиться дальше.

Таким образом, Джозефу, чья супружеская жизнь длилась всего одну неделю, пришлось вновь выйти в море, прибавив к первой неделе лишь три дня, да и те в основном ушли на переговоры о новом грузе и оплату судовых счетов. Все дела всегда велись через Филиппа, как служащего фирмы Хогга и Вильямса, а Филипп, хотя ему не было еще и тридцати, намекал, что в ближайшем будущем получит должность старшего клерка. Мистер Хогг был человек пожилой и за неимением сыновей, каковые могли бы пойти по его стопам, большинство своих дел доверял вести старшему клерку, который из-за плохого здоровья вскоре собирался покинуть службу. Его место и должен был занять Филипп. Вильямс, второй партнер фирмы, был приятным, беспечным человеком, и молодой клерк не предвидел особых трудностей в работе с ним. Филипп отличался умом и дальновидностью и уже предвкушал то время, когда старый Хогг уступит натиску времени; полагаясь на свой юридический инстинкт и разумное вложение денег, молодой человек намеревался скопить сумму, необходимую для покупки места компаньона фирмы, когда оно освободится. Никто из членов семьи не знал о намерениях. О своих

делах он не распространялся, и никому не было известно о том небольшом состоянии, которое он копил год за годом. Жил он чрезвычайно умеренно, даже скудно, не делая почти никаких трат. Единственным указанием на его пока что небольшое состояние было то, что он владел большей частью акций «Джанет Кумбе». Ему и Джозефу принадлежало четыре пятых их общего количества, остальные же принадлежали Сэмюэлю и Герберту, которые, естественно, свою часть денег вкладывали в верфь. Мэри и Лиззи тоже имели небольшие доли.

Филипп жил ожиданием того времени, когда он сможет взять в свои руки все судоходство Плина, когда сам Джозеф должен будет относиться к нему с уважением.

Джозеф и не подозревал о том, какую враждебность питает к нему младший брат. Он и сам не слишком его любил, но никогда об этом серьезно не задумывался.

У Филиппа своя жизнь: едва ли их пути когда-нибудь сойдутся.

Только Джанет предвидела неладное. Она часто читала это в глазах Филиппа.

Между тем «Джанет Кумбе» вновь ушла в море и вернулась в Плин только в начале октября.

Джозеф с лихорадочным нетерпением ждал возвращения: Сьюзен была уже на восьмом месяце беременности, и он знал, как страстно хочет она, чтобы он был рядом с ней, когда придет срок. Мысль о том, что он станет отцом, приводила его в странное, неожиданное для него самого волнение. Он никак не думал, что подобная вещь способна хоть сколько-нибудь тронуть его. Он никогда не обращал особого внимания на детей Сэмюэля и Герберта и всегда смеялся, когда один из братьев важно ходил по Плину с гордым и вместе с тем обеспокоенным лицом, ибо это означало, что его жена ждет прибавления семейства. Он шутил с ними над «тяготами семейной жизни» и спрашивал, не завидуют ли они свободному моряку вроде него, у которого нет ни забот, ни обязанностей.

Теперь же он удивлялся своей нежности к Сьюзен и ловил себя на том, что с беспокойством следит, как жена медленно ходит по дому, опасаясь, как бы она не причинила вреда ребенку, которого носит в себе. В венах этого ребенка будет течь кровь Джанет и его собственная. В нем будет что-то неопределенно ценное и дорогое: что именно – Джозеф не мог объяснить. Словно сама Джанет принимала участие в его творении и посылает его как вестника утешения, как дополнительные узы, чтобы еще крепче связать их обоих.

Томительно медленно текли для Джозефа последние недели. Он с

трудом скрывал нетерпение и раздражался на то, что считав пустой тратой времени.

Сьюзен смотрела на него с улыбкой и почти не разговаривала. Она мужественно переносила выпавшее на ее долю тяжелое испытание: ведь когда женщине за тридцать пять, произвести на свет ребенка не такое простое дело. Но она была слишком счастлива, чтобы поддаваться смутным страхам. Всю свою жизнь она мечтала быть женой и матерью, и то, что Джозеф Кумбе, самый блестящий мужчина в Плине, выбрал именно ее, служило для нее постоянной причиной изумления и гордости. Она была бы готова страдать в десять раз больше, если бы это доставило ему хоть малейшее удовольствие.

Роды ожидались на Рождественской неделе, а в первые дни января «Джанет Кумбе» отплывала к Ньюфаундленду.

Пришли и ушли Рождественские праздники. Накануне Нового года Джозеф с лопатой в руке стоял в маленьком саду за их домом, без особого энтузиазма собираясь разрыхлить землю. Время было за полдень, и он уже подумывал отложить лопату, пойти на кухню и попросить Сьюзен приготовить ему чашку чая, когда из окна ее спальни услышал слабый голос. Перегнувшись через подоконник, Сьюзен махала ему рукой.

Он отбросил лопату и подбежал к ней. – Что случилось? Тебе плохо? Ее лицо было искажено болью, но она постаралась улыбнуться ему. Через мгновение Джозеф уже бежал вверх по холму. Вскоре он вернулся с врачом.

Почему этот человек так медлит, когда жизнь ребенка в опасности? К ярости Джозефа, его выставили из комнаты жены и велели уйти.

Беспомощный, вне себя от ярости, Джозеф направился к «Джанет Кумбе», и, когда взглянул на носовое украшение корабля, ему показалось, что на него нисходит покой. Глаза Джанет улыбались ему, молили забыть о заботах и горе. Она понимала, что значит в его жизни это событие, знала, какое великое значение придает он рождению этого ребенка, который – а так оно и будет – сделает их еще ближе друг к другу. Наступил вечер, а Джозеф все стоял перед кораблем; затем, успокоенный и окрепший духом, повернулся спиной к гавани и пошел вдоль причала к дому.

– У вас чудесный малыш, – сказал врач, – и ваша жена отлично со всем справилась. Можете подняться и посмотреть на них обоих, но запомните, только на минуту.

Джозеф ворвался в спальню с улыбкой на губах. Прежде он испытывал такое же чувство, когда после плавания возвращался к Джанет, и она ждала его с открытыми объятиями. Такое же ощущение он переживал бурными ночами в море, когда часами сражался с ветром и волнами и своей

собственной сноровкой выводил корабль из штормовой зоны. То было волнение, которое охватывало его, когда он бросал якорь в незнакомых водах и в первый раз смотрел на новую землю, где городские огни тянулись вверх и манили его своими таинственными пальцами.

Еще одно приключение...

Он прошел через комнату и наклонился над кроватью, где на подушках лежала бледная, ослабевшая Сьюзен. Затем, не говоря ни слова, повернулся и заглянул в колыбель, в которой спал младенец.

– Мы назовем его Кристофером, ладно, Джо? Ведь он пришел к нам в это святое время, – пробормотала жена.

– Да, – медленно выговорил Джозеф. Он впервые в жизни смотрел на собственного сына. У малыша было маленькое красное личико, а его головку покрывали мягкие светлые волосы.

Я бы сказала, что вылитая мать, а? – воскликнула миссис Джолиф.

Джозеф ждал, и вот веки младенца затрепетали и на мгновение широко раскрылись.

– Цветом волос и неопределенными чертами лица он действительно походил на Сьюзен, но глаза были глазами Джанет.

Глава пятая

Когда Джозеф возвращался из плавания, то не с горящими глазами и не с мальчишеской прытью бросался он на берег, как в те давние дни, когда его подгоняло желание как можно скорее оказаться рядом с Джанет. Этот новый Джозеф, мужчина за тридцать, капитан собственного судна, сидел на корме шлюпки, которую его матросы подводили к причалу; и владельцы лавок и магазинов уважительно отвешивали ему почтительные поклоны, пока он шел к своему дому, стоявшему неподалеку от методистской часовни. Здесь он был такой же хозяин, как на корабле, и для Сьюзен каждое его слово было законом и последней истиной.

Теперь все изменилось. Джозеф входил в дом, где Сьюзен уже ждала его в холле, торопясь снять с него дождевик, поскольку опасалась за безукоризненно чистый пол. Затем она отворяла перед ним дверь и ждала, когда он войдет в гостиную, где среди прочей мебели стояли высокие, обитые плюшем стулья с белыми салфеточками на спинках и бамбуковый столик у окна, на котором красовалось кашпо с вечнозеленым папоротником.

Джозеф гордился своей гостиной; она была обставлена по последней моде и у многих жителей Плина вызывала немалую зависть. Однако при этом он порой задавался вопросом, отчего в Доме под Плющом старая кухня с мягким свечным, а не новомодным газовым освещением была такой по-домашнему уютной, и почему простой половик у камина был ему гораздо милее, чем его кресло в новом доме. Он садился, поставив ноги на специальную скамеечку, Сьюзен придвигала к его креслу чайный столик, после чего устраивалась с рукодельем на жестком стуле и заводила разговор о местных новостях. Тем временем Кристофер, мальчик довольно капризный, беспокойно вертелся в своей колыбели.

Когда прошло первое радостное волнение, связанное с рождением ребенка, семейная жизнь постепенно стала казаться Джозефу все более скучной и унылой. Никогда ничего неожиданного. Еда в раз и навсегда заведенное время, одежда вычищена и починена. А впереди ждет череда пустых дней, которые нечем заполнить. Когда-то Джозефу казалось, что после женитьбы часы, проводимые им в Плине, полетят как ветер, и ему нелегко будет оставлять дом и менять его на неудобства и опасности моря. Но напротив, он обнаружил, что время здесь давит на него как тяжелая ноша; Сьюзен занимается домашними делами, и он уже настолько привык

к ней, что не испытывает никакого волнения, глядя, как она печет или готовит ему обед.

Затем он с ужасом обнаружил, что плач Кристофера все больше и больше действует ему на нервы. Он искренне упрекал себя за это: как и Джанет, он не любил раздражения, в какой бы форме оно ни проявлялось. Но иногда, когда он сидел в своем кресле с книгой в руках и безуспешно пытался читать, в соседней кухне начинался плач; малыш заливался все громче и громче, Джозеф с глухим проклятьем швырял книгу на пол и уходил из дома, чтобы не слышать этих звуков.

Из всей семьи только Лиззи могла составить ему компанию, и он жалобно просил ее прогуляться с ним или поплавать на лодке по гавани; иногда она соглашалась, но не часто, поскольку была целиком поглощена своим фермером – они вскоре должны были пожениться. В таких случаях Джозеф бродил один, и в конце концов в таком же взбудораженном состоянии возвращался домой, где его ждала жена.

С огромным облегчением, хоть и проклиная себя за свою неспособность вкушать радости домашнего очага, поднимался он на палубу «Джанет Кумбе» и выходил из Плинской гавани, вновь оставаясь наедине со своим морем и своими грезами.

В тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году родился второй мальчик, Альберт, а два года спустя третий, Чарльз.

Так исполнялось желание Джозефа иметь сыновей, хотя, к своему разочарованию, он обнаружил, что в столь раннем возрасте они ему почти неинтересны. Дома, в Плине, он бывал от силы четыре месяца в году, да и то урывками. А эти три мальчика, появившиеся друг за другом, были почти младенцами и тянулись к матери. Они побаивались большого, сильного человека с жесткими волосами и бородой, который щипал их за уши, щекотал им подбородки и разговаривал с ними таким низким голосом, что они боялись отвечать. Джозеф понимал, что, проводя в море столько времени, сколько проводит он, трудно ждать от детей, чтобы они видели в нем нечто большее чем обычного незнакомца. Ему бы хотелось ползать на четвереньках, играть с ними, переворачивать их, как щенят, освободиться при них от своей застенчивости. Но что-то его удерживало от этого; возможно, стеснительность и страх, что они не поймут его. Сьюзен здесь была плохим помощником. Она постоянно предупреждала детей, чтобы они не шумели при отце, говорила им, как много и тяжело он работает в этом жестоком море, чтобы у них был такой красивый дом. Вернувшись из плавания, отец любит спокойно посидеть и отдохнуть, говорила Сьюзен, и рассердится, если они будут беспокоить его своими глупыми играми и

болтовней. Все, что отец делает, правильно, и, если они будут тихими, послушными детками, он будет доволен и станет ими гордиться.

По причине природной застенчивости Джозефа вкупе с неразумным, хоть и продиктованным наилучшими намерениями воспитанием Сьюзен дети росли в страхе перед отцом, разговаривая с ним, робели и ждали первой возможности убежать к матери, к которой были очень привязаны.

После чая Джозеф часто сидел в гостиной, слышал их голоса, и в нем просыпалось неодолимое желание позвать их к себе, посадить на колени – своих мальчиков, мальчиков Джанет. Когда он впервые подумал о женитьбе, о собственных детях, то хотел-то он, прежде всего, их любви, их дружбы.

Ему хотелось посадить их себе на спину и обойти с ними все холмы, все пляжи Плина, научить их водить игрушечные парусные лодки, хотелось увидеть, как от его похвалы светлеют их лица.

Конечно, они еще слишком малы, и им нужна только мать, думал он, и все же ему было больно оттого, что они никогда не подходят к нему по собственной воле.

– Дорогая, где дети? – как-то днем беззаботно спросил он Сьюзен. – По-моему, я весь день их не видел.

– Мне кажется, Джо, что они раздражают тебя своим шумом и болтовней, – ответила Сьюзен, откладывая рукоделье. – Ты ведь знаешь, что такое дети, когда они играют, их ничем не остановишь. Я послала их в сад, подальше от тебя, но я их приведу.

– Не беспокойся, Сьюзен. – Джозеф взял газету. – Им там и без нас хорошо.

– Вздор, дорогой, если ты хочешь видеть детей, они сейчас же придут. Они должны научиться исполнять желания отца, вот первое, что я всегда говорю им. – С этими словами Сьюзен выбежала из комнаты, и Джозеф услышал, как она, отводя мальчиков в их спальню, чтобы умыть и причесать, шепотом говорит им: – Отец хочет видеть вас в гостиной.

И Джозеф, который с удовольствием увидел бы, как они с грязными руками и чумазыми лицами бегут к нему, крича и смеясь – их языки еще недостаточно бойки, чтобы объяснить ему все, что они видели и делали, – стоял с трубкой в зубах спиной к камину, меж тем как Сьюзен вводила в гостиную двух крошечных мальчуганов с широко раскрытыми глазами.

Затем жена побежала наверх посмотреть, как там младенец, и он остался с этими двумя малышами, мучительно соображая, что им сказать.

Сердцу его ближе всех был старший, Кристофер – мальчик с хорошо сложенным тельцем, светлыми волосами и карими глазами, глазами

Джанет.

Джанет знала бы, как обходиться с этими малышами: брала бы обоих за руки и отправлялась в поля, пускала босыми, с непокрытыми головами бегать в высокой траве, опускалась бы рядом с ними на колени – платье и волосы развеваются на ветру – и затевала бы какую-нибудь замечательную, сумасбродную игру.

И мысли Джозефа мгновенно перенеслись в его собственное детство. Совсем малышом, не старше Кристофера, он бросился по пояс в воду, волосы падали ему на лицо, он дергал Джанет за руку, и они вместе кричали и смеялись над ее раздувшимися юбками и над положением, в котором оказались. Кристофер покраснел бы от стыда, если бы увидел волосы матери распущенными. С миром что-то произошло с тех пор, как он был маленьким. Возможно, оно и к лучшему, предположил Джозеф, вздыхая, но порой эта мысль вызывала в нем горькие чувства. Теперь же он стоял в собственной гостиной рядом с двумя малышами.

– Ну что, Крис и Элби, хорошо играть вместе? – спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно нежнее.

– Да, спасибо, папа, – серьезно ответили малыши.

– Хорошие ребята. – Не зная, как продолжить, Джозеф почесал голову.

– Ну что же, – после некоторой паузы сказал он, – если хотите, то можете играть прямо здесь и шумите сколько вам вздумается. – Он улыбнулся и сел. Может быть, они пойдут к нему на колени?

Дети не ответили и продолжали молча стоять у двери: они не знали, уйти им или остаться. Но тут вошла Сьюзен, и оба мальчика тотчас бросились к ней.

– Ну как, – сказала она, – вы хорошо ответили папе, когда он говорил с вами?

Малыши прижимались к ее руке, а Джозеф, удрученный и расстроенный, один сидел у камина.

– Покажите мне, как вы играете, – предложил он, слегка покраснев. Ему очень хотелось, чтобы Кристофер подошел к нему. Мальчики тут же исчезли и через минуту вернулись с игрушечным конем. Джозеф подумал о своей побитой молью тряпичной обезьяне, которую он всегда брал с собой в постель, пока ему не исполнилось двенадцать лет.

– Ах! – весело сказал он. – Я уверен, что это прекрасное животное. Помоему, оно может за одну минуту галопом доскакать до Плимута и обратно.

От удивления Кристофер снизу вверх уставился на отца и стиснул руку Элби.

– Это просто игрушка, – вежливо сказал он.

– Ах! Понятно. – Джозеф расхохотался, но тут же взял себя в руки, боясь, как бы сыновья не приняли его за глупца.

– Вот видите, – объявила Сьюзен, хлопая в ладоши, – какой папа смешной, он даже шутит с вами.

Дети сразу рассмеялись.

«Это ужасно, – подумал Джозеф, – я совсем не умею с ними обращаться». И он стал шарить в карманах.

– Вот этот славный блестящий пенни для вас обоих, – сказал он, затем наклонился и накрутил на палец локон Кристофера.

– Дорогие, сейчас же поблагодарите своего доброго папу, – воскликнула Сьюзен. – Интересно, найдутся ли где-нибудь еще такие избалованные дети, как вы?

– Спасибо, папа, – сказали малыши в один голос.

Какие странные маленькие человечки, по отдельности ни из одного из них слова не вытянешь. Интересно, знает ли Крис, что он станет моряком? Ах да, они ведь еще совсем маленькие. Джозеф зевнул и поднял газету, которую уже прочел от корки до корки.

– Бегите играть на кухню, а то вы совсем надоедите папе, – сказала Сьюзен.

Джозеф видел, что они рады наконец-то уйти, и даже не попытался их вернуть. Он задумчиво постукивал сапогом по каминной решетке. Может быть, ему тоже выйти из дома?

Но какой в этом прок? Ведь идти некуда.

Лиззи уже была замужней женщиной и матерью маленького сына. Джозефу нравился грубый фермерский дом в двух милях от Плина на дороге в Сент-Брайдз, в котором они жили. Лиззи всегда была рада его принять, но он навещал ее всего два дня назад, и было бы странно постоянно туда ходить, словно ему не сидится в собственном доме. Он рассеянно смотрел, как Сьюзен задергивает занавеску и поправляет лампу. Рождение троих детей состарило Сьюзен, ей было сорок, но выглядела она старше. В волосах ее было много седины, и казалась она гораздо более усталой, чем Джанет в свои пятьдесят, родив к тому же шестерых. Он выбрал ее за качества жены и матери, а не за юность и красоту. Джозеф снова зевнул и потянулся.

– Клонит в сон, дорогой? – спросила Сьюзен, готовая постелить мужу постель, если он действительно хочет вздремнуть.

– Пожалуй, я схожу взгляну на корабль, – ответил Джозеф и вышел из комнаты.

На свежем воздухе он почувствовал себя лучше ветер дул ему в лицо.

В душной гостинной было трудно дышать, и от долгого сидения у него свело ноги. Еще не смеркалось, но люди уже возвращались после работы на пирсе, и в окнах начинали зажигаться огни. Джозеф бросил взгляд в сторону верфи и увидел, что братья уже закрыли ее на ночь. Они, конечно, успели вернуться домой и сейчас сидят за поздним чаем. Он спустился в док и, подойдя к небольшой лодке, спрыгнул в нее, взялся за весла и быстро поплыл к гавани в сторону буя, где стояла на якоре его шхуна. Это было лучше, чем сидеть дома с этими непонятными отпрысками и Сьюзен. Из-за отлива ему пришлось осторожно вести лодку по кромке гавани, подальше от течения канала. Вода быстро убывала из Полмирской заводи, дул легкий восточный ветер. Это значило, что Джозефу надо поднапрячь мускулы, что ему всегда нравилось. Он был без шляпы, и ветер сдувал волосы на глаза. Чтобы отбросить их назад, приходилось то и дело встряхивать головой. Он жевал кусок прессованного табака и время от времени сплевывал в воду. Лодка быстро неслась вперед и вскоре добралась до буя. Там Джозеф сложил весла и поднял взгляд на носовое украшение. На фок-мачте сидела чайка, повернув голову навстречу ветру, она издала странный, торжествующий клич. У корабля только что отчистили днище и подновили покраску. Он был готов подойти к пирсу за грузом глины и снова выйти в море. Его прекрасный вид соответствовал славе самой быстроходной шхуны в Плине. Прежним оставалось только носовое украшение – деревянная фигура Джанет. От постоянной борьбы с морем ее краски слегка поблекли, но лицо оставалось таким же, как в день выхода корабля с верфи. Одним веслом удерживая воду, Джозеф выпрямился во весь рост.

– Привет, моя красавица, – ласково проговорил он.

Сумерки сгустились над Плином. Чайка расправила крылья и улетела. Восточный ветер доносил звон колоколов Лэнокской церкви Джозеф остался наедине с кораблем; он неподвижно стоял в лодке и наблюдал за тем, как тени скользят по деревянной фигуре, простертой над его головой.

Глава шестая

В тысяча восемьсот семьдесят первом году у Джозефа и Сьюзен родилась дочь, на чем рост их семьи завершился.

После рождения Кэтрин Сьюзен серьезно заболела, и врач предупредил ее, что если она хочет жшш, то в будущем ей следует быть очень осторожной. Подозревая, что больная, скорее всего, ничего не скажет мужу и вообще слишком легко отнесется к его словам, он решил сам поговорить с Джозефом.

Джозеф вернулся в Плин через три месяца после рождения дочери и очень удивился, увидев вытянутое лицо врача, который все еще каждый день навещал Сьюзен и ребенка.

– Ну конечно же, она скоро поднимется, разве не так? – сказал он. – В доме очень неуютно, если постоянно видишь чужую женщину, которую наняли вести хозяйство и только время от времени присматривать за детьми. Разве моя жена не здорова и не достаточно сильна для этого?

– Вашей жене, Джо, за сорок, – сказал врач, и при этом лицо у него было очень серьезное. – Она родила четверых детей, и этот последний ребенок едва ее не убил. Если отныне она не будет относиться к себе очень осторожно, то за последствия я не отвечаю.

– Благодарю вас, доктор, – медленно проговорил Джозеф и вошел в дом. Он признавал, что в прошлом бывал и эгоистичен, и невнимателен, но, при всем том, целиком виноватым себя не считал. В конце концов, Сьюзен никогда не жаловалась, она и слова не проронила о том, что со здоровьем у нее не все в порядке. Трудно было бы ждать от него, что, проводя в море восемь месяцев в году, он сам об этом догадается. Предположим, со Сьюзен что-то случится, и он останется с детьми на руках. Что, ради всего святого, он будет с ними делать? Лиззи замужем, нечего и надеяться, что она переедет к нему.

Сьюзен навсегда останется почти инвалидом. Какое безнадежное будущее. Она станет не более чем его экономкой и воспитательницей его детей. Вот и все.

– Дорогая, доктор говорит, что в этот раз тебе было совсем плохо, – неуклюже начал Джозеф. – Но я как-то не понимал, ведь я редко и очень помалу бываю дома. Мне следовало бы знать, что... – Он в смущении замолчал, боясь обидеть жену намеком на ее возраст. Он всегда считал своим долгом даже не думать об этом. – Наверное, мужчины понимают все

не так, как женщины, – продолжал он, стараясь с осторожностью подбирать слова. – К тому же моряки эгоистичный, легкомысленный народ и редко думают о других. Мы начнем все по-новому, ты должна скоро выздороветь, надо бывать на воздухе, это быстро поставит тебя на ноги.

– Больше всего меня беспокоит то, – со слезами в голосе воскликнула Сьюзен, – что ты вернулся, а я лежу здесь, наверху, и не могу за тобой ухаживать. Я знаю, что в доме все вверх дном, и тебе будет неудобно. Скорее всего, везде грязь и беспорядок, а мальчики так совсем отбились от рук. Конечно, тебя это будет раздражать, и ты захочешь поскорее снова уехать. Ах, милый, милый мой...

– Ну-ну, дорогая, успокойся, – сказал Джозеф, беря жену за руку. – Все отлично, просто флотский порядок! Я очень рад и доволен, и с мальчиками никаких беспокойств. Сьюзен, любовь моя...

И он, запинаясь, говорил ей о том, как жалеет, что довел ее до такого состояния, как проклинает себя, какой он негодяй, и что теперь, с этого дня, будет преданно и самоотверженно ее любить, защищать, заботиться о ней. Возможно, еще не слишком поздно начать новые отношения, конечно, никакой физической близости, никакой страсти, но глубокое понимание, основанное на взаимном доверии и привязанности. Эта несчастная женщина с усталыми глазами была его женой, матерью Кристофера; она, как рабыня, трудилась на него, а он тем временем ворчал и жаловался, что она не в состоянии разделить с ним его грезы.

– А сейчас, – у Сьюзен перехватило дыхание, и она высморкалась, – сейчас ты сердись на меня за то, что я сдала, и правильно делаешь. Я глупая, эгоистичная женщина со всякими причудами в голове, а ты слишком добр и не говоришь, что недоволен тем, что в доме беспорядок, но я знаю, что тебе это очень не нравится. Но ничего, дорогой, я скоро поднимусь, и все будет как прежде.

Джозеф встал и беспомощно остановился над ней. Опять она поняла его неправильно, и новая свежая мысль растаяла в воздухе. Он окончательно осознал, что в их отношениях не может быть ничего постоянного и подлинного. Муж и жена. Странно. Разве Джанет так жила с его отцом? Нет, он твердо верил, что между ними были мгновения красоты.

Он посмотрел на девочку-младенца, которую жена старалась успокоить. Бедное маленькое создание с голубыми глазами котенка. Почему он не питает никаких чувств ни к одному из своих детей, кроме Кристофера?

«Я сам многое напортил», – подумал он, но вслух сказал жене:

– Не волнуйся, дорогая, тебе скоро станет лучше, а малышка, я вижу,

просто прелесть.

Затем Джозеф спустился вниз и сел в пустой, душной гостиной.

Перед следующим плаванием он провел в Плине около месяца, и впервые после смерти Джанет отпуск доставил ему некоторое удовольствие. Как и опасалась Сьюзен, в доме царил полный беспорядок, но именно это нравилось ее мужу, хоть она об этом и не подозревала. То и дело он уходил из гостиной и проводил время на кухне. Приходившая каждый день женщина готовила невкусно и всегда подавала еду не вовремя. Время для него не имело значения, зато он мог садиться за свой скудный ужин в промокшей куртке, с трубкой во рту и с газетой в руке.

Джозеф очень привязался к Кристоферу и часто ходил с ним гулять, оставив Альберта и Чарльза играть в саду. Он набивал карманы мальчика фруктами и мелкими монетами, заходил в магазины и покупал ему кексы и конфеты. Мальчик быстро заметил эти знаки внимания, и вскоре его былой страх перед отцом прошел. Он видел, что стоит ему чего-то попросить, и он тут же получит желаемое.

Джозеф полагал, что, завоевывая таким образом расположение сына, он закладывает основу их будущей дружбы, о которой так мечтал. Кристофер поймет его, как понимала Джанет.

Мальчик уже бежал к нему с улыбкой на лице и рассказывал о своих заботах и желаниях. Однажды на улице громко залаяла собака, и малыш с испуганным криком бросился к отцу, обхватил руками его колено и прижался лицом к брюкам.

– Вот те на, Крис, сынок, ведь папа с тобой. Он не позволит этому зверю сделать тебе больно, – сказал Джозеф, глядя кудри сына, затем взял его на руки и поцеловал в щеку. – Мой мальчик не должен бояться животных. Не плачь, дорогой, сейчас мы пойдем и купим тебе конфет.

Плач тут же прекратился.

Вы что, не можете справиться со своей собакой? – сердито крикнул Джозеф хозяину животного. – Мой сын нервный малыш и может заболеть от испуга.

Мальчик уткнулся головой в плечо отца.

– Можно мне мятную конфетку? – прошептал он.

– Господи, да хоть целый магазин, – сказал Джозеф.

Он и не предполагал, что способен на такое только оттого, что его сын рядом и о чем-то его просит.

На этот раз Джозеф покидал Плин счастливым, чего не случалось все последние годы; теперь там оставался тот, кто ему дорог, кто по возвращении встретит его с сердцем полным любви, кто, повзрослев,

станет для него единственным, кроме корабля и моря, смыслом существования.

В те годы торговля фруктами переживала подъем, и «Джанет Кумбе» была одной из многих шхун, которые перевозили этот скоропортящийся товар из Сен-Мишеля и средиземноморских портов на берега Темзы или Мерси. Иногда цена фрахта поднималась до семи фунтов за тонну, и возле Лондонского моста рядом с судном Джозефа разгрузки ждали еще несколько шхун. Совершались и более дальние переходы: до Смирны и других восточных портов, куда возили смородину.

Иногда «Джанет Кумбе» доплывала до Сен-Мишеля и обратно за семнадцать дней. Джозеф умело пользовался мощной парусной оснасткой своего небольшого корабля и, когда сильный западный ветер задерживал другие суда, шел по Ла-Маншу против течения, до последнего момента полагаясь на паруса.

То была тяжелая, грубая жизнь, и если порой его люди и проклинали своего капитана, то они же и гордились им. Прибывая в Сен-Мишель и видя, что склады забиты фруктами, а в порту нет ни единого корабля, они могли от души посмеяться над осторожностью других шкиперов, которые в какой-нибудь укромной гавани пережидают шторм, тем временем как «Джанет Кумбе» проскользнула через него и скупила товар по дешевке.

Когда заказы на поставку фруктов с западных островов захватили пароходы, и парусным судам стало трудно с ними конкурировать, «Джанет Кумбе» загружалась солью или глиной для Сент-Джонса на Ньюфаундленде, пробивалась через Атлантику и, заполнив трюмы соленой рыбой, иногда всего за шестнадцать дней возвращалась в средиземноморские воды.

В этих переходах среди сражений с морем и ветром Джозеф забывал Плин, забывал Кристофера и упивался жизнью, которая требовала от него всех его сил, всей выносливости, требовала постоянной готовности к встрече с опасностью и непредвиденной бедой. Далекое, спокойные дни в Плине становились не более чем смутным воспоминанием; то была жизнь, для которой он был рожден, он и этот корабль – часть его самого.

То были дни, когда Джозеф действительно жил, а не влачил одинокое существование на берегу, стараясь побороть одиночество и оставаясь верным своей семье. Здесь, на корабле, Джанет была с ним, в Плине он ее не находил. Кристофер был еще мальчик, и, хотя через несколько лет он станет его постоянной радостью и утешением, объяснять ему что-либо было еще слишком рано, несмотря на всю его привязанность к отцу.

Когда Кристоферу было двенадцать лет, произошел случай, который

подействовал на его отца как внезапный удар, и, хотя Джозеф старался убедить себя, что это всего лишь детский вздор, в его душе осталась странная горечь, а в сердце разочарование и страх, смешанный с грустью. Это случилось весной того года, когда «Джанет Кумбе» установила рекорд скорости при переходе из Сен-Мишеля в Бристоль, где несколько дней простояла под разгрузкой, после чего порожняком вернулась в Плин.

Сестра Сьюзен Кэти была замужем за лавочником и жила в Бристоле; у них Джозеф и поселился на время стоянки. Перед этим Кэти как раз гостила у сестры в Плине и собиралась вернуться вовремя, чтобы принять свояка. Тогда-то Джозеф и попросил Кэти привезти в Бристоль Кристофера, чтобы мальчик мог вместе с ним проплыть до Плина на «Джанет Кумбе».

В Бристоле они провели несколько дней, и Джозефа неприятно удивило, что за все это время Кристофер не проявил ни малейшего интереса ни к разгрузке судна, ни к жизни пристани. Если бы ему самому мальчишкой выпала возможность побывать в Бристоле, то его никакими силами было бы не оторвать от пристани и мест, где грузили и разгружали корабли; он скорее ходил бы голодным, чем пропустил момент отплытия барка или прибытия корабля под всеми парусами.

Однако Кристофер, который был очень привязан к отцу и всегда рад видеть его во время еды, с явным удовольствием ходил с теткой смотреть на витрины городских магазинов; он нес ее сумку и ни разу не попросил изменить маршрут в сторону гавани.

К тому же ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем получить разрешение стоять за прилавком в магазине его дяди и помогать обслуживать покупателей.

Наконец мальчик простился с дядюшкой и тетушкой и вместе с отцом ступил на борт «Джанет Кумбе». Он забавлялся, бегая по палубе, разговаривая с матросами, да и утро выдалось на редкость хорошее. Но через день корабль показался ему слишком тесным. Пошел дождь, и Кристофер, который терпеть не мог ходить мокрым, спустился в каюту. Она была маленькой и душной, да и спать ночью рядом с отцом на узкой койке было очень неудобно.

Корабельная еда ему не очень нравилась, но он был слишком вежлив, чтобы сказать об этом. Появившись на мгновение на сходнях, Джозеф разразился хохотом при виде маленького, измученного личика сына.

– Чувствуешь, как качает? – спросил он, принеся с собой в каюту запах промокшего дождевика. – Нас ждет скверная ночь, наверное, тебя будет немного тошнить. Но ничего, ты быстро привыкнешь к качке. Ляг на мою койку и не обращай на это внимания, хотя, что до меня, то, когда я был

мальчиком, чтобы справиться с тошнотой, поднимался на палубу и брался за какую-нибудь работу. Если захочешь глотнуть воздуха, найдешь меня на палубе.

Кристофер вовсе не собирался идти на палубу. Лежа на койке, он стонал и шмыгал носом; каждый крен маленького судна был для него настоящей пыткой. «Джанет Кумбе» шла порожняком, и поэтому ее качало гораздо сильнее, чем если бы в трюмах находился груз» к тому же они приближались к той части океана, где Атлантика встречается с Ла-Маншем и ее волны особенно жестоки. Так продолжалось всю ночь, и всю ночь несчастный Кристофер пролежал внизу. Это несправедливо, его должны были предупредить, что значит плыть на корабле. Отец злой и жестокий, раз он привел его сюда.

Рано утром, когда еще не рассвело, корабль выбрался из бурных вод, омывающих берега мыса Лендс-Энд, и подходил к Ла-Маншу; впереди виднелись огни мыса Лизард, плотный юго-западный ветер вздымал высокие волны.

Движение корабля изменилось, и он, как обезумевший дух, резво летел вперед, спеша оставить за кормой волнения ночи. Джозефу так хотелось видеть мальчика рядом с собой, слышать, как он кричит от радости и восторга. Он подошел к сходням и окликнул сына.

– Иди сюда, Крис, и полюбуйся ночью. Качки почти нет, и тебя больше не будет тошнить. Иди же, парень, когда я тебя зову.

Мальчик дрожал, лежа на койке. На какой-то миг он поборол тошноту, но не хотел покидать теплую каюту и подниматься на холодную, бесприютную палубу. Ему хотелось быть сейчас дома или в дядином магазине в Бристоле.

Тем не менее, привычка повиноваться была в нем слишком сильна, поэтому он выбрался из койки и с трудом поднялся по сходням. Стояла кромешная тьма. В парусах завывал сильный ветер, он едва не сбивал Кристофера с ног, сотней колючих игл бил по лицу, беспощадный дождь слепил глаза.

– Отец, отец! – в ужасе закричал мальчик. Джозеф подскочил к нему и крепко взял за руку. Улыбаясь, он отряхнул струящуюся по дождевику воду. Его борода была всклокочена, лицо стало жестким и грубым от соли. Мальчику он показался отчаянным безумцем, который их обоих приведет к страшной смерти.

– Смотри! – крикнул Джозеф, показывая за корму. – Разве это не самое величественное и удивительное зрелище, какое мой Крис когда-либо видел? Скажи мне, сын, что ты счастлив, скажи мне, что ты настоящий

моряк и гордишься кораблем, который принадлежит нам обоим.

Мальчик взглянул поверх отцовской руки и к ужасу своему увидел страшную черную волну, которая подобно темной падающей скале вздымается вверх и движется на них.

Они утонут... они утонут.

– Убери ее, – крикнул он, – убери ее, я ее ненавижу. Я ненавижу море. Всегда ненавижу. Я боюсь.

– Кристофер! – воскликнул Джозеф. – Что ты говоришь, сын, о чем ты?

– Я не хочу быть моряком, – рыдал Кристофер. – Я ненавижу море, ненавижу этот корабль. Я больше никогда не поплыву. Ах! Отец, мне страшно, страшно.

Мальчик вырвался из рук отца и, крича во весь голос от ярости и страха, бросился вниз по сходням.

Джозеф тупо смотрел ему вслед, держась за поручень дрожащей рукой. Он был ошеломлен и неспособен ни о чем думать.

Глава седьмая

Впервые за сорок три года жизни Джозеф познал стыд и унижение.

Надо высадить мальчика в Плине, не говоря ни слова, отослать к матери, а самому навсегда развязаться с ними всеми и уплыть, чтобы никогда больше их не видеть и не слышать, остаться одному со своим кораблем и с духом Джанет.

Таковы были первые горькие мысли Джозефа. Через некоторое время он тихо спустился в каюту, где спал мальчик, и, глядя на залитое слезами бледное красивое личико, со смешанным чувством грусти и сострадания поклялся любовью к своему кораблю забыть слова сына и любить его как прежде. Мальчик неожиданно проснулся, и выражение, которое маленький Кристофер заметит в глазах отца, вызвало краску стыда на его щеках. Взгляд отца говорил о том, что он расстроен и опечален. Какое-то мгновение мальчику страстно хотелось выпрыгнуть из койки, обвинить шею отца руками и попросить его помочь ему побороть нелюбовь к морю. Но он подумал, что отец, нахмурясь, оттолкнет его и велит ему не вести себя как маленькому.

А Джозеф с высоты своего роста смотрел на Кристофера, сдерживая жгучее желание опуститься перед сыном на колени и просить его верить ему, во всем на него положиться: ему казалось, что такое поведение отца может смутить и отпугнуть мальчика.

Так минута, которая могла бы связать отца и сына тесными, неразрывными узами, прошла напрасно, чтобы никогда не вернуться, ибо отныне Джозеф и Кристофер Кумбе пойдут порознь, между ними встанет стена, сокрушить которую не позволят гордость Джозефа и слабость его сына.

Корабль бросил якорь в Плине, а заветные слова так и не были сказаны.

Прошло четыре года, за которые Джозеф Кумбе провел на берегу в общей сложности всего несколько месяцев.

Гавань гудела от стука молотков корабелов и строителей, от шума погрузочных работ на пирсах. Сэмюэль и Герберт не покладая рук трудились на верфи; теперь к ним присоединились их взрослые сыновья: Томас, старший сын Сэмюэля, и Джеймс, первенец Герберта, один из его двенадцати детей, за которым со временем должны были последовать еще пятеро.

Второй сын Сэмюэля Дик, сильный, крупный молодой человек, служил вторым помощником у своего дяди Джозефа и уже успел проявить себя отличным моряком. Джозеф любил племянника, но очень хотел бы видеть на его месте своего собственного сына Кристофера.

В сентябре тысяча восемьсот восемьдесят второго года, освободившись от своего груза в Лондоне, Джозеф Кумбе бросил якорь в Плинской гавани. Ему было приятно сознавать, что он несколько недель проведет дома, перед тем как снова выйти в море. Наблюдая, как его матросы наводят чистоту на палубе, он бросил взгляд за фальшборт и увидел, что к ним приближается лодка, в которой сидят Кристофер и Герберт. Раньше такого не стучалось, и он сразу понял – что-то неладно. Слава богу, с Кристофером все в порядке – такова была его первая мысль. Он заметил, что у Кристофера бледное, несчастное лицо, да и у Герберта был очень удрученный вид.

Через несколько секунд оба они стояли рядом с ним.

– Джо, дорогой, приготовься услышать горькую, печальную весть, – сказал Герберт с полными слез глазами. – Я действительно очень огорчен, что мне выпало принести ее тебе.

– Не тани, выкладывай, что случилось, – угрюмо оборвал его Джозеф.

– Твоя дорогая жена Сьюзен вчера покинула нас, – мягко сказал Герберт. При этих словах Кристофер разразился слезами и отошел. – Ей сделалось плохо сразу после чая, и, хоть мальчики сразу же побежали за врачом, и пришли ко мне и Сэмюэлю, около шести она скончалась. Ах, брат, какое ужасное возвращение домой.

Джозеф, не говоря ни слова, крепко пожал руку брата и, подойдя к Кристоферу, поцеловал его в голову. Затем он спустился в лодку, брат и сын последовали за ним.

Джозеф вглядывался в лицо жены, белое и теперь уже навеки безмолвное, и единственным чувством, которое он испытывал, была жгучая жалость оттого, что ее отняли у детей.

Он никогда по-настоящему не любил ее; она была для него лишь средством бежать одиночества. И вот она покинула его в поисках собственного спасения, обрести которое ей суждено было не рядом с ним. Бедная Сьюзен, она подарила ему семнадцать лет любви и заботы, и вот все кончено. Она подарила ему Кристофера... Джозеф отвернулся. Что же будет без нее с домом, с детьми, размышлял он, спускаясь по лестнице. Мальчики скоро смогут сами о себе позаботиться, но Кейт еще совсем ребенок.

Эту задачу счастливо разрешили его племянницы Мэри и Марта,

теперь высокие, сильные двадцатилетние женщины; они предложили переехать к нему и вести его дом. Таким образом, этот вопрос перестал занимать его мысли.

Помимо грустного известия о смерти жены, Джозефа ждала еще одна новость. В первый же день по прибытии домой он отправился в брокерскую контору и застал своего брата Филиппа за столом в кабинете, который всегда занимал старший компаньон.

– Вот те на, Филипп, – воскликнул Джозеф, – что ты тут делаешь, черт возьми?

– Просто сижу за своим собственным столом в своем собственном кабинете, – ответил Филипп. – Меня очень огорчило известие о смерти твоей жены. Уверен, что для тебя это большая утрата. Однако время великий лекарь, и, возможно... хм... – Он сделал вид, будто разбирает бумаги.

– Послушай, Филипп, я как-то не совсем понимаю, – сказал Джозеф, нахмурившись, – что с мистером Хоггом?

– Старик умер месяц назад, и я купил место компаньона, – Филипп откинулся на спинку стула и с холодным удовольствием смотрел на удивленное лицо брата. – Видишь ли, Джо, пока ты и братья тратили время на ухаживанья и обзаведение семейством, я спокойно откладывал деньги, благо, кроме собственной персоны, содержать мне было некого, и вот теперь я, сорока двух лет от роду, компаньон в этом деле, умеренно богатый человек и, в придачу, сам себе хозяин. Сэмюэль и Герберт уже люди средних лет, а ты, полагаю, кое-что зарабатываешь на нашем семейном судне?

– Нечего усмехаться, Филипп, – спокойно сказал Джозеф, – у меня нет причин стыдиться своей работы, которую я нахожу лучшей на свете, работой достойной мужчины, что тоже немаловажно. Можешь считать себя единственным джентльменом в семье, мне-то что, Бог в помощь, если это доставляет тебе удовольствие.

– Благодарю, – сказал Филипп с улыбкой превосходства. – Между прочим, полагаю, тебе известно, что остальные члены семьи продали мне свои доли во владении кораблем? Теперь он принадлежит только нам с тобой.

– Но это идет вразрез с изначальным соглашением, – крикнул Джозеф, ударяя кулаком по столу. – У всех нас были равные доли и равная прибыль.

– Возможно, и так, но остальные, видимо нуждаясь в деньгах – в Плине, видишь ли, жестокая конкуренция, – с готовностью передали свои права мне. Ты возражаешь?

На этот вопрос у Джозефа не было ответа. Процедура была абсолютно законной, но он не доверял Филиппу.

– Нет, – резко сказал он.

– Кстати, как там твой старший сын? – словно невзначай осведомился Филипп. – Полагаю, он уже достаточно взрослый для моря?

Джозеф поднялся со стула и резким движением схватил шляпу. Ему очень хотелось дать брату пощечину за этот насмешливый топ и оскорбительные намеки.

– Мой сын будет готов тогда, когда я захочу, и не раньше, – сказал он и направился к двери.

– Впрочем, Джо, – Филипп решил не отказывать себе в удовольствии сделать прощальный выстрел, – думаю, что при таком большом семействе ты счастливый человек. Как бы то ни было, я рад, что в лучшие годы моей жизни я был одинок и пользовался полной свободой. Никаких обязательств, ну и прочее. Однако сейчас, занимая прочное положение, я могу позволить себе оглядеться и выбрать какую-нибудь красивую молодую особу, которая могла бы составить мне неплохую пару. Ведь человек я еще сравнительно молодой. Всего тебе доброго.

Джозеф смеялся, выходя из помещения фирмы. Так вот почему все эти годы Филипп жил в таком уединении. Усердно скупая акции, он в недалеком будущем возьмет под свое начало большую часть судов в Плине. Впрочем, пусть он хоть повесится, Джозефу это было безразлично.

Следующие несколько недель Джозеф в основном провел на ферме Николаса Стивенса, где Лиззи всегда была рада его принять и накормить. Он любил счастливую дружелюбную атмосферу этого места, радовался явной взаимной преданности Лиззи и ее славного мужа. У них был сын и две дочери. Джозеф очень привязался к мальчику. Для своих двенадцати лет Фред был сообразительным и восприимчивым подростком, он никогда не лез за словом в карман и своим вздернутым подбородком напоминал Джанет.

Томасу Кумбе было уже семьдесят семь лет; слабый, дрожащий старик, он лишь изредка мог с трудом дотянуться до верфи, чтобы посмотреть, как идут дела.

Он подолгу сидел на скамье, попыхивая трубкой, изредка отпуская какое-нибудь замечание, которого никто не слышал, и следя глазами за своим внуком и тезкой Томасом, старшим сыном Сэмюэля, в котором ему нравилось снова видеть себя самого в молодости. Затем, чтобы отвести его домой, появлялась Мэри, располневшая женщина средних лет, чей характер и выражение лица мало изменились за все это время; ее характер остался

таким же нежным и самоотверженным. Когда Джозеф ступал на тропинку, ведущую к Дому под Плющом, его сердце всегда начинало биться быстрее. Он видел себя то мальчиком, играющим в саду перед домом и поглядывающим на окно кухни, откуда ему махала рукой отвлекшаяся от работы Джанет; то молодым человеком, который вернулся из плавания и знал, что она здесь и ждет его. Глядя на окно комнаты над крыльцом, он всякий раз вспоминал свое первое возвращение с «Фрэнсис Хоуп», когда она появилась в окне с девичьими косами, и он забрался к ней по толстым веткам плюща. Почти тридцать лет назад.

Однажды днем Мэри встретила его в дверях, ее лицо было очень встревожено.

– Отцу совсем плохо, – сказала она ему. – Он наверху в кровати, выглядит очень слабым, и я не знаю, либо это просто усталость, либо мне следует сходить за врачом. Поднимись и скажи, как по-твоему.

Джозеф поднялся наверх и увидел, что отец сидит в постели, обложенный подушками, его лицо побелело и осунулось, отсутствующий взгляд устремлен на открытое окно, тонкие пальцы нервно сжимают простыню. Вены на висках надулись, губы посинели.

– Это ты, Сэмми? – пробормотал старик. Джозеф сразу понял, что его отец умирает.

– Приведи врача, – приглушенным голосом сказал он сестре. Испуганная и расстроенная Мэри тут же вышла.

– Это Джо, отец, – нежно сказал он и, подойдя к кровати, взял отца за руку. – Что я могу для тебя сделать?

– Вернулся из плавания, мальчик? – Томас Кумбе внимательно всматривался в сына. – Без очков я тебя не вижу, но уверен, что ты в полном здравии и рад вернуться домой. Передай мой поклон капитану Коллинзу, это достойный человек.

– Правильно, отец. Может быть, ты немного поспишь, дорогой?

Томас капризно пошевелил головой на подушке.

– Мне надо на верфь, – сказал он. – Завтра там спускают новое судно, и дай бог, чтобы ребята справились с этим как положено. Сквайр рассердится, если что-то будет не так, а у твоих братьев нет моего опыта.

Сквайр Трелони умер двадцать лет назад, и теперь в его доме жил его племянник.

Джозеф почувствовал, что из глаз его текут слезы, скатываясь по щекам на бороду.

День медленно угасал, небо подернулось пурпурными и золотыми узорами. Их отражения сверкали на гладкой поверхности гавани. С верфи

доносился непрерывный стук молотков: обивали корпус нового корабля. Вскоре вернулась Мэри. Старый врач умер, а новый был совсем молодым человеком и чужаком в Плине. Он взял Томаса за запястье и пощупал пульс.

– Я ничего не могу для него сделать, – мягко сказал он. – Боюсь, что пришло его время. Вы сами видите, жизни почти не осталось, и думаю, что через несколько часов он отойдет. Боли не будет. Он не хотел бы увидеть пастора?

Мэри накинула на голову передник и тихо заплакала. Джозеф понял, что ей лучше было бы чем-нибудь заняться.

– Спустись на верфь и скажи Сэму и Герби, чтобы они поскорее пришли, Филиппу тоже, если сумеешь найти его в конторе.

Когда она ушла, он снова уселся у постели Томаса. Время от времени старик что-то бормотал, но разобрать слова было невозможно. Оранжевый свет неба угас. По полу ползли серые тени. Неожиданно стук молотков на верфи умолк. Джозеф понял, что братьям уже сказали.

С наступлением тишины Томас заговорил ясным, твердым голосом.

– Они закончили работу на ночь, – сказал он. – Мальчики придут домой ужинать.

– Да, отец.

– Наверное, теперь до утра будет тихо, так ведь, Джо?

– Конечно так, дорогой.

Несколько минут в комнате царило молчание, затем Томас снова заговорил.

– Пожалуй, я не стану читать Библию, по крайней мере, не сейчас. В глазах будто тьма какая, пожалуй, я немного отдохну. Может быть, Мэри почитает мне ее потом, когда мне станет получше.

– Как хочешь, отец.

В доме было очень тихо. Внизу, в гостиной, тикали старые настенные часы. Джозеф слышал их сквозь тонкие доски пола.

Осторожно, бесшумно в комнату вошли братья, за ними Мэри. Филиппа найти не удалось, бежать за Лиззи было слишком далеко. По щекам Герберта ручьем текли слезы, но Сэмюэль опустился перед кроватью на колени и тихо прошептал:

– Тебе ничего не нужно, отец?

В сгустившихся сумерках Томас нащупал его голову.

– Это ты, Сэмми? Я рад, что ты пришел. Если будешь много работать, любая пила будет тебе нипочем, сынок, но ты всегда и во всем должен следовать моим советам, смотри же.

Его голос задрожал, и он постарался приподняться на подушках.

– Как только совсем стемнеет, за ужином у нас теперь всегда будет свет. Я помню то время, когда сумерки в Плине были так прекрасны и я, приличный молодой парень, приглашал вашу мать к развалинам Замка...

Он в изнеможении откинулся на спину и закрыл глаза. Дыхание сделалось медленным и хриплым. Трое мужчин стояли в ожидании перед кроватью своего отца, Мэри застыла у окна. Он долго молчал, и в комнате совсем стемнело. Никто и не подумал зажечь свечу.

Затем он снова заговорил, голос его звучал безмерно устало и доносился издалека.

– Джени, – сказал он, – Джени, ты где?

Низко склонившись над кроватью, Джозеф смотрел на его глаза. Они широко раскрылись, и их взгляд остановился на глазах сына.

– Я думаю, ты не покинешь меня, девочка. Мы будем жить чисто и достойно, пока мы вместе, ты и я – Ты знаешь, Джени, я так сильно тебя люблю, что иногда дрожу, как смущенный юнец. – Он вытянул обе руки и закрыл ими глаза Джозефа, затем тихо вздохнул и погрузился в сон.

Томаса Кумбе похоронили рядом с его женой Джанет на Лэнокском кладбище возле тернового куста и старого вяза. Сегодня их надгробные камни высятся над волнуемой ветром травой, и длинные стебли плюща обвивают их имена. Ниже высечены полустершиеся слова:

Наконец-то сладкий покой.

Ранней весной здесь дружно тянутся к солнцу первые примулы и осыпается цвет деревьев заброшенного фруктового сада, растущего у дороги.

Глава восьмая

Альберт Кумбе ушел в море на одном корабле со своим отцом-шкипером и кузеном Диком. Чарльз служил в армии и находился в лагерях где-то в Центральных графствах. Только Кристофер остался дома и не ушел в море, сославшись на здоровье. Он работал на верфи со своими дядьями и тремя кузенами и считал, что даром тратит время. Кристофер никак не мог отогнать от себя демона беспокойства, который целиком подчинил его своей воле. Сама мысль стать моряком вызывала у него отвращение, ведь он так и не забыл свое первое и единственное плавание восемь лет назад. В глазах отца он читал разочарование. Всякий раз, когда Джозеф возвращался из плавания, сын с внутренним содроганием ждал вопроса, который так и не был задан: «На этот раз ты пойдешь со мной?» Тогда пристыженный, униженный, но в душе бунтующий Кристофер показал бы отцу, что хоть он и плохой моряк, зато отличный работник. Однако он не любил свою работу, в глубине души мечтал уехать из Плина и искать счастья вдали от дома, но не имел ни малейшего представления о том, как это сделать.

Отцу тем временем оставалось терпеливо ждать. Джозефу было пятьдесят, и ему пока не наскучили ни море, ни его корабль. Он был по-прежнему полон сил и энергии, его голова и борода почти не поседели. Он не знал, что такое болезни. Единственное, что его иногда беспокоило, так это зрение. Временами его правый глаз воспалялся и наливался кровью, при этом зрачок сильно увеличивался в размерах. Джозеф ума не мог приложить, в чем тут причина. Иногда глаз начинал видеть нечетко, словно его затягивала пленка, которая частично скрывала очертания предметов; затем все прояснялось и колющая боль, сопровождавшая эти приступы, проходила.

Джозеф никому об этом не говорил; признаться себе самому в том, что с этим может быть связано нечто серьезное, он отказывался с таким же упрямством, с каким Джанет отказывалась признать, что ее сердце слабеет. Все это вздор, главное, что «Джанет Кумбе» сохраняет высокую репутацию самой быстроходной шхуны Плина и что его сын Кристофер скоро станет мужчиной.

Перед Троицей тысяча восемьсот восемьдесят пятого года Джозеф вернулся в Плин после исключительно долгого плавания. Он дважды ходил в Сент-Джонс на Ньюфаундленде за рыбой, которую надлежало доставить в средиземноморские порты, затем получил выгодный фрахт на три рейса

из Сен-Мишеля к берегам Мерси. Стоял конец июня, и Джозеф предвкушал, как проведет дома несколько счастливых, радостных недель, прежде чем снова отправится в море. Как только корабль бросил якорь, Кристофер на веслах поспешил к «Джанет Кумбе».

Джозеф с удовольствием осмотрелся. По гавани в разных направлениях скользили лодки, в маленькой бухте под развалинами Замка купались дети. Прекрасная, по-настоящему летняя погода. Он дал себе обещание как-нибудь порыбачить в заливе, может быть, вместе с Кристофером.

– Ну, Крис, сын, – сказал он, – хорошо на некоторое время вернуться домой, а, Элби? Вы, береговой люд, не цените дом, как ценим его мы, бедные моряки.

Кристофер покраснел и закусил губу. Джозеф это сразу заметил и мысленно выругал себя за бестактность. Бедный парень, в конце концов, только здоровье помешало ему выйти в море.

– Что нового, сын?

– С сестрой все в порядке, брат Чарли пишет, что в лагерях ему живется неплохо. Тетушки здоровы и с нетерпением ждут тебя дома. На верфи у нас уйма работы, кузен Том, Джеймс и я заняты с утра до вечера; поэтому, отец, боюсь, что не смогу проводить с тобой столько времени, сколько хотел бы.

– Ничего, Крис, я рад, что ты при деле и что твои дядья тобой довольны.

– Говорят, что дядя Филипп наконец-то за кем-то ухаживает, но кто его избранница, я не знаю.

– Филипп ухаживает? – Джозеф закинул голову и расхохотался. – Да он с ума сошел. Ручаюсь, что он не знает, с какой стороны и подойти к женщине. Если он кого-то и завел, то только ради своего богатства, а не ради своей прекрасной персоны.

Молодой человек рассмеялся, и Джозеф, которого немало забавляла мысль, что его младший брат влюблен, отправился в контору.

Филипп принял его с обычной высокомерной улыбкой и указал рукой на стул. Джозеф сразу, без околичностей, приступил к делу.

– Значит, ты, наконец, собираешься признать над собой власть юбки, так ведь, Филипп?

Филипп побагровел.

– Понятия не имею, о чем ты, – медленно проговорил он.

– Брось, приятель, уж меня-то ты не проведешь. Позволь взглянуть на твою даму. Я сразу тебе скажу, стоит она постели или нет. – Джозеф едва не

задохнулся от удовольствия, увидев, как вздрогнул брат при его последних словах. Это напомнило ему те давние дни, когда он задевал чувства Филиппа, вызванные какой-нибудь книгой.

– Ну-ну, старина, я вовсе не хотел тебя обидеть. Уверен, что с превеликой радостью увижу, что ты обзавелся семьей и стал похож на человека, да и твоя жена будет счастливой женщиной. А теперь к делу.

Джозеф и думать бы забыл об этом деле, он уже выкинул его из головы. Но Филипп неправильно истолковал его шутку. Его переполняла ненависть к этому самоуверенному, высокомерному старшему брату, который всегда имел любую женщину, какую бы ни пожелал.

Он завидовал его росту, его сохранившейся, несмотря на годы, привлекательности и отдал бы половину своего состояния, лишь бы увидеть в Джозефе хоть какие-нибудь признаки возраста. Когда с корабельными счетами было покончено и Джозеф собрался уходить, Филипп, как злобная баба, не устоял перед искушением пустить отравленную стрелу.

– Да, Джо, это правда, возможно, я скоро стану семейным человеком. И меня ждет длинная череда счастливых лет рядом с молодой женой. Мне повезло, и я могу дать женщине все, чего она пожелает: большой дом, слуг. Почему бы и тебе снова не жениться на какой-нибудь достойной работающей душе твоего возраста. Ведь тебе, брат, пятьдесят, не так ли? Не за горами время, когда тебе придется оставить море и уступить место человеку помоложе. Всего доброго. Кланяйся от меня своей семье. «Грязный червяк, – подумал Джозеф, – черт возьми, если дойдет до драки, посмотрел бы я, кто из нас моложе. Да в нем мужского ни на четверть румба, только и может, что сыпать словами да строить из себя».

Тем не менее, Джозеф не мог забыть последнюю фразу брата. Он поднялся к развалинам Замка и задумался. Да, черт подери, в чем-то он прав, мерзавец. Ему пятьдесят, пожилой человек, а он никак этого не поймет.

У него взрослые или почти взрослые сыновья, а он все еще чувствует себя таким же молодым, как они. Филипп дурак. Мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует, а Джозеф чувствовал себя лет на тридцать, а иногда и моложе. Он лег на траву и раскурил трубку. Жаль, что Кэтрин еще ребенок и ходит в школу, с ней не очень-то поговоришь. Впрочем, она забавное маленькое существо. Две ее тетки исполнены лучших намерений, но рука у них тяжеловата. Завтра надо заглянуть к Лиззи и посмотреть, как там ее славный парень.

С места, где он лежал, была видна «Джанет Кумбе», стоявшая на якоре

возле буя. Как же она красива: изящный изгиб, удлиненные линии. Корабль Джанет... Он вздохнул и закрыл глаза, томимый страстным желанием увидеть ее рядом с собой.

Пробил колокол Лэнокской церкви; Джозеф подумал, что надо бы показаться дома и навестить братьев на верфи. Он выбил трубку, потянулся и встал на ноги; интересно, куда запропастился Кристофер.

Вдруг его внимание привлек слабый крик.

Он посмотрел в ту сторону, откуда раздался звук, и увидел, что у ступеньки, ведущей к тропе на скалу, кто-то сидит, сжавшись калачиком. Он тут же зашагал к этому месту и увидел девушку с корзинкой примул. Она плакала и сжимала ладонями ногу.

– Что с вами, дорогая? – осведомился Джозеф, опускаясь на колени и ощупывая лодыжку девушки.

Девушка перестала рыдать и посмотрела на него из-под полей шляпы. Он увидел пару больших испуганных газельих глаз и завитки золотисторыжих волос над ушами.

– Я повредила ногу, прыгая через ступеньку, – робко ответила девушка, – и, когда попробовала идти, мне стало ужасно больно.

– Ах, – проговорил Джозеф, не сводя взгляда с золотистого локона, выходящего по ее щеке. – Это плохо. Позвольте мне ее ощупать и посмотреть, нет ли там растяжения.

Он провел рукой по ноге и колену, девушка не проявила никаких признаков боли.

– Кажется, растяжения нет, просто вывих, – сказал он, ему очень хотелось, чтобы девушка снова взглянула на него.

– Слава богу, – она улыбнулась. – Я живу здесь недалеко и, может быть, смогу дойти до дома.

– Ни в коем случае, – холодно сказал Джозеф, затем взял девушку на руки, словно она была маленьким ребенком. Девушка покраснела, и Джозеф это заметил. Заметил он и длинные золотистые ресницы, которые коснулись ее щек, когда она опустила глаза. Он крепче прижал ее к себе, и ее голова легла на его плечо.

– Скажите, как вас зовут, если, конечно, не сочтете меня грубияном.

– Энни Табб, капитан Кумбе.

– Откуда вам известно, кто я такой? – спросил он с любопытством.

– Боже мой, вас в Плине все знают, – она улыбнулась.

– Вы дочь Рубена Табба?

– Да, конечно, его вторая дочь. Нас восемь детей в семье.

С Рубеном Таббом Джозеф учился в школе, и это его ребенок. Он

вспомнил далекое прошлое. О, дьявольщина, Филипп был прав, он пожилой человек. Ровесник отца этого ребенка.

– Если я возьму на себя смелость спросить, сколько вам лет?

– Только что исполнилось девятнадцать, капитан Кумбе, но люди говорят, что выгляжу я моложе, и это очень досадно, Джозеф бросил взгляд на ее надутые губы и рассмеялся.

– Вам хочется быть старой, – сказал он, дразня ее, – и ковылять по городу с шалью на плечах и кружевным капором на голове?

– Вы смеетесь надо мной, капитан Кумбе, – девушка отвернулась и нахмурилась. – Я имею в виду, что хочу, чтобы меня принимали за молодую женщину, а не за глупого ребенка.

– Это довольно легко, – с хитрым видом прошептал Джозеф, наблюдая за ее лицом. Она снова покраснела и закусила губу. – Где вы живете?

– Вон там, сразу за углом, третий дом с кремовыми занавесками. Ах! Отпустите меня, мне бы не хотелось, чтобы нас увидели, к тому же я уверена, что могу идти сама... теперь.

– Почему не позволить мне пронести вас немного дальше... до калитки?

– Нет. Ах, нет.

Джозеф опустил ее на ноги.

– Вы чувствуете себя достаточно сильной?

– Да, капитан Кумбе, честное слово. Это не стоит того шума, который я подняла в поле.

Она протянула ему руку.

– Я вижу, у вас груды прекрасных примул, – сказал Джозеф, ища предлог задержать ее.

– Да, это мои любимые цветы.

– А вам не хочется набрать их побольше?

– О, конечно. Наверное, завтра я схожу к скалам и наберу еще одну корзинку.

Джозеф взял в руку несколько цветков и внимательно их осмотрел.

– Ба! Эти почти завяли. На скалах вы найдете далеко не лучшие примулы. Самые красивые растут внизу, в Полмирской долине, но одной вам туда не добраться; слишком много колючей куманики, ну и всего такого.

– Какая жалость! – Она вздохнула, и золотистый локон на ее щеке скользнул немного ниже.

– Послушайте, – беззаботным тоном сказал он, – вам не следует портить свою одежду, отправляясь туда в одиночку. А терять такие

примулы негоже. Если вы не прочь прогуляться, я пойду с вами и позабочусь, чтобы вы не исцарапали свои прелестные ручки.

– Ах, капитан Кумбе! Я не думаю... – начала девушка, с наигранной скромностью опуская глаза и склоняя голову. «Неужели?» – подумала она, и сердце ее взволнованно забилося; этот высокий красивый моряк с теплыми глазами буквально кружил ей голову.

Глядя на нее краешком глаза, Джозеф изобразил глубокий вздох.

– Ну что ж, ничего не поделаешь. Раз цветы некому собирать, им придется завянуть. Всего доброго, мисс Энни.

Он поворачивался, чтобы уйти, когда она окликнула его.

– Подождите, подождите минутку, капитан Кумбе. Если завтра вечером будет хорошая погода, то я, возможно, пройду туда с корзинкой.

Она тяжело дышала, щеки ее пылали. Джозеф посмотрел на ее ноги, затем его взгляд заскользил вверх и остановился на ее глазах.

– Мне почему-то кажется, что дождя завтра не будет, а отдохнуть в тени долины чертовски приятно, – тихо произнес он и, не оглядываясь, зашагал по дороге, пока она не потеряла его из вида.

Джозеф скатал кусок жевательного табака и сунул за щеку. А Филипп сказал, что ему пятьдесят. Проклятый дурак; да он чувствует себя на двадцать пять, на двадцать, моложе, чем когда-либо в жизни. Он закинул голову и рассмеялся. Как хорошо вернуться в Плин.

Куда ты, куда ты, красотка, спешишь,
Куда ты, моя дорогая?

– просвистел он и помахал рукой старику, склонившемуся над садовой калиткой. Он был молод, молод...

Наутро Джозеф проснулся со странным чувством в сердце. Он вскочил с кровати и сам поразился нетерпению, с которым откинул штору, чтобы взглянуть на голубое небо над головой и определить направление ветра. Но тут-же вспомнил ЭнниТабб и обозвал себя болваном, хотя, надо признать, не без удовольствия.

Джозеф пел, одеваясь у открытого окна. Его вдруг обуяли любовь к Плину и радость жизни. Впереди его ждала длинная череда дней, и хоть Кристофер, скорее всего, будет занят, он чувствовал, что часы его не будут пусты и одиноки. К завтраку он спустился в самом веселом расположении духа, оживленно болтал с двумя племянницами, которые были так похожи одна на другую, что он их с трудом различал, проводил дочь Кэтрин до

школы, наказал ей быть хорошей девочкой и прилежно учиться, затем прогулялся до верфи, поболтать с братьями Сэмюэлем и Гербертом.

В четыре часа, словно боясь, что ноги не смогут нести его достаточно быстро, Джозеф вышел из Плина и зашагал через поле, хотя и знал, что будет на месте за час до назначенного времени.

Когда смолк пятый удар колокола Лэнокской церкви, он выбил трубку, поправил воротник и посмотрел на тропинку, ведущую к ограде, к которой он прислонился. Его руки горели, ноги были холодны как лед. Проклятие, ее нет, маленькой кокетки. В двадцать минут шестого он увидел, что через поле идет женщина с корзинкой на руке. Он вынул из кармана газету и сделал вид, что читает.

Когда Энни подошла к нему, он притворился, будто не видит ее.

– Капитан Кумбе, – робко позвала она. Джозеф наигранно вздрогнул и опустил газету.

– Господи помилуй, – сказал он, – вы все-таки объявились. Должен признаться, я вас не ждал.

Энни надулась и отдернула руку.

– Если вам не по душе мое общество, я не стану вас беспокоить. – Она чувствовала себя оскорбленной и собиралась уйти, но Джозеф забрал у нее корзинку, не говоря ни слова, поднял ее над низкой оградой и, покрасневшую, негодующую, поставил с другой стороны.

– У вас грубые манеры, капитан Кумбе, так что позвольте мне... – начала она.

– Мы, моряки, все таковы, – с трудом сдерживая смех, возразил он и направился в сторону долины, Энни шла рядом.

Теперь мир мог катиться ко всем чертям, Джозефу это было совершенно безразлично.

Как ни странно, но при том, что трудились двое, корзинка наполнялась очень медленно, а отдыхали они довольно часто. Потом Энни заметила несколько высоких диких ирисов, которые росли на противоположной стороне ручья, и крикнула, что она их хочет и должна получить. Джозеф, промочив сапоги, перебрался туда и начал срывать цветы, но минуту спустя вернулся с довольно глупым видом и сказал, что девушке надо пойти с ним, поскольку ему самому не по силам выбрать именно те ирисы, которые ей понравились.

– Нет, я не могу, там грязно, а я вовсе не хочу пачкать свое лучшее платье.

– Лучшее, вот как? – сказал он. – Ну что ж, я очень польщен, ведь немногие женщины стали бы рисковать в долине своими юбками лишь

потому, что какой-то моряк попросил их составить ему компанию.

Энни заявила, что надела это платье вовсе не ради него, но Джозеф был слишком самоуверен, чтобы обращать внимание на ее слова, и спросил, присоединится она к нему на той стороне ручья или нет.

– Нет, я не стану мочить ноги. – Энни тряхнула головой, и он, разбрызгивая воду, в два прыжка оказался рядом с ней, подхватил ее на руки и понес через ручей.

– Меньше слов, больше дела, – шепнул он ей на ухо и продолжал идти, слегка покачиваясь под ее весом и заявляя, что она ему не по силам.

Тогда Энни сказала, что ее еще никто не называл тяжелой, и он поклялся расквасить нос любому мужчине, который посмеет к ней прикоснуться. Оба рассмеялись, после чего решили отдохнуть на берегу в том месте, где росли ирисы. Джозеф расстелил куртку, чтобы она могла посидеть, а сам присел на корточки у воды и взял Энни за руку, говоря, что она поранилась шипом.

– Во все нет, капитан Кумбе, – возразила она, – вчера вечером я слегка оцарапалась, второпях надевая брошку.

– В таком случае я должен взглянуть на брошку, – сказал Джозеф. – Это она?

И он наклонился над затейливым украшением, которое было приколото к кружевному воротнику, облежавшему шею Энни.

– Да, – пробормотала она и поспешно добавила: – Нет, не надо ее трогать. – Ведь, чтобы осуществить задуманное, ему пришлось бы слишком плотно приблизиться к ней, и ей стало бы неловко, хотя она и надеялась на это.

Джозеф подался назад и посмотрел на Энни. Она продолжала сидеть, с трудом скрывая разочарование от того, что он ее не поцеловал, то есть, испытывая именно то чувство, которое Джозеф намеревался в ней пробудить. Бросив на девушку еще один взгляд и увидев выражение ее глаз, он едва заметно улыбнулся. Он знал, что она будет принадлежать ему.

Вечер прошел очень приятно, о любви не было произнесено ни слова, и им показалось, что они и оглянуться не успели, как уже шли через поле домой, навсегда запомнив четыре невысокие ограды, которые им пришлось преодолеть, и радуясь тому, что иной дороги в Плин не было.

Джозеф, как положено, довел ее до садовой калитки и, сказав, что они должны снова прогуляться в любое удобное для нее время, за неимением причин задерживаться стал спускаться с холма. Энни в радостном возбуждении поспешила к себе в комнату, чтобы взглянуть на себя в зеркало и посмотреть из окна, как он уходит. А он, тем временем, не видел

ни домов, мимо которых проходил, ни соседей, ни кораблей, стоящих на якоре в гавани, не слышал голоса Кристофера, который звал его с верфи; перед его глазами неотступно стоял образ девушки, которую не целовал еще ни один мужчина.

Глава девятая

Джозеф был влюблен. Влюблен так слепо и страстно, как никогда в жизни. Он не мог вспомнить ни одной женщины, которой так жаждало бы его сердце, как жаждало оно Энни Табб из Плина, девятнадцатилетней девушки, которая была всего на пять лет старше его младшей дочери. Собственный возраст для него ничего не значил.

Его женитьба на Сьюзен была результатом стремления быть понятым, бессознательным желанием, положив голову ей на колени, забыть о своем одиночестве. Этого она не смогла ему дать; поняв, что его нежность ей не нужна, он любил ее мимоходом, небрежно, без чувства, и последние одиннадцать лет их супружества был для нее не более чем кормильцем, а она его экономкой. И вот теперь в нем вновь проснулись все так долго сдерживаемые природные инстинкты; Джозеф не мог ни спать, ни есть, одна мысль преследовала его днем и ночью: он должен обладать Энни Табб, кроме этого ничто в целом мире не имело для него значения. Он боготворил ее юность и красоту, жаждал получить возможность разделить их с нею, стать их частью, былые дни он не делал различия между женщинами и девушками и не думал об их возрасте, придавая значение лишь особому взгляду, который означал, что они понимают, чего именно ему от них надо. Теперь все изменилось.

Мысль о невинности и неопытности Энни была для него пыткой. Почему раньше он никогда этого не понимал? Джозеф не отдавал себе отчета в том, что такими ценными эти качества делает его возраст, его пятьдесят лет, и что лет двадцать назад он презрительно счел бы их ничемными, неинтересными. В тридцать лет он хотел, чтобы о нем заботилась Сьюзен, женщина старше его. А теперь, в пятьдесят, он хотел, чтобы Энни, подобно символу прошедшей юности, в котором он искал обновления, помогла ему бежать призрака близкой старости и осталась с ним рядом в этой чудесной земле обетованной.

И вот, тем временем как сын, Кристофер, трудился на верфи, беспокойный, неудовлетворенный, рвущийся на свободу отец, Джозеф, слонялся около некоей садовой калитки, то чувствуя себя на седьмом небе, то безрассудно ввергаясь в пучину отчаяния. Лишь его собственная настойчивость и сила воли могут заставить такое прекрасное молодое создание ответить на его страсть, размышлял Джозеф, вышагивая взад-вперед по вершине холма и по часу дожидаясь этого дитя; когда же наконец

Энни Табб появлялась с раскрасневшимися щеками и сияющими глазами, его мрачное настроение сменялось уверенностью, что не пройдет и нескольких дней, как она ему уступит. По вечерам они часто прогуливались через поле к Полмирской долине. Дома Энни говорила, что идет гулять с подружкой, так как сомневалась, что родители одобряют ее странную дружбу с капитаном Джо, которого, несмотря на нынешний возраст Джозефа Кумбе, люди, помнившие его былые эскапады, едва ли признали бы подходящим спутником для молодой девушки. Ей самой не раз приходилось слышать, как ее тетушки, пожилые замужние женщины, рассказывают ужасные истории о временах двадцати- и тридцатилетней давности, когда Джозеф Кумбе пускался в Плине во все тяжкие; и хотя этот бородатый вдовец теперь пользовался почетом и уважением, втайне она не могла не чувствовать, что он мало изменился, особенно когда смотрел ей в глаза или вытягивал руки, чтобы приподнять ее над изгородью. Мысль, что она играет с огнем, вся сила которого ей неизвестна, приводила Энни в трепет и кружила ей голову. В конце концов, какое это имеет значение? Никто еще ни разу не заметил, как они гуляют по вечерам, и ей все нипочем, пока она знает, что красавец шкипер ждет ее на вершине скалы. Вся семья Джозефа заметила его хорошее настроение, но о причине не догадывался никто. Кристофер испытывал огромное облегчение, видя, что отец не пытается спросить его, когда он пойдет в море; Альберт, понимая, что «Джанет Кумбе» снова уйдет в плавание не раньше чем через несколько недель, воспользовался задержкой, чтобы навестить брата Чарльза в военном лагере.

Мэри и Марта в этот приезд находили своего дядю чрезвычайно приятным и милым, а не путающим и властным, как обычно. Даже Кэтрин забыла свой благоговейный страх, и, в конце концов, стала считать отца обычным человеком, а не высоким, угрюмым чужестранцем, который с трудом узнавал ее, когда она случайно встречалась с ним по пути из школы.

Джозеф и сам себя не узнавал. Он стал более тщательно одеваться и, пожалуй, гордиться своей внешностью. Он с удовлетворением заметил, что в его волосах нет и намека на седину.

Стояла прекрасная погода, и, просыпаясь утром, он слышал, как чайки кричат «Энни», как «Энни» зовут волны, разбиваясь о скалы; даже нежный летний ветер шептал ее имя, даже воздух полнился ею.

Через неделю праздник Троицы, именно этот срок он себе и отвел. В субботу накануне праздника Джозеф отправился в контору Хогга и Вильямса (ее название не изменилось), чтобы повидаться с братом Филиппом по поводу страховки, срок которой истек. К его немалому

удивлению, из двери, в которую он собирался войти, вышла Энни Табб. Увидев его, она покраснела и хотела пройти мимо, но он преградил ей дорогу.

– Вот так встреча. И что же вы делаете в этой конторе? – спросил он шутливым тоном. – Собираетесь стать судовладельцем?

– Нет, капитан Джо, – ответила она. – И мастер же вы задавать вопросы, то так, то эдак. Мне пришлось зайти сюда, мистер Кумбе, с запиской от моей матушки.

– Да ну! – сказал Джо. – Так вы знакомы с моим братом Филиппом? И что вы о нем думаете?

Энни мяла в руке носовой платок.

– Я считаю его настоящим джентльменом и очень приятным человеком. Он всегда вежлив, внимателен и точно знает, что нужно девушке. Посмотрите, вот этот браслет он подарил мне на день рождения.

Джозеф нахмурился, слова Энни ошеломили его.

– И давно вы с ним знакомы? – довольно резко спросил он.

– Ах, боже мой, я даже не помню. – Энни притворно рассмеялась. – По воскресеньям он часто к нам заходит и пьет чай с матушкой и со мной. Не может быть, капитан Джо, чтобы я вам об этом не говорила.

– Никогда не говорили, мисс Энни, клянусь вам.

– Ну что ж, по-моему, это не так важно. Плин невелик, здесь все соседи. А сейчас я должна одна вернуться домой.

– Вы не забыли, что в понедельник вечером идете со мной на ярмарку?

– Нет... туда я не обещала.

– А по-моему, обещали, маленькая кокетка.

– И не обзывайтесь, а то я не стану с вами разговаривать. А про понедельник посмотрим... я подумаю.

Однако ему было не до игры, и он остановил Энни.

– Вы должны ответить «да» про ярмарку в понедельник, прежде чем уйдете из этого здания.

– Ох! Капитан Джо, вы невыносимы.

– Скажите «да», Энни.

– Ну вот... теперь просто по имени, да?

– Скажите «да», и побыстрее, иначе опоздаете домой.

Ненадолго наступило молчание; оба делали вид, что рассержены.

– Ах! Вы мне надоели. Я приду, – сказала, наконец, девушка, у которой и в мыслях не было отказываться, о чем Джозеф прекрасно знал.

Он отступил в сторону и дал ей пройти, затем, глупо улыбаясь улыбкой пьяницы, вошел в контору брата. Филипп против обыкновения

праздно сидел за своим столом, стиснув руками голову и глядя в пустоту. Он тоже улыбался, но ни один из братьев не догадывался, как выглядит он сам.

– Как поживаешь, Джо? – спросил Филипп.

– Вполне прилично, Филипп, – ответил другой.

– Погода как раз по сезону. Надеюсь, что и в праздники продержится такая-же.

– Да, будет чертовски жалко, если пойдет дождь и испортит людям все веселье.

Братья надеялись поскорее закончить беседу, поскольку каждый чувствовал себя неуютно в обществе другого.

– Так, дело сделано, – сказал Джозеф, ставя кляксу на какой-то документ и вытирая носовым платком запачканные чернилами пальцы. Он терпеть не мог что-нибудь писать и подписывать.

Внимательно просмотрев бумагу, Филипп положил ее в ящик стола. Затем взглянул на брата и неохотно признался самому себе, что никогда не видел его в лучшем здравии.

– И какие же занятия ты находишь для себя в свободное время, Джо? – с некоторым любопытством осведомился он. – Должно быть, Плин по сравнению с иноземными городами кажется тебе скучной дырой.

– Он вовсе не так уж плох, – улыбнулся Джо, – и я приятно провожу время. Ты странный малый, Филипп, на мой взгляд, суцая темная лошадка. После того как ты закрываешь свою контору, тебя нигде никогда не видно. Неужели ты так же много читаешь, как в былые дни?

– Да, довольно много, но последнее время я подумываю и о другом. Видишь ли, я не так стар, чтобы становиться отшельником. Я еще сравнительно молодой человек.

Ответ брата позабавил Джозефа. Он вспомнил рассказ о том, что Филипп за кем-то ухаживает. О котором и думать забыл.

– Полагаю, ты скоро ошарашишь нас известием о своей женитьбе, не так ли, Филипп? – Джозеф рассмеялся.

Его брат даже не попытался скрыть довольной улыбки.

– Возможно, Джо, возможно. Вполне вероятно, что я действительно в ближайшем будущем сделаю решительный шаг.

– Разумеется, при условии, что дама согласна, – съязвил Джозеф.

– Естественно, при условии, что дама согласна. Но думаю, я могу смело сказать, что на этот счет у меня нет никаких опасений.

– Ну что же, когда ты влюблен, чрезвычайно утешительно знать, что твое чувство взаимно, – задумчиво сказал Джозеф. – Хотя, мне кажется, что

неопределенность придает чувству особую остроту.

– Странно слышать подобное заявление от человека пятидесяти лет, – ядовито заметил Филипп. – Разве ты еще не выбросил из головы подобные мысли?

Джозеф рассмеялся.

– В женщине, Филипп, нельзя быть уверенным, пока ты ее не получил, – сказал он. – Об этом говорит мой многолетний опыт, и желаю удачи.

– Чепуха, Джо, нынче все изменилось. Положение – вот чего ищет женщина, ей нужен дом, слуги. Если мужчина может предложить все это своей будущей жене, беспокоиться не о чем, она сама к нему придет.

– Ты так думаешь? А я так очень в этом сомневаюсь. Прекрасная мебель слабое утешение, если у тебя холодный партнер в постели. Будем надеяться, что ты на славу потрудишься, хотя, по-моему, несколько уроков знатока тебе бы не помешали.

– Ты явно не способен подняться над непристойностью, Джо, – сказал Филипп. – Я признаю, что меня действительно привлекает ее юность, а сказать, что она ослепительно хороша собой, это значит ничего не сказать. Я убежден, что стоит мне только слово сказать, и она тут же примет мое предложение. Кроме того, я пользуюсь известным влиянием в ее семье.

– И когда же ты собираешься жениться? – спросил Джозеф.

– Право, я еще не решил, – холодно ответил Филипп. – Я думал откровенно объясниться после праздника.

Джозеф живо представил себе эту светскую сцену. Филипп, официальный, чопорный, стоит в гостиной, а молодая леди с жеманным видом сидит на стуле. Торжество на Троицу. Тем временем он, Джозеф, посадив перед собой свою девушку, скачет на резвом коне, после чего увлекает ее к безмолвным скалам. Что там говорит Филипп?

– И поэтому я абсолютно уверен, что она мне не откажет. Любой девушке хочется изменить свое положение к лучшему, и она будет просто дурочкой, если откажет мне. Послушай, Джо, здесь, в столе, есть ее фотография. Украл у ее матери. Полагаю, она так молода, что годится тебе в дочери...

Через плечо брата Джозеф смотрел прямо в лицо Энни Табб.

– Господи Иисусе...

– Да, красotka, правда? Хотя на самом деле она еще лучше. Так вот, если... В чем дело... куда, ради... – Филипп в недоумении поднялся из-за стола и подбежал к двери. Но Джозеф уже исчез. Он проскочил половину улицы и, свернув за угол, уже поднимался по холму. Вершины он достиг в

ту самую минуту, когда девушка собиралась войти в калитку.

– Привет! Это опять вы, капитан Джо?

– Послушайте, – сказал он нетвердым голосом. – Вам придется опоздать к обеду, потому что я хочу с вами поговорить. Сходим на минуту к скале, долго я вас не задержу.

Он тащил ее за руку.

– Ради всего святого, что на вас нашло?

Он не отвечал, дожидаясь того момента, когда они смогут сесть на некотором расстоянии от Замка; там он посадил ее рядом с собой.

– Мой брат Филипп за вами ухаживал, – сразу начал он.

Энни вздрогнула и отрицательно покачала головой.

– Нет, никогда. Время от времени он делает мне небольшие подарки, навещает нас, но он никогда не вел себя неприлично.

– Я не говорю о приличном или неприличном, – нетерпеливо сказал Джозеф. – Главное, что он вообразил, будто влюблен в вас. Вы об этом знали?

– Нет... не думаю... не могу сказать. Он всегда так внимателен.

– Послушайте, детка. Вы не знали, что он собирается просить вашей руки?

– Ах! Капитан Джо... я действительно...

– Жениться, Энни, жениться. Он хочет жениться на вас.

Глаза девушки широко раскрылись от удивления.

– Мистер Кумбе хочет на мне жениться? – воскликнула она. – Я не могу в это поверить. Как, такой джентльмен?

– Вам это приятно, ведь приятно, а? За это он вам и нравится, вы довольны, я вижу, что довольны. Вы воображаете себя в кружевном платье, воображаете, как вам прислуживает лакей. Разве не так?

– Нет, капитан Джо, не надо меня так смущать... я не знаю, что и подумать. Мистер Кумбе меня никогда не интересовал.

– Ха! И вы это говорите? Должно быть, вы давно с ним накоротке, если он говорит то, что сказал мне. Итак, вы собираетесь выйти за него замуж и стать светской дамой с собственной каретой?

– Я никогда этого не говорила. – Девушка чуть не плакала. – Мистер Кумбе учтивый и добрый, но я никогда не помышляла о нем как о муже. Кроме того, я пока вообще не хочу выходить замуж.

– Ах! Он, как несчастная рыбешка, будет извиваться на вашем крючке, пока вы не решите, из какого материала сшить подвенечное платье. Затем, когда он наймет достаточно слуг, чтобы те стояли перед вами на коленях, вы уступите и за все, что он для вас сделал, поднесете ему себя в подарок?

– О, перестаньте, капитан Джо. Я сейчас сойду с ума от ваших нападок. – По щекам Энни катились слезы. – О, боже мой! Боже мой, сколько шума по пустякам, я просто не понимаю, что происходит!

Увидев ее слезы, Джозеф окончательно потерял самообладание; он схватил девушку на руки, положил себе на колени и стал целовать жадно, гневно, пока ее волосы, выскользнув из-под ленты, не рассыпались по плечам. Слабая, беспомощная, она лежала неподвижно, прижавшись лицом к его плечу.

– И вы пошли бы за него, – шептал Джозеф, – с его постной физиономией и пасторскими повадками, только ради красивых платьев и шикарного дома. Пошли бы, понятия не имея о том, что такое любовь, не желая познать ее, не думая о ней. Пошли бы туда, где я не смог бы держать вас вот так... и вот так... и вот так...

– Нет... нет, – закричала Энни. – Не надо, о! Джозеф, что со мной... я люблю вас... да, люблю... люблю.

Он целовал ее снова и снова, доводя до изнеможения, пробуждая волны страдания и наслаждения – чувства, которого она не могла определить. Потом он оттолкнул ее от себя, и она обнаружила, что едва может стоять, ноги ее дрожали, сердце бешено колотилось в груди. Пока она приводила в порядок платье и волосы, руки ее тряслись и все тело пронизывала странная ноющая боль.

Он, прищурившись, наблюдал за нею.

– Ну как? Вы все еще собираетесь сказать ему, что будете его женой? Тогда бегите, не упустите его, а то он уйдет, если вы не поторопитесь.

– Я не хочу выходить за него замуж, вы же знаете, что не хочу. Почему вы все мучаете меня?

– Он будет вам прекрасным мужем, подарит красивый дом и все, чего вы ни пожелаете. Вы будете душой, если откажете ему.

Бедная Энни была готова опять разразиться слезами.

Он снова целовал ее, а она стояла, прижавшись к нему, не в силах двинуться с места, не в силах сделать хоть что-нибудь, кроме того, о чем он ее просил. Она лишилась последних сил, последней воли, в ней осталось только одно желание – быть рядом с ним, быть им любимой.

– По справедливости, Филипп должен получить свой шанс, – сказал Джозеф. – Сегодня тебе придется вместе со мной спуститься в его контору и выбрать одного из нас. Тебе придется сказать ему правду в лицо. Ты обещаешь, Энни?

– О! Обещаю... обещаю.

– А теперь иди обедать и выкинь из своей маленькой головки все

заботы. С этим делом мы разберемся.

Итак, бедная Энни, спотыкаясь, отправилась домой; взволнованная первым в своей жизни опытом физической любви, она шла неверной походкой и покачивалась, как сомнамбула. А Джозеф зашагал по тропинке в скалах, не думая ни о еде, ни об отдыхе, он старался унять возбуждение, которое охватило его существо и не проходило, несмотря на все его старания.

На склоне дня оба они спустились к мрачному зданию по соседству с почтой, в котором снимал комнаты Филипп.

Оставив Энни в холле, Джозеф постучал в дверь гостиной.

Филипп лежал на диване с жесткой спинкой, покрыв лицо платком. Джозеф улыбнулся. Его брат явно заботится о себе.

Филипп отбросил платок и сел; его рыжие волосы впервые были растрепаны, рот раскрылся от удивления.

– Откуда ты взялся, Джо, и что означал твой утренний побег? Что-нибудь случилось?

– Я бы сказал, определенно случилось, – ответил Джо, беря себе стул и ставя его рядом с диваном. – Послушай, Филипп, я не собираюсь ходить вокруг да около и буду говорить прямо, без обиняков, я доверяю простым словам и честным сделкам. Ты не можешь жениться на Энни Табб, эта девушка принадлежит мне.

Филипп вперил в брата пристальный недоверчивый взгляд, затем, едва ли сознавая, что делает, вынул из кармана платок и медленно вытер им руки.

– Если ты так шутишь, Джо, то да будет тебе известно, что это говорит о крайне дурном вкусе.

– Перестань молоть свой джентльменский вздор, Филипп, у меня нет на него времени. Ты просто дурак, не в моих правилах шутить такими важными вещами. Говорю тебе, что я вот уже две недели ухаживаю за этой девушкой, и нравится тебе это или нет, но она будет моей.

Кровь отхлынула от лица Филиппа. Казалось, он съежился и сморщился, как ярмарочная крыса. Не сводя глаз с брата, он вцепился рукой в диван.

– Повтори, что ты сказал.

– Я говорю, что собираюсь взять себе эту девушку, она обещала стать моей. Мне очень неприятно разрушать твои счастливые планы, старина, но я понятия не имел, что твоя избранница – это моя Энни. Если бы ты не был таким скрытным в своих делах, все это не обрушилось бы на тебя как снег на голову. Пожалуй, мне больше нечего сказать, кроме того, что положение

для нас обоих довольно затруднительное и чем раньше мы с этим покончим, тем лучше.

Некоторое время Филипп неподвижно сидел на диване, затем тихо и медленно заговорил.

– Проклятая свинья, – сказал он. – Это был твой план, не так ли? Проскользнуть у меня за спиной и предаваться любовными утехам с женщиной, которую я хотел взять в жены; намеренно украсть ее у меня...

– Стоп, брат, – крикнул Джозеф. – До сегодняшнего утра, пока ты не показал мне фотографию Энни, я не знал, что она и есть та девушка, которой ты увлекся. Разве я похож на вора?

– Какая разница? Я знаю одно: ты решил встать между мною и Энни Табб, ты, старый моряк, отец взрослых детей.

– Будь проклят твой ядовитый язык. Разве ты не младше меня всего на четыре года, Филипп? Какая разница, хм?.. Ты можешь показать мне разницу? Несмотря на твои хвастливые речи и сомнительное богатство, Энни тебе не видать. Ты ей не нужен. – Джозеф обернулся к двери и позвал: – Энни, иди сюда и скажи ему об этом.

– Боже мой, у тебя хватило наглости привести ее в этот дом?

– Хватило.

Энни, смущенная, с пылающими щеками, появилась в дверях.

– Послушай, Энни, – сказал Джозеф. – Не могу втолковать моему брату, что ты отказываешься выходить за него замуж. Может быть, ты сама ему скажешь?

– О господи... я не знаю... что я могу сказать? Я никогда...

Филипп поднялся с дивана и подошел к девушке.

– Мисс Энни, – сказал он, – возможно, это самый важный момент вашей жизни, и вы должны хорошенько подумать. Вы знакомы со мной несколько месяцев, то есть гораздо дольше, чем с моим братом Джозефом. Я никогда не пытался вас напугать или принудить к помолвке. Я решил поговорить с вами в начале следующей недели и попросить вас стать моей женой. Приняв мое предложение, вы заняли бы высокое положение в Плине, и я мог бы предложить вам все, что вы пожелаете. Вы бы никогда не пожалели о таком шаге. И вот сейчас вы намерены бездумно отказаться от этого только потому, что мой брат, грубый моряк, случайно бросил на вас взгляд и забавляется, увлекая вас рассказами о том, про что через неделю забудет.

– Не обращай внимания на его гладкие слова, Энни, – сказал Джозеф, хватая ее за руку. – Ты слишком красива и слишком молода, чтобы довольствоваться тем, что он тебе предлагает. Все это пусто и холодно,

подарки, которыми он собирается тебя забросать, превратят тебя в хорошенькую, набитую соломой куклу ему на забаву. Твои чувства его не заботят. Ты рождена для любви, Энни, для красоты и всех радостей этого мира. Он посадит тебя на высокий детский стульчик; на твоей шее будут драгоценности, но тело навсегда останется голодным. Я же вместо того, чтобы давать тебе сверкающие безделушки, стану носить тебя на руках, прижав к сердцу. Иди ко мне.

– Боже мой! Боже мой! – воскликнула Энни. – Что могу я сказать, если даже совета спросить не у кого? Девушке, у которой пока что нет никакого желания выходить замуж, ужасно трудно что-то сказать, когда ее ставят в такое ужасное положение и едва не сбивают с ног потоком слов.

– Подумайте, дитя мое, подумайте, – сказал Филипп. – Я не стану торопить вас, не стану тревожить. Я сделаю вас одной из самых богатых дам в Плине, чего Джозеф никогда сделать не сможет, запомните это.

– Разве ты не хочешь, чтобы тебя любили, Энни, не хочешь... не хочешь? – прошептал Джозеф.

– Ах, пожалуйста, пожалуйста, дайте мне самой подумать, – сказала девушка со слезами на глазах. – Я уверена, что действительно люблю вас, капитан Джо, но мне надо все обдумать, как говорит мистер Филипп. А теперь отпустите меня, после праздника я дам вам ответ, обещаю.

– Что ж, по-моему, это вполне справедливо, – рассмеялся Джозеф. У него и раньше не было сомнений, что он победит. – Что скажешь, брат?

Филипп, держа руки за спиной, подошел к окну.

– Когда-нибудь я с тобой посчитаюсь. Этого я никогда не забуду. А теперь уходи из этого дома и ее забирай, я хочу остаться один.

– Всего доброго, Филипп, – сказал Джозеф и размашистым шагом вышел из дома; Энни семенила у него за спиной.

– Итак, моя девочка, тебе надо подумать? – нахмурив брови, спросил он. – Хорошо, но не думай слишком долго, вот все, о чем я прошу. И еще одно. В понедельник вечером на ярмарке – никаких увиливаний от меня, понятно? Все, больше никаких резких слов, и поскорее забудь об этом деле. Он круто повернулся и ушел.

Глава десятая

В Духов день солнце с самого утра заливало своими лучами веселящихся жителей Плина. Гавань кишела прогулочными шлюпками, с которых люди наблюдали за гонками вверх по реке и обратно.

Наконец наступил вечер, горожане стали расходиться по домам, но более молодые и неумные в поисках развлечений толпились на городском причале у старого трактира «Король Уильям».

В Плине открылась ярмарка.

На мощенной булыжником площади теснились палатки, были там и соревнования в бросании кокосовых орехов, и «тетушки Салли»^[16], и метание дротиков, и весы; на каждом шагу попадались лотки со сладостями и прохладительными напитками.

Самым притягательным развлечением была карусель. Возле нее собралась густая толпа: матросы, в том числе иностранные, со стоявших в гавани кораблей, мальчики и девочки, убежавшие из дома, влюбленные, не терявшие времени даром. Над этим плыли визгливые звуки губной гармошки, наигрывающей беззаботную мелодию популярной песенки «Чарли Шампань зовут меня».

Ночь была темной и ветреной, гонимые по небу редкие облака скрывали звезды. Мерцали фонари, гуляющие то и дело теряли друг друга в толпе: «Нэнси Пенроуз, где ты?», «Кто-нибудь видел моего Джона?»

Воздух был напоен радостным волнением и ожиданием приключений... шепот во тьме... прикосновения рук...

Круг за кругом полетели раскрашенные кони; несчастный парень, обливаясь потом, крутил рукоятку.

Забыли девчонки о божеском страхе.
Пора уже стать поскромней и умней.
На ум им идут лишь одни вертопрахи —
Нет, чтобы глядеть на серьезных людей, —

заливалась губная гармошка, и кружащиеся на конях люди раскачивались в такт музыке.

Держа перед собой Энни, Джозеф сидел верхом на коне. Кристофер на другом конце причала бросал дротики, соревнуясь с голландским

матросом.

Джозеф раскачивался под веселую мелодию, волосы Энни развевались вокруг его лица, губы его почти касались ее губ, и она, опьяненная ночью и сверкающими огнями, и думать забыла о том, что ждет ее впереди.

Круг за кругом летели они, смеясь, напевая, сливаясь голосами с безудержным потоком звуков.

Забыли девчонки о божеском страхе.
Пора уже стать поскромней и умней.
На ум им идут лишь одни вертопрахи —
Нет, чтобы глядеть на серьезных людей.

Джозеф плотнее прижал Энни к себе и зарылся лицом в ее волосы.

— Дорогая, я люблю тебя... люблю, уйдем отсюда... сейчас, немедленно. Я больше не могу ждать.

— Нет... Джо, это нельзя. Ах! Я не могу.

— Да.

— Нет... не проси меня.

— Да. Я говорю, да.

— Ах, Джо, как мы можем? Куда мы пойдем? Мы не должны.

— Да... уйдем, сейчас, по воде, на мой корабль. Любимая, я больше не могу без тебя... пойдем.

— Джо, пожалуйста...

— Энни, красавица моя, Энни, я люблю тебя! Быстро в шлюпку, она ждет у причала, и на корабль.

Испуганная и одновременно взволнованная Энни позволила Джозефу провести себя через густую, напирющую толпу и посадить в лодку. Темную воду покрывала крупная зыбь, беззаботный ветер развеивал волосы и юбки девушки.

— Джо, отпусти меня, позволь мне вернуться!

— Я говорю, нет, Энни, это так чудесно, так чудесно...

Над волнующейся водой гавани лодка стремительно неслась к черному кораблю, который стоял на якоре у дальнего буя. Джозеф греб как безумный, его лицо было мокрым от брызг, сердце бешено билось, глаза сияли.

Небо очистилось от облаков, и на нем туманным блеском светилась одинокая звезда. В середине гавани ветер и отлив подхватили лодку и понесли ее к кораблю с такой же силой, с какой поток, вращающий колесо

мельницы, устремляется в запруду.

Энни, сжавшись в комочек, сидела на корме, ее глаза и руки горели, колени дрожали. Что ее ждет, отчего она чувствует себя такой слабой и незащищенной, откуда это странное возбуждение? Джозеф не обращал на нее внимания.

Огни причала растаяли вдали, музыка еще звучала, но постепенно становилась все тише.

Забыли девчонки о божеском страхе.

Пора уже стать поскромней и умней...

Из своего окна Филипп Кумбе с презрением наблюдал за толпой. На какой-то миг он увидел Джозефа и Энни, которые шли, держась за руки, в направлении ярмарки, но они тут же скрылись. Филипп плотнее задернул портьеры, отошел от окна и сел у погасшего камина наедине со своими мыслями.

А в гавани маленькая лодка ударилась о борт корабля, и по свисающей с него веревочной лестнице вверх поползли две фигуры.

– Джо, что я наделала... что я наделала? – шептала Энни.

Джо взял ее лицо в ладони. Кроме них на «Джанет Кумбе» никого не было. Высоко над его головой раскачивался якорный огонь. Между кораблем и Плином лежала гавань. То был звездный час Джозефа, прекрасный, победоносный.

Он на руках отнес Энни вниз, в тихую каюту.

Пять дней спустя они обвенчались без церковного оглашения.

Эта женитьба произвела целый переворот в семье капитана. Джозеф переселился в Дом под Плющом, который после смерти Томаса стоял пустым, поскольку Мэри не захотела оставаться там одна и теперь жила с Сэмюэлем и его семьей. В услугах племянниц необходимость, разумеется, отпала.

Кристофера женитьба отца глубоко потрясла. Он сразу невзлюбил Энни, подозревая, что при всей своей красоте она глупа и ограничена, более того, не способна дать отцу прочного счастья.

Эти смехотворные влюбленные из Дома под Плющом смущали и раздражали его. Он старался как можно больше времени проводить на верфи, делая вид, что любит свою работу, но при этом твердо решил для себя рано или поздно уехать из Плина и поискать счастья в другом месте.

Альберт, устав дожидаться, когда «Джанет Кумбе» снова выйдет в море, нанялся на другое судно и предоставил отца его судьбе.

Чарльз прислал письмо из Африки, в котором передавал мачехе поклон; Кэтрин была в восторге от того, что у нее появилась подруга почти

одного с ней возраста.

Джозеф напоминал человека, мысли которого витают в облаках, а ноги стоят на краю пропасти.

Шесть недель он прожил не думая ни о времени, ни о деньгах, ни о чем и ни о ком, кроме себя и Энни. Корабли покидали гавань и вновь возвращались, лето было в полном разгаре, но «Джанет Кумбе» по-прежнему стояла у своего буя, всеми забытая и покинутая.

Однажды в конце июля в Дом под Плющом зашел поужинать Дик Кумбе, первый помощник капитана семейного судна, твердо решив тактично поговорить со своим дядюшкой-шкипером. Сам он женат не был и с легким презрением относился к тому, что его дядя пал жертвой женских чар и, вместо того чтобы заниматься своим кораблем, оказался под каблуком у жены.

Был теплый, красивый вечер, и Дик застал Джозефа и Энни сидящими в саду.

– Рад тебя видеть, племянник, – сказал Джозеф, не поднимая глаз. – Прекрасная погода, не так ли? Мы с Энни весь день сидим здесь и бездельничаем, даже стыдно, разве нет, любовь моя?

– Ах, Джо! Это восхитительно. Я уверена, что не смогла бы сделать и шага, даже если бы постаралась, – ответила Энни, глядя на мужа глазами, полными обожания.

Джозеф зевнул и потянулся.

– У меня расстройство желудка, уж я-то знаю. Мне бы сейчас прогуляться миль двадцать, но я не могу себя заставить. Садись, Дик, мальчик, закуривай. Энни против табака не возражает.

Племянник повиновался и, раскуривая трубку, наблюдал за дядей.

Он сразу решил, что Джозеф прибавил в весе; его шея заметно одрябла, чего раньше не было, под глазами появились мешки. Правый глаз – Дик подозревал, что он его и раньше беспокоил, – налился кровью, а зрачок увеличился.

– «Мэри Хокинс» ушла сегодня в девять утра, взяв курс на Средиземное море, – спокойным голосом сказал Дик. – Работы сейчас много, там полно товара, он гниет в ожидании кораблей, которые его заберут. Вы видели, как она отплывала? Был отличный ветер, думаю, переход не займет много времени.

Джозеф, почувствовав некоторую неловкость, шевельнулся на стуле.

– Нет, я не ходил. По правде говоря, последнее время я не спускался в гавань. Пирсы заполнены?

– Да, все до единого. На якоре стоит много кораблей, которые ждут

своей очереди. Этим утром я видел капитана Солта. Всего неделю назад «Ханна Ли» чуть не побила ваш рекорд. В Плине только об этом и говорят.

Этот Дик был умный малый. Услышав последнюю новость, Джозеф поднялся со стула и с интересом посмотрел на племянника.

– «Ханна Ли»? – сказал он. – Ну что ж, должно быть, ее здорово подновили с тех пор, как мы шли с ней наперегонки Ты не против, если на этот раз мы вместе выйдем из Плина? Да мы обгоним ее на пять миль между Дэдменом и Лизардом. Надо же, всего несколько недель прошло!

– Скоро будет три месяца, сэр, – сказал Дик, спокойно попыхивая трубкой.

– Три месяца! – воскликнул Джозеф, немного смущенный уточнением племянника. – Неужели я женат уже больше девяти недель? Черт подери! Как летит время. А ведь кажется, что это было только вчера, разве нет, Энни, любимая? – Он взял жену за руку.

– Да, любовь моя, – ответила она.

– Капитан Солт отплывает в начале недели, – невозмутимо продолжал Дик. – Его шхуна стоит у второго пирса и загружается комовой глиной. Она идет в Ньюкасл, оттуда порожняком в Сен-Мишель, где примет на борт разный товар. Все говорят, что она вернется домой первой.

– Ха! – Джозеф презрительно рассмеялся. – При моей «Джанет Кумбе» ей это не удастся. Полагаю, Джимми Солт знает об этом.

Да, я так ему и сказал. Но он ответил, что честно побьет ее по всем статьям, что днище «Джанет Кумбе» обросло двенадцатинедельными водорослями. Этот капитан Солт за обидным словом в карман не полезет. Он сказал, что «Джанет Кумбе» можно принять за межевой столб и недалек тот день, когда какой-нибудь иностранец спросит, уж не реликвия ли это Французских войн.

– Черт бы побрал его наглость, – взревел Джозеф. – Силы небесные, я научу Джимми Солта хорошим манерам. Энни, сокровище мое, ты слышала?

– Боже мой, какой ужас, – ответила Энни, которая не слушала, а размышляла о том, не пойти ли ей на кухню заняться ужином. Она встала и двинулась к дому, а Джозеф тем временем мерил шагами тропинку сада, награждая Джимми Солта всеми бранными словами, известными под солнцем.

С этого дня поведение Джозефа изменилось. В его душу закралась тревога. Он ходил по Плину и гавани то здесь, то там, ловя обрывки разговоров, и ему казалось, что он слышит оскорбления, адресованные ему и его кораблю.

В трактире он часто беседовал со шкиперами, которые вернулись из Сен-Мишеля и похвалялись быстрыми переходами и попутным ветром.

Затем погода переменилась, и целых две недели дул яростный западный ветер. Потоки дождя заливали маленький сад, и Джозеф слонялся по кухне и гостиной.

Где-то у мыса Лизард затонула «Джулия Росс» со всем экипажем, еще одна бригантина вернулась в Плин с пробоиной в борту и под временным парусным вооружением. Джозеф вспоминал о сражениях в океане на борту «Джанет Кумбе», о том, что из каждого шторма она выходила победительницей, ни разу не потеряв ни одного человека.

И душа его наполнилась безудержным стремлением вновь уйти с ветром и морем, вернуться к жизни, которую он любил, которой он принадлежал. Вновь должен он стоять на палубе своего корабля вместе с Джанет... где-то рядом притаилась опасность, под ним вздымаются волны, в ушах свистит ветер, и над его головой светит дикая туманная звезда.

Даже цепкие руки Энни не смогли его удержать.

Без вздоха сожаления Джозеф оставил жену в Плине, с радостным блеском в глазах вновь поднял якорь «Джанет Кумбе», и летним вечером капитан и корабль, влекомые отливом и ветром, вышли из гавани, держа курс на неведомое.

Глава одиннадцатая

Джозеф постепенно вернулся к привычному распорядку корабельной жизни. Часы энергичной деятельности и часы покоя. Содружество мужчин, жизнь общая для всех, схватки с внезапно налетевшим штормом и победа над ним, благополучная стоянка на якоре в чужой гавани с манящими огнями – и снова вперед, к бесконечному горизонту.

Недели и месяцы пролетали с прежней быстротой, и ни малейшего сожаления о протекшем медовом месяце, кроме полусознанного чувства, что прилив страсти достиг высшей точки и теперь отступил безвозвратно. Именно к такому заключению пришел Джозеф в глубине души и перестал думать о жене, зная, что она принадлежит только ему и не сомневаясь в ее верности.

Возвращаясь домой с бронзовым загаром на обветренном лице, он был мужем, который предъявляет права на свою жену, но не более того.

В тысяча восемьсот восемьдесят шестом году Энни родила младенца, но он умер, не прожив и нескольких часов.

Джозеф сочувствовал жене в ее горе, но для него самого эта потеря мало что значила. Он уже вырастил нескольких детей от первого брака, и мысль заводить второй выводок была ему не по вкусу.

Сейчас к нему подкрадывалась другая беда. Джозефу стало изменять зрение.

Иногда он испытывал невыносимую боль в голове и в правом глазу. Теперь этот глаз всегда был красным и воспаленным, веко распухло, а зрачок увеличился. Временами глаз видел словно в тумане. Постепенно эти ощущения перешли и на левый глаз, хотя боль в нем была не такой сильной.

Порой Джозеф с трудом различал очертания предметов, перед глазами то и дело появлялось подвижное темное пятно. Иногда зрение восстанавливалось, но вскоре боль возвращалась, перед глазами вновь плясали темные пятна, и он был не в состоянии снять показания компаса при свете нактоуза.

Когда такое случилось с ним в первый раз, он спустился в свою каюту и некоторое время молча сидел там, беспомощный, как потерявшийся ребенок. Затем вызвал племянника Дика и рассказал ему о своих опасениях.

– Послушайте, сэр, скорее всего, это какой-нибудь пустяк; наверное,

вы просто перенапрягли зрение, и постепенно все придет в норму.

Славный малый из всех сил старался подбодрить шкипера, хотя и сам боялся, что дело может обернуться гораздо хуже.

– Не знаю, Дик, – сказал Джозеф, сжимая голову руками, – ведь это не так вдруг, оно подкрадывалось ко мне медленно, постепенно. Все началось несколько месяцев назад, а я, отъявленный трус, никому и слова не сказал. Потом женитьба... ну да, пожалуй, из-за нее я и позабыл обо всем на свете. А теперь эта чертовщина обрушилась на меня еще сильнее, чем раньше. Дик, скажи, что мне делать, что делать?

– Держитесь, дядя Джо, – сказал Дик. – Может быть, все не так плохо. Как только вернемся в Плин, вы поедете в Плимут и повидаетесь с врачом. Сейчас медицина творит чудеса.

И, оставив Джозефа в каюте, он поднялся на палубу.

«Джанет Кумбе» бросила якорь в Плинской гавани в первый день февраля тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года. Каким образом слух о беде шкипера дошел до команды, осталось тайной; Дик о ней и словом не обмолвился, и, тем не менее, на следующее утро об этом говорил весь город.

Сверять корабельные счета в конторе Джозеф послал Дика, поскольку сам он с братом не разговаривал с тех пор, как женился на Энни.

Филипп Кумбе сразу спросил помощника о неприятностях с глазом шкипера.

– Что это за история со слепотой моего брата? – спросил он. – Надо бы ему сходить к врачу.

– О! Для беспокойства нет никаких причин, – холодно ответил Дик – Вы же знаете, до чего быстро расходятся в Плине разные слухи, как правдивые, так и ложные. У дяди Джо просто болела голова, по-моему, он собирается в Плимут купить какое-то лекарство от этого.

– Хм. Хорошо вам, молодой человек, хранить спокойствие и намекать мне, чтобы я занимался своим делом. Но, видишь ли, это и есть мое дело. Мы с братом владеем этим кораблем в равных долях, и я не намерен рисковать деньгами, вложенными в судно, которое плавает под началом калеки. Джо придется уйти в отставку.

– Никто не может заставить шкипера уйти в отставку без медицинского свидетельства, подтверждающего его непригодность, – поспешно сказал Дик.

Филипп рассмеялся и встал из-за стола.

– Это будет для него полным крушением, – скорее про себя проговорил Дик.

– Лучше крушение для него, чем крушение корабля, – последовал жестокий ответ.

Дик и не подумал пересказывать этот разговор Джозефу, но, встретившись в конце того же дня со своим кузеном Кристофером, отвел его в сторону и объяснил ему всю серьезность положения.

Кристофер был потрясен.

– Для отца это будет страшным ударом, – медленно проговорил он. – Одному Богу известно, что с ним станет, Дик. Ты же знаешь, какой он неугомонный. Жизнь на берегу будет для него адом. Даже моей мачехе не под силу сделать так, чтобы он был доволен. Ты действительно думаешь, что этот его глаз ослепнет?

– Не знаю, Крис. Снаружи он выглядит плохо, но нельзя судить только по внешнему виду. Единственное, что остается, так это отвезти его в Плимут, чтобы там его как следует осмотрели. Думаю, нам лучше поехать втроем, ты единственный в семье, кого он послушает. Ты же знаешь, что я должен явиться на комиссию Министерства торговли, чтобы попытаться счастья на капитанский диплом. Если шкиперу придется уйти, я сделаю все, чтобы получить его место, и если смогу, то постараюсь быть достойным его. Хотя все это чертовски грустно.

– Ты хороший парень, Дик, – вздохнул Кристофер. – Как бы мне хотелось быть похожим на тебя. Ведь делать это должен не кто-нибудь, а я. Что я за дрянь.

– Вздор, парень, я на восемь лет старше тебя, вот и все. Скоро ты встанешь на ноги, и твой отец будет еще как гордиться тобой. Отец говорит, что ты отлично работаешь на верфи, да и Том, и другие тоже.

– Может быть, Дик, но дело в том, что я ненавижу эту работу.

– Иди в море, Крис, для мужчины только там настоящая жизнь, тогда и шкипер будет тобой доволен.

– Какой толк? Я знаю, что я никудышный человек. Ах, черт возьми, кузен, клянусь, что со временем я исправлюсь, и у отца не будет причин для стыда.

Спустя неделю Джозеф в сопровождении сына и племянника поездом уехал в Плимут, где Дик сразу отправился на министерский экзамен. Джозеф смотрел ему в след, вспоминая свои собственные чувства тогда, двадцать пять лет назад... он был полон сил, окрылен надеждой и знал, что в Плине его ждет Джанет. Теперь ему пятьдесят три, и юность далеко позади.

Кристофер ждал в приемной, а Джозеф остался в кабинете наедине с врачом. Он пробыл там ровно полчаса. Кристофер услышал, как он

медленно спускается по лестнице, и, подняв голову, увидел изможденного, согбенного незнакомца, который смотрел прямо перед собой, как человек, заблудившийся в безлюдном месте.

Они молча вышли из здания и пошли без определенного направления, неважно куда, куда глаза глядят, куда несут ноги. С раннего утра они ничего не ели и поэтому зашли в какой-то трактир. Кристофер наполнил тарелку отца грудой снеди, словно тот был ребенком. Джозеф попробовал улыбнуться, но мышцы лица будто застыли. Казалось, вокруг них витают тени. Кристофер отвернулся и стал сражаться с мясом на собственной тарелке, с трудом глотая пищу и беспомощно думая о жизни, которая ожидала Джозефа в Плине.

Покончив с едой, Кристофер заплатил по счету, и они снова вышли на чახлое солнце. Дик ждал на вокзале, чтобы их проводить. Он оставался в Плимуте еще на пять дней. Только здесь Джозеф впервые заговорил.

– Как экзамен, Дик? – спросил он.

– Спасибо, дядя, неплохо. Думаю, они останутся мною довольны.

– Это хорошо. – Джозеф смотрел в окно вагона мимо него. – Я хочу, чтобы ты стал новым шкипером «Джанет Кумбе», – сказал он.

Эти двое знали, что наступил конец. Море и корабль больше не увидят Джозефа-капитана.

– Я сделаю все, что в моих силах, дядя Джо.

Поезд тронулся, унося отца и сына. Кристофер взял отца за руку.

– Отец, неужели они вообще не могут спасти тебе глаза? – шепотом спросил он.

– Не знаю, – ответил Джозеф, – не беспокойся, мальчик.

По лицу Кристофера текли медленные слезы.

– Отец, я могу что-нибудь сделать?

– Все в порядке. Крис, все в порядке, дорогой мальчик. Похоже на конец сна, только и всего. Одного мне жалко: корабля...

Небо затянули серые тучи, и по стеклам вагона забарабанил дождь.

Глава двенадцатая

Первые недели после отплытия «Джанет Кумбе» Джозеф пребывал в угнетенном состоянии духа, из которого его ничто не могло вывести.

Тут Энни была плохой помощницей. Она была напугана такой резкой сменой настроения и не понимала мужа. Возраст, самую мысль о котором Джозеф с высокомерным презрением выбросил из головы, давал о себе знать.

Все, что у него осталось, так это Дом под Плющом да неторопливые прогулки по скалам над гаванью. Некоторое утешение он находил на обширной ферме в обществе сестры, которая понимала его лучше, чем собственная семья, и ее сына Фреда, обладавшего внутренней силой, унаследованной от Джанет.

Странная, необъяснимая штука эта наследственность.

Тем временем, в тайне от отца, Кристофер собирался уйти в море.

Он так и видел, как, продолжая доблестные традиции Кумбе, стоит на отцовском месте... им восхищаются, его уважают и немного побаиваются.

За последние месяцы Кристофер хорошо изучил отца, узнал о любви, которая связывала Джозефа и Джанет, и начал понимать, почему тот столь многого ждет от сына.

Однажды вечером, когда они вместе сидели под развалинами Замка, Кристофер сказал Джозефу:

– Отец, «Джанет Кумбе» вернется домой меньше чем через пять недель, и я хочу уйти на ней в следующее плавание.

Джозеф протянул Кристоферу руку, как в те дни, когда его сын был ребенком.

– Я знал, что так будет, – сказал он. – Это сильнее тебя, Крис, это у тебя в крови, я так долго ждал, когда ты мне скажешь об этом.

– Я сделаю все, чтобы ты мной гордился, отец, и, клянусь, на это уйдет не много времени.

– Я знаю. Крис, мальчик, сегодня ты сделал для меня очень много, сделал то, чего я никогда не забуду.

– Спасибо, отец. Я рад... я рад.

Они стали вместе спускаться с холма, и отец шел положив руку на плечо сына.

Джозеф снова воспрянул духом, и несколько недель ожидания, когда «Джанет Кумбе» вновь станет на якорь в Плинской гавани, пролетели для

него очень быстро.

Сам Кристофер едва дождался выхода в море. Наконец-то он покидает Плин и вступает в новую, странную и незнакомую жизнь. Пусть риск, пусть неудобства, зато какая-никакая, но свобода, что всяко лучше, чем нудная работа на верфи.

За день до отплытия он зашел в судовую контору и встретил там своего дядюшку Филиппа, который, как ему показалось, был в на редкость хорошем настроении.

– Уходишь в море, Кристофер? – спросил Филипп. – Я с трудом представляю себе такого элегантного юношу, как ты, на грубой шхуне.

Молодой человек покраснел от неловкости.

– Надеюсь, у меня все будет хорошо, – сказал он.

Филипп Кумбе смерил его взглядом и, откинувшись на спинку стула, стал ковырять в зубах кончиком пера. Ему в голову пришла одна идея.

– Полагаю, твой отец рад этому?

– Да, дядя; признаться, я принял такое решение отчасти для того, чтобы его утешить.

– Могу себе представить. Полагаю, тебе известно, куда вы направляетесь?

– Я слышал, что в Сент-Джонс, а оттуда в Средиземное море. Мне всегда хотелось повидать эти места, и как-то странно думать, что скоро я там буду.

– Хм! Не сомневаюсь, что после Атлантики берег покажется тебе раем. Свой средиземноморский груз вы оставите в Лондоне. Бывал в Лондоне?

– Я не бывал дальше Бристоля, – ответил Кристофер, немного стыдясь такого признания.

– Ах! Лондон – вот место для молодого человека вроде тебя. Там бы ты нашел, чем заняться. Ведь ты немного мечтатель, не так ли? Для человека честолубивого Лондон – это средство добиться желаемого. Много молодых людей без гроша в кармане добились в столице славы и приобрели состояние – молодых людей, которые, не ухватись они за такую возможность, всю жизнь провели бы моряками на каком-нибудь старом судне, что ты и намерен сделать.

Словно тень легла на сердце Кристофера.

– Я надеюсь подняться до самых высот моей профессии, дядя Филипп, – с легким вызовом сказал он.

Филипп свистнул и покачал головой.

– А тебе не хочется пойти своим путем, добиться положения? Неужели предел твоего честолубия – это со временем стать капитаном маленькой

шхуны? К тому времени, когда где-то в девяностых годах ты получишь диплом, она уже давно устареет. Ты не так сметлив, как я думал. Ну что ж, иди на свой отплывающий корабль и оставайся на нем, сколько пожелаешь, но не забывай, что Лондон совсем не далеко, и что он ждет.

Кристофер вышел из конторы, обуреваемый новыми сомнениями и страхами, что и входило в планы его дядюшки.

Три следующих месяца Джозеф провел спокойно и в мире с самим собой; ему казалось, что, пожалуй, будущее можно изменить к лучшему, сделать прекрасным, и он с нетерпением ждал возвращения сына.

«Джанет Кумбе» вполне могла бросить якорь в Плинской гавани в начале нового года. Отец готовил сыну торжественную встречу, особенно, что было вполне вероятно, если она совпадет с днем его рождения: Кристоферу исполнялось двадцать три года.

Заветный день приближался, Джозеф дрожал от нетерпения снова увидеть сына, услышать от него рассказ о плавании и о корабле.

Ни о чем другом он почти не думал; а когда братья и Энни жаловались, что «мальчик-моряк» пишет от случая к случаю и всегда ограничивается несколькими строчками, говоря только, что здоровье его в порядке, он горой вставал на защиту сына и заявлял, что у Кристофера есть дела поинтереснее, чем сочинение писем своим близким. Он готовится стать мужчиной и изучает мужскую работу. Оставьте его в покое. Когда вернется, хватит времени и на новости.

Пришло и ушло Рождество, а «Джанет Кумбе» все не возвращалась. Погода стояла ненастная, в Ла-Манше бушевали штормы, и в Доме под Плющом провели не одну беспокойную ночь. Затем пришло сообщение, что корабль благополучно прибыл в Лондон, и Джозеф вздохнул с облегчением. Кораблю остается только выгрузить в Лондоне груз фруктов, после чего он с одним балластом вернется в Плин. К своему дню рождения мальчик опоздает, но это не важно: его радостно встретит вся семья, ведь и Чарльз, и Альберт сейчас дома.

Днем третьего января, примерно за полчаса до обеда, Джозеф стоял в саду, когда в калитку вошел мальчик с запиской в руке.

– Вам послание из конторы, капитан Кумбе, – сказал он.

Джозеф нахмурился и вскрыл конверт.

«Не мог бы ты немедленно спуститься, чтобы повидаться со мной? Я имею сообщить тебе нечтоважное.

Филипп Кумбе».

Что, черт подери, ему надо? Он не разговаривал с ним больше трех лет, да, с самой женитьбы. Избегал встреч на улице. Ну что ж, должно быть,

что-нибудь срочное, решил он, не в привычках Филиппа первым нарушать молчание. Джозеф схватил фуражку и, крикнув жене, чтобы его не ждали к обеду, стал спускаться с холма.

Он не был в конторе с того самого дня, когда, заглянув через плечо брата, увидел фотографию Энни. При этом воспоминании он рассмеялся вполголоса. Он, Джозеф, завоевал ее, а Филипп потерял. Это было довольно легко. Он вовсе не хотел дать брату заметить, что силы его уже не те, поэтому расправил плечи и вошел в знакомую комнату, стараясь придать своей походке былую удаль.

– Ну, – сказал он, – должен сказать, я не ожидал получить от тебя весточку. Однако вот он я, и поскорей выкладывай свои новости, погода холодная, и мне не терпится вернуться к обеду.

Филипп смотрел на него, спокойно потирая руки.

– Я вижу все то же вызывающее поведение, хоть внешне ты и изменился, – сказал он ровным голосом. – Что ж, мне очень жаль, Джо, но тебя ждет жестокий удар. В контору только что пришла телеграмма. Я счел своим долгом передать ее тебе лично. Прочти ее, брат, при свете, ведь мне известно, что ты плохо видишь.

Джозеф взял телеграмму и прочел следующее:

«Подано в Лондоне. Пятница, вечер. Сегодня вечером Кристофер Кумбе покинул корабль. Вынуждены отплыть без него, одним членом команды меньше. Прибудем в Плин, вероятно, в начале недели.

Капитан Ричард Кумбе».

– Куда запропастился Джо? – беспокоилась Энни. – Почти три часа, как ушел и все еще не вернулся. Я думаю убирать со стола. Ребята, вы не видели отца?

Чарльз и Альберт покачали головой.

– Ума не приложу, куда он пошел, – сказал Альберт, – разве что к скалам, но на него так не похоже опаздывать к столу.

– Он просил меня, чтобы его не ждали, но не сказал, как долго его не будет. – Энни подошла к окну. – Да еще и туман, я что-то волнуюсь.

Кэтрин подняла голову над вязаньем.

– Может быть, он пошел на ферму к тетушке Лиззи, – предположила она.

– Вряд ли.

Пять минут спустя они слышали медленные шаркающие шаги на садовой тропинке.

– Это он? – спросил Чарли.

– Походка не его. У Джо шаг тверже, хоть он и плохо видит, – ответила

Энни.

Но дверь отворилась, и перед ними стоял Джозеф. Но не тот Джозеф, которого все они знали, а чужой человек с измученными глазами. Его руки дрожали. Он прислонился к двери.

– Джо, – прошептала Энни, – что с тобой?

Молодые люди вскочили на ноги.

– Боже мой, отец... Что случилось?

Он остановил их взмахом руки.

Затем заговорил медленно, взвешивая каждое слово.

– Я запрещаю вам впредь упоминать имя Кристофера здесь, в доме, в Плине или между собой. Пусть хоть подышает в нищете и горе, я и пальцем не пошевелю, чтобы ему помочь. Я клянусь перед всеми вами, что никогда не взгляну на его лицо. А если вы хотите знать причину, то смотрите, вот она.

Он кинул им смятую телеграмму и, не сказав больше ни слова, поднялся в свою комнату над крыльцом и запер за собой дверь.

Глава тринадцатая

Джозеф ходил взад-вперед по комнате, его голова пылала, душа истекала кровью; внизу жена и дети дрожали за него, не в силах помочь, не в силах исцелить.

Звук шагов не умолкал весь день и всю ночь, которую Энни провела в комнате Кэтрин, и стих только на рассвете: Джозефа сломила усталость.

Когда на следующий день он поднялся с кровати, его лицо словно окаменело, глаза были пусты и лишены выражения.

С тех пор имя Кристофера было забыто, отец так и не узнал, какие причины заставили сына покинуть корабль. Приходили письма, но он их даже не распечатывал.

Атмосфера в Доме под Плющом изменилась, стала тяжелой, почти невыносимой. Джозеф был строгий хозяин. Никакого смеха, никакого веселья. Альберт и Чарльз были рады бежать из родительского дома: Альберт на свой корабль, Чарльз в свой полк. Энни и ее падчерица остались присматривать за злобным драконом, который некогда был Джозефом. Если бы они были сильнее, если бы они обладали хоть каплей мужества и проницательности, возможно, им и удалось бы помочь вновь стать самим собой. Но они были робки и запуганы; прибегали на каждый его зов и, дрожа, склоняли перед ним голову. Он запретил им выходить из дома кроме как за покупками, но и в таких случаях им надлежало вернуться в назначенное время. Если они хоть на минуту опаздывали, он ждал их на пороге с часами в руке, готовый разразиться потоком брани.

Раз в неделю им разрешалось посещать родственников, но в дом никого не приглашали, и даже соседи были теперь лишены их общества. Кэтрин было запрещено разговаривать с молодыми людьми, и она понимала, что ее шансы выйти замуж крайне невелики, почти безнадежны. Из страха перед Джозефом ни у кого не хватало смелости искать ее расположения. Она видела, что обречена на горькое одиночество, обречена жить старой девой в доме своего грозного отца.

К Энни он относился как к рабыне, как к жалкой служанке; ее здоровье и молодой задор медленно убывали, глаза угасли и потеряли блеск, щеки впали и побледнели.

Теперь в Доме под Плющом не было молодых людей, которые занимались бы тяжелой работой, и женщинам приходилось самим выполнять ее.

Слишком запуганные, чтобы жаловаться или восстать против его тирании, они скребли каменные полы, носили из погреба уголь, а он тем временем стоял рядом и, смеясь, смотрел на них. Он часто тянул Энни к зеркалу и показывал ей ее осунувшееся, усталое отражение.

– Двадцать три? Ты выглядишь на сорок. Думаю, теперь по тебе не стал бы вздыхать ни один мужчина.

Он никогда к ним не прикасался, не бил, его жестокость была более изощренной, более утонченной. Они с ужасом ждали той минуты, когда сядут вместе с ним за стол и им придется внимать каждому его слову и выслушивать страшные истории, которые он рассказывает.

А он тем временем пристально глядел вперед своими холодными, пустыми глазами, которые будто не ведали об их присутствии, глазами, обращенными в неведомые глубины отчаяния, куда его жена и дочь не осмеливались заглянуть.

Больше всего Энни страшилась ночей рядом с ним, когда он, не давая ей заснуть, либо до рассвета ходил по комнате и громко разговаривал с ней, либо терзал ее расспросами о том, что она делала, о чем думала минувшим днем, требуя, чтобы она ничего от него не скрывала.

Днем молодые женщины, оставшись вдвоем, в отчаянии задавались вопросом, какое утешение приносит ему такая жизнь или, точнее, полный отказ от жизни. Но ответа не было. Искра рассудка, которая еще теплилась в Джозефе, иногда вспыхивала, побуждая его задать себе самому такой же вопрос, что он и делал с ужасом и отвращением, но тут же гасла, оставляя его на растерзание не дремлющим демонам. Он уже не мог остановиться, он должен был неизменно идти вперед, какой бы конец судьба ему не уготовила. Нет пути назад, нет возврата.

Так прошел год и начался следующий.

Джозеф понятия не имел, как долго осталось ему влачить такое существование; он знал одно: надо ждать, пока не придет конец.

Весной тысяча восемьсот девяностого года Энни узнала, что снова ждет ребенка, и, собрав остатки смелости, сказала об этом мужу.

Он слушал жену, не сводя с нее холодного, тяжелого взгляда, и когда она в конце жалобно попросила хоть знаком дать ей понять, что он не сердится, Джозеф пожал плечами и отвернулся.

– С чего бы мне сердиться? Ступай, Энни, и оставь меня одного. Думаю, я ничего не скажу младенцу, когда он появится. Все это мне безразлично.

Тем не менее, когда она покорно выходила из комнаты, он следил за ней взглядом, и чуть было не позвал назад, чтобы сказать доброе слово. Но

она уже поднималась по лестнице, и он решил не возвращать ее из опасения, как бы она не подумала, будто смягчила его своей новостью. Однако при этой мысли в нем что-то шевельнулось, что-то от бывшего слепого идеализма, обломки которого лежали под его мертвым сердцем. Другой сын заменит утраченного. Что-то от него самого, что не сбилось с пути, но сохранилось как луч надежды, как обещание возврата былой красоты.

Шло время, с женой Джозеф почти не разговаривал, но был не так груб, как прежде.

Примерно тогда Энни и возобновила дружеские отношения с Филиппом Кумбе. Однажды, когда по пути в магазин она проходила мимо его конторы, он вышел из двери и преградил ей дорогу. Филипп избегал Энни с самого дня ее свадьбы и, пожалуй, впервые с тех пор столкнулся с ней лицом к лицу. Энни опустила глаза и хотела обойти его, но он заговорил с ней, и у нее не хватило решимости пройти мимо.

– Энни, – сказал он – разрешите мне поговорить с вами. – Он протянул ей руку, и она ее приняла, нервно оглядываясь и что-то бормоча про мужа.

– Не бойтесь. Войдем. – Он ввел ее в контору и захлопнул дверь.

Энни разрыдалась и закрыла лицо руками.

– Не плачьте, – сказал Филипп, – это вам не поможет. К тому же я вовсе не собираюсь упрекать вас за ваше злосчастное замужество. В свое время я предупреждал вас, но вы были слишком молоды и слишком неопытны, чтобы понять.

Энни раскачивалась на стуле, по ее щекам градом катились слезы.

– Кроме моей падчерицы Кэтрин, никто не знает, что мне пришлось вынести, – всхлипывая, проговорила она. – Не знаю, как мы еще живы. Последние два года... мистер Филипп, чем я заслужила такое наказание? Может быть, это Господь обрушил на меня свой гнев за то, что еще до свадьбы я слишком вольно вела себя с Джозефом. О боже мой! Теперь, когда я думаю об этом, то понимаю, что была скверной девчонкой. Я была как в бреду, я не понимала...

– Конечно, то была не ваша вина. Во всем виноват мой проклятый брат, он сполна заслужил все несчастья, которые ему выпали.

– Что вы, мистер Филипп, я была бы не права, если бы стала обвинять во всем только его. Бедный Джо очень упал духом, когда почти перестал видеть, да ко всему еще эта беда с Крисом. От этого удара он так и не оправился.

– Я так и думал, Энни. Корабль регулярно возвращается, но он ни разу не удосужился спуститься в гавань и хотя бы взглянуть на него.

– Это так, мистер Филипп. А ведь когда-то он только и думал что о своей драгоценной старой шхуне, ради нее даже обо мне забывал. Тогда мне было обидно и больно, но теперь я многому научилась.

– Кристофер Кумбе когда-нибудь пишет?

– Ах! Он пишет братьям, и отцу писал много раз, но Джо оставляет его письма непрочитанными. Жестокий и бессердечный он человек, мистер Филипп.

– Мне было бы легче видеть вас мертвой, Энни, чем несчастной с ним. Почему вы его не оставите?

– Куда мне идти, мистер Филипп? Женщина не может оставить мужчину, с которым обвенчана, я, во всяком случае, не могла бы при всем горе, которое он мне причиняет. К тому же из-за своих глаз он совсем беспомощный.

– Сентиментальность, смешная сентиментальность. Послушайте, вам всего двадцать пять лет, вы не должны впустую тратить свою жизнь. И вовсе не обязательно оставлять Джозефа без помощи, Садмин – вот самое подходящее для него место, и вам это отлично известно.

– Ах! Мистер Филипп... сумасшедший дом? Ах, как ужасно! Конечно же, вы не имеете в виду сумасшедший дом?

– Боюсь, что именно его, Энни. Мой брат не отвечает за свои действия, и я сторонник того, чтобы поместить его в заведение, где он не сможет никому причинить вреда.

– Нет, мистер Филипп. Об этом даже думать нельзя! Джо очень странный и жестокий в душе, но он никогда меня и пальцем не тронул. Нет причин запираť его в лечебнице.

– Не тронул, так тронет.

– Не думаю.

– Что побуждает вас говорить так?

– Ему уже лучше, мистер Филипп, с тех пор, как я рассказала ему про свою новость, он постепенно становится похож на себя прежнего.

– Какую новость?

– В Рождество появится новый ребенок.

Филипп поднялся со стула, на котором сидел рядом с Энни, и, повернувшись к ней спиной, отошел к окну. Некоторое время он стоял молча.

– Я хочу, чтобы вы видели во мне друга, Энни, всегда... и приходили сюда в любое время, когда пожелаете. Ближайшие месяцы будут для вас не слишком легкими, поэтому, прошу вас, когда вам станет плохо, не раздумывая, приходите ко мне. Обещаете?

- Да, мистер Филипп.
- Можете называть меня просто Филипп... мы ведь друзья, не так ли?
- Благодарю вас... Филипп. А сейчас мне надо идти.
- Всего доброго, Энни.

Так прошло лето, вновь наступила осень, дни стали короче, задули холодные ветры. Большую часть времени Джозеф проводил на маленькой кухне в Доме под Плющом. В нем теплилась надежда, что появление ребенка будет для него спасением. Иногда его мысли путались, что-то ускользало от него, и надвигающаяся тьма грозила целиком поглотить его. Он хватался руками за голову и сжимал пальцами виски.

Он понятия не имел о визитах жены в контору его брата. Теперь она ходила туда регулярно, иногда два раза в неделю, и уже с нетерпением ждала этих часов, единственно светлых и безоблачных в ее жизни. Мало-помалу Филипп заронил ей в душу страстное желание вновь стать свободной, желание навсегда оставить Дом под Плющом и мужа.

За все долгие месяцы жестокости и невзгод мысль бросить его никогда не приходила ей в голову, и вот теперь, когда он стал проявлять к ней больше нежности, родилась эта мысль, коварные нашептывания Филиппа принесли свои плоды. Джо никогда не выздоровеет, ребенок будет только раздражать его, все может стать еще хуже, чем было, Джо – дикарь. Нет, Филипп, наверное, прав, хотя это так тяжело. Лучше отправить Джо в Садминский сумасшедший дом. Лучше для него, лучше для семьи. Она обещала верить Филиппу и будет ему верить. Он ее лучший друг, верный друг. Он всегда был таким благородным, таким самоотверженным. Когда Джо заберут в Садмин, где о нем будут должным образом заботиться санитары и врачи, где ему будет гораздо лучше и удобнее, чем в Доме под Плющом, этот верный друг приложит все силы, чтобы сделать ее счастливой.

Октябрь перешел в ноябрь, ноябрь в декабрь. Появления ребенка ждали на Рождественской неделе.

Последнее время Энни была очень слаба – без сомнения, следствие этих ужасных лет. Кэтрин очень тревожилась, у врача был мрачный вид.

– Ей необходим покой, никаких волнений, никаких переживаний, – сказал он падчерице. – Мне не нравится, как все оборачивается. Малейшая неприятность, и результат будет гибельным.

Да, ей можно иногда вставать, немного пройтись. Это ей не повредит, даже наоборот. Но позаботьтесь, чтобы она ни в коем случае не волновалась.

В канун Рождества Энни почувствовала себя достаточно сильной,

чтобы прогуляться в Плин и навестить Филиппа. Кэтрин осталась дома, а Джозеф еще раньше ушел на ферму к Лиззи. Она медленно спустилась с холма и прошла через город к большому дому на Мэрайн-террас, в котором Филипп жил в полном одиночестве, если не считать экономки и ее мужа-лакея.

Пока Филипп разливал чай, Энни лежала на диване. В тот день она оставалась у него до шести часов вечера, когда вдруг испугалась, что Джозеф уже возвращается с фермы. Филипп галантно поцеловал ей руки, пожелал не падать духом, и она ушла.

Ни один из них не заметил, что в углу дивана она оставила носовой платок, подарок мужа на первую годовщину их свадьбы.

Джозеф ушел с фермы только в половине одиннадцатого. Была прекрасная ясная ночь, над бухтой светила луна, морозный воздух пощипывал щеки. По улице небольшими группами бродили люди, взволнованные предвкушением рождественских праздников, большинство готовилось к ночной мессе в Лэнокской церкви. Скоро зазвонят колокола, и они с фонарями в руках потянутся вверх по тропе, взбирающейся на холм.

Проходя мимо Мэрайн-террас, в последнем доме Джозеф увидел свет и фигуру брата, расхаживавшего перед окном. Глядя на эту фигуру, Джозеф вспомнил, что наступает Рождество и через несколько дней у него родится сын. С этого момента его жизнь изменится, он забудет о злобе и ненависти.

Джозеф замер в нерешительности, затем поднялся по ступеням лестницы и позвонил.

Ему открыл заспанный лакей.

– Я брат мистера Кумбе. Пришел пожелать ему счастливого Рождества, – спокойно сказал Джозеф, после чего оттолкнул лакея и распахнул дверь комнаты, в которой видел фигуру.

При виде брата Филипп вскрикнул от удивления. Он сразу подумал об Энни.

– Ради всего святого, брат, что привело тебя сюда в такой час? Что-нибудь дома? Твоя жена?

Джозеф улыбнулся и, покачав головой, сел на диван.

– Нет, Фил, я пришел сам по себе. Пришел сказать, что я... – его взгляд упал на платок в углу дивана. Слова вылетели у него из головы, и он продолжал сидеть, глупо уставившись на платок и указывая на него пальцем.

– Зачем Энни оставила там свой платок? – начал он глухим голосом, у него закружилась голова, и он задрожал. – Энни была здесь, Энни была в этой комнате. Скажи мне правду... говори, или, черт возьми, я вырву ее из

тебя.

Он, шатаясь, поднялся с дивана и шагнул к брату. Филипп побледнел.

– Осторожнее, Джо, не то пожалеешь.

Джозеф словно не слышал, прищурившись, он наклонился над Филиппом.

– И давно Энни повадилась тебя навещать? – крикнул он.

Филипп пожал плечами и презрительно улыбнулся.

– Ты что, пришел, чтобы устроить сцену? Ну, так тебе это не удастся. Вон из моего дома.

– Энни давно водит с тобой дружбу? – повторил Джозеф.

Его захлестнуло желание изо всей силы ударить этого человека по лицу, превратить его лицо в бесформенную массу. Топтать его ногами, крушить, наслаждаясь видом растекающейся крови.

Филипп отошел к противоположной стене комнаты.

– Энни была моим близким другом все последние месяцы, – спокойно проговорил он. – С тех пор, как ты стал обращаться с ней как с животным, я делаю все, что в моих силах, чтобы дать ей то, чего не можешь дать ты.

– Ты говоришь, что Энни приходила сюда все эти месяцы... Энни посмела меня обманывать...

– Конечно, она обманывала тебя, грязная ты скотина со свинскими повадками. Энни никогда тебя не любила.

– Проклятый лжец! – В голове Джозефа мысли с бешеной скоростью сменяли друг друга, они путались, перемешивались, терзая его мозг, лишая возможности думать.

– Тебе известно, что Энни ждет ребенка?

Филипп рассмеялся; Джозеф видел, как по лицу брата расплывается ухмылка, видел, как оскал его зубов превращается в безжизненную маску.

– И ты еще спрашиваешь меня об этом? У тебя хватает мужества спрашивать? Ты сумасшедший... ты безумец... твое место в доме для умалишенных. Джо, которого обманывали все эти месяцы, Джо, опозоренный муж. Ты сумасшедший... говорю тебе, ты сумасшедший.

При этих словах что-то оборвалось в мозгу Джозефа, он взмахнул кулаком и ударил брата между глаз. Филипп упал на пол и остался лежать неподвижно, как мертвый.

Джозеф, спотыкаясь, вышел из мрачного здания и бегом бросился вверх по холму к Дому под Плющом; он не видел ничего, кроме темных пятен, которые в дьявольской пляске кружились у него перед глазами.

Колокола Лэнокской церкви звали паству к полуночной мессе – он их не слышал; люди шли в сторону поля – он их не видел.

Джозеф распахнул дверь своего дома и поднялся в комнату над крыльцом.

– Теперь ты попалась. – С этими словами он зажег свечу и склонился над съежившейся от страха женой.

– Кейт, – вскрикнула она. – Кейт, беги за помощью, скорей... скорей...

Девушка в одной ночной рубашке ворвалась в комнату.

– Отец! – закричала она. – Отец, что вы делаете? Вспомните, что сказал доктор... ах! Отец, осторожнее.

Джозеф поднял свечу над головой.

– Значит, ты меня обманывала, да? Ты бывала у Филиппа, ты гуляла с Филиппом.

– О, Джо, дорогой, клянусь тебе, я не имела в виду ничего дурного. Он был так добр, что я...

– Ты меня обманывала. Разве этого мало?

– Джо, прости меня. Да, я тебя обманывала, но поговорим в другое время. Ах! Кейт, милая, мне так плохо... так плохо... беги за доктором.

– Значит, ты меня не любишь, а, Энни? Никогда не любила... он так и сказал... ну же, это правда?

– О, Джо, оставь меня. Сейчас я не могу обо всем рассказать тебе, прости меня... я поступила неправильно, но я была слаба... Джо, прошу тебя.

– Обманывала меня, ты... обманывала меня... Клянусь богом, я заставлю тебя жестоко страдать за это.

Энни, шатаясь, поднялась с кровати и прижалась к стене, закрываясь от него руками.

– Так давай же... давай, – крикнула она, – убей меня и своего невинного ребенка. Я не стану тебя останавливать. Но прежде чем умереть, я вот что скажу тебе... я тебя ненавижу... да, ненавижу и прокляну за все, что ты со мной сделал. После этого ты не будешь знать мира и покоя... станешь еще более одиноким, чем прежде. Люди будут еще больше сторониться тебя. В Плине тебя будут бояться и ненавидеть. Когда-то за один твой взгляд я готова была жизнь отдать, но твое холодное, гордое сердце я никогда не любила.

Джозеф покачнулся и уронил свечу на пол.

– Джанет! – крикнул он. – Джанет! – Дом звенел от его криков. – Джанет, – звал он, – Джанет, приди ко мне.

Он выбежал из дома и поднялся на скалы к развалинам Замка.

Джозеф упал на колени на жесткую, промерзлую землю и согнулся под тяжестью горя. Вдруг он почувствовал, что его головы касается чья-то рука,

и ощутил присутствие рядом с собой живого существа. Он поднял страдальческие глаза и увидел рядом свою любимую, но не такую, какой он ее знал, а молодую и стройную, почти девушку. Шепча слова любви, она привлекла его к себе. И он понял, что она принадлежит прошлому, тому времени, когда он еще не родился, но сразу узнал в ней ту, что принадлежала ему, и только ему.

– Успокойся, любовь моя, успокойся, отбрось свои страхи. Я всегда рядом с тобой, всегда, и никто тебя не обидит.

– Почему ты не приходишь раньше? – прошептал он, крепче прижимая ее к себе. – Они пытались отнять меня у тебя, весь мир черен и полон демонов. Дорогая, любимая, нет правды, нет для меня дороги, которую я мог бы выбрать. Ты поможешь мне, ведь, правда, поможешь?

– Мы будем страдать и любить вместе, – сказала она. – Каждая радость, каждая боль твоей души и твоего тела будут и моими. Дорога сама скоро тебе откроется, и тогда мрак покинет твою душу.

– Я часто слышал твой шепот и внимал благословенным словам утешения. Ведь мы разговаривали друг с другом, одни в тиши моря, на палубе корабля, который есть часть тебя. Почему ты раньше никогда не приходишь, чтобы вот так же меня обнять и прижать мою голову к своему сердцу?

– Я не понимаю, – сказала она, – не знаю, откуда мы явились, не знаю, как спала с моих глаз пелена и я пришла к тебе. Но я услышала, как ты зовешь меня, и ничто не смогло меня удержать.

– С тех пор как ты меня покинула, потянулись долгие трудные дни, я не следовал твоим советам и не оправдал твоей веры в меня, – сказал он.

Посмотри, какой я старый, мои волосы и борода поседели, ты же молода, моложе, чем я тебя помню, у тебя чистое девичье лицо и нежные, мягкие руки.

– Я не имею представления ни о том, что было, ни о том, что будет, но твердо знаю, что время непрерывно и здесь, в нашем мире, и в любом другом. Для нас нет разлуки, для нас нет ни начала, ни конца: мы неразлучны, ты и я, как звезды неразлучны с небом.

Тогда он произнес:

– Любимая моя, все шепчутся, будто я безумен, будто рассудок покинул меня и в глазах моих горит опасный огонь. Я чувствую, как ко мне подкрадывается тьма, и, когда она окончательно наступит, я не смогу ни видеть, ни чувствовать тебя, тогда здесь останутся только пустота и отчаяние.

В эту минуту туча закрыла луну; он задрожал, и ему показалось, что

он лежит на ее руках, как ребенок, ищущий утешения.

– Когда мрак начнет подступать к тебе, не бойся его, в эти часы я буду держать тебя так же, как держу сейчас, – утешила она его. – Когда, борясь с самим собой, ты утратишь способность видеть, слышать, я буду рядом, я буду бороться за тебя.

Джозеф закинул голову и увидел, как, вся белая, с улыбкой на устах, она стоит на фоне неба.

– Этой ночью ты ангел, – сказал он, – ангел, который стоит у Небесных врат, ожидая рождения Христа. Сегодня Рождество, и в Лэнокской церкви поют гимны.

– Пятьдесят лет или тысяча, какая разница, – сказала Джанет. – И то, что мы оба пришли сюда, тому доказательство.

– Значит, ты больше никогда меня не покинешь? – спросил он.

– Никогда, никогда не покину.

Джозеф опустил на колени и поцеловал ее запорошенные снегом ноги.

– Скажи мне, Бог есть?

Он заглянул ей в глаза и прочел в них истину.

С минуту они стояли рядом и, глядя друг на друга, видели себя такими, какими уже никогда не увидят на земле. Она видела перед собой мужчину, согбенного, измотанного жизнью, с буйными растрепанными волосами и страдальческими глазами; он же видел девушку, молодую и бесстрашную, с залитым лунным светом лицом.

– Доброй ночи, матушка, красавица моя, любовь моя.

– Доброй ночи, любимый, дитя мое, сын мой. И вновь разлился туман и скрыл их друг от друга.

Теперь Джозеф не знал, не помнил о том, что случилось до этой встречи: его память угасла, рассудок помутился. Он спокойно спустился с холма, бесшумно вошел в Дом под Плющом, молча прокрался в свою старую комнату, в которой жил мальчиком и которая пустовала после отъезда Кристофера. Потом разделся, лег на кровать и заснул. Он не слышал ни тихих стонов Энни, ни приглушенного плача Кэтрин; его не потревожили даже приход врача и движение в доме.

Он проспал до самого утра первого дня Рождества. Проснувшись, он встал, оделся и спустился в кухню. Нашел что-то поесть и сел перед пустым камином. Какие-то люди нарушили его мирные размышления, и он попросил их оставить его в покое и дать ему посидеть в тишине. Нет, он никуда не пойдет, не выйдет из дома. Не будут ли они настолько любезны, чтобы дать ему отдохнуть в одиночестве? Он никому и ничему не принесет

вреда.

В дверях, вытирая фартуком глаза, плакала какая-то девушка. Он предложил ей немного своего хлеба, ему было очень жаль видеть ее в слезах. Затем ее лицо сморщилось, и она ушла. Интересно, кто это, подумал он, и почему в доме такая суета, то приходят, то уходят.

Подошел какой-то человек и сказал, что он врач. Но врач ему не нужен. Никто не болен. Кто-то взял его за руку и сказал, что его жена и новорожденный ребенок умерли.

Он покачал головой и улыбнулся.

– Я не женат, и у меня нет ребенка... вы ошиблись.

Потом он повернулся к ним спиной и протянул руки к холодному камину.

– Может быть, кто-нибудь разведет огонь? – предложил он. – В это время года по утрам холодно.

Но они ушли и оставили его одного. Должно быть, забыли. Возможно, все это ему только приснилось. Впрочем, неважно, он и сам разведет огонь. Когда в камине начали потрескивать дрова, и занялось веселое пламя, он потер руки и рассмеялся. Затем, вспоминая обрывки старых мелодий, стал тихо напевать себе под нос.

В гостиной он нашел кресло-качалку и принес его в кухню. Теперь можно было раскачиваться: назад-вперед, назад-вперед. Он мог смотреть на яркий огонь, слушать часы, слушать собственный голос, выводивший незатейливые мелодии. Это было очень славно, очень приятно. Кто-то сказал, что сегодня Рождество? Надо же, кто бы мог подумать?

Назад... вперед-назад... вперед. Кто-то заглянул в дверь.

Джозеф помахал рукой.

– Веселого Рождества, – крикнул он. – Веселого Рождества.

Не было дней, не было ночей...

Филипп Кумбе сидел за письменным столом в своей конторе; на его голове и запястье были повязки. Он читал вслух почтовую открытку.

«Дорогой мистер Кумбе. К сожалению, я не могу приехать в Плин раньше одиннадцати утра. Я бы просил Вас иметь кого-нибудь наготове с двуколкой, чтобы мы могли сразу отправиться в путь и как можно скорее добраться до Садмина.

Всегда готовый Вам служить, Р. Тамлин.

Р. S. Вы выяснили, есть ли в лечебнице свободные места? Если нет, то срочно пошлите туда телеграмму».

– Тамлин – это санитар, который будет сопровождающим, – сказал Филипп, кладя открытку на стол.

Сэмюэль и Герберт Кумбе кивнули; у них были мрачные лица и грустные глаза.

– Джозефа действительно необходимо увезти? – начал Герберт.

– Неужели вы сами не видите? – От нетерпения Филипп повысил голос. – Разве он не убил свою жену, своего несчастного ребенка, не говоря уже о его обдуманном и злонамеренном нападении на меня? Говорю вам, этот человек буйно помешанный, он опасен. Забудьте свою дурацкую сентиментальность, братья. Сегодня Джо поедет в Садмин. Я телеграфировал в лечебницу, там его ждут. Последнее слово за мной.

Они забрали свои шляпы и ушли.

В полдень у двери Дома под Плющом ждала двуколка. На дороге кучками стояли соседи. При появлении Филиппа Кумбе люди разошлись, встревоженные его суровым лицом и властными манерами. С ним был крепкого сложения человек, которого в Плине никто не знал. Они вместе вошли в дом. На безоблачном небе сияло солнце, в гавани искрилась синяя вода, на ветке дерева пел снегирь. С берега под причалом доносились детские голоса.

Буксир, дымя, тянул за собой шхуну. Солнце окрашивало розовым цветом ее паруса, пока их не свернули на реях. С палубы шхуны слышались крики и треск фала: убирали грот. Затем раздался грохот якорной цепи. На носу корабля ярко белела устремленная вперед деревянная фигура. «Джанет Кумбе» вернулась в Плин.

Несколько минут спустя Филипп Кумбе и санитар вышли из Дома под Плющом, между ними шел Джозеф. Его пальто было застегнуто на все пуговицы; он не пытался ни вырваться, ни убежать и спокойно позволил посадить себя в двуколку. Дыша на руки, чтобы их согреть, он с явным удовольствием улыбнулся норовистой лошади. Затем застыл на сиденье: большой, сгорбленный, немой и ни на что не реагирующий, безразличный ко всему, что его окружает. Филипп вполголоса разговаривал со зрителем; Кэтрин плакала в дверях дома.

Джозеф взглянул через плечо на раскинувшуюся внизу гавань. Зритель и Филипп сели в двуколку, кучер забрался на козлы. Двуколка с седоками спустилась с холма и покатила по улице города.

Когда они проезжали мимо причала, посреди гавани Джозеф увидел бросившую якорь шхуну. Она стояла на солнце. На какое-то мгновение свет вспыхнул в его глазах, засиял, как признание в любви. Затем Джозеф задрожал, и огонь погас, оставив вместо себя тяжелую, холодную дымку. Дома скрыли гавань от глаз, и двуколка понеслась по дороге, ведущей в Садмин.

Глава четырнадцатая

Пять лет Джозеф провел в Садминской лечебнице для душевнобольных. Он пробыл бы там и дольше, если бы не усилия его сестры Элизабет и ее сына Фреда, благодаря которым он обрел свободу.

В октябре тысяча восемьсот девяносто пятого года Фред Стивене, проезжая через Бодмин, неожиданно решил зайти в лечебницу и потребовать свидания со своим дядей. К удивлению Фреда, его приняли и на вопрос о здоровье Джозефа ответили, что пациент чувствует себя очень хорошо и что его могли бы отпустить года три назад, если бы семья не предпочла держать его под присмотром соответствующих специалистов и щедро не платила за это.

Фред знал, что «семья» – это Филипп. Его проводили вверх в палату Джозефа, где тот сидел у открытого окна.

Племянника потрясла разительная перемена во внешности дяди. Хотя ему было всего шестьдесят, его волосы и борода были белыми, а весь абрис лица до неузнаваемости изменился. Щеки ввалились, карие глаза потускнели.

Фред подошел к нему и взял его за руку.

– Дядя Джозеф, – ласково сказал он, – вы не забыли своего племянника Фреда?

Джозеф пошевелился в кресле и, прищурясь, посмотрел на молодого человека.

– А, Фред, – сказал Джозеф своим прежним, сильным голосом. – Какая приятная неожиданность. Очень рад тебя видеть. Почему ты не приходишь раньше? Я, знаешь ли, здесь уже давненько. Все очень добры, ничего не могу сказать, но мне бы хотелось вернуться домой. Ты у них спросишь, можно ли мне идти домой? – Он улыбнулся застенчивой улыбкой заблудившегося ребенка.

– Конечно, дядя. Не беспокойтесь. Я узнаю, что надо сделать, чтобы вы снова оказались дома. Вы хотите вернуться в Плин?

– Да, племянник, ты уж постарайся. Здесь все очень добры, но дома лучше. Да, дома лучше.

Вскоре Фред расстался с Джозефом и попросил, чтобы его проводили к начальнику лечебницы. Для освобождения дяди было необходимо уладить многочисленные формальности, но он твердо решил преодолеть все трудности. Несмотря на возражения Филиппа, не было никаких веских

причин и дальше держать Джозефа взаперти.

Семью оповестили о его близком освобождении, и Дом под Плющом снова ожил. Кэтрин не возражала против того, чтобы вернуться и ухаживать за отцом, ведь теперь у них было документальное свидетельство, подтверждающее, что он безобиден и кроток, как ребенок.

Итак, одним ясным августовским утром Джозефа забрали из Садминской лечебницы для душевнобольных и привезли домой, в Дом под Плющом, где Кэтрин с нетерпением ждала его, стоя у двери.

Он был рад возвращению и чувствовал себя довольным и счастливым. Из своей прошлой жизни он ничего не помнил, не помнил первых страшных лет, проведенных в лечебнице, и знал лишь одно: это его дом, и здесь его ждет покой.

Он не хотел никуда ходить, вполне довольствуясь собственным домом. Иногда, опираясь на руку дочери, он мог подняться на скалы к развалинам Замка и, добравшись до вершины, вздыхал и подолгу стоял с фуражкой в руке, позволяя легкому ветру развеять свои седые волосы и бороду.

Особенно любил он стоять там летними вечерами, когда солнце, клонясь к западу, садилось за маяком и в воде отражались малиновые блики. Царивший вокруг покой изредка нарушалось блеяние овец и мычание коров в дальних полях. Из труб серых домов поднимался дым, он смешивался с вечерним туманом, и склоны холма затягивались тонкой, полупрозрачной пеленой. На причале играли дети. В гавань входило вернувшееся со свежим уловом рыболовное судно, за которым бесконечной оранжевой лентой летели чайки.

Мир и покой Плина. Джозеф вздыхал и брал дочь за руку.

— Знаешь, Кейт, девочка, я избороздил моря вдоль и поперек; я видел пышные берега Африки с ее сверкающими бурунами и развесистыми пальмами; я переживал штиль в ленивых водах тропиков; я познал стужу арктических ночей и диковинное сияние, которое повергает человека в немоту и изумление; я смотрел на покрытые снежными шапками горы севера, громадные, Кейт, одинокие и таинственные. Но, странная вещь, и это действительно так: где бы я ни бывал, что бы ни повидал, ничто не сравнится со спокойной красотой Плинской гавани, когда садится солнце, густеют тени и белые чайки наполняют воздух своим радостным кличем. Это мой дом, Кейт, я так понимаю.

В мае тысяча девятисотого года Джозеф совсем ослаб, и Кэтрин поняла, что жить ему осталось недолго. Его мысли путались, он не мог сосредоточиться и едва понимал, что делает. Ей приходилось одевать его, во всем помогать ему, как маленькому ребенку. Альберт был в море, Чарльз

в своем полку, Фред готовился к близкой свадьбе.

Кэтрин чувствовала, что ей не к кому обратиться за помощью, поскольку с Филиппом Кумбе она не разговаривала.

И вдруг пришло письмо с лондонским штемпелем. Узнав почерк брата Кристофера, она дрожащими от нетерпения руками вскрыла конверт. Он с явной тоской писал, что соскучился и мечтает вновь увидеть дорогие лица всех своих близких, особенно отца. Спрашивал, сможет ли отец хоть когда-нибудь его простить. Он столько раз им писал, но ни разу не получил ответа и почти не надеется, что это письмо дойдет по назначению.

Бедный Кристофер. Значит, ему ничего не известно о горе, которое они пережили, о мучительных годах, проведенных отцом в лечебнице. Кэтрин внимательно перечитала письмо и, хорошенько все обдумав, решила сама написать брату, никому не говоря об этом. Она напишет ему и попросит немедленно приехать домой, потому что отец очень сдал, и она опасается самого худшего. Итак, Кэтрин заперлась в своей комнате и сочинила длинное письмо Кристоферу, в котором описала все, что случилось в их доме за годы его отсутствия, затем надела шляпу и выскользнула из дома, чтобы отнести его на почту.

Через два дня Кэтрин получила телеграмму. К счастью, Джозеф сидел в гостиной и не видел, как принесший ее мальчик идет по садовой тропинке; телеграмма была от Кристофера, и в ней сообщалось, что в субботу он сядет на поезд и скоро будет с ними.

Вечером двадцать восьмого мая, в пятницу, Кэтрин оставила отца сидеть в саду Дома под Плющом и спустилась в город сказать тетушкам Мэри и Марте, что завтра приедет Кристофер.

Закатное солнце освещало крыши домов Плина и высокие холмы, протянув по морю широкую оранжевую тропу, теряющуюся за горизонтом. Джозеф беспокойно пошевелился в кресле и откинул плед. Он больше не хотел сидеть, он весь продрог и ооченел.

Он повернулся лицом к заходящему солнцу и почувствовал на своих затуманенных глазах нежное тепло его лучей. Он слышал крики чаек и глухой плеск воды в гавани. За ней было море, безмолвное, однотонно-серое, если не считать оранжевой ленты – прощального привета покидающего небо солнца.

И Джозефу вдруг нестерпимо захотелось снова увидеть море, коснуться руками воды, унести на волнах к той далекой обители успокоения, где вечно бушуют ветры и грохочут белые буруны. Он жаждал ощутить вкус соли на губах, услышать глухой рокот волн; идя по солнечной дорожке, он доберется до корабля, который его ждет. Где-то там, за

границей земли, за чертой, где море сливается с небом, «Джанет Кумбе» поднимает лицо к небесам... одна в безмолвии океана, она, радостная и свободная, покачивается на волнах, устремив к звездам две свои мачты.

Джозеф поднялся с кресла и отшвырнул его в сторону. Он вышел из сада и, повернувшись спиной к дому, оставил его стоять пустым и одиноким с окнами, залитыми золотым сиянием.

Глаза помочь ему не могли, но чувства безошибочно привели его на верфь, до следующего утра тихую и безлюдную. В нижней части дока у сходней стояла лодка. По заведенному обычаю она стояла там каждую ночь вот уже тридцать, сорок, пятьдесят лет. Джозеф это знал, и сейчас, подобно лучу света в скрытых лабиринтах сознания, память его проснулась. Он медленно, с трудом спустился в лодку и едва гнущимися, отвыкшими от работы пальцами отвязал фалинь. Затем схватил весла и направил лодку к выходу из гавани. Ободок солнца, нависший над дальним холмом, вспыхнул, простился и угас. Тропа дрогнула в тающем свете, мерцающие красные блики затуманились и растаяли в сгустившихся сумерках.

Джозеф вновь был ребенком, который впервые в жизни сидит в лодке, вцепившись в тяжелое весло, а мать направляет его непослушные руки.

Джозеф был мальчишкой, смеющимся, отчаянным мальчишкой, который гребет быстрыми, нетерпеливыми гребками и улыбается, глядя в глаза сидящей на корме Джанет.

Джозеф был молодым человеком, исполненным радостью и изумлением перед чудом бытия, жаждущим приключений, презиравшим опасность, опьяненным могуществом ветра и моря.

Джозеф был капитаном корабля, стремящимся как можно скорее вновь оказаться на его палубе и забыть пустые и скучные дни на берегу; ему нужно только одно: скрип вантов да свист ветра в зарифленных парусах.

Джозеф был мужем, который показывает свое мастерство Сьюзен, а та с младенцем на руках следит за ним, раскрыв рот.

Джозеф был отцом, и Кристофер с испуганными карими глазами и сверкающими на солнце волосами дергал его за штанину, показывая на яростные волны перед носом судна.

Джозеф был любовником, наслаждающимся красотой Энни, которая стыдливо прикрывала от света глаза руками.

Джозеф был стариком, уставшим от жизни, зовущим смерть, ищущим спасения в пустынных водах, где его ждала любимая.

Джозеф не был ни тем, ни другим, ни третьим... он был духом, сбросившим цепи и победившим материю, он был душой, поднявшейся из бездн тьмы и отчаяния в прекрасную высь.

Над океаном опустилась ночь, ветер и море слились в едином порыве. Штормовые тучи сражались во тьме. В подернутом полосами дождя небе сверкали молнии, ревели волны.

И волна, более высокая, более грозная, чем ее подруги, поднявшись над поверхностью моря, обрушилась на лодку.

Когда вторая волна подбросила доски разбитой лодки высоко в небо, Джозеф поднял голову и рассмеялся.

Он раскинул руки, и воды поглотили его.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Кристофер Кумбе

1888-1912

*Не опасаясь встретить порицанья,
Я вновь вернусь к дороге первой той,
Где, ища богатств и многознанья,
Живет душа несбыточной мечтой,
Где отблески былой геройской славы
Не застыт чувств наивных и простых,
Где места нет для мудрости лукавой
И для туманных истин прописных,
Пусть лучший поводырь – сама природа
Меня беспечно поведет туда,
Где ветер с гор, где солнце с небосвода,
И где овец счастливые стада.*

Эмили Бронте

Глава первая

В тот августовский день тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года Кристофер Кумбе уходил в свое первое плавание с твердой решимостью преуспеть в новом деле. Он будет водить «Джанет Кумбе» по морям, как до него водил этот корабль его отец, а сейчас водит кузен Дик. Ведь если молодой человек смел, имеет голову на плечах и не лишен способностей, то учеба не займет много времени.

Так размышлял Кристофер, двадцатидвухлетний сын Джозефа, когда пыхтящий буксир выводил судно из Плинской гавани и немного позднее, когда, выйдя в открытое море, оно направилось через суровую Атлантику к далекому Сент-Джонсу.

Кристофер оказался в довольно странной компании. Кроме него самого и кока в носовом кубрике разместилось еще четверо матросов, тогда как каюты капитана и помощника находились, конечно, в кормовой части.

Команда маленькой шхуны не идет ни в какое сравнение с толпой на борту большого клиппера, где человек, при желании, может чувствовать себя относительно спокойно, конечно, если он справляется со своей работой. В тесном пространстве торгового судна, перевозящего рыбу или фрукты, негде уединиться, да и времени на отдых почти нет; то и дело раздается команда «Все наверх!», и ты поднимаешься на палубу сражаться с надутыми ветром парусами... ногти изломаны, глаза слепнут от дождя, а в награду за все старания и пинок в спину не редкость, если сделал что-то не так. Мокрый до нитки, с пустым желудком, с ноющей болью во всех членах, страдая от морской болезни, несчастный Кристофер вместе с остальными, шатаясь, поднимался из кубрика в черную как вороново крыло ночь, под бешеные порывы неистово завывающего ветра, чтобы заменить сорванный парус. Ему казалось, что это и есть настоящий шторм; корабль проваливался в морскую пучину, у Кристофера подкашивались ноги, и он с грохотом ударялся о борт, едва не раскалывая голову пополам. Но, оказываясь, то был самый что ни на есть прекрасный попутный ветер, и все надеялись, что он продержится на всем пути через Атлантику.

Обессилевший, едва держась на ногах от тошноты и головокружения, молодой человек стоял, вцепившись в ближайшие ванты, пока кто-нибудь не кричал ему в ухо, чтобы он поднимался на реи.

Чего от него ждут, если все канаты кажутся одинаково жесткими, мокрыми и перекрученными? Как могут его онемевшие пальцы со

сломанными ногтями справиться с этими тугими, пропитанными влагой узлами? Как бы то ни было, он полз вверх по узким, скользким выбленкам, зная, что достаточно одного неверного движения, и он сорвется в черное, вспененное море. В конце концов, он с трудом доходил до конца рея с нелепой идеей помочь двум матросам, которые оказались там раньше него и, крича что есть мочи, давали ему указания, которые никак не удерживались в его затуманенной голове. Если это попутный ветер, то, боже мой, что же такое шторм?

Бедный Кристофер, вскоре ему довелось это узнать, поскольку не прошло и пяти дней, как они прошли мимо мыса Лизард, когда погода переменилась, и большую часть пути до Сент-Джонса (а это двадцать пять дней) им пришлось идти при встречном ветре и даже взять немного к северу, чтобы не испытать на себе всю его силу. Один из членов команды сказал новому матросу, что это скверный переход и хорошо, что хоть мачты и такелаж не обледенели, в зимние месяцы это случается нередко. А ведь был еще только сентябрь. Эти злосчастные тридцать дней отнюдь не помогли сыну Джозефа полюбить море. От плохой пищи и недостатка сна он заметно похудел, а его кожа, открытая ветру, морю и дождю, с непривычки доставляла ему истинные мучения.

Слишком гордый, чтобы признаваться в своих страданиях, молодой человек написал домой короткое письмо, в котором скупно описал плавание, ничего не говоря о своих впечатлениях; разумеется, после такого изнурительного плавания, он чувствовал себя лучше, чем можно было бы ожидать.

В Сент-Джонсе «Джанет Кумбе» простояла недолго и, приняв на борт груз рыбы, взяла курс на Средиземное море. Два следующие месяца были очень тяжелыми и горькими для молодого моряка. Разгрузившись в Опорто, они направились не прямо к Сен-Мишелю за грузом фруктов, как ожидалось, а снова взяли курс на Атлантику и Ньюфаундленд. На этот раз корабль шел с балластом, и, хотя ветер был попутным, если не считать двухдневного шторма в Бискайском заливе, его сильно качало из-за отсутствия в трюме достаточного груза; Кристофер, как ни старался, не мог справиться со своим слабым желудком. На сочувствие соседей по носовому кубрику рассчитывать не приходилось, а у кузена Дика было слишком много дел поважнее недомоганий и переживаний зеленого юнца.

Кристофер начал приходить в отчаяние. Какое-то время он кое-как продержится, продержится ради отца, да и просто из самолюбия, но, если дело не пойдет на лад, придется что-то менять. Последние несколько дней плохой погоды его окончательно доконали. Неделю он почти не спал, один

приказ следовал за другим – то подняться на мачту и исправить очередное повреждение, то поставить парус, то убрать парус, то заменить сорванное ветром полотнище новым... противоречивые приказы доводили его до безумия, от усталости и боли он едва держался на ногах.

За два дня до прибытия в Лондон в трюме обнаружили течь, ничего серьезного, но работы с помпами хватило на всех, пока корабль благополучно не стал на якорь в реке. Страшное, изнурительное, требующее напряжения всех сил сражение со штормом в Бискайском заливе подняло в душе молодого моряка волну ненависти и возмущения.

Дольше он не мог этого выносить; уж лучше броситься за борт и положить конец страданиям, чем снова выходить в море. К такому решению пришел Кристофер, когда «Джанет Кумбе» сигналами затребовала лоцмана и буксир и они медленно шли вверх по окутанной туманом реке к лондонским докам.

Так вот он, город славы и удачи, где бедные юноши становятся лорд-мэрами, а нищие оборванцы – миллионерами. Правда, при таком освещении его не разглядеть, ползущий с реки серый туман все закрывает своими липкими щупальцами.

Сквозь туман и сгущающиеся сумерки неясно вырисовывались очертания множества башен и зданий, темных и мрачных, высоких труб, извергающих клубы дыма; долетал шум судов, идущих вверх и вниз по реке, виднелись кишачие людьми пристани раздавались гудки больших пароходов, рядом с которыми «Джанет Кумбе» казалась не больше маленькой прогулочной шлюпки.

В доках длинные клипперы с высокими мачтами стояли бок о бок с разной мелкотой; баркентинами и шхунами вроде их собственного судна. Сам город, подумал Кристофер, лежит за всем этим, там, где мерцают тусклые огни, откуда доносится гул жизни, который ни с чем не спутаешь.

Сам не зная почему, Кристофер вздохнул и вернулся к своей работе на палубе. Утром «Джанет Кумбе» удалось благополучно пришвартоваться у причала, и началась разгрузка.

Через три дня трюм судна освободится от груза фруктов, оно поднимет якорь и с балластом вернется в Плин, где, если повезет, пробудет дней десять, после чего вновь уйдет в чужие воды с грузом глины. Об этом Кристофер узнал из разговоров в кубрике и нескольких слов, брошенных его кузеном-шкипером.

Нет, оставаться матросом на борту «Джанет Кумбе» он не может. Он любит и уважает отца, но этот путь не для его сына, такова истина. Он должен идти своим путем. На море и корабле мир клином не сошелся;

ничто не мешает ему сделать имя в чем-нибудь другом. Дядя Филипп рассказывал ему о Лондоне и о той дороге, которая может привести к известности любого человека, если только он не лишен честолюбия. Что ж, Кристофер Кумбе честолюбив, он докажет своей семье и всему Плину, что он не из тех, кто терпит поражение. Придет день, когда они поймут, что он был прав, бросив море; они с уважением и гордостью будут смотреть на человека, который вернулся в родной дом, обладая солидным положением и высокой репутацией.

Итак, накануне того дня, когда «Джанет Кумбе» готовилась сняться с якоря, Кристофер где-то за полдень тайком покинул отцовский корабль и, не оглядываясь ни на него, ни на белое носовое украшение, слился с толпой.

Кристофер оказался в Лондоне с пятью фунтами в кармане, и только эта сумма отделяла его от голода.

Прежде всего надо было найти ночлег. Он твердо решил избегать соседних с доками кварталов, где все отдавало моряками и морем, и, сев на первый попавшийся омнибус, оказался в центре Уэст-Энда среди магазинов и кебов. Он так увлекся новым для себя окружением, что только в половине шестого вечера, когда уже стемнело, понял, как быстро пролетело время.

Не оставалось ничего другого, как спросить у полисмена адрес каких-нибудь дешевых, но приличных меблированных комнат, хоть при этом он и чувствовал себя полным невеждой, что было очень неприятно. Однако бобби^[17] оказался славным малым и даже не поленился достать записную книжку и записать несколько имен на клочке бумаги.

– Все в порядке, никакого беспокойства, – сказал он на прощанье.

Его веселый кокни^[18] произвел на молодого человека очень приятное впечатление, и он про себя решил впредь подражать ему, поскольку этот говор показался ему живее и приятнее на слух, чем медленное западное произношение. Первым в списке значился адрес «Мерилебон-роуд, Олбани-стрит, 53, Миссис Джонсон». Ему посоветовали дойти до Грейт-Портлэнд-стрит и там сесть на омнибус, который довезет его прямо до нужного места. Вечер был темный, туман густел, и лошадям приходилось двигаться очень осторожно, отчего на поездку до Олбани-стрит ушло довольно много времени.

Кристофер постучал в дверь дома под номером пятьдесят три, и ее вскоре открыла женщина, которая тут же зажгла в закопченной прихожей газ.

– Что вам нужно? – резко спросила она. Женщина была нервной и походила на крысу.

– Мне сказали, что я могу найти здесь комнату – запинаясь, проговорил немного растерявшийся от такого приема Кристофер. – Может быть, это ошибка.

– Нет, все правильно. Входите же, входите и дайте на вас взглянуть.

Кристофер вошел в прихожую, и миссис Джонсон оглядела его забрызганную грязью одежду.

– Хм, судя по вашему виду, вы долго шли пешком. Я пускаю только чистых постояльцев.

– Это из-за кеба, – робко сказал Кристофер, – проехал слишком близко, прежде чем я успел его заметить. Если позволите, я сейчас все вычищу.

– По речи так вы не лондонец, – с подозрением проговорила миссис Джонсон. – Из каких вы краев?

– Я из Корнуолла, мэм, и приехал в Лондон искать работу.

– О боже мой, так вы еще и без места. Тогда извините, но я не беру людей, у которых нет постоянной работы.

– Утром я намерен согласиться на первое, что мне предложат. Уверяю вас, я человек тихий и спокойный, у вас не будет причин для недовольства мною.

– Нынче надо внимательно смотреть, кого пускаешь в дом, – нервно сказала она, бросив взгляд на сломанные ногти Кристофера. – Вокруг столько преступлений. Приличный человек спать спокойно не может. Где вы так отделали свои руки?

– Мой корабль зашел в док четыре дня назад. – Кристофер устало вздохнул. – Я его оставил и хочу постоянно жить на берегу. Это вас удовлетворит?

Так Кристофер стал постояльцем дома пятьдесят три по Олбани-стрит. Прием, оказанный ему миссис Джонсон, несколько обескуражил и огорчил его, но он утешил себя мыслью, что скоро найдет работу и сможет переехать в более удобное жилье.

На другой день он вышел на Олбани-стрит в приподнятом настроении и с улыбкой на лице.

Кто станет заниматься поисками работы, когда надо столько всего увидеть, так много пройти, не имея при этом никаких обязанностей?

Ошеломленный всем увиденным, юный Кристофер отвел себе две недели на развлечения. Но на третьей неделе января, оплатив недельный счет за комнату, он с ужасом и удивлением обнаружил, что в кармане у него остался только шиллинг и девять пенсов. Несколько мгновений он

простоял словно громом пораженный, затем собрал волю в кулак и дал себе клятву согласиться на первую же работу, которая ему подвернется.

Так получилось, что, проходя по Олбани-стрит мимо рыбного магазина «Друс» и увидев выведенное мелом объявление «Требуется работник», он вошел внутрь, подошел к прилавку и скромно попросил принять его для испытания.

Так Кристофер Кумбе из Плина, что в Корнуолле, стал помощником продавца в маленьком рыбном магазине на Олбани-стрит в Лондоне. Он был благодарен судьбе за то, что избавился от призрака голода, хотя едва ли гордился своим новым положением.

Тогда он и написал домой следующее письмо, датированное двадцать пятым января тысяча восемьсот восемьдесят девятого года.

«Дорогой отец.

Я рад сказать Вам, что мне удалось найти хорошее место, и я намерен держаться за него, пока не обзаведусь приличным счетом в банке.

В настоящее время я работаю в рыбной торговле. Полагаю, Вы думаете, что, убежав с корабля, я поступил очень глупо, но, прежде чем продолжить, я должен сказать Вам, что покамест у меня нет намерения вернуться домой. Очень неприятно чувствовать, что Вы думаете обо мне не так хорошо, как раньше, но я уверен, что от этого Вы не стали меньше любить меня. Меня очень огорчает, что ни Вы, ни братья не написали мне ни одного письма, и я боюсь, что Вам будет трудно меня простить. Лондон прекрасное место, и я уже видел в нем много замечательного, но мне грустно думать, что какое-то время не увижу Вашего дорогого лица. Очень надеюсь, что Вы так же здоровы, как и я, и искренне верю, что Ваше сердце смягчится. В конце письма я хочу передать всем самые теплые пожелания и остаюсь вашим любящим сыном

Кристофером Кумбе.

Р. S. Дорогой отец, прошу Вас, пришлите ответ по адресу: Лондон, Мерилебон-роуд, Олбани-стрит, 53, Миссис Джонсон».

Это письмо было положено нераспечатанным в коробку и вместе с другими найдено Дженифер Кумбе тридцать пять лет спустя, в 1925 году.

Глава вторая

Прошло несколько месяцев. Кристофер по-прежнему служил помощником продавца в магазине, довольный тем, что каждую неделю получает жалованье, половина которого уходила на оплату стола и квартиры, но разочарованный городом, волшебство которого дядюшка Филипп сильно преувеличил в своем описании.

Лондонская жизнь к тому же не слишком способствовала укреплению его физического здоровья. Конечно, он не уставал так, как на корабле, но, с детства привыкнув к чистому воздуху Плина, солнцу, теплomu даже зимой, и свежему морскому бризу, он с трудом переносил холод и туманы Лондона и с ужасом думал о вынужденных прогулках по мокрым тротуарам.

Если бы только ему удалось найти где-нибудь место клерка, это было бы шагом по лестнице, ведущей вверх. У него был хороший почерк, он грамотно писал и в школе был на хорошем счету, хоть дисциплина у него порой и хромала. Разумеется, ему будет нетрудно найти более подходящую работу.

Тогда-то у него и возникла мысль посещать вечернюю школу.

Когда в местной вечерней школе возобновились занятия, Кристофер сел за парту рядом с юношами на несколько лет младше него и мужчинами, которые по возрасту годились ему в отцы. Кристоферу повезло: мистер Кертис, школьный учитель, сразу проникся к нему симпатией, заметил в молодом человеке способности, каковыми обычно не отличались ученики, посещавшие его школу, и стал уделять ему особое внимание.

Было совершенно очевидно, что торговля рыбой – это пустая трата времени, способностей и энергии. Они вместе обсудили этот вопрос, и учитель обнаружил, что Кристофер имеет весьма туманное представление о том, чем он хотел бы заняться.

В конце концов, на исходе шестой недели учения, мистер Кертис подумал о почтовом ведомстве.

Он сразу стал наводить справки, и через несколько недель Кристофер, подав соответствующее заявление, оказался на государственной службе. Первого мая он принял на себя новые обязанности в большом почтовом отделении на Уоррен-сарит. Учитель рекомендовал Кристоферу оставаться на этой работе весь испытательный срок, то есть три месяца, и, если она ему понравится, и он захочет получить повышение, пообещал подготовить его к экзаменам, которые необходимо сдать для продвижения по службе.

Стоял сентябрь тысяча восемьсот восемьдесят девятого года; с тех пор как Кристофер покинул отцовский дом, прошел ровно год. За все это время ни от отца, ни от близких он не получил ни строчки и продолжал им писать уже не надеясь на ответ. Они относились к нему так, словно он совершил какое-то гнусное преступление; это обижало, возмущало его, укрепляя в решимости не торопиться с возвращением.

Служа в почтовом ведомстве, расположенном на Уоррен-стрит, Кристофер познакомился и подружился с молодым человеком, своим ровесником, и они стали часто проводить время вместе. В разговоре Кристофер как-то заметил, что ему очень одиноко в меблированных комнатах на Олбани-стрит и он был бы не прочь куда-нибудь переехать.

– Почему вы никогда не говорили об этом? – воскликнул его приятель. – Вы все же забавный малый. Я полагал, что вам вполне хватает собственного общества, что вы ни за какие коврижки и с места не тронетесь. Разумеется, вам надо переехать туда, где живу я. Это чрезвычайно респектабельный пансион, который держит некая миссис Паркинс, женщина совершенно замечательная. Вдова с тремя дочерьми, и, должен признаться, в номере семь мне скучать не приходится. Мы и впрямь очень веселая компания. Это в двух минутах ходьбы от вашей нынешней квартиры. Послушайте, завтра воскресенье, почему бы вам не прийти на чай, и я вас представлю. Миссис Паркинс, конечно, очень разборчива в постояльцах, но вы же мой друг, не так ли? Кажется, вы говорили, что ваш отец владеет кораблем или чем-то в этом роде?

– Да, и он был капитаном торгового флота.

– Ах, верно, я все отлично помню.

На следующий день Кристофер позвонил в дверь дома под номером семь по Мэпл-стрит, и ему открыл чопорный лакей. Его друг Гарри Фриск ждал в холле.

– Эти воскресные чаепития немного официальные, – нервно прошептал он. – Я решил, что лучше вас предупредить на случай, если вы вздумаете войти излишне свободной походкой. Впрочем, не беспокойтесь, я вас поддержу. Я у миссис П. в любимчиках.

Несколько встревоженного Кристофера ввели в гостиную, и он увидел сидящих там людей, услышал позвякивание чайных ложек и чашек.

– Мистер Кристофер Кумбе, – громко объявила горничная.

Со стула поднялась высокая, величественная женщина в коричневом бархатном платье и кружевном чепце.

– Мистер Фриск нам про вас рассказывал, мистер Кумбе. Мне очень приятно, что вы пришли к нам сегодня. Соболаговолите сесть рядом со

мной. Эдит, любовь моя, налей чаю мистеру Кумбе. Мистер Кумбе, моя вторая дочь Эдит.

Кристофер покраснел и поклонился, положив бутерброд рядом со своей горячей чашкой.

– Благодарю вас.

– Мистер Фриск говорит, что в почтовом ведомстве вас очень ценят, мистер Кумбе.

– Стараюсь по мере сил, – скромно ответил Кристофер.

Миссис Паркинс слегка наклонила голову.

– Отведайте кусочек этого пирога с повидлом. Из-за него мои постояльцы с нетерпением ждут каждого воскресного чаепития.

Над собранием послышался легкий всплеск вежливого смеха.

– Ах, миссис П., вы же знаете, что отнюдь не только из-за пирога, – с шутливой улыбкой заметил Гарри Фриск, которому очень хотелось продемонстрировать, что с хозяйкой он на короткой ноге, после чего он легонько постучал Кристофера по спине.

– Расскажите-ка миссис П. о вашем отце, который служит во флоте, – предложил он.

– Какая прелесть. Военные меня приводят в трепет, – захлебываясь от восторга, проговорила мисс Эдит. – Для меня море – это такая романтика.

– Успокойся, любовь моя, – слегка нахмурясь, остановила ее матушка. – Дай сказать мистеру Кумбе.

Кристофер с беспокойством увидел, что все в комнате перестали разговаривать и приготовились слушать.

– В торговом флоте, Фриск, не в военном, – немного запинаясь, начал он. – Мой отец был капитаном небольшой шхуны, но сейчас он в отставке. Возможно, вы слышали о Плине в Корнуолле. Это моя родина.

Было совершенно ясно, что никто из присутствующих до этого момента даже не подозревал о существовании такого города, и Кристофер объяснил, что он расположен в Корнуолле, но на другом берегу, нежели Плимут.

– Ах, Плимут! – воскликнула Эдит. – Подумать только, «Непобедимая армада»^[19], мама, вы помните стихотворение лорда Маколея?^[20]

– Да, разумеется, Дрейк^[21], и все такое, он играл в шары, или нечто в этом роде. Боже мой, мистер Кумбе, как интересно, безумно интересно. Раз вы из Корнуолла, то, полагаю, хорошо поете?

– Право, я вряд ли...

– Вздор, не скромничайте. Все корнуолльцы поют. Как жаль, что здесь

нет Берты, не так ли, Эдит? Берта, моя старшая дочь, – объяснила она, – гостит у наших родственников в Чичестере. У милой Берты такой талант, и воскресными вечерами у нас всегда звучит музыка. Прекрасное времяпрепровождение, вы со мной согласны?

– О, разумеется, мадам.

– Впрочем, неважно, мы сможем позволить себе эти веселые маленькие собрания, когда Берта вернется. Думаю, мне нет нужды говорить, – добавила она, понизив голос, – что мистер Фриск кое-что объяснил мне относительно вашего желания присоединиться к нам в этом доме. Теперь, когда мы познакомились и вас официально представили, мы, конечно, будем вас ждать.

– Вы очень добры, миссис Паркинс.

– Любой друг, которого рекомендует милый мистер Фриск, может рассчитывать на теплый прием в нашем доме. Леди и джентльмены, я хочу объявить, что мистер Кумбе в ближайшее время станет одним из нас, и я уверена, что все мы надеемся, что у него никогда не будет причин пожалеть о том дне, когда он поселился под кровом дома номер семь.

– Правильно, правильно... прекрасно, просто замечательно, – прозвучал в ответ хор голосов.

– Мистер Кумбе, вы должны познакомиться со всеми членами нашей маленькой компании. – С этими словами миссис Паркинс взяла Кристофера под руку; Гарри Фриск услужливо последовал за ними. – С милым мистером Фриском вы уже знакомы. Следовательно, на него тратить время ни к чему.

Вежливая улыбка Кристофера, смешок Фриска.

– С Эдит вы познакомились, а это Мэй, наша малышка.

Пухлое, робкое существо бочком пересекло комнату и протянуло большую, влажную руку.

– Мистер и миссис Арнольд Стодж, с нами они уже много лет.

Кристофер поклонился тощему, унылому мужчине с обвислыми усами и еще более унылой даме, одетой во все черное и с шалью на плечах.

– Мистер Стодж отставной вояжер, – продолжала хозяйка.

– Право это очень интересно. Наверное, вы объездили весь свет, сэр?

– Коммивояжер, болван, коммивояжер, – прошипел Фриск, густо краснея из-за промашки приятеля.

– Ах, боже мой, прошу прощения... разумеется – промямлил Кристофер, в свою очередь, заливаясь краской.

– Мисс Дэвис, один из наших самых страстных музыкантов.

Мисс Дэвис, бледная, серьезная молодая женщина, бросила на

молодого человека испытующий взгляд и осведомилась, слушал ли он «Фауста».

– Нет... я... думаю, нет, – нервно начал Кристофер. Что она имеет в виду, черт возьми?

– Днем мисс Дэвис дает уроки музыки, а по вечерам развлекает нас, – сказала миссис Паркинс. – Джентльмен справа от вас майор... майор Картер.

Крупный, напыщенный субъект вставил в глаз монокль, с минуту высокомерно рассматривал Кристофера и затем отвернулся.

– Страшно педантичен в вопросах этикета, – почти шепотом предупредил Фриск. – Лучше его не задевать.

– Слева от вас миссис Крисп. Маленькая женщина с осиной талией и острым подбородком.

– Мисс Трей, заядлый политик.

К Кристоферу шагнула высокая, устрашающего вида женщина в пенсне и с выступающими вперед зубами.

– Мистер Вутен, занимается оптовой торговлей.

Рыжеволосый молодой человек сплел ноги и глупо хихикнул.

– ...и мистер Блэк, занимается салом.

Эти слова наводили на мысль о горах жира и масла, но Кристофер пожал руку тучному, обрюзгшему, красноносому старику с водянистыми глазами, который подмигнул ему, когда хозяйка отвернулась.

– Итак, вы познакомились со всеми нами, кроме Берты, это удовольствие вас еще ждет. А сейчас немного чтения, не возражаете?

Через несколько минут из комнаты убрали все лишнее и составили стулья кругом. Кристофер оказался между мисс Дэвис и торговцем салом.

– Обычно мы читаем отрывки из разных поэтов, – любезно объяснила ему мисс Дэвис, – чтобы освоить красоты английского языка. Сегодня у нас Теннисон.^[22]

– Суший вздор! – выдохнул торговец салом. – Тоска смертная. Всегда засыпаю. Разбудите меня, если начнут читать что-нибудь ядреное. Понимаете, что я имею в виду? – Он приложил палец к носу и отвратительно подмигнул.

– Мистер Кумбе, у нас принято так: наугад открываем книгу и читаем. Это дает нам множество вариантов. Эдит, любовь моя, может быть, ты начнешь?

Кристофер, слишком робкий, чтобы рассмеяться, склонившись над книгой, которая была у него с мисс Дэвис одна на двоих, в замешательстве слушал, как разные члены общества, в котором он оказался, вслух читают

стихи. Когда пришла его очередь и миссис Паркинс остановила на нем выжидательный взгляд, он закрыл глаза, быстро перелистал страницы и не совсем удачно открыл книгу в конце «Гвиневеры»^[23]. Кристофер сглотнул для храбрости и начал с середины страницы.

...О царственная стать,
И красота, которой нет сравненья, —
Вы принесли проклятье королевству.
Я не могу коснуться этих уст,
Зовущих не меня, а Ланселота,
И этих пальцев: ибо пальцы — плоть,
А плоть твоя осквернена; моя же
Взирает на твою и вопиет...

Правым ухом Кристофер услышал смешок. Торговец салом проснулся. Молодой человек поднял глаза и заметил, что лицо хозяйки пылает. Она хмурилась и нервно обмахивалась веером. Обитатели пансиона неловко ерзали на стульях. Обе дочери сидели опустив глаза.

Взволнованный и смущенный Кристофер стал читать дальше:

«Ты ненавистна мне, о Гвиневера!» —
Но это ложь; ведь плоть моя в твоей
Нашла любовь...

— Да... что ж, возможно, на сегодня хватит, мистер Кумбе, — прервала его миссис Паркинс, вставая со стула. — Мисс Дэвис, осмелюсь ли я предложить немного музыки?

Чувствуя, что он совершил тяжкое преступление, Кристофер ретировался в угол комнаты, где к нему вскоре присоединились мистер Фриск и мистер Блэк.

— Вот что я вам скажу, старина, — торопливо начал первый, — в следующий раз, прежде чем читать, выберите сюжет. Пробежите страницу глазами, понимаете, что я имею в виду? Миссис П. страшно чувствительная женщина, ну вы понимаете, о чем я. Надеюсь, никаких обид?

— Конечно нет, — ответил Кристофер, — никаких, просто я понятия не имел...

– Хе, хе! – прокудахтал торговец салом. – Вот пройдоха! Как, черт возьми, вы отыскиали этот кусок? Видит бог, я пролистал «Королевские идиллии» от начала до конца, и мне он не попался. Отличная работа, мой мальчик. Теперь вы с нами, значит, дела пойдут на лад. – Он ударил молодого человека по ребрам.

Кристофер в полном замешательстве слушал, как мисс Дэвис исполняет «Лунную сонату».

Когда музыка замолкла и Кристофер собрался уходить, хозяйка знаком предложила ему проследовать за ней в будуар для короткой беседы с глазу на глаз.

– Все в полном порядке, – шепнул ему Гарри Фриск, – таков обычай при приеме каждого постояльца. Она спросит, какую религию вы исповедуете, и кое-что расскажет вам о том, что здесь случилось несколько лет назад. Одна парочка повела себя из рук вон плохо... да что там объяснять, вы, наверное, и так понимаете. Чертовски плохо, ну и все такое.

Наверху, в будуаре, миссис Паркинс указала молодому человеку на стул.

– Мистер Кумбе, прежде чем вы уйдете, я должна спросить, являетесь ли вы членом англиканской церкви?

– Моя мать, мадам, была уэслианской методисткой, а отец вырос в англиканской вере. Я в свое время посещал службы в обеих церквях.

– Ах! Ну что же, думаю, этого вполне достаточно. По крайней мере, вы не атеист и не папист. В подобном случае мы не могли бы вас принять.

– Да, мадам, разумеется.

– В таком случае, мистер Кумбе, я верю, я надеюсь, что ваша нравственность безупречна.

– Прошу прощения, мадам? – переспросил озадаченный Кристофер.

– Иными словами, вы чисты и в поступках, и в мыслях?

– О! Чрезвычайно, миссис Паркинс.

– Это хорошо. Видите ли, мистер Кумбе, женщина в деликатном положении главы этого заведения не может позволить себе быть неосторожной. Будучи вдовой... короче, вы меня понимаете.

– Отлично понимаю. – Это было не совсем так, но неважно.

– Дело вот в чем. По причине того, о чем я вам сказала, я считаю своим долгом познакомить вас с прискорбным событием, которое три года назад имело место под этой самой крышей. Так уж вышло, что я узнала об этом случай и могла бы вовсе не узнать, если бы мне не пришлось среди ночи спуститься на нижнюю площадку. Мистер Кумбе, я понимаю, это крайне неприятно для нас обоих, но я, к ужасу своему, застала двух своих

постояльцев, молодого человека и ж... ж... женщину, – она понизила голос до шепота, – во время со... совокупления.

Она откинулась на спинку кресла и стала обмахиваться веером.

– Боже мой, какой ужас, – пробормотал Кристофер.

– Какой позор! Разумеется, их утром же вышвырнули из этого дома. Но я мать трех невинных юных дочерей, трех чистых жемчужин, мистер Кумбе, представьте себе мое состояние.

– Представляю, миссис Паркинс.

– После этого... этого в высшей степени неприятного случая я живу в постоянном страхе, что он может повториться, я боюсь, что и моим собственным девочкам не удастся уберечься от осквернения Мистер Кумбе, могу ли я доверять вам, могу ли быть уверенной в том, что вы не злоупотребите моим доверием?

– Разумеется, мадам, уверяю вас.

– В таком случае я вас больше не задерживаю. Всего доброго и до следующей субботы, добро пожаловать в дом номер семь, Либерти-Холл, мистер Кумбе, к тем, кому можно доверять.

Она сдержанно поклонилась, и Кристофер удалился.

По коридору прохаживался торговец салом.

– Хе! Хе! – Он хитро взглянул на Кристофера. – Побывали в логове дракона? Я пройду с вами до конца дороги. Верите в вечерний моцион? Она раскрывала вам семейные тайны, не правда ли? Я так и думал. Не слушайте ни единого ее слова. Такому молодому парню, как вы, развлечься ничего не стоит, конечно, если он того захочет. Ту парочку подловили. Сами виноваты. Никогда не выключали свет. А ведь из-под двери заметно. Сам я предпочитаю темноту. Ха! Ха! Когда-то я умел повеселиться.

Кристофер, скромник по природе, ускорил шаг. Что за неприятный старик.

– Эй, не так быстро. Я уже не молод. Хотя всегда готов поразвлечься. В номере семь мы наведем шума, а? Скверно, что материал некудышный. Все как одна девственницы и давно отцвели. Не по мне. А что скажете вы, молодой проказник? Берта – это другое дело, это то, что надо. С ней стоит заняться делишками. Хоть и холодна как лед. Вся точно мраморная. Может, вам удастся ее растопить, а? Хе! Хе! Только газ не забудьте выключить.

– Доброй ночи, – поспешно сказал Кристофер и перешел на другую сторону улицы, оставив размахивающего зонтом торговца салом на противоположном тротуаре.

Глава третья

Так Кристофер стал постояльцем пансиона для избранных по адресу: Либерти-Холл, Мэпл-стрит, номер семь, хотя и не обрел там желанной свободы. Слишком много правил и ограничений, показной этикет, и то не так, и в этом недостаток воспитания, и в том достойный сожаления вкус. Он понимал, что не соответствует всем этим требованиям. Питая отвращение к грубой, неотесанной команде «Джанет Кумбе», он тянулся к людям культуры и мысли. И вот он среди них, но они ничуть не лучше: ограниченные и претенциозные, с пустым сердцем и ходульными воззрениями.

Кристофер оказался в поистине странном окружении, и хотя он отдавал много сил работе в почтовом ведомстве, это было сухое, нудное дело, и он часто вздыхал по свежему воздуху Плина и по шуму моря. Разумеется, до тех пор, пока в пансион не вернулась Берта Паркинс. Кристофер навсегда запомнил тот миг, когда впервые увидел ее.

Он вернулся с работы и вошел в гостиную, где постояльцы собрались перед ужином. Миссис Паркинс поспешила ему навстречу.

– Мистер Кумбе, вы еще не знакомы с моей дорогой Бертой. Разрешайте представить вам мою старшую дочь.

У пианино высокая, грациозная девушка просматривала ноты; она повернулась и сдержанно поклонилась Кристоферу.

– Я очень рада, что вы стали одним из нас, мистер Кумбе, – сказала она.

Кристофер едва не раскрыл рот от изумления и покраснел до корней волос. Неужели она тоже Паркинс? Как, эта красавица, эта величаява принцесса? Это же картина, рисунок мистера Маркуса Стоуна в столовой, на котором изображена сидящая в саду дама в белом. Каким же неуклюжим и неловким, должно быть, он кажется ей со своими деревенскими манерами и корнуолльским акцентом. При такой внешности сестры ей и в служанки не годятся. Какая грация, или стать, как сказал бы Гарри Фриск, а ее простое, строгое платье, каштановые волосы, зачесанные над высоким лбом...

Кристофер был странный молодой человек. В свои неполные двадцать три года он еще никогда не думал о женщинах иначе, нежели в свете родственных отношений. И вдруг появление этой холодной, величавой, невыразимо прекрасной мисс Берты повергает его в смятение и пробуждает

в нем вихрь смутных и мучительных переживаний. Первое время он едва мог открыть рот в ее присутствии, не мог произнести ни одного сколько-нибудь разумного и внятного слова. Он сделался застенчив, утратил былую непринужденность и страшно боялся допустить какую-нибудь идиотскую оплошность с точки зрения светских приличий, что было под строжайшим табу в номере семь и могло вызвать ее досаду и неудовольствие.

По воскресеньям он стал регулярно ходить в церковь и читать авторов, книги которых замечал в руках своей богини, дабы обменяться с ней мнениями о них, но, когда она с улыбкой обращалась к нему и о чем-нибудь спрашивала, приходил в смятение и бормотал что-то невразумительное.

Постепенно его чувства, конечно, стали более сильными. Он с изумлением обнаружил, что мисс Берта не гнушается вступать с ним в беседу, принимать скромные букеты, которые становились тем больше, чем смелее становились его чувства; что она не прочь пройтись с ним в воскресенье от церкви до дому, обменяться с ним книгами и непринужденно обсудить мистера Гладстона.^[24]

Постепенно Кристофер понял, что влюблен. Отрицать это было бесполезно, он не мог устоять перед странным наваждением, которое подчинило себе все его существо. Он любил Берту Паркинс. Вдали от нее он чувствовал себя одиноким и несчастным, долгие часы в почтовом ведомстве казались бесконечными, пока вечер не возвращал ему ее общество.

Иногда он задавался вопросом: не заметили ли его чувств остальные обитатели пансиона? Заметили. Миссис Крисп вполголоса делилась своими подозрениями с миссис Стодж, мисс Дэвис сентиментально вздыхала, импровизируя на пианино мелодию вальса. Мисс Эдит и мисс Мэй шептались по углам, а мистер Блэк, торговец салом, подглядывал в замочные скважины. Он первым сообщил Кристоферу, что все в доме ждут, когда он сделает решительный шаг.

– Послушайте, Кумбе, – сказал он с присущей ему фамильярностью, – так не годится. И вам, и девушке от этого только хуже. Идите и овладейте ею.

– Я не знаю, что вы имеете в виду, Блэк, – сухо заметил Кристофер, – как не знаю, к кому относятся ваши слова.

– Хе! Хе! Меня, парень, не проведешь. Я наблюдал за вами. В присутствии некоей особы – не будем называть имен – вы просто сам не свой. Да и она тоже не ледяная. Если научите ее этим фокусам, скоро растает. Черт возьми, скинуть бы мне эдак лет двадцать! Сам бы научил.

Кристофер повернулся к нему спиной. Еще одно слово, и он дал бы

старику пощечину. Так облить мисс Паркинс грязью. В эту минуту Гарри Фриск пришел к нему на помощь.

– Вот что, старина, никаких обид, но каковы ваши намерения относительно известной нам обоим дамы?

Кристофер сглотнул и взял себя в руки.

– Кого вы имеете в виду? – спросил он слабым голосом.

– Ну, мне, конечно, чертовски неловко. А в виду я имею вот что... у девушек нет ни отца, ни братьев, а я вроде как в ответе за них. Миссис П. мне доверяет. Что вы собираетесь делать?

– Я... я... что я могу сделать?

– Как что? Объясниться, старина!

– Мне очень жаль, но, честно признаться, у меня не хватает смелости. Я никогда ни о чем подобном не думал. Она слишком хороша для меня, так...

– Ах! Не знаю. Вы совсем недурны собой. У вас хорошее положение в почтовом ведомстве. Не побоюсь сказать, что вы вполне можете содержать жену.

– Жену? Силы небесные, вы предлагаете мне просить мисс Паркинс стать моей женой?

– Да, а почему бы и нет. Что же еще, по-вашему, я имел в виду?

– Не знаю... простите меня, должно быть, я сошел с ума. Вы мне советуете сделать мисс Паркинс предложение, просить ее выйти за меня замуж?

– Именно так, старина. Все остальное чертовски дурной тон.

– О, конечно, конечно. Она душа благородная, а я, я так... ничто! Старина, я ведь человек самый заурядный.

– Ладно, подумайте об этом. Если не сделаете предложения, то вряд ли сможете здесь остаться. Наверняка она его ждет.

– Не может быть. У нее нет ни малейшего подозрения.

– Я в этом не так уверен. Во всяком случае, не падайте духом. Соберитесь... ну вы понимаете, что я хочу сказать. Никаких обид?

– Ах, какие обиды. Благодарю вас, Гарри. Неделя проходила за неделей, а Кристофер Кумбе все еще не собрался с мужеством, чтобы излить свою душу.

Такая неопределенность могла тянуться еще долго, но 26 апреля из Африки вернулся Стэнли^[25]. Берта выразила желание присоединиться к толпе, собравшейся перед вокзалом «Виктория», чтобы хоть мельком увидеть лондонского кумира, однако мать не разрешала ей этого, пока Кристофер застенчиво не предложил сопровождать ее. Это, конечно,

меняло дело; миссис Паркинс одобрительно улыбнулась, а ее дочь покраснела от удовольствия. Приближение великого события мгновенно наэлектризовало атмосферу пансиона. Блэк, торговец салом, выпил за обедом лишний бокал вина и попробовал ухватить под столом руку мисс Трей, к великому негодованию этой леди; женственный мистер Вутен достаточно ловко играл в «веревочку» с Мэй Паркинс, а мистер Арнольд Стодж вслух читал своей жене новый роман Оиды.^[26]

Кристофер и Берта заняли свои обычные места у пианино, чтобы спеть дуэтом, а тем временем мисс Дэвис нервно перелистывала ноты.

– Просто удивительно, как ваш голос, мистер Кумбе, сочетается с голосом Берты, – с воодушевлением бормотала она.

Берта опустила глаза, а сердце Кристофера радостно забилося в груди. Неужели это значит, что она, может быть?..

Мисс Дэвис взяла первый аккорд, и высокий баритон Кристофера слился с чистым сопрано Берты.

Помнишь эти весенние дали...

Сколько чувства вложил молодой человек в свой голос, сколько страсти в слова! Если у него и не хватало мужества сделать предложение, он, по крайней мере, мог всего себя излить в пении. Берта улыбалась, глядя на него поверх головы мисс Дэвис.

Он чувствовал, что все, что было в его жизни до этого мгновения, ничего не стоило. Плин, родина, отец, корабль – все это словно перестало существовать, он был рожден лишь для того, чтобы смотреть в глаза Берты и читать в них ответ на вопрос, который еще не осмелился задать. Его переполняла любовь, любовь к пансиону, ко всем его обитателям, даже к старику Блэку, который был не таким уж плохим малым. Ведь стоит весна, ему двадцать три года, и завтра утром он отправится с ней смотреть на возвращение Стэнли. После этого они обязательно прокатятся в коляске по Риджентс-парку, а потом – хоть в канал головой.

Помнишь эти весенние дали,
Шепот ветра и зелень полей?
Словно дети, цветы собирали
Мы в тени шелестящих ветвей...

– Очаровательно! Очаровательно! – промолвила миссис Паркинс, нащупывая носовой платок.

Кристофер поставил горячими, дрожащими руками на пюпитр перед

мисс Дэвис следующие ноты.

– Последний куплет играйте, пожалуйста, помедленнее и потише, – яростно пробормотал он. Мисс Дэвис понимающе склонила голову, и сердце ее учащенно забилося. С пылающими глазами, с Дрожью в голосе он вновь погрузился в песню.

Прекрасное платье я вам подарю.
Пойдемте гулять,
Беспечно болтать...

Почему она так решительно качает головой? Разве она не видит, что он кладет к ее ногам саму жизнь свою?

Мисс Дэвис тяжело нажимала на педаль, пальцы ее едва касались клавиш.

С удвоенной страстью, срывающимся от избытка чувств голосом Кристофер пел последний куплет:

От сердца ключи вам сегодня вручу,
И смерть нам не сможет сказать: «Разлучу!»
Пойдемте гулять,
Беспечно болтать,
Гулять и болтать, мадам!

На следующий вечер Кристофера и Берту со всех сторон теснила толпа, собравшаяся перед вокзалом «Виктория». Им лишь мельком удалось увидеть прославленного путешественника, охраняемого от восторженных зевак кордонами полицейских, и через минуту он исчез.

– Какая прекрасная фигура, вот – настоящий мужчина, – с сияющими глазами воскликнула Берта. – Вы согласны со мной, мистер Кумбе?

– Я не разглядел, мисс Паркинс. Но охотно вам верю.

Они взобрались в омнибус, который шел по направлению к их дому. Голова Кристофера горела от разных планов. Возвращаться сейчас было просто невозможно, нельзя было терять шанс остаться с Бертой наедине.

Вскоре они сошли с омнибуса в конце Бейкер-стрит, и, когда Берта приготовилась было пересечь на следующий, Кристофер схватил ее за руку.

– Мисс Паркинс, – поспешно сказал он, – право же, нет необходимости

так спешить. Сейчас прекрасный вечер, вы не сочтете за нечто неприличное, если я предложу вам прокатиться по Ридцужентс-парку?

– Ах! Мистер Кумбе... у меня разбегаются мысли... возможно... разумеется, это будет просто восхитительно...

– Так вы не возражаете? Урра! Прошу прощения за мое возбужденное состояние... дорогая мисс Паркинс, я с трудом соображаю, что делаю. Если мы немного пройдемся, то вскоре обязательно поймем экипаж.

Через пять минут Кристофер и Берта Паркинс благополучно сидели в коляске и объезжали парк. Кристофер взглянул на свою спутницу, закутанную, несмотря на апрель, в меховой палантин и прятавшую руки в муфте. Высоко на шляпке крепилась вуаль. Забыв про все на свете, полностью теряя голову, Кристофер протянул руку, чтобы вынуть ее ручку из муфты. К его буйному восторгу, руку она не отняла, а лишь вздохнула, и поплотнее закуталась в мех. Чувствуя, что мир может катиться ко всем чертям, а он и глазом не моргнет, Кристофер не произнес ни слова и они продолжали катить по парку. Он был на седьмом небе: никогда, никогда еще не испытывал он такого блаженства.

Он встал с сиденья и постучал в потолок, кебмен открыл дверцу и заглянул внутрь.

– Еще один круг, пожалуйста, – крикнул он твердым голосом. Он снова сел, и явившееся ему зрелище привело его в еще большее волнение.

Мисс Паркинс, – начал он, – мисс Берта, я... я могу называть вас Бертой?

Ответом ему послужило легкое пожатие ее руки.

– Вы станете меня ненавидеть, презирать за то, что я собираюсь сказать вам, – продолжал он. – Я не имею права докучать вам своими глупыми признаниями. Я не достоин касаться края вашего платья, уж не говоря о том, что выше.

Господи, что такое он говорит? Он хотел сказать вовсе не то.

– Нет... нет., во всяком случае, не это хотел я сказать вам. Я хотел вам сказать... О! Берта, может быть, вы... возможно... может, поедет домой?

Он вынул из кармана носовой платок и вытер им лоб.

– Что вы пытаетесь мне сказать? – нежно спросила она. Скромность не позволила ей зайти дальше.

– Лишь то... я не уверен... ах, бог с ним. Берта, милая Берта, извините меня... Я сам не знаю, что говорю. Долгие месяцы я боролся с собой, но тщетно. Я уверен, что навсегда навлеку на себя ваше недовольство, что с этого момента начнется моя агония, которая никогда не кончится.

Она слегка придвинулась к нему, и он на мгновение замолк.

– Берта, можете вы... можете вы, наконец, понять... – он задохнулся, сглотнул, высморкался и лихорадочно поднес ее руку к своим губам.

– Мистер Кумбе... Кристофер... о чем вы? – пробормотала она.

– Берта... я... я прошу вас стать моей женой.

Боже, он это сказал. Наступила трехминутная пауза, в течение которой Кристофер проклинал себя за грубую бестактность.

Затем он вынул из муфты вторую ее руку и поднес к губам.

– Кристофер, – прошептала она, – как вы догадались?

Догадался? О чем догадался? Он пристально взглянул ей в лицо.

– Что я ваша, – прошептала она и в смущении закрыла лицо руками.

Волна безумия захлестнула Кристофера. Это не могло быть правдой. Он неправильно понял ее. Он... но она сидела, прижавшись к нему, и сжимала в ладонях его руку. Голова у него закружилась, и он обнял ее за талию. Приличия были отброшены, манеры забыты, «благородное» поведение, которому он научился в пансионе, улетучилось.

– Поднимите вуаль, – прошептал он. Она повиновалась. Кристофер ударил кулаком в дверцу.

– Полдюжины кругов вокруг парка, да смотрите, помедленнее, – заорал он.

Затем он заключил Берту в объятия...

Так Кристофер Кумбе признался в любви Берте Паркинс в лето тысяча восемьсот девяностое от Рождества Христова.

Глава четвертая

«Кемден-Таун
Йорк-роуд, 32
Дорогой отец!

Я весь день думал о нашем доме и решил написать Вам, чтобы сообщить о своем великом счастье: я женился.

Я не получил ответа на письмо, в котором сообщал Вам о помолвке, и боюсь, что оно затерялось. В конверт я вложил фотографию моей суженой, и мне не терпелось узнать, какое впечатление она на Вас произвела.

Должен признаться, что, даже обыщи я весь Лондон, мне было бы не найти ни лучшей пары, ни более достойной семьи. О справедливости последних слов я предоставляю Вам судить по фотографии, на которой среди прочих изображены ее младшие сестры; они были подружками невесты и были очень рады покрасоваться перед алтарем в нарядных платьицах, в которых и были сфотографированы.

Моя жена и я в ближайшее время намерены сфотографироваться вместе, каковое фото мы Вам обязательно пришлем. Наше венчание состоялось двадцать шестого августа в церкви Святой Троицы; а потом мы с Бертой провели очень веселый медовый месяц в Харроугейте, должен сказать, что это был ее выбор, поскольку я бы с радостью поехал в Плин и показал бы ее всем вам, но, увы, этому не суждено было случиться. Надеюсь, что, как только я сдам очередной экзамен в Государственном почтовом ведомстве и получу отпуск, мы будем иметь радость приехать в Плин. Если я не выдержу испытания, то, возможно, мне придется покинуть службу по почтовому ведомству и подумать о чем-нибудь другом. Это довольно скучное и утомительное дело. Вас, без сомнения, удивляет, почему моя жена и я не поженились раньше. Дело в том, что ее матушка проявила известную щепетильность относительно положенных четырех месяцев обручения, и, как Вы понимаете, мы выдержали этот срок до самого последнего дня.

Женаты мы уже около трех месяцев, и вчера вечером, обсуждая эту тему, пришли к выводу, что эти месяцы показались нам тремя неделями, так что Вы можете представить себе, как мы счастливы. Я отлично понимаю желание жены жить рядом со своей семьей, и все же я предпочел бы, чтобы она уделяла мне больше времени, чем это представляется

возможным из-за близости сестер и друзей по пансиону, которые не дают нам ни минуты покоя. Однако я полагаю, что это вполне естественно. Берта ни за что не покинет Лондон, поэтому мне и думать нечего увезти ее оттуда. Я так тоскую по красотам Плина, но, уж видно, мне на роду написано жить в другом месте. Я уже потерял надежду получить весточку от Вас, от Альберта и Чарли, а Элби могу прямо сказать, что он не мужчина и не брат, коли ни разу не удосужился ответить на все мои вопросы о Вас. Ни он и никто другой. Я поступил так, как считал нужным, и попросил у Вас прощения, о Вы, похоже, ожесточились против меня. Видит Бог, со временем я докажу Вам, что я не слабак, каким, возможно, вы все меня считаете, а честный, работающий человек, у которого есть любящая жена, который надеется иметь достойную семью и которому не стыдно будет носить имя Кумбе. Конечно, об этом говорить еще рано, и Вы, естественно, подумаете, что у меня есть основания так говорить; да, есть, но оставим это до следующего раза, когда я смогу представить Вам доказательства. Может быть, мои подозрения лишены оснований, но, я не думаю.

Мне часто приходит на ум, что из столь многих Кумбе я единственный бродил по Лондону и обосновался там, но позвольте мне сказать, что жизнь здесь дорога и место это не такое уж замечательное, очень грязное и шумное.

Ну что же, дорогой отец, пожалуй, это все новости, которыми хотел с Вами поделиться.

Пора кончать. Мы с Бертой любим всех вас и желаем вам доброго здоровья.

Остаюсь

Ваш любящий сын Кристофер Кумбе».

Вернувшись после медового месяца и устроившись в новом доме, где мать ни на минуту не отставала от нее со своими советами, Берта, небезуспешно, как она полагала, продолжала сохранять мягкую пассивность и своеобразно понимаемую ею скромность, чем, сама того не ведая, воздвигла между собою и Кристофером непреодолимый барьер.

Влияние матери и сестер не позволяло ей отвечать на страстные порывы мужа.

Если бы они остались вдвоем, она и Кристофер, ей, возможно, и удалось бы подняться над обычаями и привычками пансиона, но щупальцы Паркинсов были слишком цепки, а ее воспитание и окружение подавляли ее едва пробудившиеся и еще не осознанные чувства.

Одно из первых подтверждений узости и примитивности взглядов своей жены до той поры заблуждавшийся на ее счет Кристофер получил по, казалось бы, ничтожному поводу: во время разговора о бракоразводном процесса Парнелла О'Ши. Он отложил вечернюю газету и вслух заметил, как отвратительно должен себя чувствовать общественный деятель, когда его личная жизнь становится достоянием гласности и используется в политической борьбе, способной разрушить его карьеру.

– Ох! Кристофер, как ты можешь говорить такие вещи, – воскликнула Берта. – Меня удивляет, что ты защищаешь такого человека, как мистер Парнелл, который абсолютно лишен моральных устоев.

– Что до моральных устоев, то вполне возможно, – ответил он. – Я мало о нем знаю, кроме того, что говорят люди. А они говорят, что он одаренный политик и лидер своей партии. И то, что его судьба и, возможно, судьба страны рухнут только потому, что у него была внебрачная связь с дамой, мне представляется вопиющей несправедливостью.

– Но, Кристофер, после ужасного поступка, который он совершил, никто из его партии не пожелает следовать за ним и отдавать ему свои голоса. Их вера тут же умрет.

– Но почему, Берта, только из-за того, что этот человек полюбил женщину?

– Нет, не из-за того, что он ее полюбил, хотя, поскольку она несвободна, это само по себе уже предосудительно, но потому, что он позволил себе отдаться этому недостойному чувству, а это грех.

– Дорогая, должно быть, он питал к этой женщине очень сильные чувства, возможно, не мог без нее жить, может быть, она была во всех смыслах необходима ему.

– Ах! Вздор... любовь... мужчина с сильной волей должен управлять своей страстью.

– Но, осмелюсь сказать, страсть, как ты ее называешь, лишь одна сторона его чувства к ней, связанная с сотней других эмоций, и все они равно глубоки.

– Ах, Кристофер, они жили в грехе... это безнравственно. Интересно, осмелятся ли написать об этом в газетах?

– Да, дорогая. Я знаю, что закон в этих вопросах несправедлив и ничего не прощает, но они сделали это всего лишь без благословения Церкви и государства, не так, как мы с тобой, но если мы любим друг друга, то почему бы...

– Кристофер, как ты можешь?... – Вся красная от смущения, она вскочила, и на ее глазах появились слезы.

– Берта... Берта... любимая, чем я тебя обидел? – спросил он, протягивая ей руку.

– Никогда в жизни я не испытывала такого унижения!

Как всякий влюбленный, при первой ссоре, если это можно было назвать ссорой, Кристофер был готов биться головой о стену.

Он ждал, что вот она сейчас в шляпке и плаще спустится вниз и объявит, что возвращается к маме, но через полчаса она вошла в комнату, без слез, совершенно спокойная, и как ни в чем не бывало, спросила, умылся ли он к ужину, который уже накрыт. И Кристофер в глубине души признался, что никогда не понимал женщин.

Ранней осенью тысяча восемьсот девяносто первого года, перед рождением их сына Гарольда, он по многим признакам убедился, что его жена сильно отличается от него. Берта и ее семья окутали ее положение покровом строжайшей тайны, и мужу, привыкшему к здоровой, открытой атмосфере Плина, это казалось совершенно необъяснимым. В Плине подобные вещи обсуждались повсеместно.

Кристофер навсегда запомнил, как однажды вечером вернулся домой взволнованный, счастливый, увлеченный мыслями о будущем, неся в кармане маленький шерстяной чепчик, который он давно присмотрел в галантерейной лавке.

Он вошел в гостиную, где жена, чье положение не было уже ни для кого секретом, сидела за чайным столом в окружении матушки, сестер и еще двух дам из пансиона. Они обсуждали последние моды. Он слушал их болтовню, время от времени вставляя слово, и вдруг вспомнил о своей покупке. Он сунул руку в карман и вынул миниатюрный шерстяной чепчик.

– Взгляните, – сказал он, улыбаясь, и показал его всем собравшимся, – правда, малыш будет в нем как картинка?

Наступило гнетущее молчание. Лицо Берты залилось краской, подруги вперили глаза в чашки, миссис Паркинс, вспомнив о своем положении хозяйки, протянула руку к чайнику.

– Уверена, что вы не откажетесь еще от одной чашки, Кристофер. – Он поспешно сунул чепчик обратно в карман.

– Благодарю вас, – пробормотал он и постарался укрыться за бутербродом.

Какая напряженная, неестественная атмосфера, как трудно угодить миссис Паркинс с ее представлениями о благопристойности и хорошем вкусе. И, тем не менее, он должен почитать за счастье, что женат на существе такой высокой пробы и столь утонченного воспитания.

Ребенок появился на свет точно в срок, и его сразу окружили

чрезмерными заботами и восторженным вниманием, что всегда создает в доме обстановку суеты и суматохи; отец, разумеется, был объектом высокомерного презрения, как существо, не имевшее никакого отношения к акту творения.

Летом Кристофер держал очередной экзамен в Государственном почтовом ведомстве и не смог удовлетворить всем требованиям комиссии. Сперва он очень расстроился, сурово корил себя за то, что не сумел должным образом подготовиться, но, по зрелом размышлении, решил бросить службу на почте.

На сбережения Кристофера семья Кумбе могла сравнительно безбедно прожить лето и осень, но год закончился для него довольно плачевно, поскольку, как и многие другие представители его класса, он стал поигрывать с ценными бумагами. Вложив значительную часть своего капитала в «Либирейтор Билдинг Сосайети», он рассчитывал на близкие дивиденды, надеясь увеличить таким образом свои сбережения, когда вдруг стало известно о банкротстве концерна «Балфур Групп», куда входила эта компания.

Тогда он и написал домой следующее письмо:

«Дорогой отец!

Я так давно не писал Вам, что сейчас самое время просить у Вас прощения за столь долгое невнимание.

Я всей душой надеюсь, что дома Вы пользуетесь надлежащей заботой и уходом, что здоровье будет Вам сопутствовать долгие годы и дни Ваши не омрачат ни заботы, ни беды. Мне очень жаль, что я так долго оставлял Вас без писем, я надеюсь, что Вы не очень переживаете за то, как мы здесь живем, и уверен, что если бы Вы могли как-нибудь заглянуть к нам и увидеть мою дорогую жену и сына, то составили бы благоприятное впечатление и о ней, и о ребенке. Я не торопился писать Вам, поскольку мои письма так и остались без ответа, отсюда и причина моей небрежности.

Надеюсь, мои братья, сестра и мачеха здоровы и преуспевают каждый в своем деле.

К сожалению, должен сказать, что сейчас я без работы. Я не выдержал очередного экзамена в почтовом ведомстве, но не могу сказать, что это меня очень огорчает, ибо последние полгода здоровье мое было неважным, однако я много работал ради жены и ребенка. Теперь я бы хотел работать на открытом воздухе, даже за небольшую плату, но Вы по собственному опыту должны знать, что содержание семьи стоит не

так мало, а ведь ни за что ничего и не получишь. Я рад сообщить, что, с тех пор как сижу дома, чувствую себя намного лучше и в самом скором времени окончательно приду в себя. Думается, я уже писал Вам, что в начале года наш мальчик был очень болен, но рад сообщить, что сейчас он поправился и доставляет много радости своей матери.

Не сомневаюсь, что местные газеты переполнены сообщениями о крахе концерна „Балфур Груп“, который принес много горя рабочему классу, в том числе и мне. Я никогда не слышал о таких злостных спекуляциях, ведь в наше время трудно удержаться и хоть немного не играть на бирже, в результате чего я потерял известную долю своих сбережений. И вот теперь, дорогой отец, я все чаще и чаще подумываю о том, чтобы уехать из Лондона, вернуться в Плин и навсегда там поселиться. Жене я еще ничего не говорил и не скажу, пока не получу Вашего ответа, которого буду с нетерпением ждать.

Вот уже более четырех лет, как я уехал из дома, и за все это время ни одного ответа от Вас, по-моему, это слишком.

Покорно прошу, ответьте хотя бы на это, напишите, одобряете ли Вы мое решение вернуться в Плин.

Я знаю – волноваться или негодовать по поводу моих семейных дел неблагоприятное занятие, но несколько Ваших строчек все изменят, изменят течение всей моей жизни и жизни тех, кто от меня зависит.

Если и эта моя просьба, как и все остальные, останется без ответа, что ж, тогда мне остается с грустью сказать, что это было мое последнее письмо домой, и закончить его придется словом ПРОЩАЙТЕ.

Ваш любящий сын Крис».

Четыре недели Кристофер ждал ответа и, не получив его, пошел к жене и объявил, что оказался несостоятельным мужем, поскольку у него почти не осталось денег и его семья не может изыскать средства ему помочь.

Берта сразу послала за своей матерью, и униженный Кристофер смиренно принял на свою голову нескончаемый поток гнева миссис Паркинс. В итоге, собрав с грехом пополам плату за постой, семейная пара с ребенком оставила свое жилье и поселилась в пансионе, до тех пор пока кормилец не найдет работу.

С тех пор Кристофер занимал различные временные должности, но нигде не задерживался подолгу. Летом тысяча восемьсот девяносто третьего года у них родился второй сын, и вокруг имени младенца разгорелись нешуточные споры. Кристофер хотел назвать его Джозефом в

честь своего неуступчивого отца; Берта настаивала на Джордже в ознаменование бракосочетания герцога Йоркского и принцессы Мэй, которое должно было состояться в этом месяце; но последнее слово осталось за бабушкой, и мальчика назвали Вилли в честь почившего в бозе мистера Паркинса.

Итак, пока Джозеф Кумбе томился в Садминской лечебнице для душевнобольных, его сын Кристофер тяжело трудился и боролся за выживание в Лондоне, претерпевая всяческие издевки и недоброжелательство со стороны тещи и своячениц, но оставаясь неизменно привязанным к своей холодной жене и маленьким сыновьям.

Таким образом, Кристофер Кумбе в том самом возрасте, в каком отец его Джозеф получил диплом капитана и стал гордым шкипером собственного судна, служил помощником продавца в большом магазине тканей и был одиноким, лишенным друзей обитателем душного пансиона.

Глава пятая

«Дорогая сестра!

Вот уже восемь лет, как я не писал домой, я сказал тогда, что это будет мое последнее письмо отцу и вообще в Плин, но последнее время я изнываю от желания узнать, что у вас все в порядке, ведь я никогда не переставал вас любить.

Я чувствую, что мне следовало более снисходительно отнестись к отцу и понять, что и его возраст, и развивающаяся слепота сыграли не последнюю роль в его отношении ко мне; понять и простить. Эти долгие годы были для меня необычайно трудны, я буквально впадал в отчаяние из-за того, что не могу обеспечить хоть сколько-нибудь сносное существование моей дорогой жене и двоим сыновьям. В такие минуты я вспоминал несокрушимую волю отца, его упорство в достижении цели, которые никогда не подводили его в борьбе за спасение корабля, не подвели они его и тогда, когда врач в Плимуте предсказал ему долгие годы слепоты и жизни во мраке. Я ни единой минуты не сомневался, что отец восторжествует над горечью разочарования и досадного сокращения его славной жизни. Я словно наяву вижу, как он стоит на скалах Плина – решительная, прямая фигура, исполненная силы и красоты, готовая с истинным мужеством и несгибаемой волей встретить все, что уготовила ему судьба. В эти тяжкие времена, которые, к счастью, остались позади, мысль о нем была для твоего несчастного брата своего рода знаменем, он был подобен звезде на небе, за которой в стародавние времена древние мореходы следовали сквозь опасность и отчаяние к тихой гавани. Я твердо решил, что не подорву его былую веру в меня, каким бы ничтожеством он ни считал меня сейчас. Эта вера, а также присутствие моих маленьких сыновей, вылитых Кумбе до кончиков ногтей, и вечная тень укора и печали в глазах моей дорогой жены помогли мне выстоять и приобрести известное положение, которое позволило мне вновь обеспечить им собственный дом. До этого мы жили главным образом на подачки моей теши, что, как ты легко поймешь, было тяжелым ударом по моему самолюбию.

Когда начались все эти неприятности с бурами, я сразу подумал о нашем дорогом брате Чарли и решил, что, хоть он и служит родине и королеве, ему, в конце концов, позволят вернуться к тебе живым и невредимым.

Мысль нарушить молчание пришла ко мне совсем недавно, когда на делах фирмы я зашел в Лондонские доки и смотрел там на корабли, стоящие на якоре или проходящие по реке. И вдруг, к своему удивлению, я увидел шхуну, груженную одним балластом, которую буксир выводил на середину реки; это была, ни больше ни меньше, как „Джанет Кумбе". Я был глубоко потрясен и отдал бы десять лет жизни, чтобы поговорить хоть с кем-нибудь на борту, но этого не случилось. Мне стало больно до слез, когда я смотрел на гордое маленькое носовое украшение, которое так любил наш отец и которое я бездумно покинул двенадцать лет назад. Тут же на месте я решил, что при первой же возможности напишу еще раз в Плин. Но мне помешали трагические потери нашей армиииза морем, которые мы в Лондоне, да и вы тоже, наверное, тяжело переживали.

Два дня назад мы с Бертой присутствовали на музыкальном собрании, на концерте, который давали в Куинз-Холле. Слушая со слезами на глазах грустную ирландскую песню, слова которой напомнили мне мой дорогой далекий дом, я вновь ощутил тот же порыв. Я так и видел перед собой спокойные воды гавани, слышал голодный гомон чаек; море лежало у моих ног, холмы высились у меня за спиной, а в воздухе разносился звон колоколов Лэннокской церкви. Может быть, вы решили, что я умер или уехал в дальние страны? Я вышел из здания как во сне, жена держала меня под руку. На улице мы увидели поразительную сцену: казалось, все население Лондона обезумело, мужчины от радости размахивали флагами и кричали, как дети, газетчики рыскали в толпе и вопили, что Мейфкинга освободили.

Мы поддались всеобщему ликованию, и, кажется, впервые за все это время я почувствовал, что могу написать тебе. Подумать только, ведь, когда я последний раз тебя видел, тебе было лет шестнадцать или семнадцать, а теперь ты уже двадцатидевятилетняя женщина, возможно, замужем, да еще и с детьми.

Я пишу тебе, потому что Элби, наверное, в море, а Чарли на войне. После стольких безуспешных попыток к отцу я обращаться не рискую, но вкладываю для него письма детей, надеясь, что хоть они его тронут. Они сильные, здоровые мальчики и большая радость для меня и моей дорогой жены. А теперь вот что, Кейт, если это письмо до тебя недойдет, в чем я сомневаюсь, я серьезно подумываю сесть на поезд, приехать в Плин – и будь что будет. Если же ты его получишь, я буду очень рад как можно скорее получить ответ. Если ты хотя бы наполовину представляешь себе, сколь велико мое желание увидеть все ваши дорогие лица, то, верю, тебе будет нетрудно исполнить мое желание. Вот пока и все, заканчиваю с любовью к тебе, к отцу, ко всем членам нашей семьи и остаюсь твоим

любящим братом
Кристофером».

В письмо были вложены записки от двух мальчиков.

«Дорогой дедушка!

Я надеюсь, что Вам будет приятно получить от нас письмо и узнать, как мы живем. Я очень рад сказать, что сейчас мы здоровы и надеемся, что это письмо и Вас застанет в добром здравии.

Мне грустно думать, что дядя Чарли сейчас сражается с бурами, и Вам его, наверное, очень не хватает, нам бы не хотелось, чтобы наш папа надолго уезжал от нас, но я думаю, как здорово, что дядя Чарли солдат. Когда я вырасту, то тоже стану солдатом, но если не останется буров, чтобы с ними сражаться, то я приеду в Плин и буду помогать на верфи.

Папа рассказывал нам о Плине. А на прошлой неделе мы с Вилли ели наши завтраки в Риджентс-парке на берегу пруда и играли, что это гавань. Я думаю, Вам было бы смешно увидеть, какие огромные пакеты с едой дает нам мама, чтобы мы росли сильными и здоровыми. Ладно, это, кажется, все. А еще я хочу передать привет тете Кейт и дяде Элби, если он дома.

Ваш любящий внук

Гарольд Кумбе

(в сентябре исполнилось восемь лет)».

«Дорогой дедушка,

Я совсем маленький писать письма, но я постараюсь писать так хорошо как Гарольд. Я учусь хорошо, мама говорит ты будешь мною гордиться, и я тоже думаю, что будешь. Папа подарил мне красивый корабль в бутылке, я должен постараться и сохранить, чтобы показать тебе, когда тебя увижу, я бы хотел увидеть тебя и дядю Элби и других тетю и дядю и как-нибудь увижу. Если ты хочешь мою фотографию я постараюсь и найду ее для тебя а еще я хочу быть моряком когда вырасту как на „Джанет Кумбе" а сейчас дорогой дедушка я должен кончать, пожелав, чтобы ты был здоров и шлю тебе привет от твоего любящего внука

Вилли Кумбе

(в июле исполнилось шесть лет)».

Несколько дней спустя Кристофер с радостью и удивлением получил

конверт со штемпелем Плина. Боясь не сдержать чувств за столом, он ушел в свою комнату и там прочел длинное письмо сестры. Не щадя себя, Кэтрин четко, правдиво, во всех подробностях описала, что произошло в их доме за двенадцать лет после отъезда Кристофера.

Письмо и все, что в нем говорилось, до глубины души потрясло Кристофера. Мысль, что он, именно он послужил причиной, побудившей отца совершить поступок беспримерной жестокости, а затем и доведшей его до полного безумия, была столь ужасна и непереносима, что он понял: он никогда не оправится, никогда не сможет восстановить и одной сотой того мира, который преднамеренно разрушил, и остаток дней своих должен прожить с чужой ношей на плечах, приближаться к своей могиле с клеймом убийцы и виновника горя многих людей. Нет для него наказания; все эти годы тяжелой работы, изнурительного труда, угроза нищеты – ничто в сравнении с безмерностью страданий его отца.

В пятницу вечером Кристофер сел в угол вагона третьего класса тряского поезда, который быстро довез его до Плина. Когда он отъезжал от Паддингтонского вокзала, погода стояла относительно ясная, но по мере того, как поезд на всех парах уходил все дальше на запад, погода начала меняться; с наступлением вечера в окна вагона забарабанил сильный дождь, поднялся ветер, и по этим признакам Кристофер понял, что в Плине его встретит настоящий ураган.

Ночью ему удалось немного соснуть, но встал он бледным, несколько не отдохнувшим, и, когда поезд остановился на узловой станции, где ему надо было пересаживаться, сердце его билось неровно, а руки дрожали. Была половина восьмого утра, и носильщик, взяв на плечо его чемодан, перенес его в плинский поезд. Это был совершенно незнакомый молодой человек, но его приятный западный выговор звучал музыкой в ушах Кристофера, который не слышал его двенадцать лет. Кристофер Кумбе, странник, вернулся домой.

Дежурный по станции дал свисток, поезд запыхтел, вздрогнул и тронулся.

Широкая извилистая река, Труанский лес, опушенный свежей зеленью, россыпи желтого первоцвета в низинах, проблески голубых ковров из колокольчиков и фиалок, разостланных под раскачивающимися кронами деревьев, пламенеющий утесник на высоких холмах, парящий в воздухе жаворонок и фермер с табуном коней, на мгновение застывший, чтобы посмотреть на проходящий поезд.

Затем широкая река стала еще шире, они проехали лесопильный завод, фермерский дом в устье реки, но вот поворот – и взгляду открываются

пирсы, высокие, нависающие краны, корабельные мачты, пароходы с испачканными глиной бортами. Непокойная вода гавани, потрепанный дождем и ветрами конный паром, серые дома, серый дым, мокрые, сверкающие на утреннем солнце крыши – Плин, дом, снова, снова...

С мокрым от слез лицом Кристофер опустил окно. Порыв ветра коснулся его непокрытой головы, он вдохнул чистый, соленый воздух, бросил взгляд на открытое море.

Забыт Лондон, забыты долгие безотрадные годы тяжелого труда и раздоров, любви, горечи, страстных порывов и разочарований, все это было лишь дурным сном, злым наваждением, оторвавшим его от этого места, которое было и остается частью его самого.

Он снова дома, в Плине, земле которого он принадлежал еще не появившись на свет, в Плине с плеском волн его гавани, с лесом его мачт, его голодными чайками, с его тихими словами привета и утешения одинокому сердцу; в Плине с его неброской, тихой красотой.

Дома. Кристофер распахнул дверь вагона и вышел на знакомый перрон. Его никто не узнал. Он уплыл отсюда беззаботным двадцатидвухлетним юношей, теперь ему было почти тридцать пять, он тяжело работал, многое выстрадал, его русые волосы поредели, лоб покрылся морщинами, плечи ссутулились. Нет, здесь нет никого, кто знал бы его, да и сам он никого не знает. На платформе стояла какая-то женщина, ее глаза были красны от слез, а губы как-то странно подергивались. Она придерживала на шее поднятый воротник пальто. Однако она была ему незнакома, и он прошел бы мимо, если бы она не подняла на него глаза, словно узнав.

Она робко протянула руку и дотронулась до его рукава.

– Это... это ты, Кристофер? – спросила она. Это была его сестра Кэтрин.

– Как, Кейт! – воскликнул он. – Я не узнал тебя, я не думал...

Она горько расплакалась.

– Ты опоздал, брат, его нет... его нет.

Ледяная рука сжала сердце Кристофера.

– Ты о чем... отец... он умер?

– Пропал, Кристофер... пропал вчера ночью, наверное, утонул. Его фуражку и куртку прибило к Пеннитинским пескам, а ловцы крабов нашли обломки лодки из дока. Тела не отыскивали, должно быть, его унесло в море.

Они стояли плотно прижавшись друг к другу, брат и сестра, расставшиеся двенадцать лет назад мальчик и девочка встретились мужчиной и женщиной, сполна познавшими страдание и отчаяние.

– Ты опоздал, Кристофер, опоздал, его больше нет.

Глава шестая

Первые дни Кристофер был слишком занят, чтобы предаваться горю; очень уж многие дела требовали его внимания: счета, визиты к родственникам. В Доме под Плющом бухгалтерские книги велись довольно небрежно, и Кристофер, к немалому своему удивлению, узнал от Кэтрин, что из-за болезни отца все дела взял в свои руки их дядя Филипп Кумбе. Потребности у Джозефа и Кэтрин были невелики, проценты по их доле акций «Джанет Кумбе», которые им ежеквартально выплачивались, были настолько мизерны, что фактически жили они только на пенсию Джозефа.

– Но отцу принадлежали почти все акции на шхуну, – воскликнул Кристофер, – и, кроме того, акции многих других судов. Он мне часто об этом говорил, я это точно знаю. Не мог же он продать часть своих прав, как ты думаешь?

– Нет. Насколько мне известно, он ничего не продавал, – ответила Кэтрин. – Но, с тех пор как он стал немного не в себе, трудно сказать, что он мог сделать.

На следующее утро Кристофер отправился в контору на причале.

Несмотря на то, что Вильямс тоже умер, и вся власть давно сосредоточилась в руках Филиппа Кумбе, над дверью по-прежнему значились имена Хогга и Вильямса.

Кристофер сообщил о своем приходе. Когда после примерно двадцатиминутного ожидания терпение его было на исходе и он собрался уйти, клерк объявил, что мистер Кумбе наконец освобожден.

Кристофер не обнаружил почти никаких перемен в своем дядюшке, хотя тому, должно быть, уже перевалило за шестьдесят. Как всегда, серое, бесцветное лицо, немного седины в рыжих волосах. Филипп поднял голову и из-за стола указал племяннику на стул с таким видом, будто они расстались только вчера.

– Ну, племянник, – сказал он, – я слышал, что ты снова вернулся, и даже любопытствовал про себя, когда же ты наведишь меня в память о былых днях. Ты очень изменился. Я бы тебя и не узнал. Какой он, Лондон? Скопил ли ты состояние? Я частенько просматривал газеты, вдруг, думаю, найду твое имя. «Молодой Кристофер поднимается к вершинам успеха», или что-то в этом роде, да нет, не нашел.

– Я пришел не для того, чтобы обсуждать мои собственные дела, дядя, – ответил Кристофер. – Я здесь затем, чтобы поговорить о делах

моего покойного отца, которые, как мне известно, находятся в ваших руках.

– Совершенно верно. Да, я счел своим долгом избавить от них твою сестру, девушку скромную, неопытную и не слишком разбирающуюся в подобных вещах. А мой недостойный брат... тебе, разумеется, известна вся эта история?

– Его на три года дольше, чем требовалось, продержали в Садминской лечебнице для душевнобольных, при этом не без вашего непосредственного участия.

– Хватит, племянник, я не намерен с тобой ссориться. В тысяча восемьсот девяностом году когда ты изволил развлекаться в Лондоне, твой отец был буйным помешанным.

– Но сестра говорит, что буйным он никогда не был и до той злосчастной ночи никому ни разу не причинил телесных повреждений.

Филипп пожал плечами.

– Это лишь доказывает, что безумцы непредсказуемы. Твой отец рано или поздно, но сорвался бы.

– Только в том случае, если бы его довели до этого, – предположил Кристофер. – Кто знает, что произошло между вами в тот сочельник, а?... Вы можете мне сказать?

Филипп Кумбе прищурился и медленно забарабанил пальцами по столу.

– Поосторожней, племянничек, – вкрадчиво проговорил он, – ты играешь в опасную игру. Нынче я в Плине человек очень влиятельный. Ты что, хочешь, чтобы тебя арестовали за клевету?

Кристофер снова опустился на стул, с которого было привстал.

– Ладно, дядя Филипп, вы снова выиграли. Пусть прошлое остается прошлым, и пусть я виноват. Но займемся делом. Я желаю знать точный размер состояния моего отца.

– Должен тебе сказать, что мой брат очень небрежно относился к своим делам. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы привести их в порядок. Например, он задолжал этой фирме значительную сумму. Как старший компаньон, я, естественно, был вынужден забыть о нашем родстве. После оплаты всех этих бесчисленных счетов остались сущие крохи. На случай, если ты пожелаешь взглянуть на эти бумаги, я держу их в полном порядке.

– А что вы скажете о паях на владение различными судами и, прежде всего, на «Джанет Кумбе»? – спросил Кристофер.

– Эти суммы весьма невелики, – ответил Филипп. – Фактически мне просто пришлось продать его пай на «Джанет Кумбе», чтобы оплатить его

содержание в сумасшедшем доме.

– Вы хотите сказать, что забрали их себе?

– Пожалуй, это самое грубое определение моего поступка. Едва ли ты мог ожидать, что я стану платить за его содержание из собственного кармана.

Дрожащими руками Кристофер схватил шляпу.

– Клянусь Богом, – сказал он, – за это я привлеку вас к суду.

Филипп рассмеялся.

– Для тебя это окажется делом весьма хлопотным и затруднительным. Я не сделал ничего, что не укладывалось бы в рамки закона. Иди, почитай законы, племянник, а потом возвращайся.

Племянник был побежден, и у него хватило здравого смысла, чтобы это понять.

– Если есть Бог на небесах, то придет день, дядя Филипп, и вы будете наказаны за это, – медленно проговорил он.

– Рад слышать столь высокопарное суждение, племянник. Ты был рожден, чтобы стать неудачником, я часто говорил об этом твоему отцу. Значит, враги?

– Я бы никогда не мог быть вашим другом.

– Мало кто осмелится стать моим врагом, предупреждаю тебя раз и навсегда.

– Я вас не боюсь.

– Наконец-то обрел смелость, не так ли? Да, если мне не изменяет память, ты ее потерял двенадцать лет назад, когда отправился в море, а твой отец тогда же лишился рассудка.

Не сказав ни слова в ответ, Кристофер вышел на улицу.

Глава седьмая

Когда Кристофер Кумбе впервые привел жену и сыновей в собственный дом, его сердце наполнилось гордостью.

Они проехали по длинной улице Плина, и лошадь легко поднялась по крутому холму к увитому плющом строению, окруженному небольшим садом.

Кристофер ввел жену в большую спальню над крыльцом.

– Все это наше. Скажи, что тебе здесь нравится, и ты будешь не очень скучать по Лондону.

Берта улыбнулась мужу и покачала головой.

– Послушай, па, – высунувшись из окна, закричал Вилли, – здесь плющ толстый, как дерево. Такой толстый, что по нему можно лазать.

– Сейчас же отойди, – взволнованно позвала его мать, – ты себе шею сломашь.

Вилли неохотно спрыгнул с окна и повернулся спиной к ветвям, по которым его дед Джозеф Кумбе забирался, чтобы обнять Джанет, много, много лет тому назад.

– А ну-ка, ребята, сбегайте и вымойте руки, – сказал отец. – Скоро ужин.

Берта положила пальто и шляпу на широкую двуспальную кровать, на которой лежали рядом Джанет и Томас шестьдесят... семьдесят лет назад.

– Славная комната, – сказала она мужу, – от нее так и веет счастьем.

– Я рад, что мы приехали домой, – прошептал он.

Затем они спустились к ужину, оставив комнату звездам и теням былого.

Когда они окончательно обжились и перестали быть чужаками для обитателей Плина, Кристофер занял на верфи должность руководителя работ. Его глубоко тронул теплый прием, оказанный им его близкими, и он решил, не жалея сил, помогать своим кузенам и дяде Герберту поддерживать «Верфь Кумбе» на самом высоком уровне, каковым она всегда славилась.

Однако он опасался, что годы ее процветания времен его деда Томаса и дяди Сэмюэля, увы, миновали. Теперь набирали силу паровые корабли, большие, неуклюжие суда из железа или стали, построенные для мощи, а не для красоты.

Казалось странным, как легко Кристофер вернулся к жизни, с которой

расстался двенадцать лет назад, и еще более странным казалось ему самому, что теперь, когда молодость миновала, улеглось и его беспокойство, его вечная неудовлетворенность.

Теперь он понимал, что в том прошедшем далеко узостью взглядов отличался именно он, а не окружавшие его люди и что, забывая о себе и наблюдая жизнь людей, он открыл внутренний источник счастья, который был ему дотоле неведом.

Когда «Джанет Кумбе» вернулась в Плин, Кристофер тут же спустился с холма, чтобы поздороваться с Диком и попросить прощения за свое дезертирство двенадцатилетней давности.

Вновь оказавшись на борту старой шхуны, он испытал глубокое волнение. Да, на ней он пережил три месяца лишений и бед, но все же это было отважное прекрасное маленькое судно. Ему было почти сорок лет, оно выстояло в схватке со всеми морями и всеми штормами, ни одному сопернику не уступило в скорости, не посрамило своих строителей и не потеряло ни одного моряка из своей команды. «Джанет Кумбе» была гордостью и радостью сердца его отца и символом красоты его собственного детства.

Он объяснял Гарольду и Вилли изящество и красоту ее корпуса и, обходя вокруг нее в корабельной шлюпке, показал им горделивое носовое украшение под бушпритом, которое за все эти годы совсем не изменилось, разве что побелка лица и голубая краска на пере шляпы несколько выцвели.

– Это ваша прабабушка, ребята, – сказал Кристофер. – Она была замечательной женщиной, и в Плине ее очень любили.

– Па, а ты ее когда-нибудь видел? – спросил Гарольд.

– Нет, сынок, она умерла, когда я еще не родился.

– А как ты думаешь, ей страшно, когда на море волны? – испуганно спросил маленький Вилли.

– Мой отец говорил, что когда она была жива, то не знала, что значит слово «страх», – ответил Кристофер, заслоняя рукой глаза от солнца, чтобы лучше видеть.

– Я думаю, что дедушка гордился и кораблем, и ею, – после короткого молчания заметил Гарольд. – Она и сейчас как живая, правда, па?

– Да, малыш, я тоже так думаю.

Все трое пристально смотрели на Джанет, которая реяла высоко над их головами, с овеваемым ветром подбородком и глазами, устремленными к морю.

– Смотрите, она улыбается, – рассмеялся Вилли.

Немного спустя шлюпка направилась к Плину, оставив корабль

прибою и чайкам.

Глава восьмая

Теперь Кристоферу казалось, что нигде нет таких рассветов, как в Плине. По утрам он вставал бодрый, посвежевший и спешил на свою работу под открытым небом, радуясь каждому часу нового дня.

Он быстро привязался к своим надежным, дружелюбным, чистосердечным кузенам. Том во всем походил на Сэмюэля, Джеймс на Герберта, и Кристофер любил и уважал их, как его отец любил и уважал своих братьев. Сама работа, раньше казавшаяся такой унылой и скучной, была разнообразной и увлекательной: постепенное превращение отдельных бревен и необструганных досок в величавое судно походило на чудо, рождающееся на глазах. Кристофер давно поборол свою нелюбовь к морю и теперь летом и даже в ясные зимние дни, когда лодку можно было вывести из гавани, вместе с сыновьями отправлялся на рыбалку или просто ходил под парусом. На воде он теперь чувствовал себя так же уверенно, как и на земле. Он был внимателен и осторожен, никогда не позволял себе рискованных выходов Джозефа, зорко следил за ветром и течением и редко ошибался в определении погоды. В глубине души он чувствовал, что всем этим обязан отцу по воле которого посвятил морю часть своей жизни, и, памятуя об этом, записался добровольцем в спасательную команду Плина. Имя и целеустремленность обеспечили Кристоферу положение в городе, и знаменательным стал для него тот день, когда его услуги были востребованы и с благодарностью приняты. Он понял, что вернул себе хотя бы часть того уважения, которое утратил, позорно бежав с «Джанет Кумбе», и что сам Джозеф теперь смотрел бы ему в глаза с любовью и прощением.

Море и земля были так дороги Кристоферу потому, что он поздно открыл их для себя, потому, что сполна познал истинную цену вещей мелких и ничтожных, поверхностных и пустых.

И одновременно с любовью к земле и морю в нем росла любовь и нежность к простым людям, не затронутым лихорадочным вихрем жизни, людям, которые живут для своих жен и детей, для своих тихих радостей и печалей, которые изо дня в день, из года в год продолжают труды своих праотцев и по воскресеньям бредут через поле по избегающей на холм тропе, чтобы в Лэнокской церкви вознести молитвы Богу.

Кристофер жил среди них, разговаривал с ними, видел красоту стариков и нежность детей, прислушивался к их неторопливым суждениям,

грустил, когда они уходили, радовался, когда они смеялись, понимал силу и доброту мужчин, природное чутье и красоту женщин. Он понял, что до сей поры жил не по правде, не по великой мудрости бытия, но отныне навсегда останется в самой гуще смиренных и униженных, понял, что и родился то он лишь для того, чтобы помогать тем, кто просит у него помощи, чтобы любить вместе с ними, страдать вместе с ними, пройти отведенный ему путь, не требуя награды, не взыскав последней благодарности, но радуя свое сердце светом, озаряющим лица этих людей.

Глава девятая

В апреле тысяча девятьсот шестого года родилась Дженифер Кумбе. Ее появление на свет было великой радостью для Кристофера. Раннее детство его сыновей совпало с самыми тяжкими годами его жизни, теперь же тревоги и горести были позади, и ничто не мешало ему отдавать все свое время маленькой дочери.

Буквально с первых дней она охотно позволяла отцу брать себя на руки. Когда она стала чуть старше, ее маленькое серьезное личико так и светилось при его приближении. Она махала ручками, когда вечером он, возвращаясь с работы, первым делом подходил к ее люльке или кроватке. Берту она воспринимала как особу, необходимую для того, чтобы та ее мыла, кормила и одевала, ко всем этим проявлениям заботы она относилась с чрезвычайной серьезностью и покорным смирением. Та же Берта учила ее, что можно делать и чего нельзя, она была хорошей девочкой, если хорошо ела и не плакала, когда пора было ложиться спать, но девочкой скверной, если кусала ногти и писала в штанишки. Но к себе на плечи сажал ее папа, и по саду бегал с ней папа, папа качал ее на коленях, и с палой шепотом делилась она своим огорчением, если днем случалась какая-нибудь неприятность.

Приятно, когда в доме маленький ребенок, ведь Гарольд и Вилли уже выросли и стали настоящими молодыми людьми, они уже даже брились и курили, хотя старшему еще не исполнилось двадцати одного года.

Ричард Кумбе, которому было уже пятьдесят, чувствовал, что начинать новую жизнь ему поздно, и решил, пока хватит сил, служить шкипером на красивой маленькой шхуне, хотя получить фрахт становилось все труднее.

Альберт Кумбе оставил свой барк и, перейдя на паровой флот, командовал судном водоизмещением в пять тысяч тонн, принадлежавшим одной компании в Аделаиде, и большую часть времени проводил в австралийских водах.

Чарли Кумбе после окончания англо-бурской войны вернулся в Англию и, проведя в Плине несколько недель, вернулся в свой полк, который был расквартирован в Индии.

Кейт Кумбе вышла замуж, уехала из Плина и поселилась в Йоркшире.

Из всей семьи в Плине остался только Кристофер, лишь он сохранил верность родному дому. Казалось, что с кузенами Диком, Фредом, Томом и Джеймсом, вместе с которыми он работал на верфи, у него было больше

общего, чем с родными братьями. Кристофер нашел путь к сердцам людей. В самых бедных домах ему всегда были рады, всегда встречали с улыбкой. Люди чувствовали, что здесь, рядом есть человек, который страдал, и страдания сделали его чище, человек, который принимает жизнь смиренно и терпеливо, который с пониманием и сочувствием отнесется ко всякому, кто к нему обратится.

Кристофер понимал, что после стольких лет изнурительных скитаний он действительно нашел свою тихую гавань. Будущее сулило ему мир и покой, а расцветающая красота Дженифер, этого маленького чуда, наполняла его дни благостной надеждой на исполнение чего-то давно завещанного.

Глава десятая

К осени тысяча девятьсот одиннадцатого года заказы на верфи стали совсем редки и поступали с большими перерывами. Казалось, что шхуны и баркентины уже никому не нужны; владельцы судовых компаний заказывали железные и стальные суда на современных верфях в больших портах, и некогда неумолчный шум молотков и пил теперь в Плине можно было услышать нечасто. Торговля глиной росла год от года, и у пирсов под погрузкой стояло гораздо больше кораблей, чем во времена детства Кристофера.

Город расцветал и ширился, многие земли шли под застройку, и там, где раньше лежали поля, возникали целые кварталы домов, а на смену узким тропинкам пришли широкие, уходящие вглубь страны дороги. Теперь фермеры приезжали на рынок на велосипедах с моторами и автомобилях, старые повозки пустили на лом, пони свободно гуляли на травяных выгонах.

Герберт, теперь семидесятипятилетний старик, лишь тряс головой и заявлял, что для Плина наступили плохие времена; он отошел от дел и отводил душу в бесполезном ворчании.

Тому и Джеймсу, которым было за пятьдесят и чье детство пришлось на годы кораблестроительного бума, оставалось покориться судьбе и прогрессу и держаться насколько хватит сил.

Отсутствие молодого поколения, которое могло бы продолжить традиции семейства Кумбе, часто наводило Кристофера на грустные размышления, и порой он даже радовался, что его отец Джозеф не дожил до этих времен и не видел, в какой упадок пришли их дела. Оба его сына уже сами зарабатывали себе на жизнь и вполне могли о себе позаботиться. И, тем не менее, перспектива была не из веселых, ведь, если на верфи не будет стабильной работы, ее ждет полный крах.

Осенью тысяча девятьсот одиннадцатого года, в преддверии долгой зимы и при почти полном отсутствии работы, кузены Кумбе собрались на верфи, чтобы обсудить положение дел. У Кристофера сердце кровью обливалось при виде этих мужчин, чьи лица, некогда такие волевые и решительные, теперь были полны сомнения и изборозжены морщинами. Он готов был в порыве возвышенного безумия пожертвовать собственным домом, чтобы иметь сейчас достаточно средств и заказать целую флотилию шхун. Они обсуждали планы на грядущую зиму, цепляясь даже за самые

призрачные надежды, но так и не придумали ничего, что могло бы обеспечить их надежной работой. Уже в самом конце совещания, в ходе которого они так и не пришли ни к какому решению, Кристофер вспомнил о дяде Филиппе. В конце концов, он же их родич, их плоть и кровь, благодаря своим способностям он занял в Плине высокое положение, дела его процветают, и в свои семьдесят два года, не имея собственной семьи, он, конечно же, может протянуть руку помощи близким родственникам.

– Да скорее из камня можно выжать кровь, чем из него хоть немного денег, – мрачно сказал Джеймс Кумбе. – Старый скряга, насколько я знаю, он никому из родственников ни разу и пенса не дал, а уж о благотворительности и говорить нечего. Какой толк идти к нему с протянутой рукой, зная, что он все равно откажет. Нас было пятнадцать у отца, порой ему приходилось нелегко, ну и что, разве дядя Филипп предложил хоть одного из нас пристроить к какому-нибудь делу? Все мои братья разбрелись кто куда: трое в море, двое умерли, один в Плимуте, один в Карне, и все едва сводят концы с концами.

– После смерти отца и матери он мог бы хоть что-нибудь предложить бедной тетушке Мэри, но куда там, даже на ее похороны не пришел, не позаботился, чтобы хоть похоронили-то как положено, – сказал Том.

– Знаешь, Крис, люди всегда говорили, что он и твоего отца до сумасшедшего дома довел, – заметил Джеймс. – Дядя Джо быстро бы оправился, если бы дядя Филипп чего-то там не сказал ему. Как я понимаю, так ведь никто толком и не знает, что там случилось в тот сочельник, да теперь уже и не узнает. И потом держать его в Садмине целых пять лет – ведь это позор, да только кто ему об этом скажет, он для нас слишком хитер, всех вокруг пальца обведет.

– Все, что вы говорите, правда, кому, как не мне, это знать, – сказал Кристофер. – Никто не может сказать, что я питаю к нему хоть сколько-нибудь добрые чувства. Он довел моего бедного отца до безумия. Но в Плине он важная фигура, и почему бы нам не попросить у него помощи? Вреда от этого не будет. Худшее, что он может сделать, так это отказать нам.

– Не знаю, – медленно проговорил Том. – Он почему-то так зол на свою родню, что никогда не угадаешь, какая пакость может прийти ему в голову.

– Послушай, Том, это вздор. Какое зло может причинить нам или кому другому семидесятидвухлетний старик? Для этого он слишком стар. Да и зачем?

– Может, это и глупо, но я как раньше ему не доверял, так и сейчас не

стал бы. Дяде Филиппу я поверю лишь тогда, когда увижу его в гробу, да и то лишь после того, как перекрещусь да прочту молитву.

– Том прав, – проворчал Джеймс, – этот тип и не человек вовсе, какой-то злой выродок, в нем нет ни капли крови Кумбе – готов в этом поклясться.

– Все так, но послушайте, что-то надо делать, и делать быстро, и оба вы это знаете. Если мы так и будем сидеть здесь да качать головами, то и работы не получим, и верфь не спасем. Я не боюсь дяди Филиппа, он не может навредить мне больше, чем уже навредил, слава богу, теперь это в прошлом. Я сегодня же пойду к нему в контору и скажу, что у меня на уме.

– Ты славный парень, Крис, но, помяни мое слово, добра от этого не будет.

Кристофер не стал их слушать и в тот же день спустился в Плин и направился в контору на причале. Его сразу приняли, и он вошел в комнату, где Филипп Кумбе грел руки у едва теплившегося камина.

При появлении племянника он не выказал ни малейшего удивления, а только потер руки и как-то странно улыбнулся.

– Ну, ты наконец-то пришел узнать, что я могу для вас сделать. Ведь затем ты и пожаловал, не так ли? Я, видишь ли, очень редко ошибаюсь, очень редко.

– Всю ответственность за этот визит я беру на себя, – твердо сказал Кристофер, – мои кузены были против, поскольку они люди гордые и независимые. Я же, как вам, вероятно, известно, этими качествами не обладаю.

– Значит, сын моего брата Джозефа признает свое поражение. Такое смирение весьма похвально. Не то, что прежде. Какая ирония судьбы: после всего, что было, с бедой ты приходишь ко мне.

– Для вас, дядя, ирония, для меня – боль и горечь, и делаю это я исключительно ради моих кузенов.

– И чего же ты от меня ждешь? Чтобы я заказал вам яхту водоизмещением в сотню тонн для Каусской^[28] регаты будущего года? Ты, видно, думаешь, что у меня денег куры не клюют. Или, может, надеешься построить шхуну вроде старой «Джанет Кумбе», которою я, вероятно, через год-другой пущу на лом? Хочешь, чтобы я выбросил деньги на ветер лишь ради того, чтобы обеспечить работой толпу неумех? Так, что ли? Кристофер повернулся к двери.

– Вижу, что дольше здесь оставаться бесполезно, – спокойно сказал он. – Мне жаль, что я вас потревожил, дядя.

– Постой, постой, – крикнул старик. – Разве я сказал, что не собираюсь

вам помочь? Даже если бы все вы умирали с голоду, я дал бы вам несколько пенсов лишь в том случае, если бы это отвечало моим собственным целям. Так вот, у меня есть для вас работа, и можете считать, что вам повезло. В Плимуте ее, скорее всего, выполнили бы гораздо лучше, но я готов рискнуть. Ты знаешь барк «Хеста»?

– Да, дядя.

– Я его купил и хочу сделать его классом выше, полностью переоборудовать и переоснастить под трехмачтовую вспомогательную шхуну. Поставить на нем мощный мотор и использовать как торговое судно для каботажного ^[29] плавания, хотя, вероятнее всего, я не много на этом заработаю.

– Боже мой, дядя, что вы предлагаете? Для нас это просто подарок небес.

– На работу можете потратить всю зиму, но я желаю, чтобы к марту все было готово.

– О да... конечно, дядя. Как мне благодарить вас? Признаюсь, что я слишком поспешил и приношу вам свои извинения.

– Не мели вздор, болван, – огрызнулся Филипп – Я даю вам работу лишь потому, что мне это выгодно, вот и все. А теперь можешь убираться и поделиться этой драгоценной новостью со своими тупоголовыми кузенами. И запомни, мне нужна хорошая работа, никакой дешевки, никаких второсортных материалов.

– Да, дядя. До свидания и доброго вам здоровья.

Кристофер покинул контору дяди с тем же мальчишеским воодушевлением, как тогда, двадцать лет назад, когда он собирался отплыть на «Джанет Кумбе», лелея в душе обманчивую мечту о Лондоне. В конце концов, он не так уж изменился.

Глава одиннадцатая

Верфь семьи Кумбе снова огласилась стуком молотков, док наполнился рабочими, и на берегу возле старой стены стояло судно без такелажа, которое своим простым остовом и лишенной мачт палубой очень напоминало корабль на первом этапе строительства.

Том Кумбе и его кузен Джеймс работали с гордым видом, расправив плечи; они вновь ходили по Плину с высоко поднятой головой, сознавая, что после долгих месяцев простоя и пустой траты навыков и умения на сколачивание обыкновенных лодок и ручных тележек наконец-то занимаются настоящим делом.

Кристофер как руководитель строительства, предоставив всю ручную работу кузенам и их рабочим, занимался заказом материалов и всего необходимого оборудования, переговорами с фирмами и составлением писем в разные части страны. Все эти занятия доставляли ему немало хлопот, но вместе с тем вызвали его живейший интерес. Дядя Филипп сказал, что ему нужна хорошая работа; что ж, он ее получит. Кумбе не жалели сил, выполняя его заказ.

В Плине, да и во всех западных графствах существовал обычай долгосрочных обязательств. Люди доверяли друг другу и не утруждали себя посылкой ежеквартальных счетов; они просто ждали того момента, когда им потребуются деньги, зная, что необходимая сумма будет тут же перечислена. Кумбе из поколения в поколение следовали этому старому обычаю и еще не имели случая усомниться в его надежности. Они всегда знали, с кем имеют дело, и все отношения строились на устной договоренности, а не на письменных контрактах.

Зима подходила к концу, дни становились светлее.

Вскоре работы на верфи закончатся и корабль будет готов к выходу в море. Было уже видно, что это красивое, отлично сработанное судно, и кузены Кумбе имели все основания для гордости. На последней неделе марта Кристофер сильно простудился и слег в постель. Перед самой болезнью он послал в контору счет за постройку «Хесты», поскольку фирмы в Плимуте и в других городах, с которыми он был связан, стали присылать письма с просьбами рассчитаться с ними. Когда простуда окончательно подкосила его, заниматься этим Кристофер поручил Тому.

Через неделю, когда он уже мог спускаться по лестнице и сидеть перед камином в гостиной, к нему с встревоженным лицом вошла Берта и

сказала, что в передней ждут Том и Джеймс, которым надо поговорить с ним по очень важному делу.

– Сейчас же их впусти, – сказал Кристофер с некоторым удивлением. – Надеюсь, не произошло ничего из ряда вон выходящего.

Мужчины вошли в комнату, и по их лицам Кристофер сразу понял, что привело их к нему нечто крайне срочное.

– Видя, как ты плох, я бы ни за что не стал тебя беспокоить, – начал Том, – если бы не произошла ужасная вещь. Вот, взгляни, это письмо пришло сегодня утром.

Кристофер взял у него лист бумаги и прочел следующее:

«Томасу Кумбе и сыновьям.

Милостивые государи!

Относительно вашего счета за переоборудование барка „Хеста“ мы полагаем, что вы значительно завысили и превзошли лимиты, установленные фирмой. Поскольку перед началом работ вы не определили их стоимость и, не проконсультировавшись с нами, действовали под свою ответственность, сим документом мы решительно отказываемся выплатить указанную вами сумму, и настоятельно рекомендуем пересмотреть ее в плане уменьшения, в противном случае считаем наше соглашение недействительным.

Искренне ваши

Хогг и Вилъямс.»

Кристофер перевернул листок и невидящими глазами посмотрел на своих кузенов.

– Что это значит? – глупо спросил он. – Я ничего не понимаю.

– А значит это только одно, – медленно ответил Том, – мы разорены.

Он поднялся со стула и стал ходить взад-вперед по комнате. Джеймс молчал.

– Но послушайте! – закричал Кристофер диким голосом. – Здесь какая-то ошибка. Он не может отказаться платить, это невозможно, это бесчеловечно. Вы были в конторе?

– Пошел, как только мы прочли это письмо, – ответил Том, – сразу пошел и потребовал встречи с ним. Долго он меня не задержал. Сказал, что мы собирались ограбить его фирму, что мы специально принялись за работу не как положено, не составив сметы, и все такое, что он не приказывал делать то-то и то-то, что мы сами виноваты, что попали в такую передрыгу. Платить он не намерен, а если мы собираемся бороться, то закон на его стороне. Это, Крис, только в общих словах.

– Вот мы и пришли сразу к тебе, посмотреть, что ты предложишь, – прервал свое молчание Джеймс.

Кристофер в ужасе и замешательстве переводил взгляд с одного на другого.

– Мы действовали так, как было всегда заведено у Кумбе, – сказал он, – мы верили людям, и люди верили нам. Раньше такого никогда не случалось. Спросите у любого в Плине, и они скажут то же самое. Хогг и Вильяме не могут так обойтись с нами... говорю вам, не могут, но...

– Брось, Крис! – воскликнул Джеймс. – Какой толк обращаться к людям? Теперь нам надо драться с Филиппом Кумбе и с законом. Не на жизнь, а на смерть, как говорит Том.

– Да, взгляни-ка на это, и вот на это, и вот еще на это, – с яростью в голосе проговорил Том, вынимая из кармана счета из Плина, Плимута, Лондона и из многих других мест. – Они приходят с каждой почтой, и сколько еще придет. Материалы и оборудование, заказанные на наше имя, за которые мы ждали уплаты от Хогга и Вильямса. Он платить не хочет, мы не можем. Это крах, говорю вам, эго крах, конец для всех Кумбе.

Он уронил голову на руки.

– Неправда, – пробормотал Кристофер, – неправда, должен быть выход, клянусь, что должен.

В комнате наступила тишина, все замолкли. Том вынул из кармана платок и высморкался. Джеймс, не сводя взгляда с огня, что-то тихо насвистывал сквозь зубы. Из кухни доносился звон тарелок: Берта накрывала стол к обеду. За окном пробежала Дженифер, зовя мать. Трое мужчин в гостиной словно окаменели. Но вот Кристофер нетвердо поднялся с кресла и протянул руки кузенам.

– Мы все в одинаковом положении, – сказал он, – мы будем бороться или погибнем вместе. Пусть закон на стороне дяди Филиппа, но на нашей стороне правда. Я не боюсь.

Джеймс пожал плечами и хрипло рассмеялся.

– Кому до сих пор удалось взять верх над Филиппом Кумбе? – спросил он. – По мне, так правда плохое оружие, хитрость и подлость – вот что в наше время приносит процветание. Он знает, что ему надо, говорю вам: он сразу наголову разобьет нас.

Три двоюродных брата, растерянные, беспомощные, молча смотрели друг на друга.

Глава двенадцатая

Следующие недели были полны тревог и душевных мук. По ночам Кристофер, лежа без сна рядом с женой, молил Бога, чтобы хоть слабый луч света пробился сквозь мрак, сгустившийся над ним и его двоюродными братьями и готовый целиком поглотить их.

Днем он работал с адвокатом, предоставляя все свидетельства того, что Кумбе действовали в строгом соответствии с договоренностью и что вина целиком лежит на фирме Хогга и Вильямса.

Прекрасно знакомый с судебной казуистикой, стряпчий сделал все возможное, чтобы на основании массы разрозненных фактов и материалов подготовить защиту, однако предупредил своих клиентов, что почти не надеется на успех, поскольку, как бы честно и добросовестно они ни выполнили свою работу, с юридической точки зрения их действия были незаконны.

Пятого апреля дело слушалось в суде Садмина. Братья отправились туда на взятом в плинском гараже автомобиле той же извилистой дорогой, которой более двадцати лет назад смотритель лечебницы для душевнобольных вез Джозефа в тряской двуколке. С затянутого штормовыми тучами неба непрерывно лил дождь, ветер временами переходил в ураган. Весь день мысли об отце не покидали сына. Тот же человек, что некогда обрек Джозефа на одиночество и безысходное отчаяние, теперь обрекал Кристофера на разорение.

На исходе дня Кристофер узнал, что их дело проиграно. Хогг и Уильямс одержали победу. Чтобы расплатиться с долгами, Кумбе должны ликвидировать свое предприятие.

Кумбе разорены, Кумбе банкроты. Старая вывеска будет снята, верфь продана. Док, где было построено и спущено на воду столько прекрасных кораблей, придет в запустение. Одна из самых славных традиций Плина, предмет его гордости останется в прошлом.

В тот вечер возвращение Кристофера домой было печальным. Потрясенный постигшей его бедой и разорением своих кузенов, он вошел в дом, почти не замечая завываний ветра, который рвал на нем одежду, не обращая внимания на яростно бьющееся о скалы море.

Вышедшая ему навстречу Берта по одному взгляду на лицо мужа поняла, что с ними случилось самое худшее.

Не снимая плаща, с которого струилась вода, Кристофер с потерянным

видом прошел в гостиную и остановился перед пылающим камином.

Пришло время ужина, но он так и не пошевелился. После работы и вечерних занятий вернулся Гарольд. Он еще в городе услышал о решении суда, поэтому сразу подошел к отцу и положил руку ему на плечо.

– Ничего, отец, – ласково сказал он. – Мы справимся. Все на нашей стороне. Да и вообще, обойдется, будет не так плохо, как ты думаешь.

Кристофер поднял голову и посмотрел на сына. Попробовал улыбнуться, но безуспешно. Он не находил в себе сил отозваться на сочувствие, сердце его окаменело. Ему казалось, будто чувства навсегда покинули его, что пережитое потрясение парализовало его нервы, лишило ощущений, эмоций. Он был побежден, уничтожен.

Ужин прошел в молчании. Маленькая Дженифер догадалась, что в доме что-то неладно; когда она начала было громко рассказывать, как провела день, мать резко оборвала ее, а брат нахмурился. Она не привыкла, чтобы ее беспричинно бранили, поэтому вздрогнула, покраснела и опустила голову над тарелкой. Она чувствовала, что губы ее дрожат, сердце сильно колотится, а уголки рта, несмотря на все ее усилия помещать этому, опускаются вниз. На глазах у нее навернулись слезы. Она постаралась проглотить кусок молочного пудинга, но ей это не удалось. Она не понимала, почему все на нее сердятся. Вдруг она поперхнулась, и ее ложка упала на тарелку. Когда Кристофер увидел слезы дочери, в сердце у него что-то оборвалось; она встал из-за стола и вышел из комнаты. Надел дождевик, сапоги и ринулся в слепящую глаза бурю. Дженифер громко заплакала. Ничто не могло заставить его действовать; ни застывшие от горя лица братьев, ни сочувствие жены не смогли пробудить его от тупого оцепенения, пассивного отчаяния. Но слезы Дженифер привели его в чувство, более того, они зародили в его сердце холодную, твердую решимость, которая вела его из дома вниз по холму, по городским улицам к жилищу его дяди.

Филипп Кумбе должен умереть, и Кристофер убьет его своими руками. Он не откажется от этого решения, сердце его не смягчится. Бешеный ветер сотрясал здания, водные лавины бились о стенки причалов, а Кристофер все шел и шел по улицам Плина. В конце бульвара стоял мрачный дом, в верхнем окне которого горел свет.

Кристофера вовсе не тревожило, что за такой поступок его ждет виселица. Завтра он добровольно сдастся в руки властей.

Дядюшка Филипп должен умереть. Кристофер поднялся по ступеням лестницы погруженного в безмолвие дома, ухватился за железные перила и забарабанил кулаком в дверь. В ушах его ревел ветер, дождь слепил глаза.

Убийством наполнилось его сердце, убийство сверкало в его воспаленных глазах; любовь и сострадание умерли в его душе, перестали быть частью его естества. Убив дядюшку Филиппа, он уничтожит и себя самого. Он знал это, не сомневался в этом, но ему было все равно.

«Спасения нет, – думал он, – мы обречены, обречены оба, Филипп Кумбе и я, но я буду нести наказание на том свете за то, что накажу его на этом. Его ничто не спасет».

Кристофер мгновение помедлил, чтобы одним оглушительным ударом вызвать дядю из его комнаты наверху. Пока он собирался с силами, до его слуха вдруг донесся сильный грохот, затем еще и еще. Три артиллерийских залпа сотрясли эту ночь ада и хаоса. На крыльях рыдающего ветра в воздух взмыли три ракеты...

То был сигнал бедствия.

Потребовалось меньше пяти минут, чтобы все члены спасательной команды собрались на причале; некоторые, не успев полностью одеться, на ходу застегивали пуговицы дождевиков, возились со шнурками зюйдвесток. Последним прибыл Кристофер Кумбе; после бешеного бега вниз по склону холма он поглатывался и едва мог перевести дух. Он занял свое место в шеренге, спрыгнул в поджидавшую лодку и вместе с остальными стал грести к спасательной шлюпке, стоявшей на якоре ярдах в пятидесяти от причала. Вскоре чехлы были сорваны, якоря подняты, люди заняли свои места.

За мысом взбесившееся море стремится к неотвратимой гибели какой-то корабль с живыми людьми на борту, людьми, которых необходимо спасти. Лишь эта мысль занимала всех членов спасательной команды, единственная, неотступная мысль. Кристофер налегал на весло, пот заливал ему глаза, запястья едва не выворачивались из суставов. Жажда убийства уже не испепеляла его душу. Восторг исполнил все его существо. Ради этого момента он и появился на свет, момента, который поднимает его из глубин скорби к высотам величия. Через бурлящее море, ко входу в гавань, за отмель, за скалы, туда, к беспомощному кораблю – его призыв не должен остаться без ответа.

Он не испытывал страха перед разбушевавшимся морем. То был миг его торжества, тем более полного и пьянящего, что никогда в жизни не чувствовал он себя таким сильным и бесстрашным, как сейчас. Прожитые им сорок шесть лет не шли ни в какое сравнение с этой минутой. Сигнал спасателей пришел к нему как призыв, обращенный к глубинам его существа, как требование восстать, явиться свету и выполнить свое предназначение. Ему казалось, будто в него вселилось мужество его отца

Джозефа, что неким великим и неисповедимым промыслом они сейчас вместе и сражаются рука об руку. Кто-то позвал его сквозь ночную тьму, кто-то крикнул, что его время пришло.

Все было забыто, кроме этого обретения себя и отца – Джозефа. Во тьме появились смутные очертания истерзанного бурей корабля; Кристофер слышал крики и призывы людей, треск мачты, заглушающий рев моря.

Затем из тумана вырвалась шхуна, одинокая, брошенная, похожая на летящую к скалам огромную, скорбную чайку со сломанными крыльями. Кристофер поднял глаза и увидел сотрясающееся под напором волн и ветра судно и устремленную к нему белую резную фигуру с прижатыми к груди руками и гордым лицом, обращенным к берегу. Ее глаза смотрели прямо на него. На правом борту низвергающегося в морскую пучину корабля он прочел выведенную белыми буквами надпись: «Джанет Кумбе».

Подхваченная очередной волной, спасательная шлюпка подошла к шхуне. Шкипер стоял на палубе. Он рупором поднес ладони ко рту, и его раскатистый голос прорезал яростные завывания ветра и моря:

– Мы еще можем ее спасти! Мы сможем ее спасти, если подоспеют катера и возьмут ее на буксир.

– Нет... нет, – прокричали со спасательной шлюпки, – прыгайте, прыгайте все, иначе вы погибнете. Бросайте корабль.

Команда шхуны, как испуганные бараны, гурьбой бросилась в готовую к спуску лодку, но шкипер покачал головой. Тогда Кристофер поднялся со своего места и ухватился за конец каната, брошенного его кузеном.

– Еще есть время, – крикнул он. – Посмотрите туда!

Он показал рукой на вход в гавань, где из-за мыса, то проваливаясь в разверстую морем пропасть, то взлетая на гребень гигантской волны, приближались огни двух буксиров.

– Они успеют, говорю вам, они успеют, – кричал Кристофер. – Вернитесь на борт, хоть кто-нибудь, чтобы помочь закрепить трос, когда они подойдут.

Но несчастная, испуганная команда сгрудилась в лодке, они были слишком измучены, слишком промокли, чтобы сделать хоть одно движение, спасатели же не знали, на что решиться, и в смятении переводили взгляды с буксиров на пенящиеся скалы и обратно. Вовремя они не подоспеют.

– Оставайтесь на своем месте, Кумбе, – приказал старшина спасательной шлюпки. – Поднявшись на борт корабля, вы рискуете жизнью. Его уже ничто не спасет.

Еще одна огромная волна подняла корабль к поджидающим его

скалам.

Кристофер улыбнулся, крепко ухватился за конец каната и, поднявшись на борт шхуны, встал рядом со своим кузеном Диком, шкипером.

Шлюпка отошла от обреченного корабля, и спасатели налегли на весла, чтобы быть наготове, когда он разобьется о скалы. «Джанет Кумбе» покинули все, кроме двух кузенов, которые молча ждали, застыв на месте. Буксиры подходили все ближе, а тем временем неумолимые волны стремительно нести корабль к гибели. Кристофер знал, что они не одни, знал, что Джозеф рядом и делится с ним своей отвагой, знал, что Джанет рядом и вселяет в него спокойствие и самообладание. Ему еще никогда не угрожала настоящая опасность, и вот она перед ним. На него в упор смотрели огромные скалы, оглушительный грохот бурунов звучал в его ушах как сладостная в своем безумии песнь. Этот движущийся в тумане предмет – буксир, этот летящий, режущий руки канат – брошенный ему перлинь. Что-то крича друг другу, то и дело оступаясь на заливаемой водой палубе, Кристофер и Дик работали во тьме почти на ощупь, инстинктивно.

Палуба сотряслась под их ногами, раздался оглушительный треск... корабль ударился о первый выступ скалы, но трос выдержал. Гигантская волна обрушилась на корабль, но трос выдержал. Дюйм за дюймом маленький буксир вел по бушующему морю «Джанет Кумбе»; пенящаяся вода заливала ее трюм через рваную пробоину в днище.

Еще одна волна сбила Кристофера с ног и лицом вниз бросила его на разбитую мачту. Измученный долгой борьбой, выбившийся из сил Дик не отрывался от руля.

– Крис, помоги-ка, – позвал он, – осталось совсем немного, парень, худшее уже позади.

Но его кузен не пошевелился.

Открыв глаза, Кристофер увидел черное небо над головой и ощутил на лице капли тихого дождя.

Он лежал на старых булыжниках набережной, и ему казалось, что к нему прикованы взгляды множества людей, которые о чем-то разговаривают. Он попробовал пошевелиться, но у него сразу пошла горлом кровь, и он едва не задохнулся. Тогда-то он и вспомнил, что сражался, вспомнил тот безумный и восхитительный миг, когда держал в руках трос на палубе «Джанет Кумбе». Кто-то вытер кровь с его губ.

– Мы спасли ее? – спросил он.

В его ухе раздался голос.

– Да, вы ее спасли, но ей больше не плавать. В днище пробоина, от

киля ничего не осталось. С «Джанет Кумбе» покончено, хоть вы и сняли ее со скал.

– Я рад, – сказал Кристофер, – рад, что она спасена.

Голоса собравшихся вокруг него людей стали замирать, и он уже не мог различить их лица. Небо усеяли странные танцующие огни. Он чувствовал усталость, сильную усталость. Люди подняли ему голову и понесли его на руках. Но все они ускользали от него, он протянул к ним руки, но их уже не было.

– Передайте отцу, что я не испугался, – сказал Кристофер. – Передайте отцу, что теперь я никогда не буду бояться моря, ведь я наконец его победил.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Дженифер Кумбе

1912-1930

*Прости меня, любовь начальных дней!
Я ускользаю из былых пределов
С волной иных надежд, иных страстей,
Тебя забыв, но зла тебе не сделаю.*

Эмили Бронте

*Есть связь – прочнее связи нет! —
Двух душ между собой.
И есть глаза, чей яркий свет
Так долго был со мной.
Благословляющим теплом
Он исцеляет дух
От бесполезных слез о том,
Чей взор уже потух.*

Эмили Бронте

Глава первая

Дженифер Кумбе было шесть лет, когда умер ее отец Кристофер. Ужас, в который повергла девочку эта смерть, преследовал ее все детские годы, и, даже когда она подросла, а отец уже давно лежал в могиле, воспоминание об этом событии постоянно мучило ее, пробуждая безотчетный страх перед будущим. Где-то в темных, потаенных глубинах сознания память ее навсегда сохранила ту ночь, в которую он ушел от нее с тем, чтобы никогда не вернуться.

Словно беспроглядная тьма поглотила радостный свет ее короткого дня. До сих пор жизнь была непрерывной сменой времен года, окончанием зимы и приходом лета, чередой месяцев, дней, когда она могла часами играть в саду, и когда приходилось оставаться в доме и играть в игрушки, потому что небо пасмурно и дует сильный ветер. По утрам она просыпалась с песней на устах и радостным ожиданием в сердце, протягивала руку за игрушечным медвежонком и бросала взгляд на большую кровать, на которой лежали папа и мама. Ей были видны только папины светлые волосы, он спал лежа на животе и спрятав лицо в руки.

Когда мама, умывшись и одевшись, спускалась вниз, наступало время Дженифер. Она выбиралась из своей кровати и, забравшись на большую двуспальную кровать, проползала вдоль папиной ноги, отчего он беспокойно шевелился во сне. Потом забиралась под простыню и сворачивалась рядом с ним калачиком, наслаждаясь странным теплом его тела.

Папа открывал один глаз, улыбался и плотно прижимал ее к себе.

– Привет, Дженни, – говорил он.

За завтраком она сидела рядом с ним, и он всегда добавлял ей сливок в кашу, которая становилась похожа на остров, окруженный белым озером. Затем он уходил на работу, и она бежала за ним до конца садовой дорожки, изо всех сил стараясь поспеть своими короткими ножками за его широкими шагами. Раскачиваясь на скрипучей калитке, она провожала его взглядом, пока он не скрывался у подножия холма, и ждала, когда он обернется, чтобы на прощанье помахать ей рукой.

Летом он водил ее на скалы у Замка, и она, заглядывая через его плечо, видела раскинувшееся внизу море, всегда похожее на продолжение неба, море, чье бормотание будило ее по утрам и чей шепот был последним звуком, который она слышала перед тем как заснуть.

Весь день она слышала его шум, всегда, летом и зимой, все те же вздохи волн, разбивающихся о скалы под Замком. Когда начинались дожди, ложились туманы и шум ветра, будивший глухое эхо, сливался с яростным рокотом моря, чтобы посмеяться над промокшими чайками, Дженифер не чувствовала страха. Она не могла представить себе мир без моря, оно было ей близким и родным, тем, чего нельзя изменить, по ночам оно являлось ей во сне, но не грозное и тревожное, а вселяющее покой и уверенность. Море было частью ее жизни, которую также нельзя у нее отнять, как нельзя отнять у нее папу.

По ночам, когда последнее печенье было съедено, последняя свеча догорала, она ложилась на свою узкую кроватку и какое-то время прислушивалась к приглушенному голосу отца в комнате первого этажа. Вскоре, видимо что-то услышав сквозь тонкие доски потолка, он повышал голос и спрашивал:

– Дженни, ты спишь?

То был последний сигнал, что все в порядке. Она поворачивалась на бок, беспричинно вздыхала и засыпала, зная, что он никогда ее не покинет, что утром она проснется, чтобы увидеть светловолосую взъерошенную голову, зарывшуюся в подушку большой кровати рядом с ее матерью.

Наконец пришел день, когда папа поехал в Садмин. Он отправился туда рано утром вместе с ее дядюшками в большом автомобиле. Дженифер была очень взволнована, ведь раньше такого не случалось, но папа забыл помахать ей рукой.

Вернулся он в сумерках и, когда она выбежала в переднюю, чтобы его поцеловать, ласково отстранил ее и вошел в гостиную. За ужином никто не разговаривал. Когда Дженифер стало от этого совсем неважно, а мама ее отчитала, она расплакалась и, глядя поверх краешка кружки с молоком, увидела лицо папы, белое и страшное.

Он поднялся и вышел из комнаты. Пытаясь выбраться из-за стола, Дженифер крикнула, чтобы папа вернулся, но он ее не услышал.

Потом мама отнесла ее наверх, молча раздела и, забыв сложить одежду, так плотно укрыла девочку одеялом, что та не могла пошевелиться. Дженифер тихо плакала, засунув в рот большой палец, и соленые слезы текли по ее щекам.

Неожиданно раздался звук, который она запомнила на всю жизнь, звук трех ракет, выпущенных в ночь.

Когда эхо этого звука, наконец, замерло, Дженифер выпростала руки из-под одеяла и громко крикнула «Папочка, не уходи, не уходи от меня!»

В белой ночной рубашке она выбежала в коридор, заплаканная,

испуганная, не ведавшая раньше, что такое страх. Дом звенел от голосов. Вот к ней подбегает мама и хватает на руки. Ее одевают, ей с трудом удастся натянуть гетры, наконец, ее толстое пальто застегнуто на все пуговицы, а тяжелая шаль повязана так, что закрывает рот.

Гарольд, который все это время вертел в руках фонарь, передает его маме и берет Дженифер на руки. Затем они бегут вниз, к причалу, вместе с множеством других людей, все что-то кричат, о чем-то спрашивают, и их голоса уносит ветер. Дженифер дергает мать за юбку: «Где папа... где папа?» – но ей никто не отвечает. Теперь они бегут вверх по холму, к высоким скалам, туда, где в тумане двигаются какие-то люди. Ветер дует ей в лицо, дождь колет глаза.

Вот они мчатся вниз, к подножию холма, с этого момента время исчезает и тонет в череде ужасных видений: гостиная их дома, мокрый, грязный от бесчисленных следов пол – вот все, что сохранилось в глубинах детской памяти. Мама со странным, скошенным на одну сторону лицом протягивает руку к Гарольду, а она, Дженифер, выглядывая из-за двери, смотрит мимо них, на какой-то предмет под одеялом на жестком, набитом конским волосом диване...

«Джанет Кумбе» лежала у входа в Полмирскую заводь. Был отлив, и она жалобно склонилась на левый борт, наполовину зарывшись в покрытое густой жижей и илом ложе. Ее днище было снесено острыми скалами при входе в гавань, а из правого борта била вода ржавого цвета, похожая на вытекающую из живого существа кровь.

Она уже не была частицей ветра и моря, не могла ответить на их призыв и заскользить по воде, свободная, торжествующая. Не устремляться ей больше навстречу опасности и риску, навстречу красоте и белым небесам. Звонкие песни ветров станут для нее далекими воспоминаниями. В прошлом остались слепящая пена и ласковые брызги, в прошлом скрип снастей, хлопанье парусов, песни и смех матросов.

Теперь ее мачты безжизненно поникли, паруса обвисли, как тряпье на покосившемся заборе, и вот она уже не краса и гордость Плина, а никчемная развалина, поверженная и забытая. Издав скорбный клич над ее палубой, чайка расправила крылья и взмыла вверх к высоким холмам и солнцу.

С носа корабля в сторону Плина пристально глядела деревянная фигура Джанет. Она видела Дженифер, свою кровь и плоть, Дженифер, которая впервые в жизни познала одиночество.

Глава вторая

Верфь братьев Кумбе прекратила свое существование, и сегодня там состоялись торги. Навсегда замолч стук молотка корабельного плотника, теперь всем распоряжались аукционист и представители фирмы Хогга и Вильямса. Территорию верфи заполнили любопытные, собравшиеся посмотреть на распродажу, и незнакомые лица, приехавшие из Плимута и других мест: владельцы магазинов, управляющие, которые слыхом не слыхивали о семье Кумбе и явились сюда с единственной целью – получить назад свои деньги.

Берта Кумбе сидела в гостиной у камина, два ее сына стояли по обеим сторонам от матери.

Они почти не обращали внимания на Дженифер, которая с побелевшим лицом тихо жалась к стене в углу комнаты; ведь она еще совсем маленькая и мало что понимает.

– Это сущие гроши, мама, – говорил Гарольд, – но вам с Дженни их хватит, пока она не вырастет и не сможет зарабатывать себе на жизнь. Я всегда полагал, что отец скопил более приличную сумму, но, похоже, он еще и помогал поддерживать дела на верфи. Теперь, конечно, эти деньги пошли прахом.

– И все же не стоит слишком беспокоиться, – сказал Вилли. – Я вполне могу выделять кое-что из своей зарплаты, да и Гарри тоже.

Берта пошарила в кармане и вынула носовой платок.

– Я всегда была против того, чтобы он состоял в этой ужасной спасательной команде, – сказала она. – Эти кошмарные похороны, это жуткое кладбище на семи ветрах... – Она высморкалась и бросила взгляд на Дженифер, которая смотрела на нее испуганными глазами.

– Сбегай за передничком, Дженни, а то ты испачкаешь свое новое черное платье.

Девочка молча повиновалась, и, взбегая вверх по лестнице, четко представила себе сырое, холодное кладбище. Ухватившись за перила, она увидела на вешалке в холле старый папин макинтош; от сквозняка, дувшего из двери гостиной, он медленно раскачивался, и Дженифер испугалась. Она сама не знала почему.

Снова съежившись в углу комнаты, она слушала разговор, то улавливая его смысл, то погружаясь в собственные мечты.

Голоса не смолкали.

– ...каждый день, который я провожу в Плине, делает меня все более и более несчастной. Пожалуй, лучше тебе, Гарольд, присматривать здесь за домом, у меня просто нет сил на это. Конечно, мы с Дженини можем жить с мамой в Лондоне.

Куда они собираются? Что должно случиться? Вся сжавшись, она сидела в своем углу, боясь, как бы ее не увидели и не отослали из комнаты.

– Это самый лучший выход.

Слова, слова... губы взрослых быстро шевелятся, высокие фигуры, звеня деньгами в карманах, стоят у камина, мама в своем кресле решает, что делать.

Просыпаясь утром, она бросала взгляд на кровать посмотреть, не вернулся ли он ночью. Но мама лежала одна, ее лицо было обращено к потолку, глаза закрыты. И рядом с ней не было человека с растрепанными волосами и лицом, зарытым в подушку.

Угроза Лондона все приближалась, уже послезавтра, уже завтра. У дома был странный, непривычный вид. Ковры сняты, кое-что из мебели исчезло. Там, где на стенах висели картины, темнели большие коричневые пятна и торчали маленькие черные гвозди.

В спальне стояли чемоданы с уже собранной одеждой, на полу валялись обрывки оберточной бумаги. Платяной шкаф и выдвинутые ящики комода были пусты; в углу комнаты высилась небольшая кучка вещей, которые мама решила выбросить: сломанная рамка от фотографии, старая перчатка, несколько заколок и полинявшая красная розетка с туфельки Дженифер. Пыльные, брошенные вещи; Дженифер, дрожа, отвернулась от них и на цыпочках вышла из комнаты, которая вдруг стала такой большой и пустой.

В тот вечер у них был необычный ужин: яйца, бекон и мясные консервы с хлебом. Джем уже кончился. Дженифер тошнило, и где-то внутри она чувствовала боль, которую не могла объяснить. Только мысль о том, что утром она наденет новые сапожки, удерживала ее от слез.

И вот этот день настал. Мама встала рано, часов в шесть, и принялась засовывать в чемодан последние вещи.

Гарольд и Вилли все время бегали вверх и вниз по лестнице.

– Как быть с ключами? – крикнул кто-то из холла.

Чтобы хоть немного утешиться, Дженифер, крадучись, переходила из комнаты в комнату. Ей казалось, что двери и окна смотрят на нее с укоризной, кровать, на которой она больше не будет спать, стояла голой и выглядела странным предметом, сделанным из серой проволоки с плотными узлами.

В трещине пола застряла старая булавка, под умывальником валялись ее старые сандалии, которые мама разрешила оставить. В мыльнице лежал полупустой тюбик зубной пасты.

– ...не мешайся под ногами, Дженни. Так мы никогда не уедем. Нет, брось этот мусор... Гарольд... Гарольд... поднимись наверх и свяжи портплед...

Дженифер ходила за ними, топоча своими новыми сапожками, в которых ей было совсем не так удобно, как тогда, когда она примеряла их в магазине. Сапожки немного жали. Она вдруг побледнела, и ее глаза наполнились слезами.

– Мама, – жалобно сказала она, – мама, мне нехорошо.

Принесли таз, и ее вырвало.

– Я не хочу уезжать, – крикнула она, – я не хочу уезжать.

Мать ее поцеловала, но через вуаль поцелуи казались слишком влажными, а рука в перчатке не могла утешить.

Гарольд и Вилли с безнадежным видом стояли у двери.

– Послушайте... мы теряем время. Автомобиль будет здесь через пять минут.

Мать натягивала на Дженифер шерстяное пальто, надевала ей на голову тесную велюровую шляпу, засовывала резинку под подбородок.

– Ах! Я не хочу ехать, ах, пожалуйста, я не хочу ехать.

Но ее тащили вниз, в руках у нее был игрушечный медведь, и ей казалось, что весь холл полон людьми, которые пожимают маме руки и о чем-то громко разговаривают.

И вот они уже в автомобиле, и Дженифер хватается места между мамой и Вилли.

Шофер завел мотор.

– До свидания... до свидания...

Она смотрела, как Дом под Плющом остается позади, пустой и одинокий. В открытом окне спальни на ветру нелепо развевалась занавеска.

Глава третья

Самое раннее воспоминание о Лондоне у Дженифер Кумбе было связано с сигналом горна, долетавшим из казармы в конце улицы. Под его звуки она просыпалась по утрам и засыпала вечерами. Они постоянно напоминали ей, что Плин далеко и что шум моря уже никогда не донесется до ее слуха. Горн врывается в ее сны, она внезапно просыпалась и, открыв глаза, видела незнакомую комнату с массивным шкафом и тяжелыми портьерами, а за окном ряды черепичных крыш и множество уходящих вдаль труб.

Затем с лестничной площадки, а потом из коридора слышался шум и позвякивание бидона с водой. Стук в дверь, и в комнату входила служанка по имени Этель. Тяжело ступая, она подходила к окну и с грохотом раздергивала портьеры. Дженифер казалось странным, что ей прислуживают, и она обязательно подружилась бы с Этель, если бы у той не было коричневой бородавки на подбородке. Она тихо соскальзывала с кровати и начинала одеваться.

Гонг созывал всех к молитве. Дженифер вместе с матерью должна была спуститься в столовую и стать на колени перед стулом. Тем временем в комнату, крадучись, входили обитатели пансиона. Со своего места в углу Дженифер через приоткрытую дверь видела, как они спускаются по лестнице. Она заметила, что, подойдя к столовой, они мгновенно надевают другие лица, с их губами происходит что-то непонятное, носы вытягиваются, а ноздри раздуваются. Затем из холла доносилось шуршание, и Дженифер слегка съеживалась, зная, что к двери подошла бабушка. Та, покачиваясь из стороны в сторону, входила в комнату: огромная грудь вздымается под черным платьем, седые волосы, словно птичье гнездо, зачесаны высоко надо лбом. Идя по комнате, она что-то тихо ворчала, и у нее уходило минуты три на то, чтобы усестись в кресле, поставить ноги на подушку и раскрыть перед собой Библию.

Дженифер прислушивалась к стуку очков, которые бабушка носила на цепочке, затем раздавался низкий грозный голос: «Отче наш, Иже еси на небесех...», и ему старательно вторил хор из нескольких голосов.

Постояльцы собирались за столом к завтраку. Дженифер смотрела на них поверх ободка своей чашки, но, если кто-нибудь замечал ее взгляд и заговаривал с ней, она отворачивалась и опускала голову, притворяясь, будто не слышит.

– Девочка просто робеет, ведь вокруг столько новых лиц, – оправдывалась мать, – вообще-то она очень разговорчивое маленькое создание.

Впредь Дженифер всегда пользовалась своей «робостью» как орудием защиты; она заметила, что если плотно закрыть рот и смотреть в пол, то никто не будет обращать на нее внимания, и она сможет свободно предаваться своим мыслям.

И только бабушка догадалась, что это хитрость. Девочка знала, что бабушка постоянно за ней следит. Однажды она увидела, как внучка, вынув изо рта кусок мяса, спрятала его под ложку, и с тех пор ни на миг не сводила с нее глаз, стараясь прочесть ее мысли.

– Берта, милая, – проговорил грозный голос, – боюсь, что этот ребенок слишком привередлив в еде.

– Ах нет, мама, что вы, с едой у нас никогда не было никаких сложностей. Ведь тебе нравится это вкусное мясо, Дженни?

– Да, – пробормотала Дженифер с набитым ртом, снова и снова пережевывая кусок жира, хотя и знала, что обмануть бабушку ей не удастся.

– Можно мне спуститься вниз?

Она выскользнула из-за стола и, выбежав в вестибюль, вынула изо рта последний жирный кусок мяса и спрятала его в горшке с папоротником, листья которого никто никогда не удосуживался очистить от пыли. В этом вестибюле постояльцы-джентльмены мыли руки, вешали пальто и, если шел дождь, оставляли раскрытые зонты. Он представлял собой конец маленького коридора перед лестницей, ведущей в подвал. Дженифер его очень любила. Здесь к ней возвращалось знакомое чувство безопасности, запах твидового пальто на вешалке напоминал папу, а макинтоши были такими же старыми и потертыми, как его. Иногда мужчины оставляли здесь раздавленные на полу сигареты.

Дженифер ждала, когда они выйдут из столовой и спустятся в вестибюль, где они улыбались и смеялись, словно радуясь вновь обретенной свободе. Они никогда не гладили ее по голове, никогда не говорили глупостей и относились к ней так, словно она была одной из них. Они на весь день уходили из дома и возвращались вечером. Она высовывалась из окна и не без интереса наблюдала, как они поднимаются по ступеням и шарят в карманах, ища ключи.

Кусая палец, она выходила в холл и, когда они говорили: «Привет, Дженни», хоть это и было ей очень приятно, отводила взгляд в сторону.

Она шла за ними в коридор, прислушиваясь к их обрывочным

разговорам. Ей нравилось то, как тщательно они моют руки, намыливая их мылом и снова и снова подставляя под струю воды, после чего они расстегивали брюки и входили в уборную, обращая на нее не больше внимания, чем на кошку.

Женщины держали себя иначе; радуясь любой возможности побыть с ней, они шептали ей что-то на ухо, осторожно уводили ее к себе и закрывали дверь, чтобы никто этого не заметил.

Целую неделю коридор был для Дженифер единственным развлечением, ведь она почти не выходила из дома, поскольку считалось, что ее мать «устраивается на новом месте». Но однажды вечером бабушка заметила, что, как только в коридоре начинают звучать голоса, девочка тут же исчезает из столовой. Ей надо было поговорить со служанкой, и когда она проходила через холл, грузно опираясь на палку, то увидела возле двери в коридор маленькую фигурку, мимо которой один из постояльцев направлялся в уборную.

– Дженифер.

Девочка испуганно вздрогнула, обернулась и увидела свою массивную бабушку, которая впиалась в нее пристальным взглядом.

– Дженифер, что это ты делаешь в коридоре для джентльменов?

Чувствуя себя настоящей преступницей, она покраснела и, не дожидаясь продолжения, убежала.

После чая Дженифер склонилась над книгой с картинками, которую держала на коленях, но так и не перевернула ни одной страницы; как слепая она смотрела на книгу, прислушиваясь к обрывкам разговора и ожидая, что вот-вот голоса надолго замолкнут и бабушка скажет: «Дженифер, ты должна объяснить нам, что ты делала в коридоре».

Пришло время ложиться спать, но ей так ничего и не сказали. Ни на следующий день, ни через день об этом случае тоже не упоминали, но она больше не приближалась к мужчинам, и, если кто-нибудь невзначай говорил: «Ах, должно быть, я оставил его в коридоре», у нее обрывалось сердце, а лицо и руки начинали гореть.

Неделя проходила за неделей, но они по-прежнему жили в бабушкином пансионе, а папа так и не приехал.

Дженифер никто ничего не рассказывал, и ей приходилось слушать, что говорят друг другу люди, и строить разные догадки. Однажды мама прочла письмо от Гарольда...

«Как непривычно видеть наш старый дом запертым. Вилли уплыл вчера в отличном настроении, и мне его ужасно не хватает. Верфь представляет собой весьма унылое зрелище, кузены Том и Джеймс очень

подавлены всем случившимся. Их положение просто ужасно. Старый корабль по-прежнему лежит в иле и, похоже, так и будет лежать, пока не развалится. Бедный отец, я рад, что он никогда об этом не узнает...»

Здесь мать сложила письмо и спрятала его в карман.

Чего папа не узнает? Почему он не должен знать? Дженифер с укоризной посмотрела на маму, но та повернулась к бабушке и о чем-то с ней заговорила. Почему они никогда не упоминают при ней его имени? У них есть какой-то секрет, которым они не хотят поделиться, и они такие умные, что их не поймашь. Они обращаются с ней как с маленькой. Она и боялась узнать этот секрет, и чувствовала, что должна это сделать.

Дженифер обхватила колени руками и стала кусать ногти. Она обдумывала план, который помог бы ей склонить бабушку и мать к откровенности. Мать шила у раскрытого окна, время от времени бросая взгляд на жаркую, душную улицу и проходившие по ней омнибусы. Бабушка водрузила на нос очки и раскрыла вечернюю газету.

Дженифер подошла к матери и сделала вид, будто играет с бахромой на портьерах. Зная, что это вызовет ее раздражение, она раскачивала бахрому из стороны в сторону.

– Дженни, перестань.

Дженифер повиновалась и потянула мать за руку.

– Когда мы поедем домой?

Ответа не последовало.

– Мама, когда... когда мы поедем домой? Теперь ее голос больше походил на хныканье, жалобное, недовольное.

– Не приставай, Дженни. Ступай и займись чем-нибудь.

– Но я хочу знать, когда мы поедем домой.

– Дорогая, мы вовсе не собираемся ехать домой, теперь мы живем в Лондоне, и тебе это прекрасно известно. Отпусти мою руку. Может быть, тебе хочется куда-нибудь?

Дженифер перешла на середину комнаты. Она видела, что бабушка не сводит с нее сурового, неодобрительного взгляда.

Итак, бежать ей некуда. Плин для нее потерян. Бабушка отложила газету и зевнула. Самое время попытать счастья у нее.

– Где мой папа? – спросила Дженифер.

Никто не ответил, и ей стало немного страшно. Лицо матери сморщилось, и на нем появилось какое-то странное выражение. Щеки бабушки густо покраснели.

Дженифер взялась за ручку двери, немного подождала и затем, испугавшись собственной отваги, заговорила смело, грубо.

– Я думаю, что папа умер, – сказала она.

И когда они даже не попытались отчитать или укорить ее, а лишь смотрели на нее пристальным, напряженным взглядом, по их молчанию она поняла, что наконец-то узнала правду.

Глава четвертая

Судостроительная верфь «Томас Кумбе и сыновья» опустела; на ней уже не было ни строевого леса, ни оборудования. Умолк стук молотка, не слышалось пронзительного пения пилы. Кораблям для ремонта и переоснастки приходилось плыть в другие места, яхтсмены в поисках проектировщиков и строителей для своих судов были вынуждены отправляться в дальний конец бухты. Эллинг в углу верфи перешел в собственность инженера, нуждавшегося в дополнительном помещении; он оборудовал свой гараж на том самом месте, где строилась «Джанег Кумбе». По бывшей верфи бродили молодые механики, в промасленных комбинезонах, с гаечными ключами в руках, в ворота въезжали и выезжали фордовские грузовики, наполняя воздух, некогда пахший просмоленными канатами и дегтем, запахом бензина и машинного масла. Здание большого, просторного склада, где обстругивал и отделявал свои корабли Томас Кумбе вместе с сыновьями, продано не было. Его тезка и внук Томас и кузен Джеймс дорожили этим местом, последним остатком некогда процветавшего предприятия. Однако использовали они его уже не как производственное помещение, в котором обитало вдохновение, а как убогий и ничем не приметный пакгауз. Зимой там держали катера и парусные суденышки, которые летом служили для увеселительных прогулок. За небольшую плату там можно было оставить весельные лодки и шлюпки.

После смерти отца, отъезда матери и сестры в Лондон, продажи верфи и ухода брата в море Гарольд Кумбе не хотел оставаться школьным учителем в Плине.

Дом со всем содержимым выгодно продали, и Гарольду было тяжело каждый день по пути в школу проходить с детства родное место, видеть в его дверях чужих людей, а в окнах чужих детей. После нескольких месяцев раздумий он уволился из школы, предварительно договорившись о работе в Лондоне.

В последний вечер, проведенный им в Плине, Гарольд поделился своими планами с лучшим другом и любимым кузеном отца фермером Фредом Стивенсом. Фреду было сорок два года, и он упорно поддерживал Кристофера в процессе Кумбе против Хогга и Вильямса.

– Я не хочу бросать преподавание, кузен Фред, – сказал Гарольд. – Возможно, оно и не обеспечит мне высокого положения, но это отличная

работа, и я горжусь ею.

– Думаешь, что сможешь тянуть эту лямку работать не покладая рук без всякой надежды на повышение, да еще в Лондоне, где таких юнцов, как ты, пруд пруди?

– И все же я намерен попытаться. Мне больно уезжать из Плина, но, в конце концов, я родился и до девяти лет жил в Лондоне. К тому же там мама и Дженни. Бедняжка, что ей пришлось пережить. В пансионе, да еще с моей старой бабушкой ей не слишком сладко.

Фред Стивенс с отвращением свистнул.

– Жаль, что твоя мать поспешила сбежать. Они с Дженни могли перебраться сюда, им были бы только рады. Не далее как вчера Нора мне об этом говорила. Да и Джону компания Дженни пошла бы на пользу. Единственному ребенку в семье всегда грозит опасность вырасти избалованным, так ведь?

– Только не Джону, – рассмеялся Гарольд. – У вашего парня голова на месте. Кому, как не мне, это знать, ведь в школе он у меня учился. На слова он не горазд, но думает как надо. Славный мальчик.

– Ты считаешь? – Довольный отец улыбнулся.

– Да, считаю. С Джоном будет все в порядке. Вскоре Гарольд собрался уходить.

– Пожалуй, мне пора, кузен Фред, хоть попрощаться и не хочется. Вспомните обо мне завтра вечером, когда я уже буду в Лондоне. Вскоре меня снова потянет в Плин. Если сумею, то постараюсь уговорить маму приехать сюда на каникулы, правда, для этого придется выдержать целое сражение. Хотя, возможно, через год-другой город ей изрядно надоеет и она станет мечтать о деревне, как вы полагаете?

– Никогда не знаешь, чего ждать от женщин, – улыбнулся Фред. – Во всяком случае, она всегда может прислать сюда Дженни, если девочка будет плохо выглядеть и ей надо будет сменить обстановку. Нора о ней как следует позаботится. Да и Джон постарается не ударить в грязь лицом и составит ей неплохую компанию, верно, Джон? Где этот мальчишка? Джон?

В окне появилась голова.

– Иди сюда и попрощайся с Гарольдом. Завтра он уезжает в Лондон.

Мальчик перелез через подоконник. Одиннадцатилетний Джон Стивенс был не по возрасту высок и не всегда знал, что делать со своими длинными ногами. У него были голубые, как у отца, глаза, волосы падали на лицо.

– Жаль, что вы уезжаете, – отрывисто проговорил он.

– Мне тоже жаль, Джон, но так уж вышло, и жалобами не поможешь.

Мальчик кивнул.

– Думаете вернуться?

– Собираюсь. Мне было бы совсем скверно, если бы я думал, что больше никогда вас не увижу, всю нашу семью, Плин... и все остальное.

– Конечно, вернется, и Вилли тоже вернется. Через пару лет ты сколотишь состояние и обоснуешься здесь в тишине и покое. – Фред весело рассмеялся. – А Вилли ради собственного удовольствия будет приводить сюда какой-нибудь огромный океанский лайнер. Кстати, Гарольд, как у него с этим радиоделом?

– Отлично, кузен Фред, похоже, он очень увлечен. Правда, я в этом ничего не понимаю.

– Да и я не больше твоего, но говорят, это будет чертовски полезно. Ну что ж, до свидания, мой мальчик, желаю удачи. Мы в Плине тебя не забудем. Не тяни с возвращением, и не дай Лондону себя испортить. Передай от меня привет матери.

– До свидания, кузен Фред, и огромное спасибо за все, что вы для нас сделали. Ни Вилли, ни я этого никогда не забудем... До свидания, Джон, как-нибудь увидимся, верно?

– Конечно.

Гарольд пересек двор и вышел за ворота фермы. Юный Джон, нахмурился, смотрел ему вслед.

– О чем задумался, сын? – спросил Фред.

– Он не вернется, – медленно проговорил мальчик.

– Что значит «не вернется»? Конечно, вернется. Застрянет в Лондоне года на два, а потом вернется домой, в Плин.

– Нет, – возразил Джон. – Наверное, я сказал глупость, но мои предчувствия обычно сбываются. Помнишь, что я тебе говорил про дядю Кристофера? Ты тогда посмеялся, но я словно знал наперед.

– Послушай, сын, ты становишься сущим пророком, вечно накликаешь всякие беды. Выкинь этот вздор из головы, неужели ты не понимаешь, что это просто глупо? Нам с мамой не по душе твои нездоровые фантазии. Понял?

– Понял.

Мальчик, насвистывая, выбежал из дома и перепрыгнул через низкий забор. Затем вынул из кармана рогатку, прицелился в фазана, который пролетал над жнивьем, и, промахнувшись, зашагал через поле к вершине холма, откуда открывался вид на гавань и Полмирскую заводь. Внизу, слева от него, сквозь ветви деревьев виднелся разбитый корпус «Джанет Кумбе», справа – окутанная вечерним туманом колокольня Лэнокской церкви.

Засунув руки в карманы и полузакрыв глаза, Джон Стивенс, прищурившись, смотрел на раскинувшуюся перед ним картину.

«Не могу я отогнать чувства, которые вдруг приходят ко мне, – думал он. – Я знаю, что больше никогда не увижу Гарольда и Вилли, и что корабль в заводи не развалится, пока с него не снимут носовое украшение. Отец и мама мне не верят, но когда-нибудь они поймут».

С поля до него долетели крики подростков, он помахал им рукой, рассмеялся и, забыв о своих мыслях, побежал вниз.

Гарольд собирал чемодан. Закрыв его, он выпрямился, вздохнул и посмотрел из окна на гавань.

«Я вернусь, – прошептал он. – Через год-другой Лондон маме надоест, и все мы снова будем жить здесь, Вилли, Джени и я. Это земля моего отца, моего деда и прадеда. Мы тоже принадлежим ей, нас так же не отнять у нее, как Вилии не отнять у моря. Мы вернемся к тебе, Плин, вернемся через год или два».

В мыслях он уже строил планы будущей счастливой жизни, длинной череды лет покоя и исполнения желаний; но то были не более чем мечты. «Через год-другой», – сказал он.

Стояла осень 1912 года...

Глава пятая

Дженифер постепенно привыкла к Лондону, к жизни в бабушкином пансионе. Ей даже стало казаться, будто она всегда смотрела на бесконечные черепичные крыши и печные трубы. Под окном ее спальни громыхали омнибусы, издалека долетали свистки поездов и шум транспорта, движущегося к центру города.

Берта Кумбе без труда вернулась к привычному, знакомому с детства укладу жизни.

Ей невольно вспоминались первые годы замужества, когда она вместе с Кристофером жила от щедрот миссис Паркинс, вспоминалось, каким тихим и робким он был, сознавая свою слабость и неспособность содержать жену и сыновей. Ее мать, пребывая в полном неведении того, как изменили зятя Плин и тяжелая работа, помнила его именно таким, и Берта со временем тоже стала видеть его в прежнем свете, она даже была склонна разделить мнение миссис Паркинс, согласно которому прожить с ним столько лет могла только святая. Она еще плакала над его фотографиями, но в разговоре называла его «бедным Кристофером» и при упоминании его имени укачала головой.

Приехав в Лондон, Гарольд прожил в пансионе не больше месяца, после чего, не желая подчиняться правилам и распорядку, соблюдения которых неукоснительно требовала бабушка, переселился в меблированные комнаты, расположенные поблизости.

Время от времени ненадолго приезжал Вилли, останавливался он в пансионе миссис Паркинс, но наедине с братом жаловался ему и говорил, что ума не приложит, почему они все-таки уехали из Плина.

Примерно тогда же было решено, что Дженифер поступит в школу. В Плине она, конечно же, как и другие дети, ходила бы в обычную местную школу, но сама мысль об этом несказанно шокировала миссис Паркинс, и, дабы не унижить себя тем, что ее внучка получает образование бок о бок с беднейшими детьми их района, она навела справки относительно частной школы мисс Хэнкок в Сент-Джонс-Вуд и согласилась внести необходимую плату. – Она быстро избавится от своей глупой застенчивости и подружится со сверстницами, – сказала Берта. – Мне иногда кажется, что она напускает ее на себя, чтобы не делать как ей говорят.

Бабушка с присвистом втянула в себя воздух и вязальной спицей вынула застрявший в зубах кусочек мяса.

– Девочка избалована, – объявила она. – Чрезмерно избалована, и, полагаю, отцом. Впрочем, чего еще можно было ожидать? – Она пожалала своими могучими плечами и усмехнулась.

– Дженни, милая, – сказала Берта, – беги, поиграй.

Дженифер «побежала» в свою комнату и, высунувшись из окна, стала смотреть, как дождь падает на печные трубы и покатые серые крыши.

Она плотно закрыла глаза и постаралась представить себе Плин, однако бывшая способность рисовать воображаемые картины, казалось, покинула ее, и, когда она попробовала увидеть море, перед ней раскинулся широкий пляж и пристань в Клэктоне, куда мама на три недели возила ее прошлым летом. Даже ее старая комната в Доме под Плющом получилась нечеткой и словно размытой; она забыла, где стояла кровать, и какой рисунок был на обоях. Она помнила только взъерошенную голову на подушке и человека, который спал уткнув голову в руки, и рядом с которым всегда было гепло и уютно... но его лица она тоже не могла припомнить.

Где-то в высоких холмах бегала босоногая девочка, солнце слепило ей глаза, ветер раздувал платье; по серой воде гавани в открытое море уходили корабли, кричали чайки. Но вот она открыла глаза... над Лондоном дождь, по улице грохочет транспорт, и высокая, пронзительная трель горна созывает солдат в казармах напротив.

Первый семестр в школе прошел благополучно. Дженифер быстро поняла, что если у нее все в порядке с чистописанием, то остальные уроки не так уж и важны.

В середине второго семестра произошло ужасное событие, которое надолго ей запомнилось. Директриса в письме к матери пожаловалась на нее, и потом она несколько недель крадучись ходила по пансиону, как преступница, чувствуя на себе холодные взгляды матери и бабушки.

Как-то раз Дженифер заметила, что несколько учениц ее класса сидят со своим молоком и печеньем в сторонке и о чем-то шушукуются. Она подошла к ним, и худенькая смешливая девочка в кудряшках по имени Лилиас схватила ее за талию и спросила, не хочет ли она вступить.

– Куда вступить? – поинтересовалась Дженифер.

– В наше секретное общество по выяснению разных вещей.

Такое объяснение звучало весьма заманчиво.

– А можно я буду главной?

– Да, если хочешь.

Лилиас взяла одну из подружек под руку и что-то ей шепнула.

– О-о-о! – У той даже глаза округлились. – В самом деле? Как ты узнала?

Вся группа, взволнованно качая головами, принялась обсуждать услышанное.

– Ш-ш-ш... только никому не говорите. Дженифер явно нервничала.

– Так в чем же ваш секрет?

– Лилиас знает – прошептал кто-то.

– Что знает?

– Как родятся дети.

По группе, окружавшей гордую своим превосходством Лилиас, пробежала нервная дрожь.

– Всего-то? – с безразличным видом проговорила Дженифер. – Какая ерунда. Это все знают.

– И ты тоже?

Не зная, что ответить, Дженифер на мгновение задумалась. Раньше она никогда не интересовалась этим вопросом. Но ведь она – главная и должна соответствовать своему званию.

– Да, – солгала она.

– Дженифер тоже знает, – хором воскликнули девочки. – Расскажи, скорее расскажи.

– Если хочешь, можешь им сказать, – великодушно предложила Дженифер, и Лилиас, наклонившись к подругам, торопливо заговорила.

– Их вовсе не ангелы приносят, а они растут внутри людей.

– О-о-о... откуда ты знаешь?

– Я спрашивала у сестры, ей четырнадцать лет. А еще есть одно слово, которое это объясняет, я нашла его в словаре.

Пораженная Дженифер во все глаза уставилась на Лилиас. Неужели это правда? Как странно. Она на мгновение забыла свою роль.

– Фи, – сказала она, – я не верю. Как это может быть?

– Вот и попалась, – воскликнула торжествующая Лилиас, – ничего-то ты не знаешь.

– Нет, знаю... знаю, – закричала Дженифер, – я просто притворилась, что не знаю, хотела посмотреть, что вы скажете.

Это неловкое оправдание было встречено молчанием.

– Во всяком случае, – продолжала она, – я знаю больше любой из вас, потому что у меня уже был ребенок!

– Что? Ты просто врешь, не было у тебя никакого ребенка. Ты еще не выросла.

– Нет был. – Желая поразить слушательниц, Дженифер выдумывала на ходу. – Был прошлым летом, но я его отдала... отдала подруге.

– Не было, не могло быть. Дети бывают только у замужних дам.

– А вот и был. Люди говорили, что это чудо. Кто-то даже написал об этом в газете, но я забыла кто.

– Дженифер! Ты все выдумала. На что это похоже? Он вырос в тебе?

– Ну да, это так просто. Я волшебница. Мама говорит, что в каникулы у меня будет еще один.

Услышав эту сногшибательную новость, объятые благоговейным страхом девочки разошлись, грызя ногти.

В конце недели, когда Дженифер делала уроки у себя комнате, мать позвала ее в гостиную. Она застала бабушку и мать у камина; обе женщины сидели с пылающими, искаженными болью лицами, Берта держала в руках распечатанное письмо.

– Дженни, – серьезным тоном начала она, – это письмо от мисс Хэнкок, в котором она сообщает нам о твоём дурном поведении. Мы с бабушкой очень расстроены и не знаем, что делать.

У Дженифер задрожали колени. Что случилось? Что она натворила?

– А что пишет мисс Хэнкок? – робко спросила она.

– Родители одной девочки написали ей, что их дочь пришла домой с ужасными идеями и мыслями, которые ты ей внушила. Миссис Хэнкок разговаривала с этой девочкой, с Лилиас, кажется, ты приглашала ее к нам на чай, и она, расплакавшись, рассказала ей о какой-то секретной игре, в которой ты была заводилой, и о ее целях: узнавать о... о детях и прочих вещах. Дженни... как ты могла?

– Мы только притворялись, – с трудом проговорила Дженифер. – На самом деле я ничего не знала, никогда не думала. Но Лилиас так расхвасталась. Я не сделала ничего плохого... она сказала, что знает, как родятся дети, а я сказала, что у меня уже был один и что...

– Дженифер! – мать остановила на ней исполненный отвращения взгляд.

Бабушка фыркнула, после чего мрачно рассмеялась.

– Что я тебе говорила, Берта? Я всегда знала, что этот ребенок испорчен. Помнишь, как она поджидала в коридоре для джентльменов?

При упоминании коридора Дженифер густо покраснела.

– Вот, пожалуйста, – бабушка указала на нее пальцем. – Взгляни на ее виноватое лицо. На нем все написано. Она знала, что поступает дурно. Ребенок в ее возрасте и такие идеи. Берта, это отвратительно.

Несчастливая Дженифер плотно сжимала перед собой руки. Коридор... какое отношение он имеет к детям?

– Дженни, – грустным голосом сказала мать, – я не знаю, смогу ли я смотреть на тебя теми же глазами, что раньше. Все случившееся меня так

потрясло, что я этого никогда не забуду. Моя маленькая дочь и такое грязное, такое вульгарное любопытство...

Она, дрожа, сложила письмо.

– Ты должна написать мисс Хэнкок и попросить прощения, иначе она не примет тебя обратно. Ты обещаешь бабушке и мне, что откажешься от этих ужасных мыслей?

– Да, – прошептала Дженифер.

– Видишь ли, Дженни, я очень расстроена и чувствую, что не могу доверять тебе.

Она беспомощно посмотрела на бабушку.

– Нам, разумеется, известно, какая ветвь нашей семьи повинна во всем случившемся, – медленно проговорила бабушка. – Скорее всего, уже слишком поздно что-нибудь изменить. Интересно, какие еще идеи бродят в голове этого ребенка?

Она остановила на внучке тяжелый, задумчивый взгляд. Дженифер опустила глаза. Грязное, вульгарное любопытство, сказала мама. Наверное, она имеет в виду что-то вроде картинок голых женщин... Она рисовала их... может быть, бабушка нашла ее старые рисунки. Ах, если бы она могла улететь далеко отсюда и никогда, никогда не возвращаться...

И тут бабушка выложила свою козырную карту.

– Интересно, что сказал бы на это твой папа.

Комната поплыла перед глазами Дженифер, ее сердце бешено забилося, и, беспомощно разведя руки, она выбежала из комнаты... прочь, прочь, куда угодно, лишь бы хоть как-нибудь избавиться от всего этого.

В июле Дженифер с бабушкой, матерью и Гарольдом на две недели поехали в Свонидж. Девочка была рада хоть на время забыть унылую Мэпл-стрит и наслаждалась сверкающим морем, купанием и мягким песком.

Однако множество народа, шезлонги и плачущие дети портили удовольствие.

– Гарольд, в Плине было не так, правда? – с волнением спросила она брата.

– Совсем не так, – ответил тот и погладил ее по голове.

Дженифер с облегчением вздохнула, надеясь, что Гарольд не удивился ее забывчивости. Ведь он и сам в это лето забывал строить вместе с ней песочные замки, и все время читал маме и бабушке газеты, в которых не было ничего интересного, одни длинные, скучные статьи о других странах.

Поправляя руками стены песочного домика и осторожно вставляя белую раковину, заменявшую дверь, она слышала, как он говорит:

– Видите ли, если дойдет до потасовки, Англии придется решать, чью сторону принять.

Она схватила ведро, побежала к морю, набрала воды и вернулась, оставив за собой мокрую дорожку.

Гарольд надвинул соломенную шляпу почти на самое лицо.

– Я не знаю наверняка, но мне кажется, ма, что будет война. К Рождеству она, скорее всего, закончится.

Дженифер выкопала вокруг домика ров и налила в него воды, чтобы он выглядел как настоящий.

Однажды пошел дождь, и им пришлось остаться в пансионе. Мама и бабушка вязали у окна, Дженифер сидела, держа на коленях тетрадь для рисования. Она рисовала моряка в ярко-синем бушлате, осторожно нанося краски на белый лист бумаги.

Вдруг в комнату вбежал Гарольд с газетой в руке, его плащ был совсем мокрый.

Дженифер навсегда запомнила его появление: голова закинута назад, подбородок приподнят, на губах блуждает странная улыбка.

– Германия начала военные действия против России, – сказал он.

Дженифер продолжала рисовать.

Глава шестая

Первые месяцы войны не внесли в жизнь Дженифер почти никаких изменений. После каникул в Свонидже вся семья вернулась в Лондон, и в конце сентября она снова пошла в школу. Взрослые, как всегда, много шумели и произносили высокопарные речи. Осенними вечерами Дженифер устраивалась со своими учебниками в углу гостиной – огня в ее комнате, конечно, не было – и, закусив кончик вставочки, подперев голову руками, слушала разговоры, которые велись под лампой в центре комнаты. Бабушка прикрепила на стене карту Европы и утыкала ее флажками, обозначающими продвижение войск врага.

Бабушка и мама купили огромный моток шерсти и начали вязать носки. Дженифер принялась за шарф, но через неделю его забросила.

Дженифер казалось, что война дала взрослым новое интересное занятие; они получили возможность строить из себя важных особ и, произнося самые серьезные слова, в глубине души радовались этому. Ее забавляло, как они каждую неделю отправляют посылки в окопы.

Бабушкин вопрос: «Дорогая, ты ничего не забыла?» – и мамин ответ: «Нет, мама, все положено. Мясные консервы, печенье, сардины и табак».

Голос матери звучал бодро, оживленно, и, перевязав посылку веревкой, она обрезала кончики острыми, блестящими ножницами.

В конце концов, это всего лишь игра, думала Дженифер, глядя на нее поверх учебника по арифметике.

Постояльцы-мужчины стали постепенно исчезать с Мэпл-стрит и потом время от времени появлялись в пансионе в военной форме, которая делала их очень высокими и непохожими на самих себя. В таких случаях женщины просто не знали, чем бы им угодить.

Каждая отказывалась ради них от своей порции сахара к чаю, и мама, чтобы не отстать от других, не притрагивалась к маслу. Дженифер пожимала плечами. Эта война ее не коснулась, она и так не ела ни того, ни другого.

Она была всего лишь маленькой девочкой, которая не принимает участия в разговорах и каждый день должна делать уроки.

По пути в школу в Сент-Джонс-Вуд она видела, как в Риджентс-парке солдаты проходят строевое обучение. Иногда они длинными колоннами маршировали по улицам. Ей нравились песни, которые они пели.

С кем бродил ты под луной,
Под луной во тьме ночной?
О нет, не с сестрой,
Не с матушкой, нет...

Часто они кричали младенцам, которых катили в колясках высокомерные няни в шляпках с голубыми вуалетками: «Привет, малышка, как поживает твоя нянюшка?»

Они были веселые и забавные, эти солдаты, им и дела не было ни до бабушки, которая вяжет носки, ни до мамы, которая отправляет ужасные посылки.

Кто-кто-кто твоя подружка,
Та, которая с тобой?

Они распевали во все горло, а Дженифер как вкопанная стояла на мостовой с ранцем за спиной и махала рукой мужчинам, которые махали ей в ответ. Эти мужчины понимали, как глупо быть серьезными.

Дженифер вприпрыжку добежала до школы. В то утро она поняла, что война – это нечто большее, чем цепочка слов в газетах, что она может иметь прямое отношение к людям. В ее классе был урок рисования, его вела миссис Джеймс, терпеливая, едва ли способная чему-нибудь научить женщина, которая не имела никакого влияния на учениц.

В середине урока, когда Дженифер, расшалившись, встала на одну ногу и принялась размахивать линейкой, а несчастная учи гелница крикнула, чтобы она успокоилась, кто-то открыл дверь и сказал:

– Прошу прощения, миссис Джеймс, вас хочет видеть мисс Хэнкок.

Оставшись одни, девочки сполна воспользовались свободой и под предводительством Дженифер пустились в пляс на партах. Прошло десять минут, двадцать, полчаса, а учительница все не возвращалась.

Дженифер взяла мел, кое-как нарисовала на доске осла и под рисунком поставила подпись: «Миссис Джеймс». Дети громко рассмеялись. Покраснев от гордости, Дженифер стерла рисунок и принялась за новый, когда дверь открылась и в класс вошла девочка из старшей группы.

– Пожалуйста, успокойтесь, – сказала она серьезным тоном, – и сядьте за парты. Вы можете делать домашнее задание. Миссис Джеймс сегодня не вернется. Она получила телеграмму, что ее муж убит. Она уехала на такси.

В классе мгновенно наступила тишина.

Дети сели за парты и молча раскрыли учебники. Мел выпал из руки Дженифер. Она посмотрела на стол учительницы, увидела карандаш, который миссис Джеймс торопливо отложила в сторону, и сразу представила себе, как та спешит по коридору в кабинет, платком стирая с пальцев мел, открывает дверь и видит мисс Хэнкок с телеграммой в руке.

Нервная, некрасивая маленькая девочка по имени Люси, которая сидела на задней парте, громко расплакалась.

– Это гадко, – прошептала Дженифер, – гадко, гадко...

И она вспомнила Гарольда в форме, как он махал ей из окна переполненного поезда на вокзале Ватерлоо, вспомнила и испугалась.

Теперь девочки на целую неделю исчезали из школы и возвращались с черной повязкой на рукаве. Она означала, что кто-то из их близких погиб на фронте. Еда в пансионе стала отвратительной. Хлеб темно-коричневого цвета, никакого джема, и маргарин вместо масла. Ели не картофель, а рис, а вместо капусты какую-то брюкву.

Если пудинг был кислым, его подслащивали маленькими белыми таблетками, которые назывались сахарин. Дженифер начала забывать вкус старой еды. Забыла она и то, какую одежду мужчины носили до войны. Теперь все были в военной форме. Что-нибудь другое трудно было даже себе представить.

Интересно, думала Дженифер, если бы папа не умер, он тоже пошел бы на войну. Она старалась вспомнить его лицо и фигуру, но видела только спутанные волосы на подушке. Даже его фотография не пробуждала в ней никаких воспоминаний. Он принадлежал другому, давнему времени. Ей было грустно думать, что он ничего не узнает о войне. Теперь он представлялся ей не таким мудрым и значительным, как раньше, и в сравнении с полными жизни и отваги Гарольдом и Вилли выглядел бледной тенью. Да и сама она стала старше и во всем его превосходила.

Теперь он был могильным камнем на кладбище, а само кладбище – далеким, всеми забытым местом.

Дженифер небрежно засунула фотографию за каминную доску и, напевая «Типперэри»^[30] – песню, которую он никогда не пел, сбежала вниз по лестнице и перекинула ранец через плечо.

Гарольда убили в марте.

Она вернулась домой как раз к чаю и, лишь открылась входная дверь, поняла, что случилось. У служанки было испуганное лицо, и она, неловко держась за ручку двери, старалась не смотреть Дженифер в глаза. На столике в холле лежала мужская шляпа. Дженифер заглянула в столовую и

увидела, что к чаю не накрыто. Из гостиной вышла одна из постоялиц, но стоило ей увидеть Дженифер, как губы ее странно задрожали, и она, отступив назад, осторожно затворила за собой дверь. У нее были покрасневшие глаза.

Сердце Дженифер болезненно сжалось. Нельзя показывать служанке, что она догадалась.

– Где мама? – спросила она.

– Наверху с бабушкой... кажется, она не совсем... не совсем здорова, – ответила женщина и украдкой скользнула вниз по лестнице.

Дженифер с минуту стояла в нерешительности: может быть, лучше выбраться из дома и убежать куда-нибудь далеко, так она никогда не узнает, что это действительно правда. Боясь услышать страшную весть, она вошла в туалет первого этажа и заперлась в нем. Здесь ее никто не найдет. Она опустилась на колени и стала молиться. «Господи, прошу Тебя, пусть это не будет Гарольд или Вилли, Господи, прошу Тебя, пусть это будет только мое воображение». Она поднялась с колен, приложила ухо к двери и прислушалась.

Минут через двадцать она услышала, как кто-то тяжело спускается по лестнице. Шаги пересекли холл и направились в гостиную. Дверь закрылась. Все стихло. Дженифер знала, что это бабушка. Стараясь не шуметь, она отворила дверь и вышла в холл. Бесполезно, она больше не может ждать. Она должна узнать правду. Дженифер, крадучись, поднялась по лестнице, подошла к комнате матери и прошмыгнула внутрь; сердце ее бешено билось, руки были липкие от пота.

В комнате было темно, портьеры задернуты.

Дженифер словно сквозь туман увидела фигуру матери, лежащую на кровати. Боясь, что ее заметят, она, затаив дыхание, остановилась у двери. Занавеска на окне колыхнулась и зашуршала о стекло. С кровати донесся приглушенный звук, и фигура шевельнулась.

Мать заговорила глухим, незнакомым голосом.

– Это ты, Дженни?

– Да, мама.

Молчание, она ждала... ждала, сердце ее тяжело билось, в горле пересохло.

Вдруг она почувствовала слабость в ногах.

– Дорогая, Гарольда убили...

– Да, – прошептала Дженифер. – Да, я знаю.

На миг ее охватило страстное желание броситься к лежащей на кровати фигуре, лечь рядом с ней, крепко ее обнять, сделав тем самым

робкий шаг к примирению, к началу дружбы, любви, понимания. Тогда она еще не понимала, что от этого краткого мгновения может зависеть все их будущее.

Но Дженифер была слишком застенчива.

Она бесшумно выскользнула из погруженной в тишину комнаты и, сжавшись калачиком, села на пол в коридоре; по ее щекам и подбородку текли горячие слезы...

Дженифер внезапно проснулась. Ей показалось, что пушка выстрелила совсем рядом, почти у самого ее уха. Через несколько секунд стены дома задрожали от еще одного выстрела. Она села на кровати и протянула руку за халатом. Сигнал, к которому она уже давно привыкла, всегда внушал ей ужас, пробуждал холодный, безотчетный детский страх. Завыли сирены. Высокие, пронзительные звуки, сливаясь в единый кошмарный вопль, окончательно разбудили ее; она выпрыгнула из кровати и, заткнув уши пальцами, как безумная, бросилась к двери. Три служанки уже покинули свои унылые комнаты под крышей и с грохотом спускались по лестнице. Их неуклюжие фигуры являли собой какое-то фантастическое зрелище. Эта грузная круглолицая женщина, дрожащими руками вцепившаяся в свой фланелевый халат, даже отдаленно не напоминала кухарку, придирчивую распорядительницу кухни меблированных комнат с пансионом. Сейчас в ее внешности было что-то болезненно личное, что-то шокирующее. Стараясь не смотреть ей в глаза, Дженифер вежливо улыбнулась. На лестничной площадке появилась мать; она помогала бабушке, чудовищной, отталкивающей фигуре в красном халате.

Из комнат выходили обитатели пансиона: полуодетые, с наспех подобранными волосами и с мазью в уголках носа женщины и только двое оставшихся в пансионе мужчин, старый мистер Хобсон, который при ходьбе всегда выставлял живот вперед, и мистер Веймес, у которого было только одно легкое, благодаря чему его не забрали в армию. Его длинный, красный нос шумно втягивал воздух, а бесцветные, водянистые глаза, казалось, говорили: «Видите ли, право, не моя вина, что я здесь». Все спустились в подвал, где были уже приготовлены складные табуреты и коврики. Все вместе они казались нелепой маленькой компанией нервных женщин и слишком улыбчивых мужчин, чьи лица желтели в тусклом свете свечи. Дженифер сидела рядом с матерью, стуча зубами. Как ни странно, страшно ей не было, но... но она не могла ни унять дрожь, ни совладать с зубами. Несмотря на все ее усилия, они все стучали и стучали. Тишина – вот чего она не могла вынести, тишина, напряжение слуха, чтобы хоть что-нибудь услышать, и безуспешные старания догадаться, что происходит там,

наверху.

– Слушайте! Вы слышали? – раздался голос одного из постояльцев.

Теперь воздух наполнился звуками. Сперва прозвучало оглушительное эхо от выстрела пушки в Хампстеде, за ним последовал глухой гром и равномерный грохот других пушек. Дженифер закрыла глаза и прижала руки к животу.

Это никогда не кончится, это будет продолжаться вечно, и она увидит конец света.

Пушки ненадолго замолкли, и их сменило высокое, тонкое жужжание, которое ни с чем не спутаешь, отдаленное, но неотвратно приближающееся монотонное жужжание пчелиного роя.

Во тьме кто-то прошептал:

– Это готы, они прямо над нашими головами.

Снова ударили пушки, оглушая мир разрывами.

Дженифер казалось, что она сидит в подвале с самого дня творения и, сколько себя помнит, в ее жизни не было ничего кроме этого. Настанет день, так ей сказали, и все кончится. Настанет день, когда не будет войны.

Ей уже двенадцать, она взрослая и все понимает.

Война убила Гарольда и Вилли. Когда-то они были живыми, они смеялись, играли с ней, она могла их потрогать, зная, что они настоящие; все, что от них осталось, это две телеграммы да два письма от незнакомых офицеров. Сколько бы ни звала она их в минуты одиночества, они не придут. Скоро их фотографии покажутся такими же нереальными, как фотографии папы. Они навсегда останутся мертвыми. Став взрослой женщиной, она будет изредка бросать на них взгляд и видеть лица более молодые, чем ее собственное лицо, пожелтевшие и непривычно старомодные... «Да, они были моими братьями».

Они станут куда менее подлинными, чем забытая игрушка, случайно найденная в старом шкафу, пыльная и словно укоряющая за небрежение к ней.

Гром пушек начал стихать, время от времени слышался приглушенный гул, который наконец перешел в отдаленный, полный угрозы рокот.

Дженифер ясно представила себе, как, становясь старше, она оставляет папу и братьев в туманном прошлом, отдаляется от них, идя навстречу незнакомым лицам, новым мыслям, и в минуты покоя вспоминает о них почти с таким же равнодушием, как о заброшенных детских книжках с вырванными картинками, о коробках с засохшими красками, о безногом игрушечном медвежонке, о платьях, из которых давно выросла.

А Плин превращается в расплывчатую картину, на которой с трудом можно различить море, высокие холмы и бегущую через поле тропинку.

Как ужасно быть взрослой, как ужасно не смеяться над тем, что действительно смешно, не хотеть побежать со всех ног и думать забыть строить из себя мальчишку и, вместо того чтобы наносить шпагой удары деревьям, чинно ходить, еле передвигая ноги. Не ворошить осенние листья в канавах, не шлепать по лужам, не колотить палкой по перилам, не устраивать шалашей из перевернутых стульев и чехлов от мебели, не готовить еду из веточек и травы, не срывать лепестки маргариток, чтобы слепить из них картофелину. Никогда больше не ходить, засунув руки в карманы, напевая себе под нос и предвкушая встречу с невероятным приключением за ближайшим углом.

Вот какие мысли беспорядочно мелькали в голове Дженифер, пока она, закрыв глаза и стуча зубами, сидела, скрючившись на складном табурете.

Все стихло, гул и рокот орудий прекратился. Неожиданно, как шепот, как слабое эхо, прозвучал долгожданный сигнал горна.

Две короткие ноты повторились дважды и затерялись в дальних улицах.

«Отбой... Отбой...»

Глава седьмая

Дженифер оставалась в школе, пока ей не исполнилось семнадцать лет. В конце войны ей было двенадцать, и за следующие пять лет она быстро развилась телом и умом, забыла о детской застенчивости и робости и вполне осознала силу духа, до той поры таившуюся в ней. В школе она проявляла усердие, когда имела к тому склонность, но всегда оставалась равнодушной к занятиям, словно получение образования было для нее не более чем способом времяпрепровождения. Учителя ничего не могли с ней поделать.

Она окончила школу в конце летнего семестра 1923 года и после ежегодных отчаянно скучных каникул на море, на сей раз в Феликстоу, вновь оказалась на Мэпл-стрит в доме номер семь, где ее ждала перспектива пустых, ничем не заполненных дней. Бабушка, которая теперь просто сидела в кресле в столовой и оттуда отдавала распоряжения, посоветовала ей помогать матери в заботах о пансионе и сказать спасибо за то, что благодаря ее щедрости ей не приходится бродить по улицам в поисках работы.

— К тому же, Дженифер, полагаю, ты отдаешь себе отчет в том, что тебе очень повезло: все эти годы ты получала прекрасное образование, чувствовала себя здесь как дома и в свои семнадцать лет пользовалась свободой, о которой твоя мать в твоем возрасте, могу тебя уверить, и думать не смела.

Дженифер оторвалась от книги и посмотрела на бабушку. Она уже так привыкла к подобным речам, что они не производили на нее никакого впечатления.

— Не знаю, какую свободу вы имеете в виду. Единственная разница в том, что я одна езжу в метро и на автобусах, чего мама не делала. Во всем остальном, как мне кажется, моя жизнь ничем не отличается от ее жизни.

Бабушка презрительно фыркнула.

— Вздор, вздор, — пробубнила она. — Я вовсе не одобряю все эти беганья по улицам.

Берта вышивала ночную кофту.

— Думаю, Дженифер было бы неплохо завести приличных подруг, — заявила она. — Я бы хотела, дорогая, чтобы ты продолжила знакомство с дочерью Маршаллов, она могла бы пригласить тебя погостить у них. Уверена, что у них недурной дом в Херефордшире.

– Что такое? – раздраженно спросила бабушка. – Что такое? Я тебя совсем не слышу, ты так бормочешь, что ничего не разобрать.

– Я сказала, жаль, что у Дженифер нет приличных подруг, которые могли бы пригласить ее погостить у них, – громко сказала Берта.

– Что за вздор! Ребенку и здесь хорошо. С чего бы ей хотеть куда-то уезжать? Она только что вернулась из Феликстоу. Теперь все только и знают куда-то ездить.

– И все же, мама, у нее нет подруг, с которыми ей было бы интересно. В старину я дружила с Эдит и Мэй, во всяком случае, мы всегда находили чем заняться. Нет-нет, Дженни, очень жалко, что у тебя нет подруг.

– Не беспокойтесь, я вполне довольна, – сказала Дженифер, бросая на них сердитый взгляд. Она не любила, когда о ней говорят. – Никакие подруги мне не нужны. Я терпеть не могу девчонок, всегда терпеть не могла.

– Берта, что она говорит? Почему она не говорит достаточно громко, чтобы я могла расслышать? – Бабушка ударила по полу палкой.

– Мама, Дженни говорит, что не любит девочек, вот и все.

– Не любит девочек? Что за глупость. Что она имеет в виду, хотела бы я знать.

– Да, Дженни, расскажи нам. Ты всегда такая скрытная.

– Ах! Мне нечего рассказывать, мама. Я и сама точно не знаю почему. По-моему, они просто дуры, по крайней мере, в школе я других не видела. Все время хихикают, шепчутся. Мне нравятся люди, которые либо делают что-то открыто, либо молчат.

– Делают... открыто, что ты имеешь в виду, детка? – Бабушка подозрительно наострила уши. – Тебе не следует говорить загадками. Объясни, что у тебя на уме.

– Это такое выражение, бабушка. Оно ничего не значит. Мне понадобится несколько месяцев, чтобы объяснить вам, почему мне не нравятся девочки.

– Право, Дженни, – веселым тоном заметила Берта, – ведь у тебя не так много знакомых мальчиков, с которыми их можно было бы сравнивать, но, смею сказать, с возрастом они у тебя появятся. Мне бы очень хотелось, чтобы ты познакомилась с поистине достойными молодыми людьми. В конце концов, придет время, и надо будет думать о замужестве.

– Я не хочу выходить замуж.

– Ах, в твоём возрасте все девушки так говорят, уверена, что и я говорила так же. Подожди немного и сама увидишь. Робость перед мужчинами не более чем притворство.

– Робость? – Дженифер улыбнулась. – Я вовсе не робею перед мужчинами, они мне нравятся. Они гораздо лучше женщин, совсем как собаки.

– Что такое? Что такое? Что она сказала?

– Дженифер не имеет ничего против мужчин, мама. Она говорит, что они похожи на собак, она видит их вне дома.

– Видит? Что видит? Какая мерзость! Она позвала полицейского?

– Нет, бабушка, вы не расслышали. Я сказала, что мужчины лучше женщин.

– Да, да, детка, кто же этого не знает, но это не оправдывает их непристойного поведения. Так вот почему ты любишь одна бродить по Лондону. Берта, я этого отнюдь не одобряю.

– Все в порядке, мама. Дженни пошутила.

– Хм! Пошутила... Не понимаю, над чем здесь шутить. Беда в том, что этот ребенок слишком много знает.

Берта поспешила сменить тему.

– Какие у тебя планы на эту неделю, Дженни?

– Никаких планов. Завтра я хочу пройтись по набережной и посмотреть, нет ли там кораблей.

– Что за странное желание.

– Мне это нравится.

– Не позволяй всяким грубиянам заговаривать с собой.

– Пока что со мной никто не заговаривал, а мне бы хотелось.

– Что такое? Ребенок хочет, чтобы на него напал какой-нибудь грубиян? Берта, я запрещаю Дженифер отправляться на эту прогулку.

– Хорошо, хорошо, мама. Дженифер, ты слышала, что говорит бабушка?

– Да, слышала.

– И все-таки жаль портить тебе день. Завтра днем ты собиралась сделать кое-какие покупки. Мы можем пойти вместе, а потом выпить чаю в «Уайтлиз».

К удивлению матери и бабушки, Дженифер громко рассмеялась и вышла из комнаты.

– Боже мой! Надеюсь, Дженифер не доставит нам слишком много неприятностей, – задумчиво проговорила Берта.

Бабушка фыркнула и поудобнее устроилась в кресле.

– За ней нужен глаз да глаз, вот что я скажу. Не нравится мне ее взгляд. Этот ребенок – темная лошадка.

И их мысли приняли другое направление.

Дженифер верила в честную игру и, проведя в праздности ровно два месяца, решила, что дальше так жить не может. Было нелепо говорить, что матери нужна ее помощь в заботах о пансионе; напротив, ее вмешательство вызвало бы раздражение.

Берта понимала, что дочери нечем заняться, что она скучает, но полагала, что во всем виноват характер Дженифер. Бедный Кристофер в молодости был таким же. Вечно неугомонным, вечно неудовлетворенным. Какое несчастье, что Дженифер унаследовала этот недостаток. Берта не знала, что с ней делать. Сама она в девичестве была совсем другой. Но что есть, то есть; как жаль, что у Дженифер нет увлечений, которые могли бы ее хоть как-то развлечь. Например, живопись или музыка. Впрочем, она еще слишком молода, возможно, ей повезет, и она встретит достойного молодого человека с солидным состоянием...

Она обсудила этот вопрос с бабушкой, и обе сошлись на том, что иного выхода для Дженифер не существует.

– Вот почему я так мечтаю, чтобы у нее появились подруги. У этой девочки Маршалл из ее школы такой прекрасный загородный дом, она могла бы представить ее множеству знакомых. Дженифер могла бы даже поохотиться.

– Поохотиться? Вздор, вздор. Как ни старайся, охотой мужа себе не обеспечишь. К тому же Дженифер только и ждет, чтобы самой стать легкой добычей.

– Мама, милая, вы меня неправильно поняли. Я имею в виду поохотиться верхом, скажем, на лису.

– Ох! Тогда почему прямо не сказать, что ты имеешь в виду? Охота, видите ли, вздор какой.

– Боюсь, что манеры Дженни не слишком подходят для общения с посторонними, – продолжала Берта. – У людей создается впечатление, что она над ними смеется. Впрочем, и с теми, кого она знает, происходит то же самое. Взять хотя бы наших постояльцев. Я уверена, что здесь все с ней очень мило, но у нее такой бойкий язык. Думаю, она отпугнет любого мужчину, который захотел бы произвести на нее впечатление.

– Хм! Это только поза. В тихом омуте черти водятся. Вчера вечером она была весьма фамильярна с мистером Таптоном. Я наблюдала за ней.

– Ах, мама! Они всего-навсего разговаривали о коневодстве. Вполне безобидная тема.

– Безобидная? Рада, что ты так думаешь. Я же полагаю, что это весьма интимный предмет, особенно когда его обсуждают особы противоположного пола. Никогда не знаешь, до чего договоришься.

Мужчина не упустит случая поиграть словами и наговорить двусмысленностей.

– К Хорасу Таптону, мама, это едва ли относится. Он очень серьезный человек, и ему хорошо за пятьдесят.

– Как ты наивна, Берта. Именно в этом возрасте мужчины и теряют голову в обществе молодых девушек. Никогда не забуду одно крайне неприятное происшествие, случившееся со мной много лет назад в вагоне поезда, к тому же я уже была замужем. Впрочем, не о том речь. Речь о том, что я ни на йоту не доверяю Дженифер. Вполне возможно, что она сама завела разговор о коневодстве и тем самым пробудила в мистере Таптоне бог знает какие мысли.

– О господи, вы действительно так думаете? Я непременно скажу ей впредь быть осторожнее.

– Если мы хотим видеть Дженифер замужем, Берта, то, должна признаться, она не с того начинается. Ни одному благовоспитанному мужчине не придет в голову просить руки девушки, которая демонстрирует такую осведомленность в интимной стороне жизни. Он сразу почувствует к ней антипатию и заподозрит все что угодно. Коневодство, видите ли! Какой вздор.

В этот момент в комнату вошла Дженифер. Она держала в руке шляпу и улыбалась.

– Привет! – сказала она. – Я нашла работу. Берта широко раскрыла глаза от удивления.

– Боже мой, Дженни, что ты имеешь в виду?

– Нашла... нашла... что она нашла? Я ни слова не слышу. – Бабушка с сердитым видом наклонилась вперед. Ее подбородок дрожал от волнения.

– Я нашла работу, – повторила Дженифер, – и начинаю завтра в девять утра. – Она села на подлокотник кресла и внимательно посмотрела на мать и бабушку.

– По-моему, это не очень мило с твоей стороны, – тут же объявила Берта. – Я просто не понимаю тебя. Уходить, никому ничего не сказав, самостоятельно устраивать свои дела, будто тебе уже двадцать один год и ты ни от кого не зависишь, в то время как мы с бабушкой сидим здесь, переживаем за тебя, думаем, что предпринять, и...

– Да, мама, но послушай меня хоть чуть-чуть. Вы с бабушкой сидите здесь и переживаете, но ничего не делаете. Да и с какой стати вам что-то делать? Поэтому я сама вышла из дома и все сделала за вас.

– Но в этом нет необходимости, – упорствовала ее мать. – Бабушка заботится, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Вот хотя бы эта прелестная

шляпка, еще три недели назад она была совсем новой. И все это отражается на мне, можно подумать, что я не хочу видеть тебя здесь в дневное время. Дженифер, ты меня очень огорчила.

– Мама, прошу тебя, не устраивай сцен. В том, что я поступила на работу, нет ничего предосудительного. Ведь теперь все чем-то заняты. Даже богатые девушки, которые ни в чем не нуждаются, и те работают. Да, знаю, раньше это никому и в голову не приходило, но ты сама на днях говорила, что война все изменила.

– Берта, что она говорит?

– О, боже мой! Боже мой! Дженифер говорит, что нынче богатые девушки занимаются тем, что в былые дни привело бы всех в ужас. Она говорит, что теперь все это делают.

– Делают? Что делают? Никогда не слышала ничего подобного. Какое гнусное, аморальное заявление. Неужели нельзя дожидаться замужества, силы небесные, право, я...

– Нет-нет, мама. Дженифер говорит, что после войны все девушки работают. Не знаю, что и думать об этом. Интересно, если бы бедный Кристофер был жив, что бы он на это сказал.

– Папа был бы доволен, – поспешно проговорила Дженифер. – Я в этом уверена, и не надо качать головой, мама. Как бы то ни было, я получила место, и моя работа начинается завтра в девять утра. Так что хватит об этом. Что бы вы ни говорили, своего решения я не изменю.

– Ты жестокая, упрямая девочка, Дженни. Я и подумать не могла, что ты вырастешь такой бессердечной. Хотела бы я знать, откуда в тебе это ужасное своевольное упрямство – твой папа и братья были совсем другими. Я начинаю думать, что ты унаследовала его от своего безжалостного и малоприветного деда.

– Берта! – воскликнула возмущенная бабушка.

– Не от папы, дорогая. Я имела в виду отца бедного Кристофера, старика, который так безобразно к нам относился.

Дженифер соскользнула с подлокотника кресла.

– Вижу, меня здесь не слишком жалуют. Пойду-ка я лучше наверх.

– Подожди, Дженни, ты еще не сказала нам, в чем заключается твоя драгоценная работа.

– Да, Дженифер. Подойди и признайся, если, конечно, тебе не стыдно об этом говорить.

– Здесь нечего стыдиться. Я буду помощницей ветеринарного врача, чем-то вроде санитарки.

Наступила гнетущая тишина. Дженифер бесшумно выскользнула из

комнаты.

– Санитарка. – Берта беспомощно воззрилась на мать. – Можно ли представить себе что-нибудь более отвратительное. Она наверняка подцепит блох, а то и чего похуже. Целый день возиться с больными животными. Я в жизни так не тревожилась. Порой я даже думаю, не показать ли Дженифер врачу, она все-таки со странностями. Ах, мама! Что нам делать?

– Странностями? Какой вздор, нет у нее никаких странностей. Хотелось бы мне знать, каков он – этот пожилой мужчина, этот ее ветеринар...

На другой день одетая в белый халат Дженифер помогала пожилому человеку с грустным лицом, когда тот, тоже облаченный в белый халат, делал инъекцию жалобно мяукающему коту, которого за несколько минут перед тем переехал автомобиль. Ветеринар спросил ее, может ли она это вынести.

– Да, – стиснув зубы, ответила Дженифер. Она протянула руки за воющим, истекающим кровью котом и со спокойной уверенностью прижала его к себе, словно давно привыкла к подобным операциям.

Девять месяцев Дженифер была ассистенткой мистера Маклея, хирурга-ветеринара на Бейкер-стрит, но в конце этого срока ему пришлось оставить работу по состоянию здоровья.

К этому времени мать и бабушка поняли, что спорить с ней бесполезно, и предоставили ее самой себе. Прошла не одна неделя, прежде чем они смирились с тем, что она работает санитаркой.

Когда служба Дженифер в этой должности подошла к концу, она стала искать что-нибудь другое. Однажды она пришла домой и объявила, что продает чулки в военном универмаге. Берта взглянула на нее исполненными боли глазами.

– Порой мне кажется, что ты ведешь себя подобным образом лишь для того, чтобы задеть мои чувства. С твоим прекрасным образованием продавать чулки в магазине...

– В школе я ничему не научилась, – возразила Дженифер. – Я не помню, какие реки текут в Китае, какие товары экспортирует Индия, как разобрать предложение и что такое первая парламентская реформа. Зато после школы я узнала, что надо делать, когда животное страдает от боли, а это куда важнее всех знаний, вместе взятых.

– Но к чему все это ведет? Именно это, прежде всего, интересует нас с бабушкой. Помогать животным, конечно, очень мило, но чтобы девушка с твоим воспитанием стояла за прилавком и торговала чулками...

– Ты как-то мне сама говорила, что, когда вы жили в Лондоне, папа служил администратором магазина.

– Это совсем другое дело.

– Почему?

– Тебе отлично известно, что твой папа начал жизнь в довольно скромном положении. Ты, разумеется, не можешь помнить своих родственников из Плина, но все они были... как бы это сказать... простыми сельскими жителями. Поначалу я это ощущала очень остро. Твой папа был во всех отношениях выше их, именно поэтому он и бросил море. Но в молодости денег у него было очень мало, и ему пришлось немало потрудиться, чтобы преуспеть в жизни. К тому же в то время перед молодыми людьми не открывалось почти никаких возможностей. С тобой все обстоит иначе. Тебя воспитали как леди, а ты только и делаешь, что отмахиваешься от того, что тебе дано. Взгляни на людей, которые окружают тебя в этом магазине.

– Ах, мама, не знаю. Девушки там очень веселые, по крайней мере, большинство. И я вовсе не чувствую себя леди... леди – какое отвратительное слово, ничуть не лучше, чем куафер.^[31]

– Куафер? Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Неважно.

На исходе второго месяца работы в военном универмаге чулки наскучили Дженифер, и она, привлеченная рекламой «Мгновенного шоколада», провела три недели в должности официантки в «Лайонз», откуда была уволена за разбитую посуду. Это ее ничуть не огорчило, и она устроилась рекламным агентом в фирму, которая собиралась выпустить в продажу новую модель пылесоса для чистки ковров. Дженифер должна была ходить по домам с набитой брошюрами сумкой, звонить в дверь и вовлекать людей в тоскливую беседу о достоинствах нового пылесоса, без которого не может обойтись ни одна хозяйка.

К несчастью, «беспыльный» пылесос не произвел впечатления в домах Англии, и Дженифер вновь оказалась без работы. Однако она скопила некоторую сумму и могла немного себя побаловать. Мать предложила ей купить такую полезную в обиходе вещь, как меховое манто, бабушка – собрание сочинений сэра Вальтера Скотта в кожаном переплете, но Дженифер не проявила особой склонности ни к тому, ни к другому. В порыве безумия она чуть было не купила модель корабля под всеми парусами, выставленную в витрине антикварной лавки, но, вовремя закрыв глаза и поспешив прочь, оказалась перед конторой с медной табличкой на двери: «Машинопись и стенография. Частные уроки».

Дженифер вошла в контору и записалась на полный курс, включавший, помимо прочего, бухгалтерский учет и делопроизводство. Таким образом, до Пасхи ей было чем заняться.

Однако радости она не испытывала. Все время чего-то не хватало. Дженифер казалось, что в жизни должно быть нечто большее, чем то, что она уже знает, нечто большее, чем неожиданный смех, мелкие огорчения, раздражение, проявления доброжелательности – скучные или забавные происшествия повседневного бытия. Они не приносили удовлетворения, истинного покоя.

Она впала в депрессию, у нее появилось чувство, будто она всюду чужая. Она не находила себе места в тяжелой атмосфере пансиона, не могла приспособиться к заведенному там образу жизни и строю мыслей.

Лондон так и остался для нее холодным городом, который она ненавидела с детства, пансион – унылой раковиной, лишенной домашнего тепла и приветов.

После Рождества в доме номер семь по Мэпл-стрит появился новый постоялец. Это был мужчина лет шестидесяти, род занятий которого определялся крайне туманно и неопределенно: «кое-какие дела в Сити». Мanners его были слишком безупречны, речь чрезмерно цветиста и многословна, благодаря чему он почти сразу стал центральной и самой блестящей фигурой пансиона. Звали его Фрэнсис Хортон. Дженифер с первой же встречи почувствовала к нему отвращение, но вскоре решила, что он просто смешон, и, веселясь в душе, наблюдала за тем, какое одобрение вызывает его персону в штабе пансиона.

– Какой незаурядный человек, – сказала бабушка. – Настоящий *comme il faut*^[32], дорогая Берта. Сразу видна старая школа.

Вскоре он был допущен в святая святых будуара. Не проходило и вечера, чтобы мистер Хортон не сидел между двумя женщинами, в то время как Дженифер устраивалась в кресле-качалке у книжного шкафа. Он держался с ними одновременно почтительно и фамильярно, нарочито выказывал безграничное уважение, при этом давая ощутить свое мужское превосходство.

– Ну, милые леди, – начинал он ровным бархатным голосом, – и как же вы провели день? Миссис Паркинс, позвольте мне поправить вам подушку. Нет-нет, никакого беспокойства, уверяю вас, удовольствие, положительно, удовольствие. Итак, мы снова вместе. Расскажите же мне, чем вы занимались.

– Ах! Тем же, чем и всегда, мистер Хортон. Видите ли, я изо всех сил стараюсь, чтобы в пансионе все шло как по часам.

– Я в этом не сомневаюсь, миссис Кумбе. Вы думаете обо всех, кроме себя. Какая прелестная работа. Вы позволите взглянуть на нее не искушенному в подобных тонкостях мужчине? – Он галантно склонился над вышивкой, которую она держала в руках, и провел по ней пальцем.

Берта отодвинула от него ткань и жеманно рассмеялась.

– Ох уж это мужское любопытство...

Отведя взгляд от книги, Дженифер заметила глупый жест матери и самоуверенное, почти дерзкое выражение в бледно-голубых глазах мистера Хортон.

Ей стало неловко, и она опустила голову, жалея, что видела эту сцену.

– Что такое? Что такое? Что сказал мистер Хортон? – Бабушка даже привстала с кресла.

– Я вижу, что миссис Кумбе прекрасная рукодельница, дорогая леди. Столь редкое в наше время достоинство. «Стежок, сделанный вовремя», хм? Вы ведь помните старую поговорку. А что мисс Дженифер? Чем занята наша молчунья в своем укромном уголке? Боюсь, миссис Кумбе, что ваша дочь настоящий книжный червь. – Он с наигранным осуждением покачал головой.

– Как ни старайся, общительности от Дженни не добьешься. Мы уже давно оставили всякую надежду, – вздохнула мать. – Молодое поколение хорошими манерами не отличается. Хоть ненадолго отложи книгу, Дженни, и веди себя пристойно.

– Да, мисс Дженифер, присоединяйтесь к нашему уютному кружку. «Все работа и нет игр», хм? Вы знаете продолжение? – Он неестественно рассмеялся, и его виски слегка покраснели.

Дженифер ему не нравилась. Он боялся, что она считает его старым дураком.

– Я все время опасаюсь, миссис Паркинс, что ваша внучка своей очаровательной ручкой занесет мои замечания на бумагу.

– Занесет ваши... своей рукой? Что такое, мистер Хортон? Что такое?

– Вы неправильно поняли мистера Хортон, мама. Он боится, что Дженифер запишет наш разговор, ведь она знает стенографию.

– Ах! Да, конечно, я поняла. Вся эта машинопись, стенография... Вздор какой.

Ошибка миссис Паркинс привела маленький кружок в легкое волнение. Глядя прямо перед собой, Дженифер закусил губу, чтобы не рассмеяться. Мистер Хортон, покручивая нелепые усы, снова наклонился к Берте.

– Как поразительно быстро летит время, поистине поразительно.

Знаете, ведь сегодня уже пять недель, как я с вами.

– Что такое? Пять недель? Что он делает с тобой эти пять недель?

– Пять недель, как я ваш постоялец, миссис Паркинс, дорогая леди, не более чем ваш признательный постоялец. Именно это я только что и сказал миссис Кумбе. Восхитительно, просто восхитительно. А rgoros^[33] – прошу прощения за плохой французский, – я за то, чтобы это отметить. Предлагаю небольшую вечеринку, знаете, только для нас четверых и посещение театра.

– Театр? Вздор, вздор. Я в театр не пойду, мистер Хортон. Современные актеры говорят недостаточно четко. Пригласите Берту, мистер Хортон, пригласите Берту.

– Миссис Кумбе, вы окажете мне эту честь?

– О, великолепно. Дженифер, ты, конечно, тоже пойдешь?

– Премного благодарна, но, пожалуй, нет. Я... я, кажется, простудилась. Какая досада. – Дженифер опустила глаза.

– В таком случае идемте вдвоем, миссис Кумбе. Надеюсь, вы не возражаете?

Дженифер увидела, что мать краснеет. Ее стало подташнивать. Она оттолкнула кресло и подошла к книжному шкафу.

– Ах, мисс Дженифер, я вижу, вы не одобряете, – долетел до нее бархатный голос из противоположного конца комнаты. – Обещаю вам заботиться о вашей дорогой матушке. Она будет под надежной защитой, кроме того, небольшое развлечение пойдет ей только на пользу.

– Раз речь идет о развлечении, – весело проговорила Дженифер, – то меня это не касается.

Выходя из комнаты, она все еще слышала голос мистера Хортона:

– Что вы хотели бы посмотреть? Сам я люблю юмористические представления. Я всегда ценил чистый, здоровый юмор.

Со временем подобные торжественные выходы в свет превратились в еженедельный ритуал, но Дженифер больше не приглашали. День за днем она наблюдала, как отношения матери и мистера Хортона становятся все ближе. Она видела его старания быть галантным, видела благосклонную реакцию матери. Замечала особое внимание, каким он ее окружает, и то, как меняется ее поведение, стоит ему войти в комнату. Видела, как крепнет в нем чувство собственника, отмечала про себя властные интонации, закрадывающиеся в его голос, и то, как мать спрашивает его мнение по тому или иному вопросу, во всем полагаясь на его советы.

Она была невольным свидетелем обмена взглядами и невольным слушателем их бесед. Находясь с ними в одной комнате, она испытывала невыносимую скуку и смущение. Ее мать просто дура, если испытывает

привязанность к этому человеку.

К тому же она строит из себя мученицу. Как-то Дженифер подслушала их разговор.

– Моя жизнь была полна взлетов и падений, – сказала мать. – Мой бедный муж никогда не понимал, на какие жертвы я пошла ради него. Я отдала ему лучшие годы моей жизни. Он проиграл все наши сбережения, и я познала годы горьких лишений. Потом ему немного повезло, и он дал мне и сыновьям некое подобие семейного очага. Как вам известно, мы в течение двенадцати лет были заживо похоронены в корнуолльской глуши. Я никогда не жаловалась, поскольку верю, что из любого положения можно извлечь нечто хорошее. Люди были по-своему добры к нам, но, разумеется, они принадлежали к совсем другому кругу. Вы понимаете?

– Бедная вы моя, – сказал мистер Хортон, беря ее за руку.

– Все мое счастье заключалось в Кристофере и детях, заботы о них не оставляли мне времени думать о себе.

Дженифер поспешила прочь. Это было гадко, отвратительно. Она не могла этого переносить.

Как могла мать с таким безразличием говорить о папе, который как раб трудился ради нее. Отдала ему лучшие годы жизни! А что же папа? Очевидно, он вообще ничего ей не дал. Просто был рядом, не делая ни малейших попыток ее понять.

Бедный, милый папа – все, что она могла вспомнить, это светловолосая голова на подушке да фигура, которая машет ей с подножия холма...

Папа... Гарольд... Вилли... Все ушли, все забыты, будто их никогда и не было, а мать высокопарно беседует с этим чужим человеком с глупыми бараньими глазами.

Возможно, она надеется снова выйти замуж. Почему бы и нет? Никто не заставляет ее оставаться вдовой.

Видимо, так и случится. Она станет миссис Хортон, женой этого дурака. Ее мать, которой сейчас пятьдесят пять. Ужасная, отвратительная картина... Как вообще могут женщины, уже любившие одного мужчину, думать о другом, смотреть на другого? Даже если их мужья умерли много лет назад, они должны помнить. Это подло, низко. Она постаралась представить себе, как обернутся дела в будущем. Возможно, они переедут в другую часть Лондона. Мистер и миссис Фрэнсис Хортон, и она, Дженифер, его падчерица. Какая отвратительная фамильярность: «Дорогая, твоя мать и я решили...» Все трое сидят за столом и завтракают.

– Еще чаю, Фрэнсис?

– Благодарю, Берта, любовь моя, я уже напился.

Он – самоуверенный, с гнусной улыбкой владыки и обладателя; и она – трепещущая, дрожащая, старающаяся угодить.

И Дженифер, обреченная смотреть на них, сознающая всю ложность такого положения.

Шли дни, но никто ничего не говорил. Дженифер начала осматриваться в поисках новой работы.

Ей только что исполнилось девятнадцать. В Лондоне явно было слишком много девушек, желавших быть машинистками; Дженифер почти отчаялась найти работу. Она регулярно читала объявления в «Дейли телеграф», но ни одно не подходило. Жизнь представлялась ей унылой, однообразной чередой дней, и порой она задавалась вопросом – а стоит ли вообще так беспокоиться. У этого идиота Хортонна была пренеприятная привычка первым в доме хватать «Дейли телеграф» и прочитывать ее от корки до корки. Дженифер твердо решила помешать ему в этом, просыпаться раньше и просматривать объявления, пока все ждут завтрака.

На третье утро, поднимаясь из холла по лестнице, она остановилась на полпути, в нескольких шагах от гостиной. Дверь была открыта, и она увидела Хортонна, который обнимал ее мать. Он явно только что ее поцеловал, к тому же не первый раз. Мать поправляла волосы и строила глупые мины перед зеркалом.

– Фрэнсис, я думаю, нам следует им сказать, – говорила она, – а то пойдут сплетни.

– Если ты этого хочешь, моя Берта, то предлагаю сегодня утром за завтраком сделать официальное сообщение. Грядут свадебные колокола, хм? Это будет настоящей сенсацией.

– Думаю, мама этого ждет, но вот Дженни.

– Ах! – Хортон рассмеялся. – Дженифер предоставь мне. Уверяю тебя, с ней хлопот не будет. Просто требуется немного твердости. Вскоре мы станем друзьями. Отцовская воля, не так ли?

– Фрэнсис, ты удивительный человек. Дженифер не стала ждать продолжения. Она поднялась по лестнице и проскользнула в комнату матери. Из-за вазы на каминной доске она достала выцветшую, покрытую пылью фотографию Кристофера Кумбе. Затем бросила взгляд в окно на ряды печных труб, поднимающихся над Лондоном. Из казармы на другой стороне улицы донесся призыв горна.

– Послушай, папа, – сказала она, – что я, по-твоему, должна делать?

– Итак, мои дорогие друзья, все вместе и каждый в отдельности, я имею ни с чем не сравнимое удовольствие сообщить вам, что ваша

возлюбленная и уважаемая хозяйка Берта Кумбе оказала мне честь, согласившись стать миссис Хортон.

Небольшая толпа собравшихся в столовой постояльцев разразилась криками удивления, удовольствия и вежливого одобрения.

– Как романтично, просто не передать словами... а мы и не знали... самые искренние поздравления... вы счастливейший из мужчин...

– Полагаю, вам не терпится услышать, когда состоится счастливое событие, – продолжал мистер Хортон. – Что ж, не скрою, это будет скоро, очень скоро. Естественно, я горю нетерпением и надеюсь, что моя будущая супруга разделяет мои чувства.

Берта кивнула и улыбнулась преемнику Кристофера.

– Я отнюдь не намерен надолго лишать вас ее общества. Медовый месяц – вернее всего три недели – в тихом уголке, и мы вновь станем жить здесь, как прежде.

– Что такое? Тихий уголок? Что он собирается делать в тихом уголке?

– Успокойтесь, мама. Он имеет в виду Вентнор. Хортон с головой погрузился в море красноречия.

– Она не только сделала меня самым счастливым человеком на земле, но и спасла от тоски и одиночества холостяцкой жизни, она не позволила мне бесцельно блуждать по жизненным тропам: кому на месте не сидится, тот... и так далее, иными словами, лучше износиться, чем заржаветь... – Он слегка смутился и замолк.

– Продолжай, дорогой, – пробормотала Берта, – это так прекрасно.

– Я имел в виду, дорогие друзья, что – верю – я принесу ей такое же утешение, как и она мне. – Он сел под громкие аплодисменты.

– А где Дженни? – спросил кто-то.

– Неужели она не поздравила счастливую пару?

– Да, где Дженифер?

Ее место за столом было пусто. До сих пор этого никто не заметил.

– Дженифер опаздывает к завтраку, – сказала бабушка. – Что она задумала? Какой-нибудь очередной вздор.

В этот момент в комнату вошла Дженифер. На ней были надеты твидовый пиджак, юбка и джемпер, на голове лихо сидела коричневая ондатровая шляпка. В руках она держала два небольших чемодана, через плечо был перекинут старый забрызганный чернилами макинтош.

– Дженифер! – воскликнула бабушка. – Что все это значит?

– Дженни... в чем дело? – В голосе матери слышались слезы.

Заинтригованные и несколько смущенные постояльцы раскрыли рты от удивления.

Наконец мистер Хортон с сознанием вновь обретенного достоинства поднялся из-за стола.

– Дорогая Дженифер, – начал он, – полагаю, вы должны объяснить вашей матушке, что все это значит. К чему этот... хм, костюм? Эти саквояжи?

Все ждали ее ответа.

– Я ухожу, – сказала Дженифер.

– Намереваясь покинуть нас, вы отбываете таким странным, своевольным способом?

Он смотрел ей в лицо, словно не веря происходящему.

Бабушка тряслась от гнева, Берта пыталась нащупать в кармане платок.

– Послушайте, мистер Хортон, – сказала Дженифер. – Что мне делать и куда мне идти – это мое дело. Я слышала, что вы собираетесь жениться на моей матери – это ваше дело. Я искренне желаю счастья вам обоим. На этом и порешим, хорошо?

– Но, Дженни, минутку, я не понимаю.

– Неужели, мама? Что ж, это не так уж и важно, верно? Ты хочешь устроить свою жизнь по-новому, я собираюсь сделать то же самое. Этой жизнью я прожила тринадцать лет, и, думаю, этого вполне достаточно. Время от времени я буду посылать вам почтовые открытки с видами. Всем до свидания.

– Остановите ее... остановите ее, – сказала бабушка вся красная от гнева. – В этом, без сомнения, замешан мужчина. Другой она быть и не может. Выясните, куда она идет.

Дженифер помахала чемоданом на прощанье.

– Я еду туда, где родилась, – крикнула она. – Я еду домой, к своим близким – домой в Плин.

Глава восьмая

Когда Дженифер вышла из дома номер семь по Мэпл-стрит, в ее кармане было ровно пять фунтов шесть шиллингов и четыре пенса. С одной пересадкой она приехала на омнибусе к Паддингтонскому вокзалу за сорок пять минут до отправления двенадцатичасового поезда, которому предстояло навсегда увезти ее из Лондона. Тридцать два шиллинга и шесть пенсов из ее капитала ушло на билет в вагоне третьего класса, еще три шиллинга на чашку кофе, два ломтика бекона и банан, поскольку дома она не завтракала. Перед поездом у нее было время обдумать свой безумный побег из пансиона. С шестилетнего возраста это был ее дом, но она оставила мать без малейшего сожаления. «Должно быть, во мне есть что-то противоестественное, – с грустью подумала Дженифер. – Но тут ничем не поможешь. Наверное, я родилась без сердца. Кажется, такое бывает».

Она сидела в вагоне и, ужасаясь самой себе, наблюдала за движением людей по платформе, за катящимися тележками, суетой носильщиков, слышала свистки и шипенье отходящих поездов.

Тринадцать лет назад она приехала сюда, на этот самый вокзал, цепляясь за руку матери, покорная, со слезами на глазах, оторопевшая от яркого света и суеты, и сейчас ей казалось, что эти годы не оставили следа в ее жизни, что она нисколько не изменилась и остается все той же одинокой шестилетней девочкой. Дженифер сидела в уголке вагона, и поезд быстро уносил ее из города, который она ненавидела, от тянувшихся до самого горизонта крыш, переплетающихся, забитых толпами улиц, от грохота и стука, от роскоши, бедности и мерзости запустения, от унылых мужских и женских лиц; поезд нес ее мимо ровных лугов и низких зеленых изгородей, мимо сверкающей глади узкой реки, мимо раскинутых по равнине городков и скучных, однообразных деревень.

Вскоре она воспрянула духом и ощутила странное волнение: равнина осталась позади, и поезд мчался теперь мимо холмов, поднимавшихся к белесому небу, троп, пролегавших по низинам, овец, бредущих нескончаемой вереницей, крестьян, которые махали ему вслед.

И вдруг, неожиданно, неподвижно-серый простор моря, раскинувшегося под проходящим поездом, высокие красные скалы Девона, босоногие ребяташки, бегущие по гальке, маленькие, словно игрушечные, лодки, раскачиваемые приливом.

Это был Корнуолл, ее родная земля, причудливая, странная смесь

неровных холмов, низких, простирающихся на многие мили долин, серых, разбросанных далеко друг от друга домов, высоких лесов и полноводных потоков. От волнения она сошла на станции, где пересаживались на Сент-Брайдз, и с досадой увидела скрывающийся вдали поезд, который оставил ее вместе с багажом на узкой платформе милях в пятнадцати от места, куда она ехала.

Забыв об усталости, веря в удачу и не думая о деньгах, она вышла из здания вокзала, отыскиала дорогу к гаражу и меньше чем через двадцать минут уже ехала в нанятом ею, выдавшем виды стареньком «форде» в сторону Плина.

Не обращая внимания на белую пыль, Дженифер сняла шляпу и подставила волосы ветру; словно не замечая шума мотора и смердящих выхлопов бензина, она ловила ароматы леса и зеленых изгородей, примул, растущих по оврагам, смолевки и пламенеющего утесника, земли и солнца, дождя, далекого моря.

Они поднялись на вершину холма. Внизу, словно тихое озеро в горной долине, сверкали широкие серые воды гавани. Построенный на дальнем холме город террасами поднимался к скалам.

Старые дома беспорядочно лепились один к другому, из печных труб вился дым. У кромки воды тянулись мощенные булыжником набережные и ступени, ведущие к дверям домов.

Из гавани выходил пароход; дымя трубами, медленно и величественно он направлялся в открытое море. Он дал три гудка, и окрестные холмы ответили ему троекратным эхом. Над стоящими на якоре кораблями парили чайки.

Водитель «форда» обернулся к Дженифер и указал рукой вниз.

– Посмотрите туда! – крикнул он. – Это Плин.

Он нажал на тормоза, и машина стала спускаться по крутому каменистому склону. Здесь по обеим сторонам стояли беленые известью домики, в канавах бродили утки и куры. Затем показались длинная каменная стена, мощный булыжником спуск, а за ними широкая, простертая к морю гавань с серыми, смотрящими на сверкающую воду домами.

Дженифер вышла из машины, прислонилась к шершавой каменной стене, и ей показалось, что она одним взглядом может вобрать в себя весь Плин, может сломать преграду лет, означавших расставание и немое одиночество. С пробудившимся сердцем она смотрела на то, чего так долго была лишена; долгожданный покой снизошел на нее робко, осторожно, как вестник надежды.

Дженифер заплатила паромщику и переехала на другой берег. С чемоданами в руках она шла по длинной, узкой улице Плина, толком не зная, ни куда идти, ни о ком спрашивать.

Она смутно помнила, что Дом под Плющом был не в самом городе, он стоял на склоне дальнего холма, ближе к скалам и к открытому морю. Стоило ей об этом подумать, как ее словно осенило: ведь Дом под Плющом уже долгие годы принадлежит не ей, а совершенно посторонним людям, о которых ей ничего не известно. Сгущались сумерки, а она была фактически чужой в своем родном городе. Усталая, голодная и немного упавшая духом Дженифер остановилась. Почти не сознавая, что делает, она дотронулась до руки какого-то прохожего.

– Скажите, в Плине есть кто-нибудь по фамилии Кумбе? – спросила она.

Ее любопытство несколько удивило мужчину, к которому она обратилась.

– А кто из Кумбе вам нужен, милая? – осведомился он. – Видите ли, в разных местах Плина живут несколько Кумбе.

Дженифер призвала все свое мужество. Она не могла вспомнить ни одного родственника, который знал ее в детстве. Она была уверена, что у нее есть множество теток, дядюшек, кузенов, но не помнила ни имен, ни лиц.

– Точно я не могу сказать, – грустно ответила она. – Я... я не была здесь несколько лет. Я немного растерялась и просто не знаю, куда идти.

– Вон там, напротив банка, две мисс Кумбе держат лавку, может быть, они смогут вам помочь? Это дочери старого Сэмюэля Кумбе, но он уже много лет как умер. Пожилые и очень славные дамы. Попробуйте зайти к ним.

– О да! – быстро проговорила Дженифер. – Возможно, они смогут что-нибудь мне посоветовать. Но так неожиданно их беспокоить... вы уверены, что они мне не откажут? Может, мне лучше пойти в гостиницу?

– Вы, случайно, им не родственница, милая?

– Да... по крайней мере, я надеюсь. Моя фамилия тоже Кумбе.

– Что ж, тогда мисс Мэри и мисс Марта наверняка будут вам рады. Это как раз напротив, дом с дверным молотком затейливой формы. Всего доброго.

– Всего доброго и благодарю вас. Дженифер перешла улицу и постучала в дверь.

Ее вдруг охватила робость, сомнения: что сказать, с чего начать. Мэри и Марта... она была уверена, что эти имена как-то связаны в ее памяти.

Тетя Мэри... Тетя Марта... кажется, Гарольд когда-то давно их упоминал? Но если и так, как может она быть уверена, что они ее знают?

Дверь отворилась, на пороге стояла высокая седая старуха с добрыми голубыми глазами и розовыми щеками.

– Это Энни Хокинг с моей газетой? – начала она. – Ах, прошу прощения, мисс, при таком слабом свете я плохо вижу. Магазин уже закрыт. Вам нужно что-то определенное?

Дженифер, твердая, холодная, решительная Дженифер, без колебаний оставившая дом номер семь по Мэпл-стрит, дрожала как маленькая девочка, готовая вот-вот расплакаться.

– Извините, – сказала она. – Мне неловко вас беспокоить, но я не знаю, куда мне идти, что предпринять. Не могли бы вы мне сказать: Кристофер Кумбе вам не родственник?

Женщина с изумлением смотрела на нее. Затем ее лицо прояснилось, и она улыбнулась.

– Да, конечно. Он был моим двоюродным братом, мы с сестрой присматривали за ним и его братьями, когда они были детьми. Он всегда называл нас «тетушки».

– Ах! – Из глаз Дженифер брызнули слезы. – Ах! Я так рада, так рада. Вы меня, конечно, не помните, но я его дочь, я – Дженифер Кумбе.

– Как? – Лицо женщины странно сморщилось, и она сделала шаг вперед. – Вы Дженни... маленькая Дженни, дочка бедного Кристофера?

– Да.

– Марта, иди скорей сюда, – позвала женщина. – Какими судьбами? Кто бы мог подумать!

Из задних комнат появилась вторая старуха, точная копия первой, только ниже ростом и плотнее.

– Что за шум?

– Это же маленькая дочка Кристофера, только совсем взрослая. Марта, ты помнишь Дженни?

– Неужели дочка Кристофера? Боже милостивый, я просто глазам своим не верю. Дорогая, ты откуда? После стольких лет! Входи, входи и дай на тебя как следует посмотреть.

Они провели ее на маленькую кухню, из которой открывался вид на гавань. Занавески еще не были задернуты, и за окном Дженифер видела покрытую вечерними тенями воду и огни кораблей, стоящих на якоре. Кухня была маленькая и уютная. В низком камине весело горел огонь, на столе был накрыт незамысловатый ужин: хлеб, сыр и горячие пирожки с мясом. Кухню освещали четыре свечи; их пламя то вспыхивало, то угасало.

под нежным дуновением прохладного воздуха, струящегося через открытое окно. Растянувшийся на каминной доске кот лизал лапы. В углу стоял старомодный кухонный шкаф, набитый посудой, и над ним медленно, торжественно тикали часы. На решетке над очагом мелодично посвистывал чайник.

Неожиданно снаружи донеслись свист, шум воды, вспененной корабельным винтом, скрежет, громохание цепи, хриплые мужские голоса.

Дженифер прислушивалась к этим звукам, словно к эху забытых снов; она видела себя маленькой девочкой, которая, сидя на руках у отца, высовывается из окна спальни и протягивает руки к далеким огням. Она обвела взглядом маленькую кухню, увидела горящий в камине огонь, ласковое мерцание свечей, играющие на потолке тени, простую мебель, накрытый к ужину стол, улыбающиеся лица двух старых женщин, их приветливо протянутые к ней руки.

Дженифер отвернулась от них, почти ничего не видя от слез, стыдясь своей глупости, беспомощная, но безмерно счастливая.

— Вы даже не представляете себе, что это для меня значит, — сказала она, — но я дома, наконец-то дома.

Глава девятая

На другой день так много надо было рассказать и обсудить. Тетушки хотели знать все подробности бегства Дженифер и его причины; они расспрашивали ее о Лондоне, которого никогда не видели, – наверное, бедной девочке было очень трудно прожить там так долго... как изменилась малышка за тринадцать лет, что они ее не видели... затем война и столько тревог... о смерти Гарольда они слышали, но вот Вилли... сколько горя и страданий, из Плина тоже многие ушли на войну и не вернулись; некоторые говорят, что и сам город очень изменился, но, при всем том, многое в нем осталось прежним.

Затем Дженифер в свою очередь осведомилась о ныне здравствующих родственниках, но, хотя она и слышала много имен – дядя такой-то, кузен такой-то, – ей пришлось признать, что они ничего ей не говорят.

После полудня она отправилась прогуляться по Плину и с тревогой обнаружила, что помнит лишь немногие места: склон холма, ведущий к скалам, развалины Замка, тропу, ведущую через поля к церкви. Сам город казался ей незнакомым и странным, но оттого не менее дорогим, несмотря на ее короткую память.

Больше всего поразили ее гавань, корабли, парусные лодки, пирсы, широкий простор серой воды и виднеющаяся вдали полоса открытого моря.

Затем она поднялась по дороге и через поля направилась к церкви, высившейся на склоне холма.

Дженифер пришла в Лэннок.

Она бродила среди надгробий, разыскивая дорогую ей могилу. Некоторое время она тщетно оглядывалась по сторонам и наконец подошла к вязу, который рос возле живой ограды. Здесь было много камней с высеченной на них фамилией Кумбе: одни совсем новые, другие заросшие плющом, потемневшие от времени.

Здесь покоились Герберт Кумбе и его жена, Мэри Кумбе, Сэмюэль и его жена Поузи; там – кто-то по имени Элизабет Стивенс и ее муж Николас, их сыновья и внуки. У самой ограды стоял камень, который казался старше других, он немного ушел в землю и так густо зарос плющом, что Дженифер пришлось сломать несколько веток, чтобы разглядеть скрытую под ними полустершуюся надпись:

*Джанет Кумбе из Плина,
родилась в апреле 1811 года,
умерла в сентябре 1863 года
и Томас Кумбе, муж последней,
родился в декабре 1805 года,
умер в сентябре 1882 года.
Наконец-то сладкий покой.*

Это был самый старый камень, и Дженифер предположила, что он стоит над первыми Кумбе, основателями рода. Немного влево от него находились две одиночные могилы. В одной лежала Сьюзен Коллинз Кумбе, возлюбленная жена Джозефа Кумбе; в другой, размером поменьше и очень запущенной, тоже его жена, «Энни, жена Джозефа Кумбе. Умерла в 1890 году двадцати четырех лет от роду». Самого Джозефа здесь не было. Не он ли и есть ее дед, которого мать называла безжалостным и жестоким человеком? Бедная Энни двадцати четырех лет от роду...

Наконец, она нашла то, что искала: немного поодаль, на невысоком пригорке, белый камень с четкими крупными буквами:

*Кристофер Кумбе,
сын Джозефа и Сьюзен Коллинз Кумбе,
бесстрашно отдавший жизнь
в ночь на 5 апреля 1912 года
в возрасте сорока четырех лет.*

Дженифер опустилась на колени, раздвинула траву. Еще раньше в кучке мусора у ограды она нашла пустую банку, из колонки возле церкви набрала воды и поставила в нее нарциссы, которые принесла ему.

Затем она поднялась и посмотрела на небольшую группу могил, место последнего упокоения своих близких, такое безмятежное и мирное в тиши кладбища, чей покой нарушали лишь порывы ветра да белый яблоневый цвет, прилетавший сюда из далекого сада.

Дженифер отвернулась – она знала, что их уже не тяготят никакие беды и печали, – и пошла через поле домой в Плин.

Примерно на полпути от города она спросила у шедшего навстречу мальчика, где находится Дом под Плющом, но он покачал головой и ответил, что в Плине такого дома нет. Однако она настаивала, сказала, что жила там до войны. Тогда он обратился к женщине, которая стояла на другой стороне дороги:

– Миссис Тамлин, вы что-нибудь знаете про Дом под Плющом? Эта молодая леди говорит, что жила там, но я о нем никогда не слышал.

– Она имеет в виду «Вид на Море», – ответила женщина. – Кажется, когда-то его называли Домом под Плющом.

– Сейчас на нем нет никакого плюща, мисс, – улыбнулся мальчик. – Это красивое новое здание. Его нынешние владельцы мистер и миссис Ватсон. Посмотрите, вон там, немного ниже, в саду.

Дженифер неуверенно направилась к квадратному дому средних размеров, окруженному аккуратно подстриженными кустами.

Ухоженная тропинка вела от зеленой калитки к парадной двери. Эта дверь тоже была выкрашена в ярко-зеленый цвет. Крыша была явно новая, старую серую черепицу сменила сверкающая черная. Плюща на фасаде не было, но, чтобы хоть как-то его украсить, хозяева поставили под окнами две колонны в восточном стиле. На месте бывшей бани они построили маленькую теплицу.

В оранжевом гамаке лежала женщина с китайским мопсом на коленях, склонившийся над клумбой мужчина что-то подрезал ножницами.

Он распрямился и отер лоб носовым платком.

– По-моему, дорогая, здесь следует подсыпать немного извести, – сказал он, обращаясь к женщине, но, заметив, что Дженифер смотрит на него из-за ограды, нахмурился и повернулся к ней спиной. Собака истошно залаяла.

– Успокойся, Бу-Бу, – крикнул мужчина и нарочито громко добавил: – Что ни говори, но при всем том он отличная сторожевая собака. Сразу чует посторонних.

Дженифер повернулась и побежала вниз по холму. Ее глаза горели, сердце бешено колотилось, к горлу подступал комок.

«Вид на Море». Для новых хозяев это всего лишь отрезок времени, они не могут изменить истину. Они вообразили, будто дом и сад принадлежат им и что они вольны все переделать, но когда-то здесь не было ни гамака, ни твякающей собачонки, а только маленькая девочка, которая махала рукой отцу, раскачиваясь на садовой калитке.

В тот день Дженифер помогала тетушкам в магазине, хотя ее помощь едва ли требовалась: работы было немного, и женщины, несмотря на свои шестьдесят девять лет, вполне с нею справлялись.

Вечером Дженифер упросила их рассказать ей про былую жизнь Плина, про отца в детстве, про деда, про волнения и заботы, которые были частью их жизни.

Одну за другой Дженифер вызвала из небытия картины прошлого, она

увидела мужчин и женщин, чье имя носила, приобщила к их, казалось бы, ничем не примечательной жизни, полной печалей и радостей, страдания и отчаяния, взаимной любви и ненависти. Они до конца прошли начертанный им путь, надгробные плиты на Лэнокском кладбище – вот все, что от них осталось...

Джанет, Джозеф, Дженифер... всех их связывала странная и противоречивая любовь друг к другу; от поколения к поколению наследовали они бремя беспокойства и страдания, невыносимое томление по красоте и свободе; все трое стремились к неведомым целям и нехоженным тропам, но обретали покой лишь в Плине, лишь друг в друге. Каждого из них отделяла от любимых преграда физической смерти, и все же их связывали бесчисленные узы, разорвать которые был не властен никто, – живое присутствие мудрого и любящего духа.

– Мне кажется, что дядя Филипп с самого начала был настроен против дедушки и, ненавидя его, перенес свою ненависть на следующее поколение – папа тоже от него натерпелся.

Дженифер горела гневом и негодованием на старика, который принес столько горя ее семье.

– Теперь мне бы хотелось его самого заставить страдать, – сказала она. – Мне бы хотелось, чтобы он сам испытал страх, который нагонял на других. О смерти нам ничего не известно; с какой стати позволять ему чувствовать полную безнаказанность только потому, что он старик и ни у кого не хватает смелости выступить против него? Я уверена, что дело именно в этом. Ни у кого не хватает смелости!

– Ах, твой кузен Фред выступил против него, еще как выступил, – прервала ее речь тетюшка Марта. – Это он еще совсем молодым человеком забрал твоего деда из Садмина, это он через целых семнадцать лет, после смерти твоего отца, крепко поговорил с Филиппом в конторе. Фред был хорошим другом Кристоферу и дяде Джозефу.

– Как жаль, что я не могу его поблагодарить, ведь его убили на войне?

– Да... бедняга. Мэри, в каком году это было? Кажется, в семнадцатом. Он оставил вдову с сыном, но Нора не намного его пережила. А вот сын... это, скажу тебе, настоящий Кумбе. В Плине он нынче знаменитость.

– Да, верно, – улыбнулась Марта, – мы гордимся Джоном.

– А что он сделал? – спросила Дженифер. – Я, кажется, вспоминаю, что когда-то играла с одним мальчиком по имени Джон, но он был старше меня.

– Это и есть Джон, он жил с родителями на ферме. Когда твой отец их навещал, то иногда брал тебя с собой. Ничего не скажешь, Джон славный

парень, замечательный парень. Во время войны он попытался добраться до Франции на маленькой лодке, тогда ему только исполнилось семнадцать, а ведь не побоится, благослови его Господь. Глубокой ночью отправился в старом корыте, что и на воде-то едва держалось, но, к счастью, его нашли где-то недалеко от Плимута и под присмотром отправили домой.

– Какая досада! – воскликнула Дженифер. – Значит, на войну он так и не попал?

– Нет, дорогая, не попал, он был еще не в том возрасте. Ну а потом умерла его бедная мать, такие вот дела, Джону осталась ферма и изрядная сумма денег в придачу.

– И что же он, по-твоему, сделал, Дженни? – подхватила Марта, и ее щеки зарделись от гордости.

С улыбкой глядя на двух старых женщин, Дженифер покачала головой.

– Уверена, что не догадаюсь.

– Он расплатился с долгами, вернул брата Тома и кузена Джима на верфь, которая стояла пустой после этого несчастья с банкротством, а сам отправился в другой конец страны учиться ремеслу, узнал то, другое и через четыре года вернулся, да так, что ему любое дело нипочем. С тех пор только и знает, что строит яхты – с зимы до лета, от заказов со всей округи нет отбоя, весь Плин только и говорит что о нем. Да что там – посмотри в окно, дорогая, вправо от гавани, видишь огромный корабль, что стоит носом к Полмирскому мысу, видишь все эти краны, верхушки мачт, так вот, это верфь Джона, она построена рядом со старой верфью Кумбе, только в десять раз больше ее. Ну как, видела ты что-нибудь подобное?

– Он действительно сделал все это за четыре года? Наверное, она работал как чернорабочий. А что это за мачта за краном?

– Как же, это новый стотонный парусный крейсер, который строят для него. Джон говорил мне, что два его судна принимали участие в гонках в Каусе. Они принадлежат одному джентльмену из Фалмута. В августе они обязательно придут сюда на регату.

– Должно быть, они вернули все потери и сейчас зарабатывают гораздо больше денег, чем раньше.

– Правильно, дорогая, правильно. И брат Том сейчас живет в прекрасном доме с большим садом, да и Джим живет по соседству с ним у своей замужней дочери. Они, конечно, в возрасте, как и мы, но еще работают, я никогда не встречала таких работников, а ты, Мэри?

– И я никогда, но это все Джон. Он и никто другой. Ах, Дженни, если бы твой отец дожил до этого, дорогая.

– Он был бы горд и счастлив, правда? – спросила Дженифер. – Как вы

думаете, он бы не возражал против всех этих перемен?

– Конечно нет, он бы удивился, это да, но ведь всем видно, что перемены-то к лучшему.

– А что говорит на все это дядя Филипп?

– Воротит нос и делает вид, будто ничего не замечает. Будь он помоложе, то наверняка строил бы козни да ставил палки в колеса.

– Пожалуй, я схожу навестить моего замечательного дядю Филиппа, – нахмурясь, сказала Дженифер. – Я его не боюсь.

– Боже упаси, ты это серьезно? Да он съест тебя живьем.

– Мне хочется рискнуть.

– Только не это, нет. Я тебе не советую, а ты, Марта?

– Ни в коем случае.

– Дорогая, это злой, раздражительный старый джентльмен, он видится только со своим старшим клерком и посетителями, которые приходят к нему по делам. У него работала Мэгги Бейт, но на прошлой неделе она ушла, потому что собирается замуж. Печатала на машинке, и все такое. Она страшно его боялась, хотя он с ней почти не разговаривал. Трудно найти человека, который согласился бы на него работать. Марта, место Мэгги еще не занято?

– Нет, насколько мне известно.

– Печатала на машинке? – спросила Дженифер. – Вы полагаете, они ищут кого-нибудь на ее место?

– Точно не знаю, но вполне возможно, что да. За те гроши, что он платит, вряд ли найдется много желающих.

– Ну что ж, мне ведь надо найти в Плине какую-нибудь работу, верно? Почему бы не попробовать получить эту?

– Ты умеешь печатать на машинке, Дженни?

– И даже неплохо. В Лондоне я закончила секретарские курсы.

– Вот как? Неужели? Боже милостивый, как выросла эта девочка. Но, дорогая, к дяде Филиппу я бы все равно не пошла. Сомневаюсь, что тебе понравится целый день сидеть в его жуткой конторе.

– Нет, Дженни, не ходи, не надо.

– Но я хочу, хочу попробовать. Если будет совсем невмоготу, я смогу поискать что-нибудь другое. Можно поговорить со старшим клерком, со стариком встречаться вовсе не обязательно. До поры до времени... Послушайте, это будет просто здорово. Как называется контора?

– «Хогг и Вильямс», на набережной. Но, Дженни, лучше бы тебе туда не ходить.

– И все же я схожу. А там посмотрим.

На другое утро Дженни вышла из дома и направилась к квадратному кирпичному зданию, стоявшему на мощенной булыжником набережной. Над дверью висела выцветшая, давно не подновлявшаяся вывеска «Хогг и Вильямс».

Она толкнула дверь и вошла внутрь. Из двери справа от входа вышел конторский посыльный и осведомился о цели ее прихода.

– Мне нужно видеть старшего клерка, – сказала Дженифер.

– Мистера Торнтон? Какое у вас к нему дело?

– Я хотела узнать, свободно ли еще место машинистки после ухода... мисс Бейт, если не ошибаюсь.

– Хорошо, будьте любезны, подождите минуту. Через минуту посыльный вернулся в сопровождении старшего клерка мистера Торнтон.

– Мне сказали, что вы справляетесь относительно вакансии, – начал он. – Не скрою, мы действительно очень загружены работой, и нам необходим человек на эту должность. Но позвольте заметить, что вы выглядите слишком молодо, а мы берем только опытных работников.

– Значит, я как раз то, что вам нужно. Машинопись, стенография и все остальное. Я была бы вам очень признательна, если бы вы дали мне испытательный срок.

– Разумеется, я хочу быть справедливым судьей – улыбаясь, проговорил мистер Торнтон. – Кстати, как вас зовут?

– Кумбе, Дженифер Кумбе.

– Ах! – Ответ Дженифер несколько озадачил мистера Торнтон. – Вы не родственница мистера Кумбе?

– Возможно, между нами и есть дальнейшее родство, – беззаботно ответила Дженифер. – В Корнуолле эта фамилия встречается достаточно часто, не так ли?

– Совершенно верно... совершенно верно. Конечно, у старого джентльмена много родственников, но он, похоже, ни с кем из них не видится. Он ведет очень уединенный образ жизни.

Через два дня Дженифер наконец столкнулась лицом к лицу с дядей Филиппом.

Она задержалась на работе, чтобы закончить груды писем. Все клерки ушли из конторы, как обычно, в пять часов, и Дженифер полагала, что она в здании одна, если не считать сторожа, который жил здесь же. Без четверти шесть она закончила последнее письмо и собралась уходить, когда заметила, что дверь в комнату дяди, обычно недоступную для посторонних, полуоткрыта.

Не в силах побороть любопытства, правнучка Джанет Кумбе прошла

по коридору, открыла дверь и остановилась, слегка удивленная тем, что увидела.

За письменным столом сидел старик. Его лицо было изборождено глубокими морщинами, тощее, согбенное от бремени лет тело напоминало скелет, стиснутые руки казались дрожащими птичьими лапами. Бледное лицо и редкие седые волосы старика составляли разительный контраст с грязновато-черным цветом его одежды.

Так это и есть дядя Филипп? Этот изможденный, сгорбленный старик и есть враг ее отца? – Филипп Кумбе, – тихо произнесла Дженифер. Он поднял голову и увидел в дверях кабинета девушку со сжатыми на груди руками, вздернутым подбородком и карими глазами, устремленными прямо на него.

Он не ответил и, вцепившись дрожащими руками в подлокотники кресла, вперил взгляд в призрак, явившийся из далекого прошлого. Ждущие впереди годы, время, неумолимая, несущая забвение смерть – все это перестало существовать. Перед ним стояла сама Джанет, которая сияла белизной на носу корабля, Джанет, какой он видел ее в своих детских снах, Джанет, которая предпочла ему Джозефа.

Филипп не сводил взгляда с окутанной тенью фигуры.

– Зачем ты пришла? – спросил он. – Это месь Джозефа, которую он так долго планировал и лелеял в душе?

– Почему вы говорите о Джозефе, разве вы забыли его сына Кристофера?

– С его сыном я не ссорился, – закричал Филипп. – Он сам заслужил все, что с ним произошло. Почему я должен отвечать за нищих членов нашей злосчастной семьи, за неудачников?

Дженифер заметила на губах дяди ухмылку, и ее охватил гнев.

– Вы называете Кристофера Кумбе неудачником? Неудачником, потому что он жил скромно и просто, проводил время с обитателями небогатых домов, с фермерами и рыбаками? Он был неудачником, потому что люди его любили, уважали и оплакивали его смерть. А вы, вы уверены, что преуспели в жизни? Что вы сделали хоть для одной живой души? В Плине вас все ненавидят, вас оставили в покое лишь оттого, что вы старик, никчемный и слабый, слишком беспомощный, чтобы хоть что-нибудь значить.

Филипп прищурился и, тяжело дыша, подался вперед.

– Во имя всего святого, кто вы?

Дженифер улыбнулась. И люди боятся этого дрожащего старика. Похоже, он даже не знает, кто она.

– А как вы думаете, кто я? – с презрением в голосе спросила она. – Призрак, кто-нибудь из вашего прошлого? Взгляните на себя, вы весь дрожите от страха.

Опираясь на палку, он медленно поднялся и нетвердо двинулся к ней, не сводя глаз с ее лица.

– Кто вы? – прошептал он. – Кто вы?

Она закинула голову и рассмеялась, как смеялись до нее Джанет и Джозеф, как смеялся когда-то Кристофер.

– Я Дженифер Кумбе, – сказала она. – Я дочь Кристофера, которого вы называете неудачником.

Филипп вновь остановил на ней блуждающий взгляд, его мысли путались.

– Дженифер... я не знаю никакой Дженифер. Разве у Кристофера была дочь?

Дженифер кивнула, поведение старика поразило, озадачило ее.

– Да, – ответила она, – я Дженифер. Я уже два дня работаю в вашей конторе. Мне было любопытно взглянуть на человека, который погубил моих отца и деда.

Филипп наконец овладел собой.

– Я, без сомнения, должен поздравить вас с прекрасной игрой. Вам следовало бы стать актрисой. Могу я спросить, кто позволил вам входить в эту комнату?

– Если вы полагаете, что можете меня напугать, то это величайшая ошибка в вашей жизни, – ответила Дженифер. – Мне все равно, глава вы этой фирмы или нет, вы мой двоюродный дедушка, и я этим отнюдь не горжусь. Теперь вы можете меня уволить, но я этого и ждала. Я поступила сюда на работу лишь затем, чтобы разобраться с вами. Повидавшись с вами, я поняла, что вы того не стоите, игра не стоит свеч, вот и все. Прощайте, дядя Филипп.

Она повернулась и вышла из комнаты.

– Пойдите, – крикнул он, направляясь за ней. – Пойдите, вернитесь.

– Что вам нужно?

Он погладил подбородок и взглянул на Дженифер.

– Наша беседа доставила мне удовольствие, – медленно проговорил он, – большое удовольствие. Мне было необходимо маленькое умственное развлечение. Значит, вы моя двоюродная внучка, не так ли? Отнюдь не горжусь этим обстоятельством. Какая жалость. Так вот, предположим, что вы окажете мне величайшую честь, отобедав со мной сегодня вечером.

– Отобедать с вами? – Дженифер задумалась. – В этом ужасном старом

доме, на этой мрачной улице?

– Да. Очень жаль, что мое предложение не вызвало у вас особого энтузиазма.

– Впрочем, я могла бы. Почему бы и нет?

– Значит, решено? Я буду ждать вас ровно в восемь часов.

– Хорошо. Я буду. До вечера.

Дженифер была немало удивлена неожиданными последствиями своей выходки. Она ждала взрыва ярости, по меньшей мере, увольнения, а вместо этого ее спокойно приглашают на обед. «Может быть, старик сошел с ума?» – подумала она.

Она просунула голову в заднюю гостиную магазина.

– Дядя Филипп пригласил меня на обед к себе домой, – сказала она. – Я решила, что разумнее всего согласиться, хотя мне это вовсе не по душе.

Две старые женщины раскрыли рты от удивления.

– Филипп Кумбе пригласил тебя в свой дом? Ты, конечно, шутишь, Дженни.

– Нет, я совершенно серьезно. Я и сама удивилась. Я выложила все, что про него думаю, а он пригласил меня на обед. Мне кажется, он свихнулся. Я его ничуть не боюсь.

– Но, Дженни, в его дом никто никогда не ходит, он никого никогда не приглашал. Поверь мне, он что-то задумал. Дорогая, я бы не пошла.

– Нет, я пойду, обязательно пойду. До свиданья, я вернусь не поздно.

Дженифер поднималась по холму в возбужденном настроении. Как-никак приключение. Она позвонила в дверь мрачного серого дома, и ее провели в просторную, скудно обставленную комнату. В камине горел слабый огонь. Из-за дыма Дженифер догадалась, что камин не топили уже несколько лет.

Ее дядя стоял у камина. Дженифер позабавило, что он переоделся в старомодный вечерний костюм, который, вероятно, с прошлого века висел в каком-нибудь затхлом шкафу.

– Боже мой, я и не подозревала, что вы даете банкет, – сказала она. – Свои вечерние туалеты я оставила в Лондоне.

– Ваше платье просто прелестно, – возразил он, и Дженифер предположила, что он делает ей нечто вроде комплимента.

Обед оказался лучше, чем она ожидала. Они начали с рыбы, затем перешли к мясу, приправленному луком, за которым последовало то, что дядя Филипп назвал «паровым пудингом».

Потом они пили кофе, и хозяин дома протянул ей сигареты, явно купленные специально для этого случая.

– Сам я не курю, – объяснил он.

Они немного поговорили о Плине, о добыче глины. Наконец, после короткой паузы он откашлялся и, осторожно потирая руки и не глядя ей в глаза, снова заговорил.

– Должен признаться, я хочу задать вам один вопрос. Эта мысль пришла ко мне совершенно неожиданно. Как видите, я человек пожилой. Возможно, мне осталось всего несколько лет или даже месяцев. Такому старику, как я, здесь порой бывает одиноко. Вот что я предлагаю. Вы навсегда переедете жить ко мне – фактически, я предлагаю удочерить вас, стать вашим опекуном. Что вы на это скажете?

– Да вы с ума сошли, – сказала Дженифер. – Вы же ничего обо мне не знаете. И еще, после того, как вы так обошлись с моим отцом и дедом, спокойно повернуться на сто восемьдесят градусов и удочерить меня. Зачем вам это понадобилось?

– У меня есть на то свои причины. Возможно, они связаны с тем, о чем вы только что сказали. Мое отношение к вашему отцу и деду.

Дженифер отчасти догадалась, что он имеет в виду, и все ее существо исполнилось презрением. В конторе она неким таинственным образом напугала старика, пошатнула его веру в собственное могущество, и теперь он хочет (не из симпатии к ней, а ради себя самого) загладить свою вину перед дочерью Кристофера и внучкой Джозефа на тот случай, если легенда о жизни после смерти не лишена основания. На тот случай, если бессмертие все-таки существует. Удочерив ее, он расквитается с прошлым. Она станет для него средством спасения. Не любовь, не раскаяние и примирение, а скрытый ужас. Вот причина.

Дженифер не знала, на что решиться.

– Я буду вольна поступать так, как захочу? – наконец спросила она. – Смогу переделать этот унылый, мрачный дом и постараться хоть что-нибудь в нем изменить?

Филипп ответил не сразу. Дженифер понимала, что он думает о расходах.

– Да, – сказал он. – Да, вы получите полную свободу. Что касается дома, вы можете переделать его по своему усмотрению.

– В таком случае, – сказала Дженифер, – в таком случае, дядя Филипп, я говорю «да». Но я хочу, чтобы вы поняли – я согласна присматривать за вашим домом, но отказываюсь видеть в вас опекуна и тем более не желаю, чтобы вы относились ко мне как к приемной дочери. Об этом не может быть и речи.

– Итак, обыкновенная сделка. Идет?

– Да... дядя Филипп... назовем это сделкой. И они впервые за время знакомства пожали друг другу руки.

Глава десятая

В городках вроде Плина новости разносятся быстро. На другой день там только и говорили, что дочь Кристофера Кумбе, которая недавно приехала из Лондона, встречалась со своим двоюродным дедом Филиппом, грозным, внушающим ужас мистером Кумбе из «Хогга и Вильямса», и теперь будет жить на Мэраин-террас в качестве его компаньонки.

Все сошлись во мнении, что эта самая Дженифер Кумбе не что иное, как обыкновенная авантюристка, что она охотится за наследством старика, который разорил ее покойного отца.

Джон Стивенс слышал о поразительных событиях в Плине на верфи, но он был слишком занят своими яхтами и планами на будущее и не проявил к ним особого интереса. Когда старый Томас Кумбе, трясая головой от волнения, сообщил ему эту новость, Джон, который рассматривал в конторе какие-то чертежи, вынул изо рта трубку и улыбнулся.

– Метит на его деньги? Если ей удастся их получить, значит, она умная девушка. Филипп Кумбе и с пенни просто так не расстанется.

– Но, Джон, говорю тебе, это сушая правда. Дом на Мэраин-террас уже перекрашен, на окнах новые занавески, и девица распоряжается там, что твоя хозяйка.

– Либо она порядком его напутала, либо старый скряга наконец-то впал в детство. Это та девчушка, которая жила в Доме под Плющом? Младшая сестра Гарольда и Вилли?

– Она самая, Джон. Училась в Лондоне, сестра говорит, настоящая молодая леди. Похоже, они к ней привязались, но не знаю, по-моему, это как-то странно.

– Ладно, Том, у нас нет времени на модных молодых леди, которые метят на наследство неприятных старых джентльменов, хотя, на мой взгляд, все это очень интересно. Взгляни ка лучше на этот чертеж.

И он забыл об этом думать. В свои двадцать четыре года Джон был серьезным и решительным молодым человеком. Мечтательный мальчик вырос и стал энергичным, предприимчивым мужчиной; он завел собственное дело, которое быстро получило известность во всех западных провинциях и приносило немалые доходы. Через год-другой он станет одним из лучших строителей яхт и бросит вызов крупнейшим фирмам северного и южного побережья. Кроме работы, Джона мало что занимало, он давно бросил старую привычку мечтать, глядя на звезды, заглядывать в

будущее и предчувствовать несчастья и смерть. Джон-мальчик лежал на вершине холма и любовался морем, Джон-мужчина читал и подписывал бумаги в своей конторе или, стоя на верфи, давал указания рабочим. Джон-мальчик взобрался на борт потерпевшей крушение «Джанет Кумбе» и, устремив взгляд на маленькое носовое украшение, предался мечтам о прошлом; Джон-мужчина отмахнулся от сентиментальности и, владея всеми правами на судно (Филиппу Кумбе наскучило все это дело, и он продал свои акции с незначительной прибылью), намеревался разобрать его, когда сумеет выделить для этого достаточное число рабочих. Одним воскресным днем в конце июня этот решительный и целеустремленный Джон Стивенс с немалым раздражением почувствовал пробуждение в своей душе былых мальчишеских порывов, иными словами безудержное желание выйти из конторы и пройти через холмы до Полмирской заводи. Время от времени корабль подобным образом заявлял свои права на него, но Джон неизменно их отвергал. Он отвергал малейший намек на проявление слабости. Чтобы какое-то корабельное носовое украшение имело над ним такую власть... да это просто нелепо.

Джанет Кумбе просто несносна. Она постоянно поучает его, указывает, что следует делать. Кто, как не она, подсказала ему начать строительство новой корабельной верфи, но сейчас строительство закончено, и пусть его повесят, но он больше не станет ее слушать. Однако это всего лишь воображение. Она всего-навсего кусок раскрашенного дерева.

Он нахмурился и снова принялся за работу: карандаш в зубах, волосы всклокочены. Потянулся за учебником, который лежал рядом. Прочел пару страниц, но слова прыгали перед глазами. Посмотрел в окно и увидел синее небо и сверкающую гавань. Услышал крик чаек в развалинах Замка.

— О, дьявол, — сказал Джон и швырнул книгу в противоположный конец комнаты.

Через пару минут он уже шагал по тропинке, которая вела через поля к Полмирской заводи.

Дженифер подвела лодку к борту корабля и накрепко привязала канат к свисавшей с него веревочной лестнице. Был отлив, но она все же надеялась, что по возвращении найдет лодку на плаву. Она ухватила руками за веревочную лестницу, перебралась через фальшборт на покатуую палубу и с любопытством огляделась. Это был ее первый визит на старую шхуну, хоть она и жила в Плине уже больше двух месяцев.

Палуба усыпана осколками слухового окна. Лебедка разбита, повсюду валяются обломки рангоутного дерева, обрывки снастей. Часть парусов сорвана, верхушку бизань-мачты, скорее всего, унесло в море.

Но кое-что на удивление осталось нетронутым: обручи вокруг мачт, помпы.

Дженифер наклонилась и заглянула в закопченный носовой кубрик, на переборке которого было вырезано: «Пригоден для размещения 6 матросов». В нем все еще висели три бушлата, на полу валялось старое блюдо, под матрас одной из коек была засунута обложка журнала. Здесь люди жили, спали; небольшое пространство звенело от их смеха, их песен. И вот их нет, они забыты, возможно, умерли. С палубы ей на руку упала капля. В кубрике царила мрачная, гнетущая атмосфера. Она повернулась, чтобы подняться наверх, и вдруг увидела фотографию женщины, приколотую к стене. Вырезка из газеты 1907 года. Кто-то ножом нацарапал под ней сердце, пронзенное стрелой.

На палубе она заглянула в тесный камбуз. В нем по-прежнему стояла плита, а на ней две пустые бутылки. В шкафчике лежала разбитая тарелка.

Штурвал находился там же, где тринадцать лет назад, когда Дик Кумбе помог привести судно в гавань, и Дженифер стояла на том самом месте, где когда-то упал Кристофер, когда обломки рангоута сломали ему спину.

По трапу она спустилась в каюты. Сперва она вошла в закуток помощника размером с небольшой шкаф, а из него в главную каюту или капитанский салон – комнату размером в шесть-семь квадратных футов со складным столом в центре, вделанной в пол скамьей и стенными шкафами.

Раздвижная дверь вела в спальную каюту капитана – шкаф фута на два больше, чем у помощника, но с умывальником. Здесь Кристофер мальчиком уснул в слезах во время своего первого плавания из Бристоля, в то время как смущенный и раздосадованный поведением сына Джозеф шагал по палубе у него над головой. Дженифер села за стол и подперла подбородок руками. На переборке все еще висели часы, стрелки которых остановились на двадцати четырех минутах десятого. Под часами висел календарь на 1912 год. В каюте пахло сыростью и гнилью; во время высоких весенних приливов сквозь доски пола просачивалась вода.

Ящик стола был набит картами, пожелтевшими от времени, отсыревшими, замусоленными. Когда-то за этим столом, разложив перед собой карты, сидел Джозеф. Он пометил их своей печатью: «Капитан Джозеф Кумбе».

С тяжелой душой Дженифер поднялась из-за стола. Она открыла один шкаф и обнаружила, что он забит самыми разнообразными предметами. Там лежали отсыревшие старые книги и газеты, мужская фуражка.

Она прошла в каюту капитана и стала рыться в шкафах. Здесь она нашла старую зубную щетку, запонку и один носок. В углу ящика лежал

маленький потрепанный молитвенник. На форзаце было написано: «Дику от любящего отца Сэмюэля Кумбе. Май 1878».

Верхний ящик Дженифер долго не удавалось открыть. Она тянула его, толкала, но он не поддавался. И только когда она изо всех сил рванула его на себя, он открылся. Она сразу поняла, почему ей пришлось приложить столько усилий: в глубине ящика стояла большая деревянная шкатулка. Дженифер вынула ее, перенесла в капитанский салон и поставила на стол. Подняв крышку и заглянув внутрь, она увидела, что шкатулка набита бумагами, документами и связками писем.

Бумагу за бумагой она выложила содержимое шкатулки рядом с собой на скамью. Здесь были самые разнообразные счета, документы, относящиеся к корабельному грузу, к стоянкам в разных портах, отчеты о плаваниях, несколько страниц из судового журнала.

Здесь же был капитанский диплом Джозефа Кумбе, кусок пергамента, доставивший ему и Джанет столько радости, документ, которым они так гордились. Была там и выцветшая фотография, сделанная в 1879 году, запечатлевшая Джозефа, Сьюзен и их четверых детей: Кристофера, Альберта, Чарльза и Кэтрин.

Здесь были письма Джозефа и Дика о рекордах, установленных кораблем за время плавания, множество обрывочных сведений и деталей, которые с изумительной полнотой складывались в историю шхуны «Джанет Кумбе».

Читая эти забытые бумаги, Дженифер вновь видела перед собой гордый абрис летящего по бурным волнам корабля, слышала пение парусов и скрип мачт, слышала крики матросов на палубе, видела фигуру Джозефа – его темные волосы и борода пропитаны морскими брызгами, громкий голос отдает приказания, и ветер уносит их вдаль...

Она слышала завывания ветра и грохот моря. Видела, как Джозеф запрокидывает голову и смеется.

Дженифер прервала чтение, подняла голову и огляделась. Она услышала стук капель, падающих с палубы, увидела разбитое стекло и ржавые гвозди на пропитанном влагой полу. Скорбные звуки... скорбное зрелище.

Под письмами на самом дне коробки лежал небольшой сверток, перевязанный старой тесьмой. Дженифер взглянула на почерк, и ее сердце дрогнуло. Где-то она его уже видела. В книгах матери. Это был почерк Кристофера. Письма были адресованы Джозефу Кумбе. Она перевернула их и увидела, что печати не сломаны. Их никто не читал.

Она чувствовала, что имеет право прочесть эти письма, письма,

которые пришли из прошлого.

Так Дженифер наконец узнала правду о первых днях Кристофера в Лондоне. Последнее письмо, никем не прочитанное и оставшееся без ответа, было датировано 22 ноября 1890 года. Письма отца были обречены пролежать в этой коробке более тридцати пяти лет, пока дочь их не найдет.

По лицу Дженифер текли слезы, сидя на скамье, она раскачивалась взад-вперед от горя.

– Мой дорогой, – шептала она. – Мой дорогой.

Она не слышала ни шагов на палубе, ни скрипа лестницы и, лишь отведя взгляд от связки писем, которая лежала у нее на коленях, увидела, что в дверях каюты кто-то стоит. Несколько секунд оба молчали. Пораженная, не в силах пошевелиться, Дженифер увидела Кристофера, его длинные ноги, его взъерошенные волосы... видение мелькнуло перед ней и исчезло, а на его месте стоял молодой человек, которого она никогда раньше не встречала.

Джон по сухому илу пробрался к шхуне и заметил, что к веревочной лестнице с правого борта привязана маленькая лодка, плавающая на глубине не более фута.

«Мародеры», – подумал он и, взобравшись на палубу, сразу спустился в каюту. Остановившись в дверях, он прищурился, и его сердце усиленно забилося – у стола, с откинутыми со лба темными волосами, сжав руки, сидела сама Джанет Кумбе.

Затем видение исчезло, и он увидел, что незнакомка – это всего лишь молодая девушка с залитым слезами лицом.

– Привет, – сказал Джон.

– Привет, – ответила Дженифер, тыльной стороной ладони вытирая глаза.

– Вы о чем-то плакали?

– Да.

Он шагнул вперед и заметил на столе коробку.

– Как вам удалось выдвинуть этот ящик?

– Я тянула его до тех пор, пока он сам не вылез.

– Я думал, что задвинул его достаточно крепко.

– Значит, это вы положили в него шкатулку?

– Да, лет шесть назад. До того она лежала на скамье, на которой вы сидите. Я боялся, что она может разбиться или попасться на глаза какому-нибудь любопытному дураку. Теперь я вижу, что даже ящик ее не уберег.

– Вы хотите сказать, что я любопытная дура?

– Мне ничего про вас не известно. Вы положили письма на место?

– Большинство. Но эти я хочу оставить себе.

– Какие именно? Вы хотите сказать, что сломали печати? И ваш поступок не кажется вам отвратительным? Я специально положил их на самое дно. Они адресованы тому, кто уже мертв, кто умер двадцать пять лет назад.

– Я знаю.

– Вот как? У вас привычка читать письма покойников?

Дженифер отвернулась, из глаз у нее снова брызнули слезы.

– У меня больше никогда не возникнет такого желания. В них столько горя, что лучше бы я не знала правды.

– Значит, когда я вошел, вы плакали над этими письмами?

– Да.

Он подошел и сел на скамью рядом с ней.

– Почему они заставили вас плакать?

– Я не знаю, кто вы и почему я должна вам отвечать. Вы только что назвали меня любопытной душой, пусть будет так.

– Извините, я был груб с вами. Но, видите ли, этот корабль принадлежит мне. Я пришел в ярость оттого, что какой-то посторонний вообще на него забрался.

– Я вас хорошо понимаю.

– Полагаю, эти бумаги навели вас на кой-какие мысли, Этот корабль связан с жизнью давно умерших людей, мужчин и женщин, которые любили друг друга, и теперь от них ничего не осталось. С вашей стороны нехорошо было вскрывать запечатанные письма.

– Как это может быть нехорошо, если они мои?

– О чем вы говорите?

– Эти письма были написаны моим отцом и дедом.

– Так вы Дженифер?

– Да, я Дженифер. А вы – Джон?

– Я – Джон. Дать вам платок, Дженифер? Возьмите, он абсолютно чистый.

– Благодарю.

– Теперь вы выглядите лучше. Я был резок с вами. Тысяча извинений.

– Все в порядке. Откуда вам было знать, кто я такая?

– Не знаю... мог бы догадаться. Значит, вы живете у Филиппа Кумбе. Как вы с ним ладите? Похоже, вы единственная особа, которая смогла с ним ужиться.

– Наверное, люди так долго его боялись, что он стал чем-то вроде легенды. Он вовсе не страшный. Просто несчастный старик, который

боится смерти.

Джон не ответил и пошарил в кармане.

– Вы не против, если я закурю?

– Нет.

С минуту он набивал и раскуривал трубку. Потом снова заговорил.

– Послушайте, Дженифер. Не думайте больше об этих письмах. Дело давнее, разве не так? Вы огорчены тем, что ваш отец так и не получил прощения. Я помню его здесь, в Плине. В то время я был маленьким мальчиком, но он производил на меня впечатление самого счастливого, самого доброго существа на свете, абсолютно довольного жизнью. Абсолютно довольного. Он не переживал из-за своего отца Джозефа. Он знал, что все в порядке. Я его страшно любил, он был лучшим другом моего отца.

– Она взяла у него платок, высморкалась и вытерла слезы в уголках глаз.

Дженифер прикоснулась к его руке. – Если хотите, можете прочесть эти письма. Сейчас, при мне.

Джон искоса посмотрел на нее.

– Можно? Это очень мило с вашей стороны, Дженифер.

Она разложила письма перед собой, и они сидели, касаясь друг друга плечами и подперев подбородки ладонями.

Когда они прочли все письма, Дженифер молча отодвинула их в сторону.

– Как оказалась здесь эта шкатулка? – спросила она.

– Она принадлежала вашему деду. Он всегда держал ее здесь. Потом, когда шкипером стал Дик Кумбе, он тоже ею пользовался. Должно быть, письма вашего отца попали в нее, когда Джозефа Кумбе отправили в Садмин.

– Папа наверняка писал и другие, интересно, что с ними стало.

– Наверное, их уничтожили.

– Да, наверное.

– Вы хотите забрать шкатулку?

– Нет... оставим ее здесь, где она всегда была.

Он встал, взял шкатулку и положил ее в ящик.

Потом вернулся и, засунув руки в карманы, с любопытством посмотрел на Дженифер с высоты своего роста.

– Итак, Дженифер, мы кузены.

– Да, но очень дальние.

– Не такие уж дальние, черт возьми.

Дженифер рассмеялась.

– Пойдемте на палубу, я хочу вам кое-что показать, – предложил Джон. Они поднялись по лестнице и направились к полубаку.

– Дайте руку, – сказал Джон. Они перегнулись через фальшборт на самом носу корабля. – Вы ведь еще не знакомы с Джанет Кумбе, верно?

– Не знакома.

– Вот она, прямо под вами.

Дженифер посмотрела на носовое украшение в белой одежде... старинная шляпа, вздернутый подбородок, темные волосы обрамляют бледное лицо, глаза устремлены в морскую даль.

– Ах! – воскликнула Дженифер. – Как жаль, что я ее не знала, как жаль, что она умерла.

– Она не умерла.

– Не умерла?

– Нет. Она знает, что мы здесь, мы оба.

– Да, я верю.

Они улыбнулись друг другу.

– Дженифер, вы ничего не замечаете?

– Замечаю? Что?

– Что вы – это вылитая она?

– Носовое украшение?

– Да.

Дженифер рассмеялась.

– Неужели?

– Хм. Как странно, – неожиданно вырвалось у Джона. Он облокотился о фальшборт, подперев руками подбородок.

Дженифер подошла и встала с ним рядом.

– О чем вы думаете?

– Интересно, что заставило меня сегодня прийти сюда?

– Я рада, что вы пришли, – сказала она ему. – В конце концов, мы же кузены и должны знать друг друга.

– Кузены, и не такие уж дальние, верно?

– Нет... не дальние.

Они стояли, глядя на мелководье, и вдруг заметили замершего на дне краба. Джон нагнулся, поднял осколок стекла и швырнул его вниз. Под их дружный смех краб пустился наутек.

– Дженифер, а я, кажется, помню вас ребенком.

– Помните?

– Да, я уверен, что вас иногда приводили к нам на ферму пить чай. Вы

были такой робкой, застенчивой.

– Неужели? Я уверена, что тоже вас помню. Однажды я играла в поле с мальчиком по имени Джон. Он все время бежал впереди, и я не могла его догнать.

– Держу пари, это был я.

Он ударил ногой по фальшборту.

– Дженифер, почему вы переехали к Филиппу Кумбе?

– Трудно сказать. Возможно, это своего рода тонкая месть.

– Не знаю, о мести я как-то не думал.

– Вам и не надо о ней думать. Это касается только меня.

Глядя на ее серьезное лицо, Джон не мог сдержать улыбки.

– Вы убежали из дома, верно?

– Я убежала из Лондона. Мой дом – Плин.

– Вы очень его любите?

– Да.

– Я тоже.

Над гаванью парили чайки.

– Сколько вам лет, Дженифер?

– Девятнадцать.

– Вы выглядите моложе.

– Нет, не выгляжу.

Они немного помолчали, затем Джон снова заговорил.

– Вам бы не хотелось как-нибудь взглянуть на верфь? Разумеется, если у вас нет более интересных занятий. Возможно, вам это будет интересно.

Он говорил таким тоном, будто ему абсолютно все равно, придет она или нет.

– Да, мне бы очень хотелось.

– Только не приводите с собой дядю Филиппа.

– Вы полагаете, что мне это могло бы прийти в голову?

– Дженифер... послушайте. Если вам станет совсем неважно, если вам вдруг окончательно опротивеет его вид, вы обещаете прийти и сказать мне об этом?

– Хорошо, Джон, я приду. Вы имеете в виду, что если мне станет совсем тоскливо на душе или... то я могу в чем-то на вас рассчитывать?

– Нет, не в чем-то. Во всем. Всегда, в любое время.

– Вы очень любезны. – Дженифер свистнула и посмотрела на часы.

– Мне пора возвращаться.

Они молча пошли к тому месту, где висела веревочная лестница.

– Подвезти вас на лодке? – спросила Дженифер.

– Нет, я могу вернуться полями. Она спустилась в шлюпку.

– Подождите минуту, – остановил ее Джон. У него был такой суровый и холодный вид, что Дженифер даже испугалась слов, которые затем услышала: – Послушайте, а что если мы заведем такое правило – приходить сюда по воскресеньям и разговаривать?

Дженифер не сразу ответила. Он говорил таким тоном, словно сама эта мысль наводила на него скуку.

– Вы этого действительно хотите? – спросила она – Разумеется. – Теперь он улыбался.

– Решено?

– Решено.

– До встречи, Дженифер.

– До встречи, Джон.

Теперь, когда Дженифер стала компаньонкой своего дяди, ей не имело смысла сидеть за машинкой в конторе. В деньгах она не нуждалась. Того, что Филипп выделял на ведение хозяйства, было более чем достаточно. Расточительностью Дженифер не отличалась, но, видя с какой болью дядя расстаётся с каждым шиллингом, она удвоила траты, поскольку знала, что он не посмеет ей отказать. Он твердо уверовал, что внучатая племянница ограждает его от мучительных страхов, что, пока она рядом, Джанет и Джозеф до него не доберутся. Он цеплялся за нее из страха за себя.

Он смотрел, как она тратит его деньги, и молчал. Дженифер знала, что расставание с каждым пенсом, которые она разбрасывала с такой расточительностью, доставляло ему нестерпимые муки, и, памятуя о своем отце, продолжала это делать азартно, весело, свободно.

То была та самая тонкая месть, о которой она говорила Джону.

Когда дом на Мэрайн-террас был заново окрашен, отделан и меблирован с подвала до чердака, она обратила свои заботы на Плин. Приход, госпиталь, бедняки – все это требовало ее внимания под официальным патронажем дяди, и, когда был разработан план сбора средств на приобретение большого участка мыса с передачей его в общественное пользование, Филипп Кумбе возглавил список жертвователей.

Все это время Филипп Кумбе наблюдал, как мало-помалу тает богатство, которое он берег для себя лично, наблюдал, как эта девушка с глазами Джозефа и повадками Джанет делает, что хочет, тратит сколько хочет. И он ненавидел ее.

Дженифер видела выражение его узких, провалившихся глаз, видела его морщинистые руки, вцепившиеся в подлокотники кресла, видела его

тонкие лиловые губы и, понимая, какой ужас она ему внушает, в душе улыбалась и думала совсем о другом. У нее не было причин для беспокойства, время текло для нее мирно и приятно. Она написала матери о том, что происходит в Плине, о том, что живет она у дяди Филиппа, о том, как хороша жизнь, когда ты свободна, о своей дружбе с Джоном. Ответ был таким, какого следовало ожидать от Берты, – не холодным, но и не слишком теплым: она удивлена, что Дженифер так сошлась с врагом своего отца, но рада, что ей хорошо в его доме, ведь, в конце концов, он всегда был джентльменом, чего Дженифер с ее воспитанием и образованием, естественно, не может не оценить. Летом Плин, конечно, очарователен, но с приближением зимы она, без сомнения, найдет его совсем другим, хотя, возможно, как племянницу Филиппа Кумбе ее будут приглашать на вечеринки и обеды, чего она, Берта, была лишена, ведь бедный папа не занимал никакого положения в обществе. Тем временем они с Фрэнсисом после восхитительных трех недель, проведенных в Вентноре, вновь благополучно устроились в доме номер семь, и она уверена, что в будущем жизнь вознаградит ее за все лишения, которые она претерпела за время вдовства и даже за предыдущие годы. Наконец-то есть тот, кто действительно понимает, и, хотя она всегда будет тепло вспоминать бедного папу, только теперь ей открылось, что такое настоящая любовь, Фрэнсис для нее – все, как и она для Фрэнсиса.

А Дженифер должна смотреть на Фрэнсиса как на истинного друга и советчика; если она вернется в Лондон, то встретит самый радушный прием у них обоих.

В приписке Берта добавила, что бедная бабушка нездорова и что хотя она не простила Дженифер, но все-таки потребовала, чтобы ей прочли ее письмо. Услышав про кузена Джона, она очень встревожилась и пожелала узнать, чем занималась с ним Дженифер воскресным днем на старой развалине в нескольких милях от посторонних глаз. Все это ей очень не понравилось. Никогда не знаешь, какие фантазии могут прийти в голову горячему молодому человеку.

Прочитав эти строчки, Дженифер громко рассмеялась, но самый конец письма заставил ее нахмуриться. «...Дженни, дорогая, бабушка, конечно, преувеличивает, но и я не думаю, что эти встречи можно назвать хорошей идеей. Ведь ты еще так молода, а присмотреть за тобой там некому. Мне бы не хотелось, чтобы ты вступала в какие бы то ни было отношения с этим молодым человеком – строителем лодок или кем-то в этом роде, тем более что он твой кузен».

«Какие же они идиоты, – думала Дженифер, кладя письмо в карман. –

Она пишет так, будто строитель лодок то же самое, что водопроводчик. Джон самый умный проектировщик яхт в стране. Да если на то пошло, мы не такие уж близкие родственники. Терпеть не могу; когда люди ни с того ни с сего делают всякие выводы. Это гадко».

Пылая яростью на весь мир, Дженифер спустилась с холма и с удивлением обнаружила, что находится у входа на верфь. Джон стоял в самом ее центре и разговаривал с мастерами. Его одежда была белой от пыли, словно он вывалялся в опилках. Его светлые волосы закрывали правый глаз, одна рука взметнулась вверх, а длинные ноги сплелись самым невероятным образом.

Дженифер была знакома эта поза. Он всегда принимал ее, когда старался что-то объяснить. Но вот он заметил ее. Его рука упала, ноги расплелись, и поспешность, с какой он бросил рабочих, никого бы не обманула, разве что его самого.

– Да... да, – говорил он, – именно об этом я и толкую. – Но когда его уже нельзя было услышать, он взглянул на часы и сказал: – Я понятия не имел, что уже так поздно. Завтра утром мы поговорим об этом.

Рабочие остались на верфи, недоуменно потирая лбы.

Из ворот Джон вышел беспечной походкой и позевывая.

– Это вы, Дженифер? Мне показалось, что вы стоите за воротами, но я не мог хорошенько разглядеть.

– Вы очень заняты?

– Конечно, нет, на сегодня с делами покончено, – солгал он.

– Отлично.

– Чем вы занимались?

– Да так, ничем. У меня плохое настроение. Получила противное письмо от матери.

– Вот как! И о чем же?

– Если хотите, я вам его прочту. Только и говорит что о своем отвратительном муже.

– Бросьте вы об этом думать, Дженифер. По-моему, она его любит.

– После такого человека, как папа?

– Уже четырнадцать лет, как ваш отец умер. Знаю, вам это покажется странным, но ей нельзя запретить привязаться к кому-то еще.

– Джон, вы не понимаете. Столько лет быть женой прекраснейшего человека на свете и под конец связаться с таким напыщенным, привередливым дураком, как Хортон! Это просто не укладывается у меня в голове.

– Конечно, вам этого не понять. Как вы можете судить о ее чувствах?

Вероятно, ваша мать была не слишком счастлива с вашим отцом. А этот малый, будь он хоть самым последним дураком, подходит ей, понимает ее. Возможно, она чувствовала себя очень одинокой.

– Одинокой?

– Да, Дженифер, одинокой. Вы постоянно говорите мне, что она не сделала ни малейшей попытки вас понять. А вы пытались понять ее?

– Нет... пожалуй, нет.

– Так чего же вы хотите?

– О, Джон, это ужасно. Может быть, мне надо вернуться в Лондон?

– Не глупите. Слишком поздно, к тому же она счастлива со своим новым мужем.

– Вы действительно думаете, что она не очень ладила с папой?

– Вполне возможно. Я хочу сказать, что, скорее всего, они были преданы друг другу, но не сходились характерами... не знаю, как это объяснить.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Не были необходимы друг другу.

– Хм...

– Наверное, ужасно быть замужем за человеком, если при самой краткой разлуке с ним тебя не тошнит целый день так, что ты не выпускаешь из рук таз.

– По-моему, это не самое приятное занятие и не стоит им злоупотреблять, верно? Лично я, конечно, не знаю, но, если бы я кого-то любил, а меня бросили, тошнить меня бы не стало. Я бы решил, что все в жизни напрасно и бессмысленно, к чему тогда работать, думать. И все же надо идти вперед, что бы ни случилось.

– И вы поступили бы именно так? А я нет. Меня бы сперва стошнило, потом я бы очень разозлилась, переоделась в мужской костюм и записалась в Иностранный легион.

– И вас бы очень быстро разоблачили.

– Нет, никогда – я сильная и совсем плоская, на девушку я не похожа.

– И кто же такое говорит?

– Я говорю.

– Значит, вы чертовски глупы.

– Джон!

– Извините, давайте сменим тему. Прочтите мне письмо вашей матери. Она прочла ему письмо, но приписку опустила.

– На вашем месте я бы не стал беспокоиться, Дженифер.

– Я и не беспокоюсь. Просто не понимаю, не могу понять. Этот жуткий тип...

– Видимо, она находит его очень привлекательным.

– Вы бы только его видели.

– Некоторые женщины влюбляются в самых чудных мужчин. С пятнами на лице, с гнилыми зубами и дурным запахом.

– Джон, перестаньте, это просто гадко.

– Но так оно и есть. Я думаю, во всех мужчинах есть что-то отталкивающее.

– Должна признаться, что, посмотрев на вас, с этим трудно не согласиться. Откуда эта пыль?

– Не пыль, а опилки.

Дженифер стряхнула их своими проворными руками.

– Джон, мы пойдем в воскресенье на старый корабль?

– Обязательно.

– Там просто здорово, верно?

– Хм...

– Джон, как вы думаете, Джанет Кумбе была счастлива с Томасом?

– Не знаю. По-моему, она была слишком занята Джозефом, чтобы любить кого-нибудь еще.

– А Джозеф, наверное, ни одну из своих жен по-настоящему не любил – он думал только о ней и переживал за сына.

– А ваш отец Кристофер так много думал о вас, что совсем забыл о жене.

– Разве это не ужасно, Джон? Все эти люди любили друг друга, но что-то мешало им до конца понять любимое существо и сделать свою любовь совершенной. Они либо уходили, либо умирали, либо ссорились, либо теряли друг друга. Что-то было с ними неладно. Так или иначе, но они все время были одиноки. Я и в себе ощущаю нечто похожее, мне всегда будет не хватать папы.

– Вы действительно так думаете?

– Да... впрочем, не знаю.

– Вы ведь счастливы в Плине, верно?

– О! Безумно. Я больше никогда из него не уеду.

– Так в чем же дело?

– Не могу объяснить. Какая-то неуверенность в будущем, сомнения, смутный страх.

– Чего же вы боитесь?

– Боюсь страха, какая-то нелепость, правда? Ночью я иногда просыпаюсь с таким чувством, будто передо мной ничего нет – ничего – совсем ничего – пустота и туман. Весь день я смеюсь, делая вид, что ничего

не происходит, а на самом деле жажду одного – чувства защищенности.

– Дженифер, вы должны дать мне одно обещание.

– Какое?

– Обещайте, что всегда будете рассказывать мне о подобных вещах.

Всему виной то, что в детстве вы были очень одиноки и многого не понимали. А сейчас у вас такое чувство, что вы никогда не повзрослеете, но это не так. Вы повзрослеете. Дженифер, вам нечего бояться, ведь вы больше не одиноки.

Она потерлась щекой о его рукав.

– Как хорошо, что мы встретились, Джон. Вы надежный друг.

– Вот так всегда и думайте, ладно?

– Хм...

– В воскресенье пойдем на старый корабль?

– Хм...

– На весь день, возьмем с собой пирожков и сидра.

– Хм...

– Ну как, настроение поднялось?

– Да.

– Почему вы отворачиваетесь?

– Не знаю.

Дженифер порывисто отошла от ворот и, не оглядываясь, убежала.

Зима в Плине не показалась Дженифер ни мрачной, ни безрадостной. Она знала, что ее место здесь. Тысячи незримых нитей связывали ее с Плином, она – дочь Кристофера Кумбе, здесь она родилась, здесь ее дом. Она жила среди простых, дружелюбных людей, ибо душа ее просила их доброты и их общества.

Здесь все было ей по-настоящему близко, и всего этого она так долго была лишена.

Дженифер понимала, что останься она в Лондоне, то, не думая о последствиях, дала бы волю своим буйным фантазиям. Но она в Плине, так далеко от своей прошлой жизни, словно попала в другой мир, а сама стала другим существом.

Плин был необходим ей. Она любила море, уединение холмов и долин, шумную гавань, широкий простор серых вод, разбросанные группами дома, церковную колокольню, приплывающие и уплывающие корабли, крик чаек, покой и бесконечную красоту, приветливость и доброту людей, которых понимала. Ей казалось, что она окружена теми, в ком есть частица ее самой; воздух звенел от их голосов, и склоны холмов откликались на их шаги радостным эхом.

Ей чудилась фигура Кристофера на фоне неба: его светлые волосы развеваются на легком ветру, взгляд устремлен на рассыпанные внизу дома. Он свистом подзывает собаку и исчезает за выступом холма.

Здесь Гарри и Вилли бегали с ней по полям, учили ее нырять со скалы в Замковой бухте и громко смеялись, если она, дрожа от страха, медлила на краю.

Гарольд водил ее к гнездам чаек на вершине утеса, Вилли учил ловить скумбрию. Как часто они втроем бродили по холмам, что-то обсуждая, о чем-то споря...

Звучали ей и другие голоса: когда она ходила под парусом, голос Джозефа заставлял ее забывать о времени и погоде и со стесненным от восторга сердцем лететь навстречу колючим брызгам и влажному ветру. Джозеф открыл ей радостную мощь юго-западного шквала, волнующую красоту вздымающихся волн и возвышенное упоение опасностью.

Но был тот, кто понимал ее лучше всех, от кого у нее не было тайн, кто успокаивал раздражение, умерял досужее любопытство, развеивал все смутные страхи, все скрытые сомнения.

Прижавшись щекой к фальшборту и держа руку на бушприте, Дженифер лежала на покатам баке разрушенной крушением «Джанет Кумбе». Немного ниже в сторону моря пристально смотрело белое носовое украшение, но не раскрашенная деревянная фигура с облупившейся от времени краской, а та, которая была частицей самой Дженифер, которая шептала и кричала в глубине ее существа, любящая и бесконечно мудрая. Та, которая знала, что беспокойство идет от мятежной души, что мнимое одиночество есть знак пробуждения сердца, что бессонница – следствие неутоленных инстинктов, что мечты – это прелюдия к их осуществлению, что страх – это содрогание духа, томящегося по совершенству, и что причина всего этого, равно как и сладкой боли, охватившей все существо Дженифер, – Джон, спускавшийся к ней с высокого холма.

Глава одиннадцатая

Филипп Кумбе редко заходил теперь в свою контору. Он передал почти все дела старшему клерку, как сорок пять лет назад Хогг передал их ему.

Филиппу было восемьдесят семь.

Он целыми днями сидел в своем доме на Мэрайн-террас в комнате с окнами на гавань. В той самой комнате, куда в последние месяцы жизни дважды в неделю приходила Энни, в той самой комнате, где Джозеф повалил его на пол. Именно в эту комнату пришел бы одержимый мыслью об убийстве Кристофер в ту ночь, когда за ее окнами бушевала буря и лил дождь.

И вот сейчас, почти пятнадцать лет спустя, в этой хранящей множество воспоминаний комнате напротив Филиппа сидит девушка с лицом Джанет, глазами Джозефа и волосами Кристофера, девушка, которая его не боится, которая смеется и поет, девушка, которая ждет смерти деда, чтобы завладеть его деньгами, которая уже швыряет их направо и налево, беззаботно, весело, чувствуя свою власть над ним.

Именно такой виделась ему Дженифер. Она олицетворяла собой души Джанет, Джозефа и Кристофера. Днем и ночью следила она, чтобы он не вырвался от них, и близость этого вездесущего духа служила постоянным упреком, напоминанием, терзала и мучила его память. Но он не осмеливался указать ей на дверь, не осмеливался попросить ее уйти и навсегда забыть о нем, поскольку с ее уходом он остался бы наедине с бесплотными тенями, призрачными голосами, беззвучными шагами. Поворачиваясь в кресле, он бы чувствовал, как вокруг него сгущается мрак, ощущал бы за спиной присутствие облаченных в саван фигур... их слабое дыхание касается его лба, они подступают все ближе, ближе и хватают его холодными, внушающими отвращение руками... лучше ненавистный живой образ, лучше реальное физическое отвращение, чем ужас неведомого.

Так Филипп цеплялся за жизнь и за близость Дженифер, которую ненавидел; все что угодно, лишь бы не погрузиться в бездны страха, которые только и ждали, чтобы окончательно сомкнуться над его головой.

И Дженифер смотрела, как этот трясущийся старик в разгар лета, скрючившись, сидит перед огнем, медленно потирая морщинистые, похожие на птичьи лапы руки.

Говорил он редко, но, обращаясь к ней, с неизменной учтивостью

справлялся о ее здоровье и выражал надежду, что у нее нет причин для недовольства.

Затем облизывал тонкие, потрескавшиеся губы и переводил взгляд узких, глубоко сидящих глаз с ненавистного лица на небольшой камин, в котором из обвалившихся углей прорывалась слабая струйка синего пламени.

«Ей интересно знать, когда я умру, – думал он. – Ей хотелось бы знать, составил ли я завещание и где оно спрятано».

И Филипп строил планы, как помешать ей ограбить его. Завещания он не составил, поэтому, если он умрет, не оставив наследника, все его состояние перейдет к ближайшему родственнику. Дженифер – его ближайшая родственница. Дженифер или другие члены семейства Кумбе, которые рассеяны по всему Плину. Он каждый день ломал голову над этим вопросом.

Тем временем не ведавшая о его фантазиях Дженифер стояла у окна и не видела ничего кроме светлой растрепанной головы и пары длинных ног, спешащих ей навстречу, не слышала ничего кроме свиста, далекого крика и голоса, который зовет «Дженни, спускайся», не хотела ничего, кроме того, чтобы гулять с ним рука в руке, петь обрывки песен, стоять на холме, прижавшись щекой к его плечу. Услышать: «Дорогая, ты хочешь искупаться или прокатимся на лодке и порыбачим?» – и ответить: «Мне все равно, Джон», зная, что он думает так же. Под палящим солнцем в полудреме сидеть на скамейке с дрожащей удочкой в руке и, приоткрыв один глаз, видеть, как он смеется над ней, размахивая сверкающей, извивающейся рыбой: «Просыпайся, соня, давай, поработай хоть немного»; в лучах заходящего солнца возвращаться к дому, усталой, счастливой – на плечах его куртка, такая большая, что рукава свисают почти до колен, – она молчит и улыбается ему, просто так, без всякой причины...

– Завтра суббота, я уйду с верфи в половине третьего, и мы сможем провести здесь весь день. Давай?

– Замечательно. Ты принесешь наживку?

– Конечно.

– А я принесу сигареты.

– Не замерзла, Дженни?

– Нет.

– Тебе не надоело?

– Ужасно.

– И мне тоже. О господи! Меня просто тошнит от одного взгляда на тебя!

– В самом деле, Джон?
– Хм. Как увижу тебя рядом, сразу думаю: черт побери, опять она.
– А что еще?
– Хочешь узнать? Мне чертовски надоело думать только о тебе, днем и ночью...

Вот так в году тысяча девятьсот двадцать шестом Джон Стивенс сказал Дженифер Кумбе, что любит ее.

Весь этот год Филипп Кумбе измышлял разные способы, чтобы не позволить Дженифер и остальным Кумбе стать наследниками его богатства.

Несмотря на возраст и надвигающееся слабоумие, он был еще достаточно проницателен, чтобы оценить состояние своих финансовых дел, и, пока его племянница гуляла со своим возлюбленным по холмам Плина, изучал бумаги, картотеку и документы, проверял цифры, сравнивал счета.

Хотя Дженифер еще не провела под его крышей и восемнадцати месяцев, она вынудила его истратить по меньшей мере четверть его доходов на добровольные дары и пожертвования.

– Карнский лазарет очень нуждается в средствах, дядя Филипп, – сказала она. – Вчера я встретила их казначея и сказала ему, что уверена, что вам будет только приятно помочь им выйти из трудного положения.

– Карнский лазарет? – спросил он, занимая оборонительную позицию. – Никогда не слышал о таком заведении. Казначей, вероятно, преувеличивает. Да, да, именно так я и думаю.

– Нет, казначей не преувеличил, лазарету действительно не хватает средств. Если вы позаботитесь выписать чек, я отправлю его с вечерней почтой.

Мучимый сознанием того, что деньги уплывают из его рук, Филипп какое-то мгновение пребывал в нерешительности, но, бросив взгляд на лицо племянницы, он увидел тени, которые наблюдали за ним из-за ее плеча, бледные, неподвижные тени – они ждали, чтобы она вышла и оставила его в их власти.

– Разумеется... да, я подпишу чек... вечером.

Подобным образом была израсходована четверть его личного дохода, пущена на ветер, выброшена в корзину. Так или иначе, но она должна поплатиться за это. Он знал, что его конец близок и времени терять нельзя. К ноябрю его план окончательно созрел. Плин снова увидел, как хорошо знакомая согбенная фигура в длинном черном пальто медленно направляется к конторе на набережной.

В течение целой недели Филипп Кумбе каждый день сидел в своем кабинете, и даже его старший клерк не знал, чем он там занимается.

Когда в Плин прибыл незнакомец по имени Остин и имел пятичасовую беседу с главой «Хогга и Вильямса», то и это событие не вызвало комментариев: мистер Кумбе дал понять своим служащим, что беседовал с неким судовладельцем.

На самом же деле это был богатый маклер из Ливерпуля, с которым Филипп Кумбе состоял в длительной переписке, и предметом их пятичасовой беседы было обсуждение конечной суммы, каковая должна была положить конец существованию «Хогга и Вильямса» и возвестить о рождении фирмы «Джеймс Остин Лимитед».

Филипп Кумбе, как всегда, оговорил для себя особые условия и, схватив перо, подписал договор, передающий фирму, которой он владел более сорока лет, незнакомцу из Ливерпуля. В течение месяца контракт надлежало хранить в тайне, после чего предать официальной огласке.

Теперь от посягательств ближайших родственников оставалось оградить личные вклады, долговые расписки и страховки. Продать акции и забрать из банка ценные бумаги не составляло особого труда. Не прошло и трех недель, как весь оставшийся капитал Филиппа Кумбе в акциях, паях и банкнотах оказался в доме на Мэрайн-террас под личным присмотром владельца.

Возможность собственными глазами лицезреть доказательства своего богатства, собственными руками прикоснуться к этому символу власти приводила Филиппа Кумбе в экстаз; он стоял в своей комнате, где все говорило о прошлом, и, пожирая взглядом лежавшие у его ног бумаги, беззвучно смеялся и потирал морщистые руки. Придет смерть, и все это погибнет вместе с ним. Он уйдет не оставив по себе любви и памяти, но уйдут и его сокровища, они никому не достанутся, не порадуют сердца тех, кого он презирал.

На мгновение он забыл о вещих тенях, но свет мерк, комната погружалась в вечернюю тьму, и из коридора до него стал доноситься приглушенный шепот и крадущиеся шаги. Он напряг слух и услышал в тишине эхо их вздохов.

– Тебе не уйти от нас, – шептали они, – мы ждем тебя. От нас тебя ничто не защитит, тебе не будет спасения, не будет покоя и мира.

Филипп прижимался к стенам комнаты, закрывал уши руками, но голоса звучали все громче, все настойчивей, сливаясь в разноязыкую какофонию. Тени были уже совсем близко, они парили над ним, простирая к нему руки. Он схватил трость и стал наносить удары по воздуху; ему показалось, что тени корчатся от боли, наполняя комнату жалобными стенаниями.

Он громко рассмеялся, затрясся от радости, и в голову ему пришло последнее, поистине вдохновенное решение.

Взошедшая луна перебросила через гавань серебряную дорожку. Огни Плина мерцали во тьме. Со стороны Лэнокской церкви плыл колокольный звон.

– Дженни, милая, не надо сегодня возвращаться, пойдем ко мне домой.

– Джон, дорогой, не говори глупостей, с чего бы мне вдруг идти к тебе?

– Потому что я очень хочу, чтобы ты пошла, что-то говорит мне, что, если ты не пойдешь, тебя у меня отнимут, и мы навсегда потеряем друг друга.

Она обняла его и прижалась щекой к его лицу.

– Джон, ты ведь знаешь – меня с тобой ничто не разлучит. Откуда эти глупые страхи, зачем искать несуществующие опасности?

– Да, признаю, я веду себя как дурак, трусливый, безнадёжный, какой угодно, но пойдем со мной, Дженни, именно сегодня.

– Нет, Джон.

– Дорогая, я думаю не о себе, попытку соблазнить тебя я отложу до следующего раза, если ты хочешь остаться одна, можешь переночевать в моей комнате, а я запрусь в туалете, но инстинкт говорит мне, что этой ночью ты должна быть рядом со мной – сегодня всякое может случиться.

– Джон, если я к тебе приду, не будет никаких запертых дверей – ты окажешься наедине с очень нескромной распутницей, – но дело не в этом, просто нельзя идти на поводу у глупой идеи фикс, которую ты вбил себе в голову, для этого нет никаких причин.

– Дженни, разве я не говорил тебе о моих проклятых предчувствиях? Я ведь говорил тебе, что никогда не ошибаюсь, чувствуя опасность. Я всегда оказываюсь прав. Милая, сегодня ночью тебе грозит опасность, опасность в этом ужасном мрачном доме, опасность у твоего мерзкого дядюшки...

– Джон, ты с ума сошел. Дядя Филипп – хилый, слабоумный старик, у него не хватит силы и муху обидеть, он всегда в постели в половине десятого. Что он может мне сделать?

– Не знаю, не хочу знать, но, Дженни, моя Дженни, проведи эту ночь у меня. Я не хочу тебя отпускать, хочу сказать, что всегда мечтал о тебе, так мечтал...

– Джон, не делай из меня слабое, беспомощное существо. Я не поддамся твоим навязчивым страхам.

– Дженни, позволь мне любить тебя.

– Нет, Джон.

– Дженифер, вернись, не уходи, Дженифер, Дженифер!

Она убегала от него вверх по лестнице дома, смеясь через плечо.

– Иди домой и будь хорошим мальчиком. Завтра увидимся.

Дверь захлопнулась, Дженифер исчезла.

Оказавшись в доме, за дверью, которая отделяла ее от Джона, Дженифер закрыла глаза, прислонилась головой к стене и впилась ногтями в ладони.

Она отказалась пойти с ним, отказалась от того, чего хотела больше всего на свете. Отказалась из-за глупой вспышки духа независимости, из-за холодного эльфа, обитающего в ее голове, который смеялся над любовью и чувствительностью, который видел во всем только смешное, который принимал следование велениям сердца за слабость и утрату свободы. Зная, что все это ложь, она все же прислушалась к его холодному голосу, и вот сейчас она одна, а Джон, наверное, уже на полпути к дому. Вздыхая и зевая, она устало поднялась наверх. Часы в холле показывали половину одиннадцатого.

Она медленно разделась, села на край кровати и стала смотреть в пустоту. Джон сейчас рыщет по верфи, проверяя, все ли в порядке, и раскуривает последнюю трубку, перед тем как подняться в свои смешные комнаты над конторой. Она яростно натянула пижаму, легла и зарылась лицом в подушку.

Должно быть, она проспала часов пять, когда вдруг проснулась от ослепительного света перед глазами. Еще плохо соображая, она села и увидела, что перед кроватью стоит ее дядя с фонарем в руках. Он был полностью одет и, когда она чуть было не вскрикнула, приложил палец к губам и с опаской посмотрел на дверь.

– Шш! – прошептал он. – Мы не должны шуметь, а то они нас услышат. Быстро надевай халат и иди за мной.

Что он имеет в виду? В доме грабители? Дженифер торопливо надела халат и комнатные туфли.

– Они внизу? – спросила она. – До телефона можно добраться? Может быть, если мы станем шуметь, то они испугаются.

Филипп покачал головой и взял ее за локоть.

– Пойдем со мной.

Он привел ее в гостиную, и она с удивлением увидела, что все лампы горят, а в камине разведен сильный огонь. На столе в беспорядке лежали документы, бумаги и, как ей показалось, груды банкнот.

– Что вы со всем этим делали, дядя Филипп? Господи, да вы, похоже, и вовсе не ложились. В чем дело? Значит, никаких грабителей в доме нет? Я

ничего не понимаю.

– Не беспокойся, Дженифер, – ответил он. – Сейчас я тебе все объясню. Пожалуйста, сядь.

Не сводя с него удивленного взгляда, Дженифер села, а он тем временем стоял спиной к камину и потирал руки.

– Ты видишь эти разбросанные по столу бумаги?

– Да, конечно. И что дальше?

– Это деньги. Целые пачки, связки. Все мои деньги, акции, паи, ценные бумаги – хрустящие купюры Английского банка. Они принадлежат мне, понимаешь, мне и больше никому.

– И что вы собираетесь с ними делать?

– Этого вопроса я и ждал. Тебе хочется знать, кто будет наследником всего этого, тебе хочется знать, кто получит право их тратить, когда я умру. Вижу, твои пальцы так и тянутся к столу – я тебя знаю, я тебя знаю. Ты думаешь, что все это достанется тебе, да? Но ты ошибаешься, ты не прикоснешься ни к пенсу, ни к фардингу. – Он дрожал от волнения и указывал на Дженифер пальцем.

– Все эти месяцы ты считала себя наследницей, не так ли? Отрицать бесполезно, я видел тебя насквозь, я наблюдал за тобой. Но ты ошибалась, безнадежно, жестоко ошибалась. Посмотри на меня, говорю тебе, посмотри на меня.

Филипп визгливо рассмеялся, наклонился над столом, схватил несколько бумаг и, разорвав их пополам, стал размахивать ими перед ее глазами.

– Вот... вот... вот твое драгоценное наследство. Дженифер молчала. Теперь она окончательно поняла, что ее дядя сумасшедший и надо действовать очень осторожно, чтобы не причинить непоправимого вреда ни себе, ни ему.

– Дядя Филипп, – мягко проговорила она, – что, если мы поговорим об этом завтра утром. Вы устали, и вам лучше лечь спать.

Он обратил на нее свои узкие глаза, и его губы медленно расплзлись в улыбке.

– Нет. Я тебя слишком хорошо понимаю. Ты думаешь, что я старик, которого тебе ничего не стоит обмануть. Я тебя знаю. Стоит мне уйти, ты заберешься сюда и украдешь то, что тебе не принадлежит. Нет, я слишком умен, тебе меня не провести, я слишком умен.

Он пересек комнату и открыл дверь. Дженифер почувствовала непривычный едкий запах, идущий из коридора, запах пожара. Она вскочила и бросилась к двери.

– Что это, что вы сделали?

В воздухе стоял густой дым, он поднимался из холла вниз. Она увидела языки пламени, которые пожирали деревянные перила лестницы, лизали бумажные обои на стенах.

Дженифер сразу вспомнила про двух слуг, спавших на верхнем этаже дома. Но дядя втолкнул ее обратно в кабинет и запер дверь на ключ.

– Нет, ты не уйдешь, – закричал он, – ты останешься со мной. Я буду не один, иначе они прорвутся ко мне и задушат. Мы не должны их впускать. Помоги мне удержать их за дверью, Дженифер.

Он схватил каминные щипцы и вытащил из камина пылающее полено. Застыв от ужаса, не в силах издать ни звука, она смотрела, как он поджигает портьеры, ковры, бумаги на столе. С портьер пламя перекинулось на обои, сияющее, яростное, оно разрушало все, что попадалось на его пути.

Филипп хватал с полок книги и одну за другой бросал их на середину комнаты. От дыма было трудно дышать, перед глазами Дженифер мелькали черные пятна; пламя лизало потолок, бушевало по всей комнате, а в самом центре дядя Филипп с опаленными волосами, смеясь и одновременно рыдая, беспорядочно разбрасывал вокруг себя книги и бумаги, давая все новую и новую пищу ненасытному пламени.

Дженифер с громким криком бросилась к двери и всем телом налегла на нее, но дверь не поддавалась. Дым проник ей в легкие, и она, кашляя, задыхаясь, упала на колени; слезы текли по ее щекам. Она стала шарить руками по полу в поисках ключа, который Филипп бросил рядом с дверью, и, наконец найдя его, вставила в замочную скважину. Она открыла дверь, но вихрь клубящегося дыма из коридора и обжигающий жар горячей лестницы заставили ее отступить на шаг.

За спиной она услышала грохот: высокий застекленный шкаф отделился от стены, развалился, и его обуглившиеся части рухнули в поджидавшее их пламя.

– Дядя Филипп! – закричала Дженифер. – Уходите, уходите!

Он услышал ее голос и, покачиваясь, задыхаясь, двинулся к ней.

– Прочь, Джозеф, говорю тебе, прочь от меня.

Он угрожающе поднял стул над головой и метнул его в Дженифер, жар был так силен, что выбросил ее за порог, и, оглушенная, обливаясь кровью, она упала в коридоре. Она с трудом поднялась на ноги и добралась до лестницы, ведущей к комнатам верхнего этажа. До нее долетел крик ужаса, и, оглянувшись, она в открытую дверь кабинета в последний раз увидела согбенную фигуру дяди Филиппа: в одежде, охваченной пламенем, вытянув

вперед руки, он кружился по комнате, и языки пламени плясали у него под ногами...

Превозмогая тошноту и головокружение, цепляясь за перила лестницы, едва передвигая ноги, она пыталась уйти от бушующего внизу огня, но при этом смутно сознавала, что спасения нет. Часть нижней площадки обвалилась, Дженифер видела, как пол разверзся и рухнул в бездну.

От стен кабинета уже ничего не осталось; почерневшие, обгоревшие, они исчезли, оставив за собой пустоту. Исчез и дядя Филипп.

Словно пелена тумана окутала Дженифер, сдавила ей горло, лишила зрения, и вот она падает, падает – частица ревущего пламени, обваливающихся камней.

Услышав, как захлопнулась входная дверь, и поняв, что Дженифер окончательно попрощалась с ним, Джон повернулся и зашагал вниз по улице.

Он был раздражен и сердит на Дженифер за то, что она не прислушалась к его словам.

Его одолевало беспокойство и ему гная тревога, он знал, что дома все равно не сможет заснуть. Придя на верфь, он направился к берегу, немного постоял, любуясь спокойной водой гавани, чистым, залитым звездным сиянием небом, затем прыгнул в лодку и, взявшись за весла, стал быстро грести к противоположной стороне бухты. Отлив не доставлял ему особых хлопот, и маленькая лодка под его мощными гребками быстро неслась по воде.

Джон надеялся, что зарядка тела поможет духу избавиться от страха и тревоги и вместе с усталостью придет покой. Он старался убедить себя, что овладевшее им чувство – не что иное, как потребность чисто физической близости с Дженифер, что его усилия заставить ее пойти к нему объясняются только этим и ничем иным. Его страдания – следствие того, что он потерпел фиаско.

Но, рассуждая так, он сознавал, что в его обвинениях в собственный адрес есть большая доля истины; но сознавал в глубине души и то, что существует и другая, более серьезная причина. Страх за Дженифер. Ей грозит какая-то опасность, готовится нечто ужасное, чтобы разбить их счастье и унести ее в места далекие, пустынные. Скрытые в нем силы предвидения, вопреки его воле пробудившись, быстро, безмолвно овладели им и сделали жертвой страха, лишенной возможности защитить девушку, которая ему принадлежит и которая лишь посмеялась над его странными предупреждениями.

Джон бессознательно греб в сторону Полмирской заводи; темный корпус потерпевшей крушение шхуны бросал тень на воду. Закрепив фалинь, Джон поднялся на борт, вошел в темную каюту, сел на скамью у стола и сжал голову руками. Здесь он впервые увидел Дженифер, здесь, досадуя на его вторжение, она впервые взглянула на него: голова закинута назад, на щеках слезы. Здесь они читали письма ее отца: их плечи совсем близко, ее волосы касаются его щеки.

Со странной смесью удовольствия и боли Джон вспомнил, что здесь же он впервые ее поцеловал: стоя на сходнях между каютой и палубой, она сверху вниз смотрела на него, и он, ослепленный чувством, природу которого не мог определить, подхватил ее на руки, отнес в каюту, и они плотно прижались друг к другу. «Дженни, – шептал он, почти касаясь ее губ своими губами, – Дженни, Дженни».

Потом они сидели на берегу, смотря друг на друга новыми глазами. Дженифер была задумчива и молчалива, а он в радостном возбуждении не мог оторвать от нее своих рук и губ. Немного позже, уже привыкнув друг к другу, они весело смеялись над первыми мгновениями любовной лихорадки и согласились, что они первая влюбленная пара, сделавшая корабельную каюту местом свиданий.

Мысли Джона стали путаться, он уронил голову на руки и вскоре заснул. Через несколько часов он проснулся, дрожа от холода, и решил, что пора возвращаться.

Он снова спустился в лодку и внимательно посмотрел на белое носовое украшение над головой. Ему показалось, что вырезанная из дерева женская фигура что-то шепчет ему, советует поспешить, если он хочет спасти Дженифер – опасность и впрямь настигла ее, она нуждается в его помощи.

Джон повернулся к погруженному в ночную тишину Плину и, остановив взгляд на том месте, где по холму террасами тянулись городские улицы, понял все.

Там ярким пятном во мраке ночи возносился столб огня.

Когда Джон подбежал к дому, ему пришлось проталкиваться через шумную толпу, которая собралась на улице.

Одного небольшого насоса было недостаточно, чтобы справиться с таким страшным пожаром, и, хотя люди яростно, без устали, направляли шланги на горящее здание, взлетающие в воздух и бьющие по стенам струи воды не могли потушить прожорливые языки пламени, которые, крутясь и извиваясь, поднимались к небу.

Джон схватил за плечи пожарного и, заглушая рев и треск огня,

крикнул ему в ухо:

– Их спасли? Люди, которые были в доме... их спасли?

Пожарный покачал головой, в его глазах читался испуг, лицо было пепельно-серое. Он показал рукой на спасательную лестницу, подведенную к одному из окон верхнего этажа.

– Спустили двух женщин, здешних служанок, но стены рушатся, остальные этажи, должно быть, уже целиком прогорели. Смотрите... смотрите, мистер Стивенс!

Из уст всех собравшихся у горящего дома вырвался вопль, один из пожарных поднял руку и громко крикнул:

– Отойти, говорят вам, всем отойти!

Часть передней стены рухнула, превратившись в груды дымящихся кирпичей и обуглившегося догорающего дерева. Пожарные спали отводить спасательную лестницу от обреченного здания.

– Нет... нет! – закричал Джон. – Внутри еще остались живые люди, говорю вам, остались. Вы должны до них добраться... должны, должны.

Спасательную лестницу снова приставили к верхним окнам.

– Назад, мистер Стивенс, – крикнул кто-то, – назад, там никто не мог остаться в живых... слишком поздно, пламя всех уничтожило.

Не обращая внимания на крики и предостережения, Джон поднялся по спасательной лестнице. Он прыгнул в окно, и его окутали густые клубы дыма, дым заполнял легкие, мутил рассудок.

– Дженифер... – звал Джон, – Дженифер...

Он ощупью пробирался вперед, пока не споткнулся о догорающую, полуобрушившуюся балюстраду лестницы, где его едва не касались свирепые языки пламени, поднимающиеся снизу из коридора.

– Дженифер, – снова позвал он почти без всякой надежды. – Дженифер... Дженифер!

И тогда он увидел, что она лежит на той части лестницы, которая вот-вот провалится вниз. Ему показалось, что она ускользает от него, ускользает в бездн ужаса, в пропасть, объятую ненасытным пламенем.

Он подобрался ближе, взял ее на руки и, вернувшись на площадку, увидел, что лестница, где она лежала, на глазах исчезает, объята пламенем, которое, наступая, неуклонно приближается к ним.

Кто-то держал его за руку, кто-то кричал ему в ухо, и он понимал, что их тащат прочь... прочь из слепящего, удушающего дыма к холодному, свежему воздуху открытого окна, к волнующимся небесам и падающим звездам, к крикам людей, которые с нетерпением ждут внизу...

Открыв глаза и увидев, что Джон стоит перед ней на коленях,

Дженифер улыбнулась и протянула к нему руки. Он поднял ее, прижал к груди, и, когда она в полном неведении о том, что произошло, уткнулась лицом в его плечо, он увидел, что от дома, который они только что покинули, остался один остов, прочерченный на фоне темного неба.

Глава двенадцатая

Дженифер Кумбе стоит на холме над Плином и смотрит вниз на гавань.

Солнце уже давно взошло, но утренний туман еще окутывает городок, придавая ему сказочное очарование, словно некий призрак благословил его своим прикосновением. Влекомая отливом вода покидает гавань и сливается с невозмутимо гладкой поверхностью моря. Одинокая чайка, распластав широкие крылья, на мгновение застывает в воздухе, затем с неожиданным криком ныряет вниз и тонет в клубящемся над морем тумане.

Три с половиной года прошло с того ночного пожара, с той ночи, когда Джону и Дженифер казалось, что они навсегда потеряют друг друга. Эти полные беспокойства и радости годы прошли быстро, ужас и боль для обоих остались всего лишь смутным воспоминанием, ничто не угрожало их счастью, никакие страхи и тревоги не могли омрачить их покой.

В Плине мало что изменилось. Почерневшие развалины дома на Мэрайн-террас снесли и, когда были убраны последние груды кирпича, на их месте построили новое здание, где разместилась частная гостиница для приезжих, которых особенно много в летние месяцы.

Поблекшая вывеска «Хогг и Вильямс», некогда висевшая на кирпичном здании конторы на набережной, исчезла, и теперь на его двери красуется гравированная золотыми буквами табличка «Джеймс Остин Лимитед».

Плин остается все тем же небольшим процветающим городом. Двенадцать месяцев в году корабли каждый день заходят в его гавань и направляются к пирсам в устье реки. Звук сирен, отраженный ближайшими холмами, гулким эхом плывет в воздухе. Одна из самых примечательных частей современного Плина – это верфь, которая перешагнула прежние границы и теперь тянется до самой Полмирской заводи. Она не портит окружающий ландшафт, на ней нет уродливых металлических балок, неприглядных построек. Верфь Джона Стивенса – это лес невысоких мачт, аккуратные штабеля прекрасного строевого леса, а под навесами – недостроенные гладкие корпуса судов.

Эти спортивные яхты знамениты на все Западное побережье, а их строитель один из самых любимых и уважаемых жителей Плина.

Дженифер оборачивается и видит, что по склону холма к ней поднимается Джон. Она улыбается и идет ему навстречу.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает она. – Разве ты не знаешь, что тебе следует быть на верфи и в поте лица трудиться ради своей мерзкой жены и сына?

Джон смеется и привлекает ее к себе.

– Даже если на нас смотрит пятьдесят миллионов человек, мне все равно. Я должен был пойти за тобой и сказать тебе, что ты мне чертовски надоела. Знаешь, Дженни, ведь сегодня ровно три года, как мы женаты? Это же целая вечность.

Она запускает пальцы в его волосы и скидывает их ему на глаза.

– Помнишь, как трезвонили в Лэноке колокола и как мы злились, ведь мы никому ничего не говорили? Мы решили, что будет очень романтично отправиться в церковь на лодке по Полмирской заводи, но мотор на полпути заглох!

– Да, и я подумал: «Слава богу, теперь я не обязан жениться на этой женщине».

– Джон... иногда я бываю угрюмой, раздражительной... ты никогда об этом не жалел, я серьезно?

– Дженни, дорогая...

– Странно думать, что мы всегда будем вместе, Джон, и больше нам никто не будет нужен. Странно думать, что наши отцы и матери тоже любили, и наши деды и прадеды... возможно, они произносили те же слова, что мы говорим друг другу, здесь, на вершине Плинского холма, в такое же солнечное утро.

– Милая, к чему о них думать? Сегодня во мне говорит эгоист – я хочу помнить только нас самих, а не все эти маленькие грустные надгробные плиты на Лэнокском кладбище.

Она неожиданно прильнула к нему, и ее взгляд через его плечо устремился вдаль.

– Сто лет назад здесь стояли двое других, Джон, как сейчас стоим мы. Мы кровь от их крови, плоть от их плоти. Возможно, давным-давно они были так же счастливы, как мы сейчас.

– Ты так думаешь, Дженни?

– Ах! Джон, люди могут говорить все, что им заблагорассудится, о работе, честности, искусстве, красоте – о смешных мелочах, из которых состоит жизнь, – но на всем белом свете важно только одно: ты, я, наша любовь и Билл, который сучит ножками на солнце в саду.

Они молча спускаются по склону холма. Их дом в пяти минутах ходьбы от верфи. Светлый, просторный, он стоит у самой воды на месте бывшего склада, где Томас Кумбе делал модели своих кораблей. Прилив,

заливая эллинг, подкрадывается почти к самым его дверям.

Биллу два года. Он лежит на животе и выдергивает руками траву. Дженифер поднимает его и шлепает по пухлой попке. Джон щекочет ему нос соломинкой, Билл чихает и заливается смехом.

С противоположной стороны гавани доносится стук молотков и треск дерева под ударами топоров. В Полмирской заводи рабочие разбивают остатки потерпевшего крушение судна. Сейчас ото просто груда полусгнивших бревен.

Дженифер поднимает взгляд на огромную балку, которая выступает из стены дома над комнатой с окнами на гавань.

Это детская Билла.

К балке прикреплено носовое украшение корабля. Оно парит надо всеми – небольшая белая фигура с прижатыми к груди руками, вздернутым подбородком и глазами, устремленными в морскую даль.

Высоко над домами и серыми водами гавани улыбается и реет на свободе дух любви.

От переводчика

Первый роман Дафны Дю Морье «Дух любви» вышел в свет в 1931 году. Он был написан под впечатлением от посещения начинающим автором Корнуолла, который в недалеком будущем станет второй родиной писательницы и местом действия самых знаменитых ее романов: «Ребекка», «Моя кухня Рейчел», «Таверна «Ямайка», «Дом на берегу», «Королевский генерал». Проводя лето в небольшом домике на берегу бухты Фай, Дафна Дю Морье услышала от местных жителей историю старой полуразвалившейся шхуны «Джейн Слейд», которая привлекла ее внимание своим носовым украшением в виде фигуры молодой женщины. Шхуна была названа в честь жены ее первого шкипера, которая и послужила моделью для носового украшения. Внучка Джейн Слейд познакомила Дафну Дю Морье со старой семейной перепиской. Так у молодой писательницы, за плечами которой было лишь несколько рассказов и литературно-критических эссе, возник замысел первого романа. Написан он был там, где разворачиваются описанные в нем события, и хотя действие происходит в вымышленном городе (Плин), топография местности передана очень точно вплоть до малейших деталей. Даже фамилия представителей четырех поколений – Кумбе – не плод фантазии автора, а подсказана названием небольшого селения, расположенного невдалеке от бухты и имения Менабилли, в котором Дафна Дю Морье поселится позже и где будут написаны все ее произведения. Название романа – «Дух любви» – подсказано строкой из стихотворения Эмили Бронте.

notes

Примечания

Люггер – небольшое двух– или трехмачтовое судно с так называемыми люггерными парусами. – Здесь и далее примеч. пер

Корнуолл – полуостров на юго-западе Великобритании, омываемый проливом Ла-Манш и Бристольским заливом

Стихи в тексте и на шмуцтитулах в переводе Н. М. Голя.

Тендер – небольшое вспомогательное судно, доставляющее на другие суда топливо, воду, провиант и т.д.

Такелаж – совокупность судовых снастей (тросы, цепи, прутки) для крепления рангоута, управления парусами, грузоподъемных работ.

Фальшборт – продолжение бортовой обшивки судна выше верхней палубы

Сент-Брайдс – небольшой залив у восточного побережья Англии.

Транец – плоский срез кормы шлюпки, яхты или иного судна

Фалинь – веревка для буксировки и привязывания шлюпки

Принц-консорт – в Великобритании супруг царствующей королевы, не являющийся сам королем. Здесь: супруг королевы Виктории Чарльз Август Альберт (1819—1861)

Шпангоуты – поперечные балки, ребра жесткости корпуса судна, служащие основой для обшивки

Рангоут – совокупность надпалубных частей судового оборудования (мачты, реи и пр.) для размещения судовых огней, постановки парусов, крепления грузоподъемных средств

Миссис Солт – «говорящая» фамилия. Salt по-английски значит «соль».

Грот-мачта – средняя, самая высокая мачта судна

Ср.: «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Бытие 3, 19)

«Тетушка Салли» – народная игра, состоящая в том, чтобы с расстояния выбить трубку изо рта чучела.

1 Бобби (уменьшительное от Роберт) – лондонский полицейский (по имени Роберта Пиля, который в 1829 году реорганизовал лондонскую полицию)

Кокни – здесь: лондонское просторечие, для которого характерно особое произношение и неправильность речи (в литературе прекрасный пример – речь Элизы Дулиттл и папаши Дулиттла в пьесе Б. Шоу «Пигмалион»).

«Непобедимая армада» – крупный военный флот, созданный в 1586—1588 гг. Испанией для завоевания Англии. В 1588 г. «Непобедимая армада» понесла огромные потери в результате шторма и столкновения с английским флотом в проливе Ла-Манш.

Маколей Томас Бабингтон (1800—1890) – английский политический деятель, эссеист, историк, автор пятитомной «Истории Англии»

Дрейк Френсис (1540—1596) – английский мореплаватель, адмирал. Принимал активное участие в разгроме «Непобедимой армады». Отказ Дрейка вступить в сражение с испанцами, пока он не закончит играть в шары, вошел в легенду.

1 Теннисон Альфред (1809—1892) – английский поэт, автор поэм «Принцесса» (1847), «In Memoriam» (1850), цикла поэм «Королевские идиллии», драм «Мария» (1857), «Бекет» (1879).

«Гвиневера» – поэма из цикла «Королевские идиллии» Теннисона.

Гладстон Уильям Юарт (1809—1898) – премьер-министр Великобритании в 1868—1874, 1880—1883, 1886. 1892—1894 гг., лидер либеральной партии с 1868 г.

Стэнли Генри Мортон (настоящее имя Джон Роулендс) (1841—1904) – журналист, исследователь Африки.

Оида (настоящее имя Мария-Луиза де ла Раме) (1839—1908) – английская писательница, автор довольно откровенных романов, в которых чувствуется влияние Ч Диккенса.

Имеются в виду события англо-бурской войны 1899—1902 гг.

Ежегодная парусная регата в курортном городе Каусе на острове Уайт. Считается крупным событием светской жизни в конце лондонского сезона.

Каботаж – судоходство между портами одной страны.

«Типперэри» – известная солдатская песня-марш, написанная композитором Дж Джоджем на слова поэта Г. Уильямса в 1912 г. и приобретающая особую популярность во время Первой мировой войны. Называется по первым словам текста «Путь так далек до Типперэри» (Типперэри – город в Ирландии).

Coiffeur – парикмахер {фр.}.

Comme il faut – здесь: приличный, достойный человек (фр)

А propos – кстати [фр.)